

"Медальон"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

«С нами такого случиться не может» — это фраза номер один в списке знаменитых последних слов.

Д. Кросби

Если весь день пошел насмарку, трудно ожидать, что к вечеру он вдруг передумает и под занавес выдаст что-нибудь приятное. Щас! Поганый день кончился самым омерзительным образом. У меня сломался каблук, и последнюю сотню метров до подъезда мне пришлось идти прихрамывая. Поднявшись по лестнице на второй этаж, я достала ключ, открыла дверь, переступила порог и... на меня напали. Быстро, ловко и довольно профессионально. Неизвестный одной рукой схватил меня за талию, другой зажал рот, а ногой тут же ловко захлопнул приоткрытую дверь. Я настолько опешила от неожиданности, что даже не сопротивлялась. Первые секунд несколько. Потом в ход пошли кулаки, ногти и даже оставшийся в живых последний каблук. Нападавший зашипел, выругался на непонятном языке, но меня не отпустил. Напротив. Переместил свою руку с моей талии на мою шею и довольно болезненно ее сдавил. Поняв, что если я не прекращу сопротивляться, меня просто-напросто придушат, я тут же успокоилась. Хватка на моей шее сразу ослабла. Хм... Значит, убивать меня не собираются. По крайней мере, сразу. Тогда чего надо этому типу и как он оказался в моей квартире? Неужто я наткнулась на не успевшего вовремя смотаться домушника? И что теперь со мной будет? Меня передернуло. Мысли по этому поводу мне в голову лезли — одна другой неприятнее.

Поняв, что я, наконец, успокоилась, напавший на меня тип выпустил меня из своего смертельного захвата и даже прекратил зажимать рот. Однако что-то мне подсказывало, что начинать орать и звать на помощь не стоит. Ничем хорошим (для меня) это не закончится.

— Ты кто? — отважилась я спросить у напавшего на меня типа, тщетно пытаюсь рассмотреть его в темноте собственной прихожей. — Домушник?

— Нет, я норлок, — ответил мне незнакомец. Голос у него был низким, хриплым и чертовски усталым.

Я покопалась в закромах своей памяти, но так и не выудила информации, кто же такие норлоки, и зачем они обычно шляются по чужим квартирам. Нет, надо все-таки этого неожиданного визитера рассмотреть как следует. В конце концов, необходимо было оценить своего потенциального противника, попытаться с ним договориться, а если не получится, сделать еще одну отчаянную попытку от него сбежать.

— Можно я свет включу? — поинтересовалась я, приняв подобное решение. Незнакомец помолчал несколько минут, обреченно вздохнул и согласился.

— Хорошо.

Стараясь не делать резких движений, я щелкнула выключателем, и незванный гость предстал передо мной во всей красе. Мама дорогая! Я что, серьезно надеялась, что смогу от него

сбежать? Наивная. Первые же секунды осмотра оказавшегося у меня в квартире типа подсказали мне, что эта попытка наверняка закончится неудачей. Нет. Даже не так. Я не смогу сделать даже попытки.

Передо мной стоял... как бы это помягче выразится? Демон. Честно говоря, в первый момент я даже подумала, что это меня от испуга глючит. Все-таки не каждый день на меня нападают. Однако стоявший передо мной тип был абсолютно реальным. В моей квартире, вопреки всем законам логики и реальности, действительно находился демон. Высокий, крупный (шесть с лишним футов [1] весьма впечатляющей плоти) и очень уставший. Бритая налысо голова, на которой топорщился вертикальный гребень а-ля «Парк юрского периода» (он начинался пальца на четыре выше переносицы и заканчивался у шеи), серая чешуя вместо кожи, больше всего похожая на змеиную (бледнеющая до светло-кофейного на груди и животе... точнее, на прессе, поскольку живота-то как раз там не было) и хвост сантиметра два в диаметре, сужающийся к кончику. Длинный, чешуйчатый и украшенный кисточкой. От созерцания столь необычного явления, страх перед напавшим на меня типом трансформировался в небольшое головокружение. Ущипните меня! Я сплю? Однако демон никак не походил на плод моего воображения. Он устало опустился в кресло, и тут до меня дошло, что с моим незванным гостем что-то не так.

Я мужественно пошла на поводу у своего любопытства и подобралась ближе. Похоже было, что демон просто чертовски вымотан. Его била мелкая дрожь, он тяжело, прерывисто дышал, лицо покрывала нездоровая бледность. Я осторожно положила ладонь ему на лоб, пытаюсь определить, не простыл ли он, и нет ли у него жара. Жара я не обнаружила. Зато встретилась с удивленным взглядом пронзительно-синих глаз. У меня даже мелькнула глупая мысль, что глаз такого насыщенного глубокого синего цвета не бывает в природе. А вот у демонов, похоже, бывает. Причем этот необычный цвет глаз очень даже неплохо оттенялся черными, длинными, пушистыми, совершенно не мужскими ресницами. Брови у незнакомца, кстати, тоже были черные. Да и вообще, если бы он не ворвался ко мне в дом, не пытался меня придушить и не был бы демоном, я бы оценила этого типа как чертовски привлекательного молодого мужчину лет 25-27. (Назвать его парнем язык у меня не поворачивается). Чувственные губы незнакомца, поймавшего меня на откровенном разглядывании, изогнулись в довольную ухмылку. Мне тут же захотелось стукнуть его чем-нибудь тяжелым, но я сдержалась. Все-таки с демоном стоило себя вести поосторожнее.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась я, стараясь не обращать внимания ни на появившийся в синих глазах азартный интерес, ни на хвост, который вдруг зажил самостоятельной жизнью и начал нетерпеливо постукивать об пол.

— Что? — тут же отвлекся незнакомец.

— Зовут, говорю, тебя как?

Хвост демона тут же замер над полом, бровь удивленно поползла вверх, а сам он смотрел на меня так, будто я предложила ему станцевать ламбаду в гей-клубе. Упс! Я что, что-нибудь неприличное спросила?

— Скажи сначала свое имя, — предложил демон, после нескольких секунд абсолютного молчания.

— Брин, — представилась я. Демон наклонил голову набок, прислушался к чему-то и сделал совершенно неожиданный вывод.

— Это не имя.

— Хорошо, — терпеливо вздохнула я. — Елизавета Бринева. Просто все друзья называют меня Брин, так короче. Теперь я могу узнать, как зовут тебя?

— Шерман, — представился незнакомец и расплылся в довольно-таки ехидной улыбке. Видимо, пытался проверить, смогу ли я определить истинность его имени. Пфе! Мне оно надо? Шерман так Шерман. Хоть Рабиндранат Тагор. Теперь бы еще выяснить, что этому типу от меня надо. И как он все-таки сюда попал?

Шерман бы сам с удовольствием выяснил, как он сюда попал. А еще с большим удовольствием — где это самое «сюда» находится. Похоже, при перемещении, заданный вектор сбился, и норлок снова оказался неизвестно где. И произошло это (в очередной раз!) по вине ее величества королевы Эльтель. Чтоб этой стерве злобной пусто было! Знала ведь, что Яргел его с заданием в другое измерение отправляет, так специально сунулась во время процесса перемещения и сбила вектор! Шерман до боли сжал кулаки и мерзко выругался. Похоже, королева не успокоится, пока его не угробит. Может, надо было с ней переспать, раз уж она так упорно этого добивалась? Так Яргела жалко... Он же эту дрянью любит. Причем искренне. И вообще он (в отличие от своего папаши) король классный. Так что изменять ему Шерман не станет. И глаза открывать на проделки Эльтель тоже. Во-первых, это все равно бесполезно, а во-вторых, уж кто-кто, а королева всегда найдет путь к примирению со своим супругом. Все равно от эльфийской магии защиты нет. Почти.

Шерман невольно ухмыльнулся. Его счастье, что норлоки в принципе не подвластны магии. Никакой. Даже эльфийской. И данный факт (вкуче со всем прочим) доводил Эльтель до неуправляемого бешенства. Изобретательная эльфийка всеми силами старалась отравить Шерману существование и, что греха таить, в большинстве случаев ей это удавалось. Вот и на сей раз, из-за вмешательства Эльтель, вместо того, чтобы попасть в соседний мир, с которым Яргел давно уже установил добрососедские отношения, норлок попал неизвестно куда. В тот момент, когда Шерман переместился, единственным, что он мог определить точно, был тот факт, что в данном измерении стояла ночь. Черная. Беспросветно. Облака, вьющиеся над землей, заслоняли луну и звезды. В застывшем воздухе бешено скручивались и кружились листья деревьев. Между домами стелился плотный голубоватый туман. Он обволакивал стены и редкие стволы деревьев, струился длинными широкими лентами, превращаясь в призмы матовых оттенков. Норлок напряг зрение. Впрочем, то, что он сумел разглядеть сквозь тьму и туман, оптимизма не внушало. Грязные улицы, пахнувшие гнилыми отбросами, облупившиеся дома и забитые отходами водостоки. В узких проулках, вдоль стен, в помойках и водосточных трубах копошились крысы. Шерман поспешил убраться из этого смрадного места, огляделся и заметил приоткрытое окно на втором этаже. Взобраться по стене на такую высоту для него не представлялось сложным, а уж учуяв, что внутри никого нет, он совсем расслабился.

вернуться

1

шесть с лишним футов — примерно 1.90

Норлок прыгнул внутрь и... оказался в спальне. Судя по обстановке — типично женской. Огромное зеркало, бастион косметики на туалетном столике, розово-сиреневые оттенки обоев и тканей... да уж, нашел он убежище, ничего не скажешь. Перенос, конечно, утомил Шермана,

но не настолько, чтобы тот не смог оценить юмора ситуации. Норлок подцепил пальцами клочок тонкой, полупрозрачной ткани, висевший на стуле, и с удивлением опознал в нем нечто вроде сорочки. Если это так можно назвать. Тонкие ляпочки, подол, который наверняка не достаёт даме даже до колен, вышивка золотистой нитью... глаза Шермана азартно блеснули. Нда. Если хозяйка дома носит столь неприличные вещи, пусть даже наедине с мужчиной, вряд ли ее можно отнести к когорте порядочных женщин. Неужели он попал напрямик к ночной фее? Тогда он вполне мог позволить себе немного развлечься. Хотя бы в виде компенсации за неудачный перенос. Норлок настолько увлекся собственными мечтами о необременительном приключении с девицей легкого поведения, что даже не сразу обратил внимание на раздавшиеся в подъезде шаги. Шермана буквально подбросило на месте. Властители! Что сейчас будет! У этой девицы наверняка случится сердечный приступ, когда она обнаружит его в своей спальне. Увидев норлока, она, как пить дать, завизжит на весь дом, призывая на помощь. Шерман подлетел к двери, приготовился и... услышал, как открывается совсем другая дверь. Соседняя. Похоже, на сей раз ему повезло. Однако неплохо было бы принять меры предосторожности.

— Пожалуй, стоит привести себя в порядок, прежде чем предстать перед хозяйкой, — сказал сам себе Шерман, саркастически усмехаясь, и, обнаружив, что все еще сжимает в руке непристойную сорочку незнакомки, кинул ее через плечо и подошел к зеркалу.

Да-а-а. Вид у него был кошмарный, ни дать ни взять выходец с того света. А что поделаешь, если не успел он очутиться в данном измерении, как его тут же обрызгали вылетевшей из-под колес грязью и даже (придурки!) попытались напасть? Так неудачно в другой мир Шерман ни разу еще не попадал. Он стянул с себя испачканную рубаху, скинул ботинки, но штаны решил оставить на месте. Неизвестно еще, чем закончится его встреча с хозяйкой дома. Вдруг она вернется не одна? У норлока и так сил нет, так что драку он просто не выдержит. И вполне возможно, что ему придется бежать через окно. В штанах это делать будет гораздо удобнее.

На лестнице снова раздались шаги, и норлок подобрался. На сей раз врасплох его не застанут. Шерман занял свой пост у двери и, улучив момент, схватил незнакомку, не забыв ногой закрыть дверь. Первые несколько секунд все было хорошо, а потом эта дикая кошка начала сопротивляться. Причем настолько успешно, что пришлось предупредить ее, сдавив ей шею. Похоже, такой аргумент произвел на девицу неизгладимое впечатление, и она, наконец, успокоилась. Шерман рискнул, и убрал свою ладонь, перестав зажимать ей рот. Однако, похоже, девица явно не была полной дурой, поскольку звать на помощь не стала.

— Ты кто? — поинтересовалась она. — Домушник?

Поскольку кто такой домушник Шерман понятия не имел (и не был уверен, что вообще хочет это знать), он честно сказал, что он норлок и стал ждать обычной реакции. Ее не последовало. Точнее сказать, не последовало вообще никакой реакции. А вот это уже интересно. У них тут что, вообще норлоков нет?

— Можно я свет включу? — робко спросила неизвестная девица. Шерман вздохнул, даже не зная, что ответить на столь глупый вопрос. Ну, если ей так уж хочется увидеть его во всей красе...

— Хорошо.

Свет загорелся, и норлок, рассмотревший свою жертву подробнее (все-таки, как ни говори, ночное зрение не может дать эффекта абсолютной видимости), удивленно вытаращил глаза. Властители, что это?

Несмотря на немислимо откровенный наряд хозяйки дома, свою первую версию, что она является девицей легкого поведения, Шерман откинул сразу. Уж что-что, а такие вещи норлок моментально чуял. Впрочем, так же, как и отсутствие в ней крови Высших рас. Стоявшая перед ним девица была чистокровным человеком. Хотя глаза Шермана с этим выводом были совершенно не согласны. Неужели в этом измерении люди настолько другие? Попавшаяся норлоку в руки девица, вряд ли успевшая встретить хотя бы 20 весен, была красива. Нет, даже не так. Прекрасна. Настолько, что с ней не могли бы соперничать даже эльфийки. Хрупкая, как цветок, изящная фигура, безупречные линии лица, длинные, стройные ноги, светлые, почти белые волосы с легким золотистым отливом, узкие, черные, четко очерченные брови, пушистые черные ресницы и темные глаза. Контраст был настолько необычным, что норлок даже сначала не понял, какого, собственно, эти глаза цвета. И только приглядевшись, определил их как темно-карие. Кожа незнакомки была нежной и наверняка мягкой на ощупь. Однако проверять Шерман не рискнул. Глаза хозяйки дома смотрели на него весьма подозрительно. Ну, по крайней мере, он не напугал ее до смерти. Это было уже хорошо.

Шерман вздохнул и устало опустился в кресло. Ему просто необходимо было передохнуть. К тому же, незнакомка не производила впечатления истеричной особы и, похоже, не собиралась от него спастись. Более того, она даже подошла ближе и положила свою прохладную ладонь ему на лоб. Сказать, что Шермана удивил этот жест, было равнозначно тому, чтобы назвать дракона домашней зверюшкой. Норлок просто выпал в осадок. Еще никто из людей не осмеливался даже подходить к нему близко, пока он находился в своей истинной ипостаси, не то, что дотрагиваться до него. Однако непонятная девица рассматривала его вовсе не со страхом, а с любопытством. Поймав ее на откровенном разглядывании, норлок даже невольно ухмыльнулся. И похороненная было мысль о легком развлечении быстренько вернулась на свое место. Правда, ненадолго. Потому что непонятная девица задала вопрос, который абсолютно выбил Шермана из колеи.

— Как тебя зовут?

— Что? — переспросил норлок, надеясь, что он ослышался.

— Зовут, говорю, тебя как? — настырно повторила девица.

Она что, издевается? Кто же спрашивает у норлока его имя? Впрочем... если в этом мире, как он подозревает, вообще нет представителей его расы, может, это нормальный вопрос? Неплохо было бы проверить.

— Скажи сначала свое имя, — предложил Шерман.

— Брин, — представилась незнакомка.

— Это не имя, — тут же определил норлок. Ну в самом деле — разве бывают такие имена?

— Хорошо, — вздохнула хозяйка дома. — Елизавета Бринева. Просто все друзья называют меня Брин, так короче. Теперь я могу узнать, как зовут тебя?

— Шерман, — представился норлок и ехидно улыбнулся. Любопытно, сумеет ли Брин определить, что он назвал ей не свое имя, а прозвище? Однако, девица, казалось, даже не стала задумываться над этим вопросом. И выдала несколько неожиданное предложение.

— Ладно, раз уж ты у меня в гостях, пошли, поужинаем, — решила я.

— Не вздумай никому рассказать о том, что я в твоём доме, — грозно предупредил Шерман.

— Да кому я могу рассказать? — фыркнула я. — Разве что санитарам в белых халатах... кто мне поверит, что я демона видела?

— Я не демон, я норлок. И вообще... не припомню, чтобы я разрешил тебе спорить со мной, — прорычал Шерман.

— Я, кстати, тоже не давала разрешения вваливаться в мою квартиру и уж тем более пытаться меня придушить, — язвительно заметила я.

— Послушай, почему ты меня не боишься? — прошипел вконец рассерженный Шерман. — Ты что, ни разу с норлоками не сталкивалась?

— Нет. Ты первый, — честно созналась я. — В моём мире живет только человеческая раса. А по сравнению с обычными людьми ты настолько нереально выглядишь, что мне больше любопытно, чем страшно.

— Я был бы очень благодарен, если бы ты поумерила свое любопытство, — взорвался Шерман. — Норлоки это тебе не домашние зверьки.

— Это я поняла, — тоже разозлилась я. — Между прочим, у меня сегодня был мерзкий день. И, благодаря тебе, он совершенно отвратительно заканчивается. Так что кончай на меня орать. Я хочу ужинать, хочу в ванную и хочу спать.

— Я бы тоже не отказался, — со вздохом сознался норлок, изо всех сил пытаюсь смириться со сложившейся ситуацией.

— Все будет, — оптимистично пообещала я.

Шерман успокоился, благосклонно кивнул, а я мысленно потерла ручки. Кто не знает, что вымытый и накормленный мужчина расслабляется и становится более общительным? А мне очень хотелось узнать о Шермане как можно больше. Кто ее знает, когда еще придется столкнуться с демоном. И придется ли. Может, с него поиметь что-нибудь можно? Исполнение желания там, или еще что-нибудь в том же роде. Однако фея из норлока оказалась абсолютно никакая. Да и рассказ его о себе (пусть даже краткий и явно приглаженный) оказался грустным. Причем настолько, что впору было самой в феи переквалифицироваться.

Оказалось, что Шерман (ни много, ни мало) был королевским сыном. Правда, внебрачным. И никогда в жизни король норлоков его не признал бы, если бы не сложившиеся обстоятельства. Первым из них было то, что Шерман родился практически одновременно с одним из законных сыновей короля. А второе — неудачная война, которую норлоки подчистую проиграли. Впрочем, когда против тебя объединяются эльфы, гномы, тролли и оборотни, шансов победить нет. Чудо еще, что норлокам вообще удалось выстоять. И отстоять собственную столицу. Правда, отряду оборотней все-таки удалось проникнуть во дворец и взять парочку высокопоставленных заложников и несколько ценных вещей (в том числе уникальную королевскую корону), но с ними тоже удалось договориться. Если так можно сказать. Поскольку оборотни затребовали выкуп в виде королевского сына, родившегося в месяц Серого Шакала под круглой луной. Причем не прямо сейчас, а лет через 10, когда ребенок достаточно подрастет, чтобы служить королю. Реакцию правителя норлоков, думаю, легко представить. Он был в ярости целую неделю, а потом... ему напомнили, что у него два сына, родившихся в месяц Серого Шакала под круглой луной. Шермана тут же признали, и начали обучать единственному, что могло бы ему пригодиться в дальнейшем — убивать. По туманным

воспоминаниям норлока, меч в руке он научился держать раньше, чем начал ходить.

Я, конечно, ему искренне посочувствовала, но понять короля норлоков так и не смогла. Неужели жизнь сына стоила жизнью посторонних заложников и тем более какой-то вещи (пусть даже короны)? Однако выяснилось, что все было не так просто. Во-первых, среди заложников оказались королевские родственники, в том числе дети и любимая жена. А во-вторых, жизнь сына перевесила как раз корона, которая отнюдь не была просто вещью. Сей загадочный предмет передавался из поколения в поколение сотни лет, и был ценен тем, что сам выбирал себе хозяина из королевской семьи. И не всегда это был первый сын. Например, в описываемое Шерманом время, корона избрала наследником аж четвертого сына, как раз и родившегося в месяц Серого Шакала под круглой луной.

— Неужели с выбором короны никто не спорил? — удивилась я, поскольку никак не могла представить себе вещь, которой доверили бы такое важное дело, как избрание правителя целой страны.

— Корона — не просто вещь. Это старинный артефакт, хранящийся в королевской семье тысячелетиями. Ее выбор всегда оправдан. Еще ни разу трон королевства норлоков не занимали слабые, глупые и тщеславные правители. Корона чувствует норлока, может просчитать его потенциал.

— Все равно... тебе не кажется, что следовать желанию вещи как-то странно?

— А не странно отдавать трон человеку только потому, что его угораздило родиться первым? — резонно возразил Шерман. — А если он полный идиот, как правящий сейчас людьми Богарт Благословенный?

Я вспомнила парочку неудачных российских правителей и искренне с норлоком согласилась. Если бы каждый из правивших нашей страной царей старался на благо своего государства, а не отвлекался на всякую ерунду типа строительства ледяных дворцов или игр в солдатики, история страны сложилась бы гораздо удачнее. И норлоки тому — самый яркий пример. Богатая, образованная, огромная страна. А то, что слегка воинственная... так кто же без недостатков? К тому же, местные нормы международного права отсутствуют как таковые в принципе. А потому королевство норлоков продолжает расширяться и процветать. И даже проигранная война не нанесла стране непоправимого ущерба. Подумаешь, оборотни принца себе захотели. Будет им принц.

Надо сказать, что оборотни, получив в свою полную власть не наследника престола, а какого-то бастарда, мягко говоря, не обрадовались. Но деваться было некуда. Имя венценосного отпрыска в договоре указано не было. И Шерман стал служить королю оборотней Роберту. Судя по отзывам норлока, мерзкий был тип. Давал пацану самые отвратительные поручения, какие только могла измыслить его больная фантазия.

— А отказаться ты не мог? — поинтересовалась я.

— Видишь вот это? — показал мне Шерман татуировку на плече в виде оскаленной медвежьей морды. — Я привязан к королевскому дому оборотней магически. С тех пор, как меня им отдали, я их вещь. Я принадлежу им.

Я окинула взглядом норлока и передернула плечами. Ну ее к лешим, такую собственность. А если что-нибудь сбойнет, и Шерман из повиновения выйдет? И покажет своим бывшим хозяевам, где раки зимуют?

Норлок продолжил свой рассказ, и я убедилась в собственной правоте. Нет уж, таких типов, как Шерман, в рабство никак нельзя загонять. Воспользовавшись тем, что отдали его в качестве выкупа не лично Роберту, а всему королевскому роду, норлок помог сыну короля Яргелу сесть на престол. Вообще-то Шерман рассчитывал, что за подобную услугу ставший королем принц отпустит его на свободу. Однако Яргел и не подумал это сделать. Относился он к Шерману не в пример лучше своего отца, но о свободе и слышать ничего не хотел. Впрочем, жизнь во дворце Шермана вполне устраивала. До тех самых пор, пока на каком-то международном совете Яргел не углядел принцессу Эльтель и не вознамерился на ней жениться. Угадайте, кому досталась сомнительная честь раздобыть королю суженую? Правильно. А эльфийская принцесса, волей судьбы (и Шермана) ставшая королевой оборотней, норлока насмерть невзлюбила. Настолько, что постоянно ему пакостила. Кстати, попадание Шермана в мой мир (и, как следствие, в мою квартиру), было, как раз, результатом одной из таких пакостей.

— И как же ты собираешься домой возвращаться? — испуганно поинтересовалась я, очень боясь услышать в ответ какую-нибудь фразу, типа «я к вам пришел навеки поселиться».

— У нас с Яргелом договор. Мы связываемся магически раз в сутки. Так что утром я получу возможность вернуться в свой мир, — успокоил меня норлок. — Честно говоря, я хотел бы нормально выспаться. Надеюсь, я могу рассчитывать на то, что ты дашь мне одеяло? Места мне много не надо, я прямо здесь и устроюсь.

Я даже чаем поперхнулась от неожиданности.

— Где «здесь»? На кухне? Да еще и на полу? — уточнила на всякий случай я.

— А ты хочешь пригласить меня в свою постель? — тут же оживился Шерман.

— Вот еще! — фыркнула я. — Но диван я тебе вполне могу выделить.

Утро началось с того, что меня разбудили. Нагло, бесцеремонно и совершенно несвоевременно. Какой-то урод «догадался» прислать мне смс-ку. Это в 9-то часов утра законного выходного дня! Убью! Однако когда я прочла смс, кровожадное желание тут же уступило место блаженной улыбке. Надо же, Димочка приехал, бойфренд мой ненаглядный... и прямо с утра возжелал со мной встретиться, пригласив к себе на дачу. Надо срочно умыться, одеваться, собирать сумку и... Стоп! Я вскочила и кинулась в соседнюю комнату. Нет. Вчерашний гость мне определенно не приснился. Скомканное одеяло, смятая подушка и... никого. Видимо, Шерман уже успел уйти. Как однако ж вовремя... надеюсь, его не засечет никто из любопытных соседок. Я (на всякий случай) окликнула его, но мне никто не отозвался. Вот и к лучшему. Сегодня мне определенно не до демонов и не до их вывертов. Однако без вывертов все-таки не обошлось. Это я поняла сразу же, как только вышла на кухню пить чай. На столе лежала большая золотая монета. Ну надо же... этот норлок что, решил заплатить за гостеприимство? Или это компенсация за моральный ущерб? Я взяла монету в руки. Она была странной. Тяжелой, толстой и разделенной глубокими полосками на 4 части. При желании, ее на эти самые 4 части вполне можно было разломать. Интересно, на сколько она потянет, если ее продать? Надо захватить с собой, показать Диме. А заодно и получить полезный совет, где эту вещь можно продать максимально безопасно и выгодно. Деньги для бедного студента еще никогда не были лишними.

Теперь нужно принять самое важное решение — что одеть на встречу с любимым мужчиной? Пожалуй, легкомысленный голубой сарафанчик вполне подойдет. Если Дима меня в нем

увидит, у него точно слюнки потекут. А на случай, если нас прогуляться по лесу потянет, надо джинсы в сумку кинуть, кроссовки, футболку и куртку легкую. Ну и конечно пару комплектов нижнего белья. Поэротичней. Полотенце, зубная щетка, косметичка, духи, расческа... что еще? А! Надо еще недоеденную вчера пиццу с собой прихватить. Все равно пропадет. А так я ее кину в микроволновку, и под пиво за милую душу уйдет.

Надо сказать, что сумка была собрана в рекордно быстрые сроки. За те две недели, которые Дима отсутствовал, уехав в служебную командировку, я успела по нему соскучиться. Я закрыла все окна (чтоб больше никакие демоны ко мне в дом не врывались), дверь, спустилась во двор, достала из сумочки ключи от машины и шагнула к своей красавице. Кажется, я успела сделать целый шаг. Или два. Потом я споткнулась буквально на ровном месте, услышала звон и... провалилась куда-то в темноту.

Глава 2

Более тесное знакомство с чужими мирами показало, что у розовых сказок финалы бывают кроваво-красными ну или могильно черными с нежными цветочками на крышке гроба.

А. Маслов «Сапожок Пелесоны»

Скажу честно, первым, что пришло мне в голову, была грустная мысль о том, что у меня поехала крыша. Однако окружающая действительность в виде непроходимой лесной чащи была чересчур яркой, осязаемой и вполне реальной. Я с размаху села на собственную сумку и схватилась за голову. Только этого мне не хватало! Однако тихая паника постепенно прошла и уступила место более рациональным мыслям. Вчера у меня в квартире появился демон. Сегодня я неожиданно оказалась посреди леса. Не думаю, чтобы это было совпадением. А значит, какой вывод можно сделать из сложившейся ситуации? Правильно! Мое попадание сюда (где бы это «сюда» не находилось) было, наверняка, делом рук Шермана. Вот только как его теперь в этом мире найти, и каким образом заставить вернуть меня домой — я представления не имела. Впрочем, если это Шерман меня сюда притащил, наверняка он скоро появится. Насколько я успела понять, норлок никогда ничего не делает просто так. А это значит, что я ему зачем-то нужна. Интересно только зачем. И надолго ли. Думаю, если я не появлюсь в понедельник в универе, родственники и друзья, тщетно попытавшись со мной связаться (мобильная связь здесь, по закону подлости, наверняка не работает) впадут в панику. И будут страшно переживать. А Дима устроит мне первоклассную сцену ревности.

Ну и что мне делать? Остаться на месте и ждать, пока за мной придет Шерман? А если он, увлекшись делами, забудет обо мне? Нет уж, надо срочно найти хоть какую-нибудь живую душу и выяснить, где здесь можно переночевать. Придя к такому решению, я вздохнула, поднялась на ноги, подхватила сумку и сделала несколько первых шагов. Ужас! Идти по лесу в босоножках было просто мучением. Стоп! У меня же в сумке кроссовки лежат! И джинсы! Конечно, переодеться посреди дороги (точнее, тропинки) было как-то неудобно, но издеваться над собой и дальше, продираясь в легком платье через кусты, мне абсолютно не хотелось. Так что я наплевала на приличия (да кто меня тут видит, в конце концов?) и переоделась. Вот. Так значительно лучше. И сумка полегче стала. Я повесила ее через плечо и пошла дальше по вихляющей узкой тропинке.

В отличие от большинства героев фэнтези, мне повезло. Петляла я недолго, всего с полчаса, не больше. А потом набрела на избушку. Хм... ну, что ж. Выбирать не из чего. Попытаемся попроситься на ночлег. Я подошла ближе и постучалась. Тишина. Я еще раз постучала (ради

приличия) и толкнула дверь. Она послушно открылась. Я тут же просунула свой любопытный нос внутрь.

— Эй, есть кто-нибудь? — на мой призыв никто не отозвался, и я вошла.

Нда. Похоже, что в этой избушке давно уже никто не живет. Обстановка самая убогая — печь, стол и лавка. По углам — мусор и паутина. На единственной полке — скудный набор посуды, состоящий из одного глиняного горшка, пары тарелок и одной треснувшей ложки. Хорошо хоть лето на дворе, тепло. Потому что о том, как топят печи, я не имела никакого представления. Ибо за пределы города дальше дачи никогда не выезжала. В общем, переночевать в этой избушке еще можно, а вот жить увольте. Пиццы, которую я захватила, мне при самой жестокой экономии на сегодня и завтра хватит. А готовить в лесных условиях я не умею. Да и что я готовить собралась? Ни охотится, ни рыбачить я не умею тоже. Да и вообще, проанализировав все свои таланты, я пришла к печальному выводу, что для жизни в экстремальных условиях я на редкость бесполезный человек. Подобное самокритичное признание настроения мне никак не прибавило, но я решила не сдаваться и не терять времени даром. Дома я плотно позавтракала, и есть мне пока не хотелось, несмотря на то, что в данном измерении уже наступил вечер. Так что до полной темноты я вполне успею прогуляться и разведать окрестности.

Если кто-нибудь думает, что я боялась заблудиться, то это вы зря. У меня в голове с детства компас. Я всегда нужное направление нахожу. Просто, попав неожиданно неизвестно куда, я несколько растерялась. Если честно, то я даже не была уверена, что это именно иной мир. Мало ли. Время и пространство иногда с людьми такие штуки выделывают... Может, меня перенесло в вечер сегодняшнего дня куда-нибудь в район поселка, где Диминая дача находится? Там, помнится, такой же густой и непролазный лес рядом. Хотя... больно уж чисто было в этом лесу. Подозрительно. Где вы лес не замусоренный видели? Какой-нибудь бычок или пластиковая бутылка, но все равно валяться должны! А я, несмотря на все свои усилия, ничего обнаружить не могла. Да и тропинка в этом лесу была одна-единственная — по которой я шла. По таким скудным приметам определить собственное местонахождение было весьма проблематичным. Поэтому я воспользовалась старым, как мир, способом. Нашла дерево повыше и попыталась на него влезть. Не сказать, что я великий специалист в плане лазанья по деревьям, но чего не сделаешь при большом желании. Тем более, что я никогда не ленилась поддерживать свое тело в спортивной форме.

Дерево я выбрала удачно. Старый дуб оказался довольно легким в покорении (до нижнего сука я с земли дотянуться смогла), да и вид с высоты его кроны открывался прекрасный. Правда, линий электропередач я так и не заметила, но зато увидела небольшую деревеньку. И ходу до нее было всего ничего. Если с утра пораньше встану — к обеду точно дойду. Я повеселела и хотела уже было слезть, но тут мое внимание привлекло интересное действие. Несколько всадников гнались за каким-то пацаненком. Если бы, конечно, это происходило на открытой местности, они догнали бы его на счет «раз». Но беглец, видимо, был очень неглуп, поскольку резко вильнул и ушел в лес. Преследовать его на конях по такому бурелому было полным безумием, и всадники отстали. Я хмыкнула, мысленно поаплодировав пацану, слезла с дерева и направилась к избушке. Честно говоря, после увиденного, мое желание знакомится ближе с местным населением как-то утихло, но деваться было некуда. Шерман так и не объявился, а в данном мире нужно было как-то жить. И единственное, что я могла сделать, чтобы максимально отдалить встречу с аборигенами — растянуть пиццу на подольше. Хотя бы до послезавтра.

Однако все мои благие намерения пошли прахом. Только я достала из сумки свои вещи, в надежде устроить на лавке хотя бы более менее приличную постель, как в дом ввалился гость.

Да что ж это такое-то, а? Что же это за привычка в чужие дома без стука вламываться? Я обернулась и увидела в глазах гостя искреннее и бескрайнее изумление. Так, так, так... а это не тот ли беглец, за которым гнались всадники? При ближайшем рассмотрении тот, кого я издали приняла за пацана, оказался девочкой-подростком лет 13-ти. Тощей, мелкой, одетой в какое-то рубище, с жутким вороньим гнездом на голове.

— Ну и долго мы молчать будем? Каким ветром тебя сюда занесло? — нелюбезно поинтересовалась я. Бедный ребенок, которому, похоже, и без меня сегодня досталось на орехи, плюхнулся на колени, обхватил мои ноги и захлюпал.

— Госпожа, только не выдавайте меня им!

— Э, э, э! Ты что, с ума сошла? Какая я тебе госпожа? Ну-ка встань сейчас же! — возмутилась я. — Никому я тебя выдавать не собираюсь. Как тебя зовут?

— Мирлин.

— А меня Брин. Будем знакомы. Есть хочешь?

О чем я спрашиваю? Ну конечно, она хотела есть! Бедный ребенок выглядел так, будто его вообще никогда в жизни не кормили! Так что пришлось мне делиться пиццей. Правда, после того, как я нечаянно села на сумку, внешний вид пиццы оставлял желать лучшего, но Мирлин была довольна по уши. А я за свою беспримерную щедрость была вознаграждена рассказом о том мире, в который попала. И этот рассказ меня абсолютно не порадовал. Мир, в котором меня угораздило очутиться, находился где-то на средневековом уровне развития, когда о правах человека никто слыхом не слыхивал, и у женщины здесь было только три пути заработать — стать воином, магом или шлюхой. Я осторожно поинтересовалась, нельзя ли стать просто служанкой (хоть полы мыть, потому как в данном мире я ничего больше делать не все равно не сумею), но мне ответили, что все равно придется спать с хозяином. Бр-р-р! Веселенькая перспектива. Правда, Мирлин меня «утетила», сообщив, что такая красивая госпожа наверняка найдет себе богатого покровителя. Угу. Начнем с того, что становится содержанкой мне вообще не хотелось. Ну и потом. Где и как я должна искать себе богатого покровителя? Выйти из лесу и игриво возопить «Ау, где ты мужчина моей мечты»? Бред!

Разумеется, задавала вопросы не только я, но и Мирлин, которой стало интересно, откуда же я такая взялась. Одето странно, разговариваю необычно, самых элементарных вещей не знаю... Пришлось врать, что я — жительница далекой страны, расположенной за океаном (надеюсь, здесь есть океаны), и что сюда меня закинула злобная магия старинного проклятья. Мирлин впечатлилась. И сказала, что у них такое тоже случается. Весело. Впрочем, как оказалось, это еще было не самым страшным. И то, что я перенеслась в лес, а не вышла сразу на деревню, оказалось моим самым большим человеческим счастьем. Поскольку увидев даму без сопровождения и соответствующих документов, меня захватили бы и продали в рабство. Я возмущенно открыла рот и... промолчала. А что бы я этим захватчикам предоставить смогла? Сражаться на мечах я не умею, магических способностей я за собой тоже никогда не замечала. Так что продали бы меня с аукциона как миленькую, я бы и пикнуть не успела. Тем более, как уверяла Мирлин, как раз сейчас в деревеньке находился отряд королевских вояк.

— Это которые за тобой гнались? — тут же уточнила я. — Кстати, за что они тебя преследовали, если не секрет?

— Я приручила варша, — выдохнула Мирлин и даже съежилась от собственного признания.

— А варш — это кто? — не поняла я.

Мирлин еще больше съежилась, но поняв, что я от нее все равно не отстану, тихонько свистнула. Через пару секунда в комнату скользнул зверь, и я тут же оказалась с ногами на печке.

— Не бойтесь. Он сказал, что не тронет вас.

Ага, не тронет... так я и поверила этой голодной хищной морде. И почему меня никто не предупредил, что здесь саблезубые тигры водятся? И потом... что значит «он сказал»?! Похоже, последний вопрос я задала вслух, поскольку Мирлин мне тут же все объяснила. Оказывается, она нашла эту зверюгу еще котенком, выкормила, а поскольку была девицей, понимала его мысли. Пфе! Я, вроде, тоже не парень, однако почему-то никаких тигриных мыслей не слышу. Мирлин покраснела и объяснила, что она — девица в самом прямом физиологическом смысле. Честно говоря, меня это убедило слабо, но я все-таки решила с печки слезть.

— Если ты можешь контролировать этого хищника, почему на тебя напали солдаты? Или они не поверили в разумность твоего варша? — поинтересовалась я.

— Они хотели, чтобы я заставила его служить королю, — объяснила Мирлин. — А кто не знает, что Яргел считает варшей врагами и украшает их головами свой тронный зал?

— Король считает хищника своим врагом? — окончательно запуталась я. Нет, я понимаю еще, если бы он назвал варша опасностью. Я бы первая с королем согласилась. На домашнее животное саблезубый тигр никак не тянул. Но назвать его врагом?

— Медведь и варш действительно враги. Они никогда не уживаются в одном лесу, — «объяснила» Мирлин. Вы что-нибудь поняли? Я — нет.

— А причем тут медведи?

— Яргел — король оборотней с ипостасью медведя. Откуда же вы прибыли, если не знаете этого? — изумилась Мирлин.

— Я же сказала тебе — издали, — вяло огрызнулась я. — А кто еще, кроме оборотней, у вас водится?

Лучше бы я попридержала свое любопытство. Потому что в том измерении, куда я угодила, обитали гномы, тролли, эльфы, водянки и прочие достопримечательности. Впрочем, что здесь удивительного, если учесть, что вчера я собственными глазами видела демона? Нет. Не так. Норлока. Кстати, не мешало бы выяснить, кто они такие.

— Неужели вам повезло настолько, что вы не слышали о норлоках? — удивилась Мирлин.

— Даже в сказках и легендах никогда упоминания о них не встречала, — честно ответила я.

Мирлин вздохнула и рассказала мне о норлоках все, что знала. Мда. Честно говоря, информация меня не порадовала. Более того, если бы я знала раньше, кто такие эти норлоки, появление Шермана вызвало бы у меня еще больший страх. Судя по рассказу Мирлин, даже в данном мире, заполненном под завязку всякой нелюдью, норлоки считались одной из самых кошмарных рас. Они были настолько ни на кого не похожи, что даже селиться всегда предпочитали в отдалении, и королевство свое основали высоко в горах. Однако жить отдельно от мира норлоки не смогли в силу своего сволочного характера и большой любви к войне. Они расширили свои земли, постоянно воюя с соседями и просто нарывались на всяческого рода

конфликты. Противостоять норлокам было весьма проблематично. Они топили окружающий мир в крови, а к возможности собственной смерти относились с презрительным безразличием. Стоит ли удивляться, что однажды соседям надоели подобные агрессивные выходки, и они объединились? Первый раз в мировой истории эльфы, гномы, тролли, оборотни и люди стали единой армией. Как и стоило ожидать, подобную силу норлоки победить не смогли. Впрочем, им удалось сдержать наступление. И выторговать себе мир, расставшись с частью земель. Легендарная жестокость норлоков, которой все опасались, сыграла в этом не последнюю роль. Кстати, единственными, кто смог проникнуть в горы, в сердце королевства норлоков, были оборотни. Они даже умудрились ворваться в столицу и захватить высокопоставленных заложников из королевской семьи. И королю норлоков пришлось выкупать их жизни жизнью собственного сына.

— Незаконного сына, если я правильно слышала, — уточнила я. Мирлин кивнула.

Ну надо же! Я все-таки оказалась права. Шерман притащил меня в свой мир. Как хорошо, что я за ужином раскрутила норлока на историю его жизни! По крайней мере, я хоть немного владела ситуацией. И теперь знала, где мне этого треклятого Шермана надо искать. Конечно же, во дворце Яргела, которому он столь упорно (хотя и не по своей воле) служит. А что? Раз норлок не хочет предстать перед моими грозными очами по собственной воле (забыл или издевается так?), я должна найти его сама! И заставить вернуть себя домой! Вопрос был только один — каким способом я собираюсь добраться до королевского дворца и уж тем более проникнуть в него? Я помотала головой. Все! Хватит! Как говаривала незабвенная Скарлетт О'Хара, я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра. В конце концов, на мою бедную голову и так слишком много всего свалилось. И сейчас я здраво мыслить просто не в состоянии. Вон, Мирлин, свернулась клубочком под боком у своего хищника и сопит уже. Мне тоже не мешало бы последовать ее примеру и лечь спать. Я тяжело вздохнула, смерив недовольным взглядом жесткую лавку, подложила под голову сумку в качестве подушки и... благополучно уснула.

Единственное хорошее, что случилось со мной за все утро — так это то, что я выспалась. Однако наступивший день встретил меня такими неприятностями, что лучше уж я бы и не просыпалась, честное слово. Началось все с того, что варш слопал остатки моей пиццы, оставив меня и Мирлин без завтрака. Девочка, правда, попыталась пристыдить голодное чудовище и даже поделиться со мной всем, что у нее было. Скажу честно, когда она начала обследовать карманы, я даже оживилась. Однако то, что было вытащено из этих карманов... ну... не знаю... по-моему, это больше было похоже на издевательство. Правда, Мирлин утверждала, что предлагает мне кусок сала, но, судя по своим размерам и затрапезному внешнему виду, кусок этот явно был украден из мышеловки. Причем только потому, что ни одна уважающая себя мышь на него так и не польстилась. Я фыркнула, распрощавшись с мыслью о завтраке, и стянула с себя футболку, собираясь ее простирнуть в ближайшем ручье (не могу же я ее носить после того, как спала в ней). И тут произошла вторая гадость. Мирлин вскрикнула и снова пала мне в ноги, обнимая колени и обзывая меня госпожой.

— Ну, что еще? — разозлилась я. — Что опять случилось? Я же объяснила тебе, что никакая я не госпожа. И прекрати ты, наконец, на полу валяться!

На сей раз объяснения Мирлин были длинными, путанными и вообще не понятными. Единственная внятная мысль, которую я выудила из ее бормотания, была о каком-то знаке. Насколько я поняла, к обладателю сего знака полагалось относиться с глубочайшим почтением. Я, поднатужившись, подняла Мирлин с колен и поинтересовалась, где именно она узрела на мне вышеозначенный знак. Девочка с благоговением ткнула. Я выгнула шею и

попыталась увидеть, что же у меня такого интересного расположено сзади на лопатке. Увидела. Мамочка моя дорогая, что это?! Я кинулась к сумке, вытряхнула косметичку, достала зеркальце и поднесла к своей спине. Мрак! На моем плече сзади появилась разноцветная татуировка в виде бабочки.

— И что это значит? — пытаюсь сдержать дрожь в голосе спросила я у Мирлин. — Откуда это взялось?

Мирлин попыталась объяснить, и я поняла, что мои вчерашние неприятности были еще цветочками. Оказывается, мало того, что я попала в совершенно постороннее измерение, я еще и очутилась здесь в абсолютно неподходящий момент. Впрочем, все по порядку. С самого начала, которое произошло аж сто с лишним лет тому назад. Почему Мирлин решила поведать мне историю моей татуировки конкретно с этого момента? Да потому что именно тогда состоялась небольшая войнушка между оборотнями и водянками. Причиной, кажется, были торговые пошлины на морские перевозки и еще какая-то муть. Дело закончилось тем, что водянки разбили оборотней в пух и прах. Земли, правда, им были не нужны (они все равно только в воде жить могут), а потому ежегодную дань водянки решили брать женщинами. Как объяснила Мирлин, русалок у них, почему-то, рождается катастрофически мало, и половина тритонов остаются без спутниц жизни. Раньше девиц просто похищали, а после войны оформили это дело как дань. И вот уже более ста лет королевство оборотней расстается с частью своих девушек.

— А ко мне-то это какое отношение имеет? — удивилась я. — Я ведь не подданная вашего королевства.

Однако, как оказалось, чтобы стать данью, совсем не обязательно быть подданной. Нужно было а) быть в возрасте от 16 до 22 лет, б) быть красивой, в) быть не замужем, г) оказаться на территории королевства оборотней в момент, когда будет проводиться отбор. Причем отбор производился всего одну ночь в год и всегда в разное время (чаще всего ранней весной). Надо сказать, такое положение дел королевских подданных отнюдь не радовало. Те, кто победнее, отдавали дочерей с охотой (одним ртом меньше, да и на приданое тратиться не надо), а вот кто побогаче отдавать любимых детей совершенно не хотел. Однако выходов из данного положения было всего два — либо сплавить дочь за границу, пока ей 22 не исполнится, либо выдать замуж, пока она еще не стала совершеннолетней.

Надо отметить, что водянки особо не наглели, предпочитая выбирать дочерей из многодетных семей. Исключениями становились только очень красивые девицы, которые, зазевавшись, не успели уехать из королевства. И я попала в их число. Вот ведь непруха! Правда, по договору водянки имели право всего на 5 девушек в год, а потому пользовались правом отбора только знатные особи их расы, но меня это мало утешало. Понятно, девка деревенская из нищей крестьянской семьи, которая белый хлеб только по праздникам видела, такому повороту дел могла только обрадоваться. А я-то чего у водянок делать буду? Даже в знатной семье? Кстати... а нельзя ли выяснить заранее, в какую именно семью я попаду? Оказалось, можно. За те сто с лишним лет, пока оборотни платили своеобразную дань, народ успел выучить уже все благородные роды водянок и их знаки. Мирлин была не исключением. Потому и пала мне в ноги, едва завидев татуировку в виде бабочки. Оказалось, на меня польстилась аж королевская семья. И Мирлин пыталась сообразить, которому из их четырех принцев я приглянулась. Ну? И как вам нравится этот расклад? Что касается меня, так я просто в осадок выпала. Особенно когда выяснила, что после свадьбы я стану русалкой, и жить смогу только под водой. А если и буду выныривать на поверхность, то ненадолго.

— А если я откажусь выходить замуж?! — возмутилась я.

— Водянки приплывают за своими невестами в Артлет, во второй день второго месяца осени. Если госпожа не явится, чтобы выйти замуж, она умрет.

— Приехали, — застонала я от безысходности. — Ну неужели ничего нельзя сделать, чтобы не становиться русалкой?

— Госпожа не хочет войти в королевскую семью водянок? — искренне удивилась Мирлин.

— Не хочу! — отрезала я. — И сколько тебе раз говорить, чтобы ты не называла меня госпожой?

— Но вам же...

— И на «вы» меня прекращай звать! — разозлилась я.

— Хорошо... — вздохнув, согласилась Мирлин. — Чтобы отказаться от брака с тритоном, тебе нужно выйти замуж.

— Одно другого не лучше! — убилась я. — За кого?!

— Все равно. Но твой мужчина должен быть готов доказать свое право на тебя.

— В сражении что ли? — попыталась прояснить ситуацию я.

— В том числе.

— Судя по выражению твоего лица, я понимаю, ты сомневаешься в том, что я найду желающего, — нахмурилась я. — Почему?

— Потому что вряд ли кто-нибудь захочет связываться с королевским домом водянок, — объяснила Мирлин. — Как и с любым другим королевским домом.

— Это мы еще посмотрим! — вдохновилась я. Чтобы я, с моей-то внешностью, и мужика себе не нашла? Ха! Да я, сколько себя помню, только и делала, что отпихивалась от желающих. — Сколько времени у меня есть на то, чтобы найти себе мужа?

— Почти полгода. Но это действительно будет непросто.

— Еще как непросто-то! — хмыкнула я. — Будущий муж должен мне, как минимум, понравиться. Очень.

Сумасшедший мир! Ненормальные законы! И если кто-нибудь думает, что я позволю вести себя, как овцу, на заклятие, то вы очень сильно ошибаетесь. Если мне удастся найти Шермана и заставить его вернуть меня в мой мир, выходить замуж за тритона (или кого бы то ни было еще) мне точно не понадобится. Ну и потом. У меня, вообще-то, уже есть кандидат в мужья. И пусть я не строила матримониальных планов на ближайшие пару лет, менять своего Диму (умного, интересного и обеспеченного мужчину) на какого-то первого встречного типа, я совершенно не собиралась. Однако следовало подумать и о неблагоприятном стечении обстоятельств. Вдруг полгода окажется недостаточным сроком для того, чтобы найти Шермана? (Может, его опять в отправили в командировку в посторонний мир, причем надолго?) И что тогда? Отправляться к водянкам? Вот еще! В виде русалки домой вернуться я точно не смогу. А это значит, что прямо с сегодняшнего дня следовало озаботиться поисками подходящего супруга. По крайней мере, хоть человеком останусь. И смогу слинять обратно в

свой собственный мир при первой же возможности. А муж... ну, подумаешь... побесится пару недель, напьется, придет к выводу, что все бабы стервы и успокоится. Главная проблема была как раз в другом — где мне этого самого мужа найти и как не подохнуть с голода во время поиска.

— Послушай, Мирлин, если я являюсь невестой принца, я могу с него денег требовать? Скажем, в качестве аванса? — пришла мне в голову алчная мысль. — А то неудобно как-то, у меня даже ни одного приличного платья нет. И кстати, может, принц мне какие-нибудь сопроводительные документы выдаст, чтоб меня никто в рабство не продал нечаянно?

К моему глубочайшему сожалению, все мои сладостные надежды Мирлин безжалостно разрушила. Никакой финансовой помощи принц мне оказывать не станет. Да и увидеть его я смогу не раньше, чем через пару недель, когда состоится официальная встреча на высшем уровне оборотней и водянок. Мирлин даже сказала, что у меня есть шанс с этим принцем лично познакомиться, если я сумею ему подать знак о своем присутствии. Но даже тогда денег я из него вряд ли вытрясу. Поскольку королевский дом водянок просто славится своей скупостью. Ну? И как вам это нравится? Порадовало меня только одно. Оказалось, что после того, как я была избрана в невесты принцу, меня стало запрещено продавать, ибо я уже стала собственностью королевского дома водянок. Хм... ну, хоть какая-то польза от этой татуировки. Я теперь даже имела право слуг себе нанять. И Мирлин, жалобно заглядывая мне в глаза, готова была стать одной из них.

— С ума сошла? — фыркнула я. — Я не то, что зарплату тебе платить не смогу, мне даже кормить тебя нечем! И себя тоже, кстати. И потом... а что скажут твои родители?

Мирлин тут же сообщила мне, что родители не скажут ничего, по причине полного их отсутствия, что вообще она никому не нужна, сиротинушка несчастная, и так далее, и тому подобное. Страдала Мирлин качественно, с душой. Мне даже любопытно стало, насколько у девчонки энергии хватит об пол лбом биться. Однако выяснить это мне не удалось, поскольку сцену прервал вернувшийся варш. Видимо, гневная речь Мирлин по поводу съеденной пиццы возымела-таки на него свое действие, поскольку во искупление своих грехов он притащил нам тушку кролика. Обрадованная Мирлин тут же кинулась готовить (правда, перед этим я битых полчаса уговаривала ее умыться и руки вымыть), а я надела на нее с расспросами. Ибо очень уж мне было интересно, до какой степени слушается ее варш и нельзя ли этим воспользоваться. Скажем, представления по поселкам устраивать. Глядишь, и с голода не помрем. Моя идея заставила Мирлин глубоко задуматься.

— Нет, не выйдет у нас ничего, — решила наконец она.

— Почему? — удивилась я, не желая расставаться со столь привлекательной идеей.

— В городе варш не сможет охотиться. А его надо кормить три раза в день. И нам что-то есть надо, да за ночлег платить. Хоть и редкость прирученные разумные варши, а все равно столько денег мы не соберем. Вот если бы еще кто с нами ходил. Фокусник там, или жонглер, или акробат какой...

— Хорошо бы... — вздохнула я. — Да где их взять?

— Однако ж, их проще найти, чем менестреля, — возразила Мирлин.

— А что, с менестрелями в стране напряженка? — поинтересовалась я из чистого любопытства.

— Неужто в вашей стране их много? — удивилась, в свою очередь, Мирлин.

— Сколько раз тебе говорить, чтоб ты мне не «вы»-кала! — рассердилась я. — А что касается наших менестрелей... половину из них давно уже хворостиной разогнать надо. Хочешь сказать, что у вас по-другому?

Оказалось — по-другому. Причем настолько, что я и представить себе не могла. В данном мире существовало всего-навсего... десять менестрелей. Десять! Как будто, это такая уж тяжкая работа — песни под гитару орать. Мирлин даже возмущенно засопела на мое замечание и язвительно поинтересовалась, что такое гитара и сумею ли я сыграть на лютне. Пфе! После музыкальной школы-то?

— И чьи же песни ты собираешься исполнять? — язвительно поинтересовалась Мирлин, впечатлившись, однако, моими талантами.

Что значит «чьи»? Да чьи под руку подвернутся. Все равно творчество музыкантов моего мира здесь еще неизвестно. Пока. Но если уж здесь так туго с менестрелями, грех не воспользоваться ситуацией. Кстати, раз уж на то дело пошло, а они чьи песни исполняют? Ответ на данный вопрос вогнал меня в полный ступор. Выяснилось, что в данном мире существует энное (весьма ограниченное) количество песен и повествований, которые давно распределены между десятью менестрелями.

— А что, нельзя еще что-нибудь сочинить? — не поняла я.

— Сочинять может только Властитель, — объяснила Мирлин. — Когда-то он подарил людям существующие песни и повествования. Теперь они передаются из поколения в поколение.

— Надо же... с ума сойти. Нашему миру в этом плане повезло куда больше, — заметила я. — Я знаю довольно много и песен, и повествований. Но одного только знания наверняка мало. Что нужно сделать, чтобы стать менестрелем?

— Купить лютню, — вздохнула Мирлин. — Но это слишком дорого. Целая четверть золотой монеты. Может быть, пока мы будем просто ходить по деревням? Я стану показывать дрессированного варша, а ты рассказывать истории. На лютню вряд ли, а на прокорм себе мы точно заработаем.

— Четверть золотой монеты, говоришь? — пробормотала я, лихорадочно доставая косметичку и вытряхивая из нее подарок норлока. — Такой?

Мирлин взглянула на монету и потеряла дар речи. Правда, ненадолго. Буквально через несколько секунд она начала скакать по комнате радостным стрекозлом, прикидывая, сколько всего полезного можно приобрести на такую сумму и убеждая меня, что мы богаты. Она даже вызвалась разменять четвертинку монеты, чтобы купить все самое необходимое, но я ее тормознула. Это дело следовало обдумать основательнее. И лучше всего на сытый желудок. Мирлин со мной согласилась, и мы сели за стол, благо кролик как раз сварился. Бе-е-е... такое только с голодухи сожрать можно. Мясо недосоленное, только приправленное какой-то травкой и жесткое, как подошва моих кроссовок. Толи кролик нам неудачный попался, толи готовить Мирлин не умеет... словом, никакого удовольствия от еды я не получила. И даже не наелась как следует. Нет, надо срочно выбираться из этой дыры! А это значит, возвращаемся к мысли о деньгах. Я тяжело вздохнула и оглядела Мирлин с ног до головы. И вот этому маленькому оборвышу доверить золото разменивать? Да ее ж сразу заберут по подозрению в ограблении.

— Ты платью стащить... на время... можешь? — задала я, наконец, мучавший меня вопрос. Мирлин улыбнулась и активно закивала головой. — Вот и хорошо.

Свой план я Мирлин объяснять не стала. Попросила только, чтоб платье она стащила попримечнее и на свой размер. А когда, наконец, малолетняя похитительница одежды вернулась с уловом, я потащила ее мыться. Бог ты мой, какие вопли оглашали мелкую лесную речушку! Можно было подумать, что я поймала с десятков лесных духов и мучаю их с особой жестокостью. Но результат получился выше всяких похвал. Отмытая Мирлин оказалась довольно хорошенькой. А уж когда я расчесала ее воронье гнездо на голове и сделала ей прическу а-ля Юлия Тимошенко, от нее стало вообще глаз не отвести. Ну, вот. Теперь она похожа на приличную прислугу из богатого дома. И четвертинка золотой монеты в ее руках вряд ли покажется уж очень подозрительной.

— Сначала нам нужно купить крытую повозку, в которой мы будем путешествовать, и лошадей, — решила я. — Это довольно крупная покупка, и четверть золотой монеты в качестве оплаты не вызовет подозрений. Не мелочи же тебе целый мешок тащить! Проблема только в том, что ни в лошадях, ни в повозках я не разбираюсь. А потому велика вероятность, что нам с тобой всучат какой-нибудь хлам.

— У меня ни одна крупица золота зря не уйдет, — обиделась Мирлин. — Я все-таки в деревне всю жизнь росла, и уж негодящую клячу от работающей лошадки сумею отличить. И к повозке пригляжусь, небось не обманут. А на оставшиеся деньги еды нам куплю в дорогу.

— Нет. Лучше сделаем так. Ты пойдешь покупать лошадей и повозку. Выберешь самую большую, вдруг мы по дороге кого-нибудь еще подберем, чтобы выступал с нами за компанию. Да и варшу лучше не ночевать посреди улицы. Потом ты пойдешь и купишь себе одежду в дорогу. Плащ, теплую куртку, штаны...

— Девицы штанов не носят! — покраснела Мирлин, отводя взгляд от моих джинсов.

— Значит, платье и обувь хорошую, — внесла я поправку в свои инструкции. — Мне купишь платье, в котором я могла бы дойти до города и встретиться там с тобой. Потом ты пойдешь припасы нам в дорогу покупать, а я приобрету себе одежду. Запомни, мы должны выглядеть хорошо, очень хорошо, чтобы нас не зазорно было пригласить выступать в приличный трактир, а то и замок.

Мирлин согласно покивала головой и, зажав в руке четвертинку монеты, отправилась за покупками.

— Эй, погоди! — вспомнила я. — Если ты мне служишь, у тебя должен быть какой-то знак? Ну, что б к тебе не приставал никто, не хватал и не продавал в рабство.

— Ой! — опомнилась Мирлин.

— А на что этот знак похож-то должен быть? — вздохнула я. — На татуировку, как у меня?

— Нет, обычно на одежду нашивается герб хозяина.

— Герб, говоришь...

Я оглядела все свои вещи, не нашла ничего нужного и, вздохнув, стянула джинсы. Помнится, у меня на кармане сзади цветочек вышит. Как раз подойдет. Правда, карман придется отпороть, а цветочек вырезать и пришить на платье Мирлин, но это уже были мелочи жизни. При нынешней моде джинсы без одного кармана странными никому не покажутся, да и носить я их, как мне кажется, еще не скоро смогу.

Получившая себе на грудь мой фирменный знак, Мирлин улетела, сияя, как начищенный пятак, а я принялась думать над сложившейся ситуацией. Идея с бродячим цирком, пришедшая мне в голову, была воистину гениальной. В качестве менестреля я, со своими скудными знаниями местных обычаев и истории, подозрений точно не вызову. Кто не знает, что творческие личности — народ странный, не от мира сего? К тому же, для меня это был единственный способ заработать себе на жизнь. Потому как ничего полезного (для средневековой действительности) делать я не умела. Ни вести домашнее хозяйство без привычной бытовой техники, ни лечить людей, ни махать мечом, ни вышивать крестиком. Я даже сильно сомневалась, что мне пригодятся полученные за два года в финансово-экономическом университете знания. Так что пока должность менестреля для меня была самой подходящей. Да и для поиска женихов цирковая повозка была вполне приемлемым вариантом. Пошатаюсь по странам, присмотрюсь, глядишь, и выберу кого-нибудь. Главное, нос не вешать.

Если кто-нибудь думает, что я хоть на минуту усомнилась в способностях Мирлин выполнить все мои поручения, это вы зря. Малолетний чертенок, росший как трава под забором, был намного умнее своего возраста. Да и выросли дети в средние века намного раньше. В 11–13 лет девиц замуж уже выдавали. Так что несмотря на юный возраст, лично я воспринимала Мирлин как вполне состоявшуюся личность. И не ошиблась в ней. Девчонка прекрасно справилась с заданием. Не знаю уж, какие высшие силы направили ее в мою избушку, но они явно ко мне благоволили. Потому что без Мирлин в этом мире я вряд ли смогла бы так удобно устроиться. Она помогла мне и купить одежду, и даже выбрать лютню. Выбор, правда, был не велик. Собственно, в лавке и продавались-то не лютни, а жалкое их подобие. Так, стену замка украсить. Да гостям дать поразвлечься, струны подергать (настоящая, дескать). Нет, я, конечно, не могу назваться великим специалистом по лютням (в конце концов, до сих пор я только на гитаре играла). Но для того, чтобы определить, что предлагаемые мне инструменты отвратительного качества и расстроены до зубной боли, семи пядей во лбу иметь не надо.

В конце концов, доведенный моими придирами до синего цвета, продавец чуть было не выставил меня вон из лавки. Да еще и посоветовал ехидно — дескать, через пару недель, в честь встречи королевских домов водянок и оборотней, королева Эльтель будет проводить конкурс менестрелей, так может мне там поучаствовать? Раз уж я такая разборчивая. Кстати, в качестве приза победителю данного конкурса (помимо денег, конечно), будет вручена лютня знаменитого мастера Страдамара. Хм... а неплохая идея! А я-то все думала — как мне во дворец проникнуть? А тут и делать ничего не надо. Подумаешь, конкурс. Помнится, когда я была ровесницей Мирлин, я на общероссийском музыкальном конкурсе второе место заняла. А если б и дальше музыкой продолжала заниматься, может и выше поднялась бы. А тут... при местном-то дефиците менестрелей и неизбежных сюжетов... раз плюнуть! Но лютню все-таки покупать придется. Иначе с чем же я во дворец явлюсь? А во дворец мне обязательно нужно было попасть. От идеи найти Шермана я еще не отказалась. Да и на неожиданно объявившегося жениха посмотреть не мешало бы. Что там за принц такой выискался? Так что выбрала я все-таки более менее подходящий товар, и двинулись мы с Мирлин на постоянный двор. Перед завтрашним первым выступлением неплохо было бы подкрепиться, выспаться и... порепетировать.

Глава 3

Она так хочет, чтобы все, как у всех,

Но чтоб при этом не так, как они.

Разумеется, Эльтель знала, что пользоваться магическими предметами расы оборотней для нее небезопасно. Но она была настолько разъярена выходкой своих родственничков, что просто не могла здраво мыслить. Ей нужен был совет, и она его получит! И не важно, чьей магией придется для этого воспользоваться! В конце концов, она теперь тоже принадлежит к расе оборотней. Наверное. Эльтель невольно улыбнулась. Интересно, может ли королева считаться оборотнем, если она эльф? Ответа на этот вопрос не знал никто. По одной простой причине. До сих пор подобных прецедентов еще не было. И не могло быть. Возможность подобного брака не рассматривалась даже гипотетически. Эльтель вздохнула. Ее похитили из родного дома еще три года назад. Официально — чтобы остановить войну с эльфами. (Кто, как не чистокровная принцесса будет идеальной заложницей?) А неофициально... Эльтель до сих пор благодарила Властителей, которые позволили ей в числе других венценосных родственников присутствовать на заключении мирного договора между эльфами и оборотнями, и которые обратили на нее внимание Яргела. На договоре о перемирии еще не успели высохнуть чернила, когда эльфы вновь начали свои нападения на приграничные с оборотнями районы. И тогда, чтобы прекратить затянувшиеся военные действия, Яргел велел ее похитить.

Кто бы мог подумать, что не пройдет и года после этого события, как она согласится выйти замуж за Яргела? Ее родственнички, узнав об этом, жужжали, как разворошенный улей, но напасть на оборотней не решились. В конце концов, она все-таки принадлежала к королевскому дому, а статус жены не спасал ее от статуса заложницы. В тот момент эльфы были не готовы рисковать одной из своих принцесс. Единственное, что они смогли сделать, так это прислать ей письмо за подписью ее отца с гневной проповедью по поводу того, как она их всех опозорила своим браком. Опозорила! Ха! Можно подумать, у нее был выход! Нет, разумеется, силком бы ее Яргел под венец вряд ли поволок, но что ждало Эльтель, если бы она отказалась? Положение пленницы в сыром подвале? И сколько времени родственнички вызволяли бы ее из этой ситуации? Ну и потом... если быть откровенной... кем она была у себя дома? Всего-навсего одной из принцесс, которой (в лучшем случае) светил брак с каким-нибудь верным короне герцогом. А выйдя замуж за короля оборотней, Эльтель сама стала королевой. Разумеется, этот медведь Яргел совершенно не походил на эльфов. Он был слишком грубым, ограниченным и не внушал эльфийке никаких чувств, кроме глухого раздражения. Однако ради короны Эльтель готова была терпеть многое. Ради короны и ради возможности передать ее своему будущему сыну. До сих пор считалось, что ее ребенок может унаследовать признаки только одной расы. Или он родится эльфом (и тогда не видать ему короны, как своих ушей) или оборотнем, который будет продолжать отстаивать интересы своей расы. Эльтель долго думала над решением этой проблемы. Она платила магам, платила ученым и следила за ходом исследований. И вот, когда для нее, наконец, общими усилиями было создано заветное, которое позволит ей презреть законы рас и родить эльфа с ипостасью оборотня, ее родственнички решили наплевать и на прошлые соглашения, и на нее, и снова развязать войну с оборотнями. Властители! Что же ей теперь делать?

На связь со своей семьей Эльтель выходила периодически. Таковы были требования эльфов, желавших убедиться, что высокопоставленная заложница жива, здорова и ни в чем не нуждается. Со временем этот телепатический контакт стал для нее просто неприятной необходимостью. Ее родственники, всегда рассматривавшие принцессу как фишку в своих политических играх, и раньше-то не внушали ей особой любви, а уж теперь, после того, как они заявили, что им ничто не помешает развязать новую войну, Эльтель их просто ненавидела. Высокомерное презрение, манерная речь, высокопарные фразы... все, чтобы заставить ее пожалеть о совершенном проступке.

— Сволочи! А где вы были, когда вашу принцессу похищали? Почему вы даже не попытались ее

выкупить? Как вы смеее говорить, что я должна была умереть за интересы расы, но не соглашаться на позорный брак?! Позорный! Да вы все обзавидовались тому, что я стала королевой! И мои сестрички в первую очередь. Носы они воротят... да дай им только возможность, они бы передрались за мою корону! — шипела эльфийка, разъяренная разговором с родственниками.

Нет, Эльтель не сожалела о своем поступке. Она слишком уж упивалась своей ролью королевы, чтобы вообще о чем-то сожалеть. И уж разумеется, она была готова на все, чтобы сохранить свою корону. Даже выступить против своей собственной расы. Тем более, что Эльтель прекрасно знала, как именно это следует сделать. Эльфийка сняла с шеи медальон и сжала его в ладонях, почувствовав привычное покаявание. Созданный неизвестным эльфийским магом более тысячи лет назад, в разгар очередной войны, этот магический предмет мог выполнить всего одно желание члена королевской эльфийской семьи. Однако воспользоваться им так и не успели. Норлоки, одна из самых страшных рас, существующих в этом мире, убили ученого и захватили медальон. Столетиями этот магический предмет хранился в их королевской сокровищнице. До тех пор, пока оборотни не проникли во дворец норлоков. Медальон, как и множество других вещей, взятых по праву добычи, перекочевал в королевскую сокровищницу Роберта и достался по наследству Яргелу. А тот, в день свадьбы, подарил медальон своей молодой жене.

Эльтель сомневалась, что Яргел знал истинную ценность этого предмета. Сильно сомневалась. Медальон реагировал только на эльфов, и наверняка казался оборотню просто красивой безделушкой. Иначе он никогда не отдал бы его Эльтель. Даже по великой любви. Это было слишком опасным. Ведь первая мысль, пришедшая эльфийке в голову, была как раз о том, чтобы избавиться от Яргела и стать единоличной королевой. Если бы эльфийка не получила воспитания при королевском дворе, может быть, она и загадала бы это смертельно опасное желание. Но ее не зря учили просчитывать ситуацию и предсказывать результаты. Корону легко получить, но очень трудно удержать. Тогда-то у Эльтель и начал складываться план действий. Ей нужен ребенок, которого Яргел официально признает своим наследником и возле которого, (в случае неожиданной смерти короля), она могла бы стать регентшей. Именно в тот момент ей и пришла в голову идея об эльфе с ипостасью оборотня. Эльтель даже достала медальон, но... вовремя остановилась. Тратить единственное желание было жаль. В конце концов, маги и ученые и без медальона смогут исполнить ее желание о необычном ребенке. А уж для того, чтобы организовать чистое и красивое покушение на короля, тем более найдутся подходящие особи. Желание следовало беречь до тех пор, пока не возникнет ситуация, с которой она не сможет справиться самостоятельно. И вот, кажется, подходящий случай наконец-то наступил. Эльфы решили развязать войну.

Эльтель снова надела медальон на шею. Загадать желание, чтобы эльфы не развязывали войну, было просто. Но вот вопрос — каким образом оно исполнится? Королева была достаточно образована, чтобы знать, какие последствия могут быть от неправильно сформулированного желания. Ну и потом. Эльфы знают о том, что медальон находится у оборотней. Они охотятся за ним уже много столетий. Однако все попытки эльфов выкрасть медальон сначала из сокровищницы норлоков, а теперь и у оборотней, заканчивались провалом. Эльтель понимала, что если она сейчас загадает желание, эта охота только активизируется. Более того. В какой-то мере королева упростит эльфам их задачу. Ведь если сейчас перед ними стоит цель не только выкрасть медальон, но и доставить его на земли эльфов, то после того, как желание загадает Эльтель, все изменится. Королева не сомневалась, что как только эльфы почувствуют магическое принуждение, они обо всем догадаются. И удвоят свои старания достать медальон. Для чего? Да для того, чтобы его уничтожить. Тогда магическая сила исполнения желания тоже исчезнет.

Эльтель вздохнула. Тратить свое желание на то, чтобы обезопасить земли оборотней от войны, она не хотела. Но вся проблема была в том, что это теперь были и ее земли. И в том, что справится с данной ситуацией самостоятельно у нее точно не выйдет. Эльфы всегда будут воевать. В чем, в чем, а в этом они даже норлокам не уступят. И пусть все это будет прикрыто красивыми словами и вычурными девизами, суть дела не меняется. Эльфы продолжают нападать. И впрямую, и руками своих соседей. И если Эльтель хочет удержать корону в своих руках, она должна им помешать. И другого выхода, кроме как воспользоваться магической силой талисмана, эльфийка не видела. Причем, осознавая, что эльфы предпримут все попытки, чтобы медальон уничтожить, Эльтель понимала, что мало правильно загадать желание. Нужно еще спрятать медальон так, чтобы эльфы его не нашли. Эльтель мстительно улыбнулась. В этом мире есть единственное место, куда эльфы не сунутся даже под угрозой смертной казни. Озеро Фей. Эльфы поклоняются ему и не смеют не то что прикасаться к воде — даже подходить близко. На дне этого озера медальон будет в абсолютной безопасности. Так что оставалось решить основную проблему — правильно сформулировать желание и придумать, как пронести медальон на эльфийскую территорию.

Собственно, именно поэтому Эльтель и решила на явную авантюру — обратиться к магии оборотней. Ей срочно нужен был совет, и она надеялась его получить с помощью королевского зеркала. В конце концов, она же действовала в интересах расы оборотней! Эльтель стремительно вошла в тронный зал, встала перед зеркалом и произнесла заклятье. К счастью, магическое зеркало не стало сопротивляться и довольно охотно дало совет. И какой совет! Эльтель даже невольно фыркнула, не понимая, почему столь элементарная идея не пришла в голову ей самой. Бродячая группа! Уж где-где, а у них медальон точно искать не станут. Тем более, если повозку будет сопровождать менестрель. Однако тут возникал другой вопрос — каким образом повозку с бродячими актерами направить к эльфам? Может, заключить с ними контракт? Эльтель задумалась. Почему бы и нет? Помнится, покойный король Роберт частенько так поступал. Так что если она решит нанять бродячих актеров, никто не удивится. Надо только предлог поубедительнее придумать. Скажем, доставка письма к ее эльфийской родне. Причем с такими важными сведениями, которые телепатической связи лучше не доверять. А что? Вполне может прокатить. Кто ж из менестрелей откажется блеснуть при эльфийском дворе? Неплохая идея. Теперь еще одна проблема — куда бы спрятать бесценный медальон, чтобы его не нашли ни случайно, ни намеренно? Может... Эльфийка открыла потайную дверцу в стене и достала лютню. Вот! Великолепное творение гениального мастера Страдамара. Его печать на основании инструмента достаточно массивна, чтобы спрятать внутри медальон. Так что эту проблему решить легче легкого. Если королева хоть что-то понимала в менестрелях, (а она знала их как облупленных), ни один из них со столь ценным инструментом не расстанется даже на миг. И за сохранность медальона можно быть абсолютно спокойной. Остается решить самый главный вопрос — кому она может доверить свою тайну. Эльтель скривила красивые губы. Ответ на этот вопрос был только один — никому. Но этот ответ, к сожалению, был неправильным. Кто-то должен был охранять лютню в пути от всяческих случайностей. Кто-то, кому можно доверять, должен был достать медальон из лютни и забросить его в озеро. Только вот кто?

Эльтель тяжело вздохнула, но делать было нечего. Приходилось признать, что единственное существо, которому можно было доверить такое задание без боязни, что он предаст, был Шерман. Эльтель не сомневалась, что он сможет и проникнуть на эльфийские земли, и доставить медальон по месту назначения. Она вообще не сомневалась в его способностях с тех самых пор, как он умудрился похитить ее прямо из дворца. Но просить его о помощи было выше ее сил. Эльтель до христа сжала руки. Властители, как же она его ненавидела! В любой ипостаси! И норлок отвечал ей взаимностью. Наглый, бесстрашный воин, которому в бою не было равных, не поддавался эльфийской магии. И эльфийским хитростям. Норлок, в котором

текла королевская кровь, был выше условностей. Фактически, он являлся рабом Яргела, но меньше всего походил на раба. Слишком много в нем было свободы и гордости. Нет, даже не гордости. Гордыни. Шерман настолько презрительно отвергал все домогательства Эльтель, что ей просто пришлось его возненавидеть. Хотя бы ради того, чтобы сохранить собственное достоинство. Она отступилась и попыталась воздействовать на норлока по-другому, буквально подкладывая ему в постель своих фрейлин.

Фрейлин норлок трахал через одну, но Эльтель это ничего не давало. Ни одной из девиц не удалось зацепить норлока. Шерман относился к ним с презрением и чувством собственного превосходства. Казалось, он просто считал их недостойными себя, любимого. А ведь многие из этих фрейлин были дочерьми знатных родов! Эльтель ни за что не призналась бы самой себе, но ее просто бесило, что часть придворных дам бегают за норлоком по своей собственной инициативе, без всяких подталкиваний со стороны королевы. Разумеется, это была та часть, которая не видела Шермана в его истинной ипостаси. Эльтель ядовито усмехнулась. Сразу же после свадьбы она запретила и Шерману, и Яргелу шляться по дворцу в своих истинных ипостасях. Ее раздражали и медвежья шерсть короля, и чешуйчатая кожа его подчиненного. Когда они находились в человеческих ипостасях, Эльтель хотя бы могла на них смотреть без содрогания. Яргел, который был в нее безумно влюблен, сразу же согласился. А норлок... ну... ему пришлось подчиниться. И после этого он возненавидел Эльтель еще больше. Ну откуда, скажите на милость, эльфийка могла знать, что у норлока в принципе одна ипостась? И что обретение другой будет для него болезненным и унижительным процессом? И что каждая трансформация будет даваться ему ценой невыносимой боли? Однако Шерман, похоже, решил, что Эльтель сделала это в отместку. И где-то в глубине души эльфийка понимала, что норлок абсолютно прав.

Эльтель постаралась успокоиться и взять себя в руки. Что бестолку жалеть о собственных глупых поступках? Прошлого не вернешь. И не изменишь. И даже если бы вдруг Эльтель сумела через себя переступить и попросить у Шермана помощи в задуманной ей аванюре, из этого ничего не выйдет. Норлок не захочет ей помочь. И не сможет. Просто потому, что подчиняется он только Яргелу. А это значило, что короля следует тоже ввести в курс дела. Последнее не нравилось эльфийке совершенно. Потому что реакцию своего благоверного на факт существования магической вещи с неограниченными возможностями она предсказать не могла.

Шерман одернул куртку, вогнал меч в ножны и с отвращением посмотрел на себя в зеркало. Собственная человеческая ипостась вызывала в нем чувство глухого раздражения. Чудовищная боль после трансформации почти прошла, и реакцию организма выдавала только испарина на лбу и дрожащие пальцы. Истинным оборотням, вроде Яргела, трансформация давалась легко, а вот для норлока была сущим наказанием. И Шерман прекрасно знал, кому он этим наказанием обязан. Знал, и ненавидел Эльтель еще больше. Если это вообще было возможно. Властители, и почему Яргела угораздило влюбиться именно в эту стерву? Впрочем, вряд ли любая другая эльфийская принцесса оказалась бы лучше. Им же с детства внушают, что эльфы — древнейшая и мудрейшая раса, что равных им просто нет, что прочие смертные просто не достойны даже их внимания. Это ведь только в народе могла прижиться история о романтической любви эльфийки и оборотня, закончившаяся свадьбой. А реальность была куда прозаичнее. И жестче. Яргел, может, и влюбился в Эльтель, не устояв перед эльфийской красотой и магией, а вот королева отнюдь не испытывала к своему благоверному теплых чувств. Уж кому, как не Шерману это знать. Эльтель вешалась на него просто без всякого стеснения, а когда норлок ее отверг, возненавидела его. И не смогла простить ему этого пренебрежения. Отчаявшись соблазнить Шермана сама, Эльтель начала подкладывать ему своих фрейлин. Эльфийка даже обещала дать ему свободу (разумеется, на определенных

условиях), но норлок ей не верил. И не доверял.

Шерман перевел дух, стараясь справиться со своей реакцией на трансформацию и, несколько успокоившись, открыл дверь. Его величество Яргел требовал Шермана для конфиденциального разговора. А это значило, что норлока снова ждало смертельно опасное поручение. Не сказать, что норлок этого боялся — за свою богатую приключениями жизнь страх он растерял напрочь, но отдохнуть хотелось. Путешествие сквозь миры изрядно его утомило.

— Садись, — приказал Яргел, меряя шагами комнату. Похоже, его величество было в премерзком настроении.

— Опять война намечается? — скучающе поинтересовался Шерман, устраиваясь в кресле и подталкивая короля к дальнейшему разговору.

— Эльфы решили нарушить перемирие, — раздраженно объявил Яргел.

— Вот так ничего себе... а как же Эльтель?

— Никак! — зло отрубил король. — Видимо, им до такой степени хочется подмять под себя западную часть наших земель, что они решили рискнуть своей принцессой. Тем более, что она опозорила их род и вышла замуж за оборотня.

— Откуда такие вести? — нахмурился норлок.

— Эльфы предупредили Эльтель. А она меня. Удивлен? — усмехнулся Яргел, с удовольствием взирая на озадаченную физиономию Шермана. — Знаю я, не веришь ты в ее любовь ко мне. И в ее преданность. А Эльтель, выбирая между своей расой и своей семьей, выбрала меня. И выход нашла из сложившейся ситуации.

Ха! Яргела она выбрала... а куда ей деваться было, когда ее свои же эльфы кинули? Неизвестно, как за свою семью, а вот за свою корону Эльтель точно будет сражаться до последнего. Однако объяснять это Яргелу было абсолютно бессмысленно, и Шерман благоразумно промолчал. К тому же... что там король говорил о выходе из сложившейся ситуации?

— Помнишь ли ты, какой дар я преподнес Эльтель в день нашей свадьбы? — спросил Яргел.

— Разумеется нет! — фыркнул Шерман. — Мне не до этого было.

— Я подарил ей драгоценный медальон. Однако, как оказалось, я и сам не знал ценности этой вещи. Этот медальон может исполнить одно желание члена королевской эльфийской семьи.

— Что?! — дернулся Шерман, представив себе ужасающую перспективу исполнившегося желания Эльтель. — И что она загадала?

— В том-то все и дело, — самодовольно улыбнулся Яргел. — Эльтель собирается попросить, чтобы эльфы никогда больше не нападали на земли оборотней. Ни сами, ни силами соседей.

— Это возможно? — поразился Шерман.

— Возможно.

— Значит, после того, как Эльтель загадает желание, война с эльфами нам больше не грозит?

— А вот это не факт, — вздохнул Яргел. — Эльфы знают, что медальон хранится у нас. Помнишь, мы еще с тобой оба удивлялись, с чего вдруг эльфы активизировали свои попытки проникнуть ко мне в хранилище? Оказывается, они пытались выкрасть именно этот медальон.

— Королева носит медальон уже три года...

— Однако она до сих пор ни желание не загадала, ни родственникам его не передала! — с воодушевлением припечатал Яргел.

— Это, конечно, хорошо... — задумчиво пробормотал Шерман. — Но опасно.

— Еще бы! Ведь как только эльфы почувствуют на себе магическое влияние, они сразу догадаются, какое желание загадала Эльтель.

— И? — насторожился норлок.

— И предпримут все силы, чтобы достать медальон и уничтожить его, — раздраженно пояснил свою мысль Яргел. — Магия вещи пропадет вместе с ней, и желание Эльтель потеряет свою силу.

— Значит, медальон нужно спрятать как можно надежнее.

— И Эльтель подсказала мне, где именно это можно сделать. Тебе говорит что-нибудь название Озеро Фей?

— А как же! — хмыкнул Шерман. — Священное место эльфов, к которому они даже приближаться не смеют. Эльтель предложила упокоить медальон на его дне? Великолепная идея! Вопрос только в том, кто и каким образом его туда доставит.

— Вот об этом-то я как раз и хотел с тобой поговорить.

— Я?! — возмутился Шерман. — Да меня ж любая собака знает, как облупленного, причем в обеих ипостасях! Чего-чего, а внимание я к себе сразу же привлеку. Да и на эльфийские земли я вряд ли смогу незаметно пробраться. После того, как я похитил Эльтель, у них там защита магическая стоит против норлоков.

— Если обстоятельства сложатся неблагоприятно, тебе придется рискнуть, — рявкнул на разошедшегося Шермана король. — Но возможно, этого не понадобится. У Эльтель возникла потрясающая идея. Как ты знаешь, через пару недель я встречаюсь с королевской семьей водянок. Нам нужно обсудить некоторые вопросы. В честь этой встречи Эльтель проведет конкурс менестрелей. Победитель получит денежный приз и лютню великого Страдамара.

— Медальон, насколько я понимаю, будет спрятан именно в ней?

— Да, под печатью мастера.

— Действительно потрясающая идея, — признал Шерман. — Менестрель грудью ляжет, защищая свой инструмент. Это при условии, что вообще найдется такой придурок, который решится напасть на менестреля.

— Вот именно, — кивнул головой король. — И еще. Помимо приза победитель получит контракт с королевской труппой.

— С какой? — опешил Шерман. — Помнится, батюшка ваш, конечно, баловался таким делом,

поощряя шутов и фокусников, но за вами, ваше величество, таких слабостей, вроде бы, никогда не водилось.

— Теперь водятся, — отрезал король. — Я пригласил Манку с Мимелом. Эта парочка троллей вполне может показывать какие-нибудь силовые номера, метать ножи и устраивать бои на кулаках. К тому же, я надеюсь, Манка не разучилась готовить. И еще я пригласил Рыжих братьев. Эти гремлины могут принять человеческую ипостась, и вполне способны изобразить из себя акробатов и жонглеров.

— Еще бы! — фыркнул Шерман, имевший удовольствие видеть эту парочку в бою. Помнится, тогда они без особого труда ходили по потолку. — Да уж, королевская труппа получится на славу. Они будут знать, что везут?

— Нет. Для всей труппы официальной версией будет доставка письма Эльтель ее родственникам. Воины по дороге займутся разведкой, ну и подстрахуют менестреля от разных неприятных случайностей. Я дам им артефакт связи, но только на крайний случай, если ты по дороге умудришься свернуть голову.

— А я тоже должен ехать с бродячей труппой? В качестве кого?

— Идиотский вопрос. Ты же сам сказал, что тебя каждая собака знает! Поэтому ты будешь изображать из себя королевского гонца к Богарту Благословенному. Причем изображать активно, от души. С возможно наибольшим количеством попок, драк и приключений с женщинами. Ты должен шуметь, бузить, устраивать дуэли и всяческим образом отвлекать на себя внимание. Однако повозку далеко из вида не упускай. Когда она доберется до границы с эльфами, ты к ним присоединишься. Кому доверить выполнение задания — решишь на месте. Идеально было бы, конечно, если бы ты сам проник к эльфам. Чему ты улыбаешься? — вспыхнул Яргел. — Ты вообще слышишь, о чем я с тобой говорю?

— А то, — продолжал ухмыляться Шерман. — Драки, попойки, женщины... давненько я так не отдыхал хорошо.

— Ты только смотри, с девками не переборщи. Ты и так меняешь их как перчатки, — упрекнул его король. — А меня потом достают их почтенные родители с требованием компенсации за причиненный ущерб. Мне даже любопытно... у норлоков вообще совесть есть?

— Понятия не имею, — отмахнулся Шерман. — У меня точно нет. А визитеров всяческих можешь смело гнать в шею. Я с невинными девицами никогда не связываюсь, слишком много проблем. А те, кто делит со мной постель, будучи взрослыми, самостоятельными женщинами, знают, на что идут. Я им с самого начала всегда даю понять, что отношения не продлятся долго. Ты же знаешь, я терпеть не могу обязательств. В большинстве случаев женщины соглашались на такие условия, и каждый получал то, что хотел. Разве не так?

— О чем с тобой можно говорить? — отмахнулся Яргел. — Ты хоть когда-нибудь испытывал серьезные чувства хоть к одной женщине? Неужели тебе вообще чуждо понятие романтики?

— Это в смысле торчать под чужими окнами, падать на колени перед дамой сердца, петь ей серенады и сражаться на турнирах? — ехидно поинтересовался Шерман. — Яргел, ты что, всерьез думаешь, что я способен заняться всей этой чепухой? Я слишком себя уважаю...

— Тьфу! Иди отсюда, не раздражай меня! И будь готов отправиться с посланием к Богарту Благословенному.

До королевской площади, где проводился конкурс менестрелей, мы добрались без труда. За пару недель путешествия по городам и весям я умудрилась заработать довольно приличное количество денег, и мы путешествовали с комфортом. Честно говоря, я даже не думала, что буду иметь такой успех. И это при всем при том, что (по совету Мирлин) мое творчество ограничивалось двумя сказками и одной песней. Сначала я, было, взбунтовалась (охота, что ли, одно и то же сто раз повторять?), но моя разумная служанка расставила все по местам. Дескать, зачем привлекать к себе ненужное внимание и раздражать конкурентов? Вот удастся мне победить в конкурсе, тогда никто и вякнуть не посмеет, что я лютню в руках держать не умею. А так... Поскольку менестрелем я являюсь неофициально и никто меня не знает, вступить за меня, в случае чего, будет некому. А неприятностей, которые могут со мной случиться, слишком много. Заплатит конкурент страже, и те подержат меня недельку в погребе. Убытка мне большого не будет, а на конкурс не попаду. И потом. Мирлин же в деревне росла, правил менестрелей не знает. А ну как для того, чтобы влиться в их стройные ряды, нужно сделать гораздо больше, чем купить лютню? Не хватало еще, чтобы придравшись к какой-нибудь формальности, мне выступать запретили. Приведенные доводы показались мне убедительными, и я с Мирлин согласилась. Более того, впечатлившись ее предположением о возможном запрете моей деятельности, я вообще старалась не светиться. Впрочем... даже такой образ жизни обеспечивал нас довольно хорошо.

Записавшись в участники конкурса и удобно устроившись в теньке (подальше от любопытных глаз), я оценила обстановку и пришла в хорошее расположение духа. Во-первых, потому, что из существующих 10-ти менестрелей на конкурс явились только четверо, а во-вторых, после первой же пары песен, я поняла, что они мне не конкуренты. Вообще. Бог ты мой, да у нас даже выкидыши «Фабрики звезд», и те мелодичней поют! Поняв, что победа на конкурсе практически у меня в кармане, я отвлеклась от менестрельских песнопений и начала рассматривать членов королевских семей. Ну любопытно все-таки! Так... справа, похоже, король оборотней Яргел, о котором я столь много наслышана. Нда... вот уж шкаф так шкаф... сразу видно, что его истинная ипостась — медведь. Причем здоровый. Не хотела бы я с ним в лесу нос к носу столкнуться. А что за дама рядом с ним? Неужели Эльтель? Странно... лично я себе эльфиек совершенно по-другому представляла. Ну там загадочный взгляд с вековой мудростью, идеально прекрасные черты лица, снежно-белые волосы... однако все, что было у Эльтель из перечисляемого обычно набора фэнтезийных штампов — это заостренные кончики ушей. Ну и еще фигура неплохая. Все остальное, увы, было весьма посредственным. Ха! Вот так и рушатся идеалы. Я вздохнула и перевела взгляд на водянок. Ну... вполне... ничего себе. Хвостов рыбьих нет, тины в волосах тоже, а то, что кожа зеленую отдает, так это пережить можно. Интересно, а стоящие за королевской четой четверо тритонов и есть принцы? Любопытно, и какой из них мой?

Я настолько загляделась на бравых молодцев, пытаюсь угадать, который из них мой суженый, что чуть не пропустила свою очередь. Впрочем, моей секундной заминки никто не заметил. Все были слишком удивлены появлением нового, никому неизвестного менестреля. Я вышла в центр, поклонилась королевским семьям, и села на приготовленный стул. Улыбнувшись, я коснулась струн и сначала спела о безответной любви (для присутствующих дам), затем о море (конкретно в расчете на реакцию водянок) и, наконец, о военных подвигах (мужики такое любят). Ну? И кто сомневается в том, что я одержала убедительную победу? Королевская чета водянок даже поинтересовалась, не могли бы и они тоже подарить мне что-нибудь, как победителю. Я, разумеется, ухватилась за представившуюся возможность, и попросила оказать мне честь и познакомить меня с предназначенным мне судьбой принцем. Водянки перспективе заполучить талантливого менестреля в моем лице откровенно обрадовались, и тут же

представили мне моего суженого.

— Принц Тирл Уоррек Ишшт-Рейн, — вежливо поклонился тритон.

— Брин, — улыбнулась ему я.

Ну! Это даже лучше, чем я себе представляла. Высокий, подтянутый, симпатичный молодой человек с прозрачно-серыми глазами мне даже понравился. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что зеленцой у него отливают не только кожа, но и волосы, но это были уже мелочи жизни по сравнению с мировой революцией. Что ж... если я не смогу вернуться в свой мир и не найду в качестве мужа ничего более подходящего, можно и к этому варианту привыкнуть. Принц галантно поцеловал мне руку и подарил водяную лилию. Да... похоже, Мирлин была права. Водянки страдают умопомрачительной скупостью. Неужели невесте нельзя было подарить ничего более ценного? Однако, деваться было некуда. Я взяла цветок, улыбнулась принцу и направилась к эльфийке за призом.

Королева Эльтель встретила меня, как родную. Ну надо же... а Шерман отзывался о ней, как о редкостной стерве. Интересно, это он категорически не прав, или эльфийка преследует какие-то свои цели? Эльтель даже покинула высокое собрание, приглашая меня следовать за собой. У нее что, приз во дворце хранится? А на площадь его нельзя было вынести? Эльтель усадила меня в каком-то кабинете, велела принести мне чая и куда-то убежала. Да уж... в более странную ситуацию я никогда не попадала.

Эльтель осторожно прикрыла за собой дверь и торжествующе улыбнулась. Ей повезло даже больше, чем она рассчитывала! Смертная девица с неожиданным талантом менестреля, с неизвестными песнями, возникшая буквально ниоткуда... да она идеально подходит для отвлечения внимания! Слишком красива, чтобы счесть ее опасной. Слишком талантлива, чтобы посторонний человек смог обратить внимание на что-то другое. Владеющая лютней гениального Страдамара и несущая на своем плече знак избранницы принца водянок, эта Брин будет, определенно, слишком заметной личностью, чтобы ее можно было заподозрить в чем бы то ни было. Теперь осталось только выяснить, чего хочет эта девица и предложить ей контракт, посулив исполнение заветного желания.

Когда вручившая мне лютню и мешочек с деньгами Эльтель поинтересовалась, чего я хочу, я даже растерялась. Не слабый вопрос... да мало ли чего! Впрочем, самое заветное мое желание лежало на поверхности. Я по-прежнему хотела попасть домой.

— Это возможно? — поинтересовалась я у эльфийки.

— Возможно, — ответила она после недолгого раздумья. — Но как ты умудрилась переместиться между мирами?

Я вздохнула, и поведала эльфийке историю об оказавшемся в моей квартире норлоке. Эльтель даже поперхнулась. Ну так... а чья была вина, что у Шермана сбился вектор перемещения? Эльфийка тут же начала меня уверять, что она нечаянно. А мне-то что, легче что ли от этого? И куда, интересно знать, подевался Шерман, затащивший меня в этот мир? Оказалось, что норлока отправили в качестве гонца к королю Богарту Благословенному (кажется, Шерман упоминал его имя в том контексте, что он полный идиот). А вот вину за мое попадание в данный мир эльфийка с норлока сняла полностью. Точную причину произошедшего, правда, она определить не смогла, но абсолютно уверенно заявила, что у Шермана на это не хватило бы ни сил, ни умения.

— А вы действительно сможете меня домой вернуть? — уточнила я.

— Безусловно. Если ты тоже для меня кое-что сделаешь.

О! Это уже другой разговор! Вот это уже больше похоже на реальность. А то уж слишком подозрительно расщедрилась королева и на призы, и на обещания. Не верю я в благотворительность.

— Что именно я должна сделать? — напряглась я.

— Победитель конкурса заключает контракт с королевской труппой и путешествует с ней. Как ты понимаешь, у труппы, официально поддерживаемой королевской семьей, высокая популярность и, соответственно, доходы. Обычно, труппа сама избирает себе маршрут движения. Однако на сей раз, я хотела бы, чтобы вы послужили короне. Мне нужно доставить письмо моим эльфийским родственникам. Эта информация слишком ценна, чтобы доверять ее телепатической связи.

— А бумаге? — сразу же заподозрила неладное я.

— Никто, кроме эльфа королевской семьи не сможет его прочесть, — пояснила Эльтель. — Оно написано специальным шифром. И содержит довольно важные сведения. На дорогу до эльфийской столицы и обратно у вас уйдет около четырех месяцев.

— А король знает об этом послании? — уточнила я, не желая ввязываться в дворцовые дразги.

— Разумеется! — уверила меня Эльтель. — Это письмо должно остановить войну, которую планируют начать эльфы. Я не могу позволить, чтобы моему мужу и моей стране угрожала опасность.

— Ты его так любишь? — удивилась я, не заметившая, чтобы Эльтель кидала на своего супруга нежные взгляды.

— Конечно! — вспыхнула эльфийка.

Ну-ну... да Эльтель даже в любительский театр не взяли бы, с ее-то способностями. Точнее, с полным отсутствием таковых. Однако... с королевами не спорят, а потому я сделала вид, что (разумеется!) ей поверила и приготовилась выслушать романтическую историю.

Рассказывала Эльтель интересно, с душой. Вот в ком, блин, менестрель-то умер! Ее эпопея, правда, изобиловал неувязками, натяжками и роялями в кустах, но если учесть, что истории сочинять здесь вообще никто не умеет... то вполне ничего. Особенно мне понравился сюжет с ее похищением и свадьбой. Романтика! Там тебе и цветы, и серенады под балконом, и турниры в ее честь. А я-то думала, что такое только в средневековых рыцарских романах бывает.

— Как же Яргелу удалось тебя похитить прямо из королевского дворца? — хлопая глазами, наивно поинтересовалась я, искренне изображая, что никогда раньше данную историю не слышала. — Ведь наверняка же тебя охраняли. И думаю, охраняли серьезно, как и любого другого члена королевской семьи.

— Меня похитил вовсе не Яргел. В такую безумную авантюру мог влезть только норлок. Личный раб короля Яргела.

— Раб? — на сей раз искренне удивилась я. Нет, Шерман, конечно, упоминал, что он заклят

магией на верность, но эпитета «раб» в его рассказе не звучало определенно.

— Раб! — шипящим от ненависти голосом подтвердила Эльтель. — Жестокий, наглый и совершенно сумасшедший тип. Этот норлок не боится ни смерти, ни боли, ни опасности. По моему, ввязываться в различные неприятности — это просто его вторая натура.

— А первая какая? — хмыкнула я, мысленно соглашаясь со всеми прозвучавшими эпитетами.

— Коллекционировать женщин, — зло фыркнула эльфийка.

— Что-то мне подсказывает, что ты этого норлока крупно недолюбила. Есть причина? — любопытствовала я. А что? Интересно же услышать версию другой стороны.

— Ну, скажем так. С момента моего похищения из дворца и до моего попадания к Яргелу я пережила немало неприятных минут. Ни деликатностью, ни тактичностью, ни вежливостью Шерман не страдает. Когда Яргел меня увидел, я была вся в синяках и в полубморочном состоянии. Шерман запугал меня до смерти. Яргел устроил ему нагоняй, окружил меня заботой, теплом и вниманием. Он был настолько нежен и предупредителен, что тронул меня до глубины души.

— Понятно, — хмыкнула я.

А что? Лично мне действительно все стало понятно после общения с Эльтель. Похоже, эльфийка просто запала на норлока, а тот не ответил ей взаимностью. Вот она и бесится теперь. Бедный, бедный Шерман... и Яргел... это ж надо, такую змеюку на груди пригрели! Впрочем... это их проблемы. Лично мне от эльфийки нужно было только одно — чтобы она меня домой вернула. И если для этого мне придется сделать вид, что я круглая дура и верю всему, что она говорит, значит, я это сделаю.

На мое счастье, настроение нести романтический бред прошло у Эльтель довольно быстро, и я, наконец, смогла выбраться из дворца. Мирлин меня уже ждала.

— Ты где пропадала? — возмутилась она.

— С королевой беседовала.

— Так долго?

— А что, мне нужно было ее прервать сообщением, что ты меня заждалась? — ехидно поинтересовалась я.

— Не только я. Королевская труппа тоже тебя ждет. И горит желанием с тобой познакомиться.

— Да? Ну, пойдём. Я тоже хотела бы их увидеть.

Вопреки всем уверениям Мирлин, артисты королевской труппы вовсе меня не ждали. Они репетировали. Я подошла ближе и решила разглядеть подробнее тех, с кем мне предстояло делить долгий путь.

— Вот это — Манка и Мимел, они тролли, — тут же зашипела мне на ухо Мирлин, показывая на парочку перекаченных бельевых шкафов, отличающихся друг от друга только одеждой.

— Манка в платье, а Мимел в штанах? — на всякий случай уточнила я. Мирлин закивала. — А рядом с ними парочка рыжих пацанов — это кто? Что-то не верю я, чтобы люди были на такое

способны, — поинтересовалась я, глядя, какие безумные акробатические трюки они выделывают.

— Это гремлины, — просветила меня Мирлин, — во время путешествий по другим странам они предпочитают принимать человеческую ипостась.

— Весело, — хмыкнула я и, наконец-то, решила объявить о своем присутствии. Деликатное покашливание произвело нужный эффект. Гремлины перестали стоять на ушах, тролли отвлеклись от своей борьбы нанайских мальчиков, и четыре пары глаз испытующе уставились на меня.

— Приветствую вас! — влезла Мирлин.

— Здравствуйте, — мило улыбнулась я. — Меня зовут Брин. Я менестрель.

— Я Мимел, — представился тролль. — Мы с Манкой показываем силовые номера, метаем ножи и устраиваем бои без оружия. Еще Манка хорошо готовит и отвечает за все наше хозяйство. А это, — он кивнул на гремлинов, — Тор и Тур. Они близнецы. И кто из них есть кто они, по-моему, даже сами не знают.

— Мы акробаты, жонглеры, фокусники... всего понемногу, — сказал один из гремлинов, вежливо поклонившись. Я поклонилась в ответ.

— Меня зовут Брин, — повторилась я для них. — А мою спутницу Мирлин.

— Боюсь, мы все не поместимся в повозку, — нахмурился тролль, оглядывая стоявшее рядом средство передвижения, украшенное королевским гербом. — Мы вчетвером-то тут еле помещаемся. А еще и вас двое.

— Нас трое, — поправила я его. — И у нас есть своя повозка.

— А кто третий? — удивленно заглядывался по сторонам Мимел.

— Дрессированный варш, — сообщила я, и искренне насладилась видом отпавших челюстей. — Не беспокойтесь, — сжалилась я, наконец, над своими попутчиками. — Мирлин приручила его и умеет общаться с ним. Он вполне разумен.

— Ну... если так... — почесал в затылке Мимел. — Тогда мы продолжим репетицию. Присоединитесь?

Глава 4

...Дни, когда мир населяли сказочные существа, каких ныне можно увидеть разве что выпив кварту выдержанного денатурата.

Берд Генри Н., Кенни Дуглас К. «Пластелин колец»

Шерман хмуро смотрел на представшее перед ним зрелище и ругался. Грязно, долго, витиевато и самыми мерзкими словами, которые он только знал. Как, скажите, ну как можно выполнить задание охранять повозку с актерами, если ты даже не знаешь, что этих повозок две? Ну и за какой из них он должен следить, скажите на милость? Где этот менестрель, гоблины бы его побрали с его лютней? И почему Яргел не сообщил ему о такой «мелкой»

детали, как присутствие в труппе варша? Впрочем, король вообще вел себя непонятно. Даже не соизволил сказать пару слов своей собственной труппе. Конечно, тролли с гремлинами Яргела знают, и вряд ли вообще обратили на это внимание (тем более, что вечером перед поездкой король провел с ними инструктаж лично), а вот менестрель вполне мог решить, что Яргел — невоспитанный тип. Да еще и скупой до крайности. Даже благословения своего королевского не дал, не говоря уж об обычном для королевской труппы денежном содержании.

Шерман поудобнее устроился на своем наблюдательном пункте и расстегнул камзол. Было чертовски жарко. Настолько, что будь его воля, он вообще разоблачился бы до пояса. Однако навязанная норлоку роль королевского гонца таких вольностей не позволяла. А потому приходилось терпеть. И наблюдать. В принципе, конечно, можно было дожидаться труппу и в замке Валдисов, все равно актеры попытаются там остановиться, чтобы дать представление, подзаработать, да и иметь возможность переночевать под крышей, но Шерман хотел разглядеть своих подопечных в неофициальной обстановке. Когда никто из них даже не подозревает о том, что за ними наблюдают. Норлок сосредоточился и постарался стать как можно незаметнее. Сделать это было проблематично. И тролли, и гремлины, были бывальыми воинами, и умели чувствовать опасность. Не говоря уж о том, что норлока мог учуять варш. Однако Шерман все-таки решил рискнуть. Тем более, что увлеченные репетицией, актеры несколько расслабились. Мимел метал ножи из разных позиций в дубовую колоду, гремлины пытались буквально вывернуться наизнанку, выполняя сложный трюк, а Манка что-то готовила. Понятно, актеры решили сделать перерыв на обед. Какая-то девчонка вылезла из повозки и подошла к варшу, с намерением его накормить. Похоже, это хозяйка хищника. А где же менестрель? Наконец, полог повозки откинулся, показалась известная лютня, а затем... еще одна девчонка. Менестрель женщина? Однако легкое удивление Шермана было недолгим. Очень. Потому что когда девица обернулась к нему, норлок испытал уже не удивление. Потрясение. Это была Брин!

Мысли Шермана заметались, как звери в клетке. Это невозможно! Как же так? Как эта девица умудрилась оказаться в его мире? Ответ на вопрос был только один. Скорее всего, Брин не стала спать, как собиралась, до обеда. Властители, ну какой же гоблин заставил ее выйти на улицу, когда портал еще не закрылся? И главное, зачем она взяла с собой монету?! Шерман щедро оставил большой королевский золотой в качестве платы за гостеприимство постороннего мира. (Хотя на такие деньги он мог не один месяц гулять в лучшем трактире, причем в хорошей компании). Но норлок же и подумать не мог, что Брин станет разгуливать по улице с такой суммой! Несомненно, монета стала проводником, и неумная девица, сама того не желая, попала в его мир. Ну, что ж... следовало признать, устроилась она здесь неплохо. И даже сумела стать королевским менестрелем. Надо же...

Шерман окинул заинтересованным взглядом фигурку Брин и плотоядно ухмыльнулся. Одетая менестрель, конечно, была намного приличнее, чем при их первой встрече. Дорогое дорожное платье, хорошая обувь... но Шерман помнил, как она выглядит в другом, более легкомысленном наряде. Даже слишком хорошо помнил. И понимал, что Брин в бродячей труппе было абсолютно не место. Трудно даже было представить себе существо, которое смотрелось бы среди троллей и гремлинов более неуместно. Брин была изящным, нежным, эфирным созданием, которое, казалось, даже не касалось ногами земли. Тоненькая и гибкая как тростинка, она отличалась удивительной легкостью и грацией движений. Нежная и хрупкая, она походила на изысканную фарфоровую статуэтку, сотворенную гениальным Мастером. Казалось, что одно грубое прикосновение — и ее не станет. Властители! Какой гоблин потянул Брин в менестрели? Она что, получше ничего не смогла придумать? Да стоило ей только появиться при дворе, и отбоя не было бы от желающих ее содержать! Он бы и сам с удовольствием предложил ей место своей любовницы. Если бы был свободен. Но Шерман не

был свободен. Он принадлежал королевскому дому оборотней. Был их вещью. И позволить себе иметь привязанности просто не мог. Особенно зная, как ненавидит его Эльтель. И как она будет рада уязвить его, уничтожив то, что ему дорого. К гоблину! И все-таки... все-таки Шерман очень хотел бы познакомиться с Брин поближе.

Да что ж это за наваждение-то такое! Шерман помотал головой. Может, неизвестный вид магии, который действует даже на норлоков? Чушь! Шерман сразу бы это почувствовал. Ну и потом... как Брин может колдовать, если даже не знает о его присутствии? Впрочем, рисковать все-таки не стоило. И показываться ей на глаза сейчас было бы глупо. Идеально было бы, если б вплоть до эльфийской границы никто из актеров вообще не заподозрил бы, что за ними наблюдает норлок, но это было мало реально. Если на землях Высших рас тролли с гремлинами вели себя относительно беспечно, то как только повозка пересечет границу с землями людей, все изменится. Бывалые воины удесятерят собственную осторожность, и норлоку уже не удастся незаметно к ним приблизиться. Шерман вздохнул. Зная троллей и гремлинов, он мог бы поклясться, что охранять их так, чтобы они ничего не заметили, у него не получится.

Я грелась на солнышке и перебирала струны лютни. Неплохо было бы подобрать мелодию прямо под трюки моих братьев по профессии. А то что это за номера без музыкальной аранжировки? Гремлины хоть постоянно трюки меняют (видимо, ищут позицию, в которую они все-таки не смогут вывернуться), а вот выступления троллей отличались редкостным разнообразием. Метание ножей, разгибание подков, поднятие тяжестей. Надеюсь, представление с их участием хоть немного оживят зрители. Если, конечно, хоть какой-нибудь идиот решит померяться силами с троллем. Правда, Мимел утверждал, что такое случается периодически. Дерутся-то они без оружия. Так что шанс завалить тролля есть у любого профессионального бойца. Такие состязания и толпу хорошую собирают. Народ начинает делать ставки, входит в азарт.

— Послушай, Мимел, а почему ты только ножи метает? — поинтересовалась я. — Почему не топоры, например?

— Городская стража не любит, когда боевым оружием размахивают. Даже на потеху толпе. А нож он и есть нож. Он всегда при тебе. С ним ты всегда отпор дать можешь. Даже там, где мечи обнажать нельзя.

Хм... с одной стороны, вроде бы, понятно. Защищаться с оружием, конечно, проще, чем без него. А что делать, если в нужный момент никакого оружия при себе не окажется? Конфискуют, например, вместе с мечами. В ответ на сей вопрос тролль вытаращил на меня глаза, как на полную идиотку. Помолчал с минуту, а затем со смешком объяснил, что идея запретить носить при себе ножи пока еще не пришла в голову даже такому придурку, как Богарт Благословенный. И не могла прийти, ибо это просто невысказано. Быть вооруженным для любого мужчины также естественно, как носить штаны. И выйти на улицу без ножа, это все равно, что выйти с голой задницей. Тролль всегда должен быть при оружии. И его противники это знают. Поэтому и сами без ножа на улицу не выходят.

Все ясно... идеи гуманизма, пацифизма и непротивления может, и гуляли в этих краях, но земли троллей точно обошли стороной. Если уж какой-то бродячий актер так агрессивно воспитан, страшно представить, как воспринимают мир их воины.

— Идите обедать! — прервала мои размышления Манка.

Я отмахнулась от грустных мыслей и поспешила к котлу. Во-первых, потому, что готовила Манка так, что пальчики оближешь, а во-вторых, когда ты находишься в компании вечно голодных мужиков, лучше не мешкая забрать свою порцию. А об особенностях поведения троллей я и потом успею подумать. Тем более, впереди еще долгий путь и я смогу к ним как следует присмотреться. Хотя чего там смотреть? Шкафы волосатые. Высокие (под два метра ростом), широкоплечие (несмотря на то, что ростом Манка была чуть меньше Мимела, за ее спиной вполне мог спрятаться небольшой медведь) и покрытые от макушки до пяток густой светло-коричневой шерстью. Огромные оттопыренные уши, пара небольших желтоватых клыков, высовывающихся из-под верхней губы, мелкие черные глазки... да еще и друг от друга они практически не отличались. Поскольку несмотря на свои далеко не мелкие объемы, Манка была плоская как доска. (Или это я в физиологии троллей ничего не понимаю?). Единственным, что отличало ее от Мимела, были густые желтые волосы (которые она постоянно скручивала в узел и прятала под косынку), да ярко покрашенные (черного цвета!) когти. (Ногтями это назвать у меня язык не поворачивается).

Гремлины (в своих человеческих ипостасях) на вид были гораздо симпатичнее троллей. И, кстати, не такими одинаковыми, как убеждал меня Мимел. Нет, может, в своей истинной ипостаси их действительно мама не отличит, но вот в человеческих... вполне различить можно. Оба, конечно, длинные, худошавые, вертлявые и рыжие, но Тор явно посolidнее, а Тур вообще на одном месте стоять не может. Да и цвет глаз у них отличался. У Тура глаза были круглые, серого цвета, а вот у Тора слегка раскосые и отдавали в желтизну. Вообще-то все, что я знала о гремлинах, укладывалось в пару фильмов ужасов голливудского производства. А потому лично мне рыжие братья казались вполне милыми (в силу своей абсолютной непохожести на своих киношных собратьев) и довольно общительными. Особенно Тур. У этого любопытство вообще раньше него самого родилось. И еще, по-моему, ему понравилась Мирлин. Во всяком случае, он стеснительно краснел всякий раз, когда смотрел в ее сторону. И даже на ее варша.

— Мимел, ты говорил, что сегодня вечером мы мимо чьего-то замка проезжать будем? — поинтересовалась Мирлин. Тролль молча кивнул. — А мы сможем там выступить?

— Мы спросим. Может быть, нас пригласят, — неохотно процедил в ответ Мимел.

А я в очередной раз порадовалась, что мне так повезло с попутчиками. Для меня путешествие вообще не в напряг было! Уход за лошадьми гремлины на себя взяли, если повозка застрянет где, так ее Мимел одним плечом вытолкнет, готовить тоже не надо — Манка есть. Даже о направлении пути думать не нужно. Мимел, с первых же минут ставший нашим негласным командиром, прекрасно со своей ролью справлялся. Не жизнь, а малина!

— Брин, а почему ты украшения в волосах не носишь? — нахмурившись, поинтересовалась Манка. — У Мирлин и то есть, хоть она мала еще.

— Мне 14 весен уже исполнилось! — тут же возмутилась Мирлин.

— Я и говорю, что мала еще для сватов, — отмахнулась Манка. — А вот Брин в самый раз. Так почто ж она без украшения до сих пор? Или просватана уже за кого-нибудь?

— Какое украшение? — недоуменно спросила я.

— Ой, Манка, да Брин же издалека приехала, — рассмеялась Мирлин. — Она наших обычаев не знает.

— И что это за обычай такой? — тут же полюбопытствовала я.

— Незамужняя девушка должна носить в волосах какое-нибудь украшение. Ленту, шнурок, цепочку или еще что-нибудь в том же духе.

— Зачем?

— Это знак, что она не замужем. И не помолвлена ни с кем, — охотно пояснила Мирлин. — Если у девушки в волосах есть украшение, это значит, что мужчина может предложить ей руку и сердце. Если девушка согласна связать с ним свою судьбу, она отдаёт ему свое украшение. Мужчина носит это украшение на камзоле. Иногда на шее. Но это редко бывает. О таком только менестрели поют.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что надеть на шею такое украшение, это значит, признать себя рабом женщины. На такое не каждый способен. Больно уж мужчины самолюбивые, — вздохнув, поддержала нашу беседу Манка. — Трудно им свою гордыню перебороть.

— Ну, — улыбнулась я, — от великой любви еще не то сделаешь.

— Так вот именно, что от великой, — грустно улыбнулась Манка. — Редко такую встретишь.

— Да цеплять себе ошейник на шею — это ж позор один! — не выдержав, вмешался в наш разговор Мимел. — Свои же ребята засмеют. Скажут, баба уж и веревки из тебя вить стала.

— А-а-а. Ну, тогда понятно. Мужская гордость — это дело тонкое, — фыркнула я.

— Но украшение на волосы ты все же одень, — посоветовала Манка.

— Да зачем оно мне? Я ж за принца водянок просватана.

— Так ты же не хочешь за него замуж выходить? — ехидно напомнила Мирлин. — И мужа себе во время путешествия найти разве не ты хотела? А как мужчина узнает, что за тобой ухаживать можно, если ты ему знак не подашь?

— Уговорили, — улыбнулась я.

Так... и что бы мне такое нацепить на волосы? Ленту что ли? Да ну. Тогда точно ни один мужик у меня ее не попросит. Надо что-нибудь такое в волосы вплести, чтоб мужику на камзоле носить не зазорно было. Может, шнурок? Я оглядела платье, вытащила шнурки, перехватывавшие рукава у запястий, связала их и вплела в волосы. Ну, вот. И я традицию соблюла, и мужику не зазорно будет этот черный шнурок с серебристым проблеском на одежду повесить.

— А почему именно шнурок, цепочка или лента? — дошло до меня. — А заколку нельзя?

— Нельзя, — огорчила меня Манка. — Вплетать в волосы украшение — это древняя традиция. Раньше так делали и мужчины, и женщины. И когда они решали соединить свои судьбы, менялись украшениями и одевали их именно на шею. Это было символом богини любви. Ведь тогда в мире еще не было Властителя.

— А Властитель это кто? Бог? — заинтересовалась я.

— Брин, послушай, откуда же ты взялась, если даже этого не знаешь? — удивился обычно немногословный Тор.

— Издалека, — в очередной раз отмахнулась я от неудобного вопроса. — Так кто же такой Властитель?

— Великий маг, достигший бессмертия и абсолютной власти, — ответил Мимел. — Для Бога он слишком... как бы это сказать? Человечен что ли? Слишком много у него амбиций, суетности, самолюбования. Как будто, он никак не может насладиться достигнутым величием. Боги более спокойны. И уравновешенны.

— А кому вы сейчас поклоняетесь? Богам или Властителю? — не могла угомониться я.

— Поклоняться можно только Богам, — объяснил Мимел. — А Властителя мы почитаем. Ну, скажем... как королей. Да, это самое близкое понятие. Мы относимся к Властителю, как королю всей нашей земли.

— Ну, будем считать, что я хоть что-нибудь поняла, — дернула я бровью. — Буду, значит, как вы, почитать Властителя и поклоняться богам. Кстати, а почему у вашей богини любви такие странные символы?

— Почему странные? — пожалала плечиком Мирлин. — Лента, цепочка, шнурок, нитка... все, что похоже на змею.

— А причем тут змея?

— Так богиня любви предстает пред смертными именно в облике змеи, — пояснила Манка, искренне удивленная моим незнанием элементарных вещей.

— Змеи?! — поразила я до глубины души.

— Конечно. Любовь жалит, словно змея, и яд любовный бывает смертельным, — донесла до меня прописную (по ее мнению) истину Мирлин. — Брин, а кто у вас бог любви?

Я задумалась. Вообще-то, по своему вероисповеданию я была христианкой. Не бог весть какой ревностной, конечно, но тем не менее. Однако пересказывать троллям и гремлинам Библию с Евангелием я не имела никакого желания. Поэтому вспомнила про Амура. И «перевела» его на понятный язык.

— У нас бог любви — стрелок. Стрела тоже пробивает сердце неожиданно, и оно начинает кровоточить. К тому же, частенько, кончики стрел тоже смазывают ядом.

Народ покивал головами, соглашаясь, что такая версия любви тоже имеет право на существование, и разошелся по делам. Нам пора было отправляться в дорогу. А мне... мне нужно было сесть и переделать несколько любовных песен, заменив в них «стрелу любви» на «укус змеи». Романтично... хотя... большую часть песен все равно пришлось переделывать. Частично потому, что некоторые слова я просто не помнила, а частично — для того, чтобы они стали понятны местным жителям. Надо сказать, что процесс вспоминания различных песен вообще оказался не таким уж простым. Музыка я постоянно слушаю, «багаж» с музыкальной школы у меня тоже приличный остался, но вот так сходу вспомнить как можно больше подходящих к ситуации песен и повествований... да еще и подобрать для них мелодию на лютне... не так-то просто. Поэтому всё, что я вспоминала, я тут же старалась для себя записать, благо ручка и блокнот у меня всегда были с собой. Кстати, неплохо было бы, пока есть время, подготовиться и к предстоящему визиту.

— Мимел, а чей замок нам предстоит посетить? Если нас, конечно, туда пустят... — решила

поинтересоваться я, чтобы подобрать подходящий для исполнения репертуар.

— Замок Валдисов. Это древняя герцогская фамилия, — просветил меня Мимел. — Вообще-то вампиры не очень любят бродячих актеров, но Валдисы слишком долго живут на границе. Они приняли многие традиции своих соседей, и со временем стали мало походить на своих собратьев. Недаром королевский дом вампиров именно Валдисам доверяет переговоры с другими расами.

— Мы едем к вампирам? — пришла в ужас я, и мое богатое воображение тут же воскресило в памяти соответствующие картинки, подсмотренные на экране телевизора. Вот только Дракулы для полного счастья мне не хватало! (Не к ночи будь помянут).

— А чем тебе не нравятся вампиры? — практически хором удивились гремлины.

— Э-э-э... а может, мы еще где-нибудь переночуем? — жалобно попросила я, так и не сумев оформить свои страхи в более менее внятное предложение.

— Скорее всего, — отмахнулся Мимел. — Валдисы редко бывают гостеприимны.

Я честно молилась, чтобы у вампиров был не приемный день, и напряженно оглядывалась по сторонам. Чем дальше мы ехали, тем сумрачнее становилась вокруг гористая местность. Наконец, мы въехали на холм, и перед нами предстал замок. Огромный, черный и мрачный. До безобразия. Да, на сей раз создатели голливудских триллеров меня не обманули. Я больше скажу — они даже не добрали слегка. Замок производил настолько гнетущее впечатление, что хотелось взять руки в ноги и сбежать от него подальше. Удерживало меня одно — все остальные мои попутчики никак на окружающую мрачную обстановку не реагировали, и не обнаруживали ни страха, ни беспокойства. Даже варш. Я постаралась взять себя в руки. Может, все не так страшно? Не стал бы тролль тащить нас в замок на верную смерть!

Я слегка приободрилась и высунула нос из повозки. Не надо было этого делать! Поскольку липкий страх снова атаковал меня целым табуном мурашек. Обстановка вокруг замка была мрачной до безобразия. Во-первых, потому, что вокруг царил сумрак, а во-вторых, судя по собачьему холоду, этот сумрак был вечным. Мертвый темный лес зловеще поскрипывал ветками деревьев, а высеченный из черного камня огромный замок пронзал серые тучи своими острыми шпильями. Я передернула плечами и понадеялась, что вблизи мрачное впечатление рассеется. Напрасно. После первого же взгляда на замок в непосредственной близости, мне захотелось забиться в самый дальний угол повозки и никогда оттуда не высовываться. У ворот замка сидели волки. Здоровые, серые и молчаливые. Их было что-то около дюжины. На створках ворот расположились огромные черные вороны, а как только наши повозки остановились, из-под карниза выпорхнула целая стая упитанных летучих мышей. Довольно странный набор домашних животных, если не сказать больше. Однако Мимел, не обращая внимания ни на волков, ни на кажущуюся абсолютную безлюдность, спрыгнул с повозки и вошел в ворота. Я затаила дыхание. Надо же... ни один волчара даже морды не повернул в его сторону. Надеюсь, в самом замке троллю ничего не грозит? Отсутствовал он долгих десять минут, но, появившись, тут же развеял все мои опасения. Почти. Поскольку сделал знак проезжать внутрь. Тьфу! Видимо, не дошли мои горячие молитвы до местных богов, и вампиры все-таки решили проявить гостеприимство. Повозки тронулись, проехали внутрь, и я изо всех сил постаралась не обратить внимания на то, с каким противным скрипом за нами захлопнулись ворота.

Как ни странно, сразу же, как только я переступила порог замка, все мои страхи моментально рассеялись. Внутри было светло, тепло и потрясающе уютно. А встречавшее нас в холле

семейство Валдисов было похоже на кого угодно, только не на вампиров. Низенькие, кругленькие, кривоногие и необычайно добродушные хозяева пригласили нас в зал. Я даже подошла ближе, чтобы разглядеть этих представителей кошмарной (по мнению писателей) расы. Ну, глазки красные, уши заостренные и клычки больше положенного. Ну и что? В своих одеждах из мягкой, теплой ткани серого цвета Валдисы ходили, скорее, на мелких лавочников, чем на ночной кошмар. Абсолютно ничего страшного. А уж когда мы вошли в зал, я в этом только убедилась.

В зале шел пир горой. Не знаю, что уж там праздновали щедрые хозяева, но гостей они назвали — вампиров сто. Причем гости уже как раз дошли до такой кондиции, что душа требовала зрелищ. Вот и хорошо! Нам это было на руку. Мы поклонились и приступили к своим непосредственным обязанностям. Шоу начали гремлины. Они выделяли такие фердебобли, что некоторые впечатлительные вампиры хватались за сердце. Я улыбалась, сидя в сторонке, и тихонько подыгрывала им, перебирая струны лютни. После того, как Тор прошел по проволоке (чуть ли не вверх ногами), а Тур проделал трюк с глотанием огня, их буквально усыпали мелкими монетами. Настала очередь Мимела и Манки. На сей раз, чтобы поразить гостей, тролли метали не только ножи, но и заточенные железные звездочки и даже иголки. Бороться с троллями, правда, никто не решился, но меткую стрельбу из арбалета и завязанную бантиком кочергу зрители оценили еще одним потоком мелких монет. Теперь была очередь Мирлин.

Надо сказать, что данный номер был одним из самых легких. Можно было даже не изощряться и не придумывать никаких эффектов. Дрессированный варш и так, сам по себе, производил на зрителей неизгладимое впечатление. Однако я решила, что филонить нечего. И заставила Мирлин разучить с варшем пару стандартных цирковых трюков (прыжки через обруч, хождение на задних лапах и смертельный номер — Мирлин совала свою голову прямо в пасть саблезубому тигру). Надо ли говорить в каком восторге были зрители? И это несмотря на то, что вампиры, как одна из Высших рас, прекрасно понимали, что варш разумный. Впрочем... глядя на саблезубого тигра, лично я ни за что не отважилась бы сунуть голову ему в пасть. Какой бы разумный он не был. Я переждала, пока стихнут аплодисменты, и вышла в центр зала. Мимел тут же подставил мне стул, я села и тронула струны лютни. О чем нужно петь местным вампирам — я понятия не имела. Равнять их с выдумками писателей типа Стивена Кинга было неразумно. Поэтому, вспомнив рассказ Мимела о том, что Валдисы слишком давно живут у границы, вдали от родных мест, я спела песню о тоске по Родине. Судя по увлажнившимся глазкам — старалась я не зря. Потом (естественно!) спела о любви и о войне (темы на все времена), а затем, под легкий аккомпанемент струн, рассказала грустную сказку о любви, безбожно переврав Стокера.

Удобно устроившись на подоконнике, Шерман слушал, как поет Брин, и чувствовал, как по телу ползут мурашки. Властители, какой у нее голос! И откуда она знает эти песни? В них звучит тоска, сожаление, желание, надежда... Норлок никогда не слышал ничего подобного. Казалось, ее песни жили, дышали и заставляли дышать окружающих. А уж рассказанная история о влюбленном вампире сразила его окончательно. Брин, конечно, сказала, что этого не было на самом деле, что все это выдумка... но повествование выглядело настолько реальным... Откуда, ну откуда обыкновенная человеческая девушка может знать о грузе бессмертия? О вечной тоске? Об одиночестве? Прозвенел последний аккорд, раздались аплодисменты, и Шерман встряхнулся. Да, не зря он убедил Валдиса принять актеров в замке. Занудный вампир упирался как мог, и «сломался» только на обещании сдать ему один из контрабандных ходов, по которому тролли беспошлинно провозят выпивку с территории оборотней. Шерман невольно ухмыльнулся. Да уж... после того, как королевская бродячая труппа показала себя во всей красе, впору было брать свое обещание обратно, да еще и с Валдиса вознаграждение требовать за доставленное удовольствие. Например, в виде хорошего

ужина и ночлега. Шерман вздохнул. Он не сомневался, что Валдис не откажет ему в такой мелочи. Однако ни тролли, ни гремлины, ни, тем более, Брин, видеть его пока были не должны. А потому, как это было ни грустно сознавать, эту ночь, как и ближайшие следующие, норлоку придется провести в лесу.

Шерман бесшумно слез с подоконника, нырнул в лес и с тоской оглянулся на освещенные окна замка Валдисов. Мысль о том, что ему еще долго придется отказывать себе в комфорте и удовольствиях, была неприятной. Норлок развел костер, устроил себе постель, натаскав лапника, представил, какое лицо будет у Брин, когда они, наконец, встретятся, и... подскочил на месте. Гоблины зеленые, какой же он идиот! Ведь тогда, при первой встрече, норлок рассказал Брин о себе все, что мог! Шерман схватился за голову. Конечно, попав в другой мир, норлок и предположить не мог, что им с Брин суждено встретиться. Он и пустился в откровения именно потому, что был уверен, что никогда больше Брин не увидит. Чего же он наговорил ей тогда? Шерман напряг память. Вроде бы, ничего особенного. Ничего такого, чем можно было бы воспользоваться в своих целях. История о норлоке, доставшемся королевскому дому оборотней в качестве выкупа, известна многим. А вот тот факт, что королева Эльтель его терпеть не может... Властители! Только бы Брин не вздумала кому-нибудь об этом ляпнуть! Если слух об этом дойдет до Эльтель, мало Шерману не покажется. Злобная стерва наверняка найдет возможность ему отомстить. Как же! Она из кожи вон лезет, чтобы поддержать свой имидж милой, доброй, нежной и влюбленной в Яргела королевы, а тут такой компромат! Да еще и из уст менестреля! Шермана передернуло. Похоже, придется встретиться с Брин гораздо раньше, чем он это планировал. И предупредить ее, чтобы она держала рот на замке. Иначе за жизнь Брин Шерман не даст даже мелкой медной монеты.

Если выступление остальной труппы сопровождалось аплодисментами, то мое вызвало бурю оваций. Так что почему нас не вынесли из зала на руках — я не знаю. Мне кажется, у части вампиров такое желание было. Видимо, гордыня остановила. Мы ведь всего-навсего актеры. К счастью, ничто не помешало хозяину замка пообещать нам ужин и попросить прислугу проводить нас в отведенные нам покои. Я потеряла ручки в предвкушении всего вышеперечисленного, шагнула за дверь и... замерла, пришта к полу острой иглой безумного ужаса. За дверью, куда нас любезно препроводила прислуга, оказалось ни что иное, как кладбище. С покосившимися надгробиями, растущей в произвольном порядке высокой травой и узким месяцем, освещавшим сверху все это безобразия. Причем при свете этого самого месяца кладбище выглядело особенно недружелюбно. Бр-р-р! Будем надеяться лишь на то, что местные покойнички народ тихий, не отличающийся особой активностью... или хотя бы на то, что у них бывают выходные. Например, сегодня.

Слуга, не оглядываясь на застывшую меня, подошел к старому склепу, открыл ворота и сделал знак следовать за собой внутрь. Да застрелите меня сразу! Однако тролли бесцеремонно меня подпихнули, и вскоре вся наша компания стояла внутри широкого кирпичного коридора со множеством дверей.

— Это ваша спальня, — поклонился слуга троллям, открывая одну из дверей, — это ваша, — пригласил он внутрь гремлинов, — а это ваша, — открыл он дверь передо мной и Мирлин. — Варш остался ночевать снаружи. Ему там удобнее.

— Эх, ты! — восторженно заверещала Мирлин, войдя внутрь. Я пересилила все еще сковывавший меня ужас, и тоже вошла. Как бы то ни было, стоять на пороге и дальше было просто неприлично.

— Послушай, Мирлин, ты не боишься?! — поразила я.

— А чего я должна бояться? И чего так боишься ты? — удивилась в ответ Мирлин. — Глядя на тебя, можно подумать, что мы не в гостях у вампиров находимся, а в драконьем логове. Ну что ты к дверям жмешься? Проходи, Брин! Посмотри, какую комнату нам выделили! Тут и ванная своя есть, и две постели отдельных!

Постели?! Это называется постели?! Да они что тут, совсем все охренели? Или издеваются дружно надо мной? Прямо посреди комнаты, украшенные рюшечками и пологом из красно-белого шифона, располагались... гробы. Угу. Два таких милых, симпатичных открытых гробика с подушкой и одеялом внутри. И я должна лечь туда спать?! Да ни за что на свете!

— Жаль, что мы сюда не в полнолуние попали, — посетовала из ванной Мирлин.

— Почему? — озадачилась я.

— У вампиров на этом кладбище каждое полнолуние вурдалаки показываются.

— Что?! — выпала в осадок я.

— А что такого? Они ж не дикие, и вылезают под присмотром, совсем чуть-чуть, — «утетила» меня Мирлин. — Мне наши ребята из деревни рассказывали, они как-то здесь на празднике были, продукты привозили. Им из-за ограды на вурдалаков посмотреть разрешили. А я заболела как раз тогда, — огорченно вздохнула Мирлин, — не видела.

— И как же эти вурдалаки показываются? — осторожно любопытствовала я, решив для себя, что больше меня в гости к вампирам даже метлой никто не загонит, вне зависимости от фазы луны.

— Обыкновенно, — пожала плечами Мирлин. — Часы на башне бьют полночь, и вурдалаки начинают вылезать из земли, как будто их кто-то выталкивает. Появляются они очень медленно, мало-помалу. В одном месте из могилы начинает, например, выставляться рука, из другой могилы — нога. Некоторые вурдалаки до половины тела показываются, но чтобы вурдалак вылез весь целиком — такое редко случается. Да и в любом случае это не надолго, всего на полчаса. Как только часы пробьют, вурдалаки начинают вновь с той же медлительностью погружаться назад в землю и мало-помалу вновь под ней скрываются [2].

вернуться

2

Сию байку я услышала от жительницы села с оптимистичным названием Упырёвка во время археологических раскопок на институтской практике.

— Ужас! Стивен Кинг нервно курит в сторонке.

— Кстати, Брин, не хочешь среди вампиров себе жениха поискать? — ехидно поинтересовалась Мирлин — Водянки вполне могут отступить, если ты сумеешь очаровать кого-нибудь из Валдисов.

— С ума сошла? — ужаснулась я. — Всю оставшуюся жизнь спать в гробу на кладбище? А по полнолуниям наблюдать шоу «восставший из мертвых»? Лучше уж я русалкой стану.

— Как скажешь, — фыркнула Мирлин и, забравшись в гроб, укуталась в одеяло и мирно

засопела. Да... ночь мне предстояла не из приятных.

Шерман проснулся посреди ночи и невольно напрягся. Нет, ему не послышалось. Нежный женский голосок выводил соблазнительную мелодию и, судя по звуку, до обладательницы этого самого голоска было рукой подать. Шерман поднялся и прислушался. Нет, опасности он не ощущал. А вот желание познакомиться поближе с невидимой певицей хотел определенно. Шерман мягко, стараясь быть неслышимым, двинулся на голос и вышел к небольшой запруде. Ну, так он, собственно, и думал. Русалка. Надо же... и как это ее тритоны поплавать одну отпустили. Или сама сбежала? Чего-чего, а своей ветреностью и любовью к постельным приключениям с первым встречным русалки всем известны. Норлок поощрительно улыбнулся незнакомке. Русалка заулыбалась в ответ и высунулась из воды по пояс. Ничего себе! Шерман тут же понял, что ему просто необходимо познакомиться с ней еще ближе. Густые, длинные волосы, шикарная упругая грудь... в ночных сумерках даже зеленоватый оттенок кожи и волос не так бросался в глаза.

— Как тебя можно звать? — перешла в наступление русалка.

— Какая разница? — отмахнулся Шерман, стаскивая сапоги и ступая в воду.

— Действительно, — улыбнулась русалка, помогая ему избавиться от камзола и рубахи.

Шерман кинул одежду на берег и притянул русалку к себе ближе. Кожа ее была мокрой, глаза холодными, но Шермана уже понесло. Когда там он последний раз укладывал в свою постель женщину? Недели две назад? Точно, потом его Яргел замотал со своими приготовлениями к посольству. Похоже, две недели для Шермана — это был слишком большой перерыв. Потому что влечение к русалке было необычайно сильным. И острым. Русалка царапнула зубками его плечо и тут же сплюнула.

— Высшая раса... — разочарованно зашипела она.

Естественно! А она на что надеялась? Что он человек? Да какой человек в здравом уме подойдет к русалке, когда она поет? А то неизвестно, чем это закончится. Плавающим трупиком обескровленным.

— Я норлок, — решил расставить все точки над «и» Шерман. Русалка раздраженно зашипела и уступила. Вот... так-то лучше...

— Ты пойдешь на запад, через земли троллей? — хитро улыбнулась русалка, когда они оба немного отдышались.

— А что?

— Тролли поставили новую магическую защиту на границе. Как раз на норлоков.

— Давно? — напрягся Шерман.

— В прошлое полнолуние. Приглашали мага из столицы.

— Почему ты решила меня предупредить? — насторожился норлок.

— Может, ты мне понравился? — призывно улыбнулась русалка.

— Может, — хмыкнул Шерман, не принимая на веру это легкомысленное объяснение.

Известие о появившейся магической защите у троллей его абсолютно не порадовало. Только этого не хватало. Неужели ему придется выпустить повозку из своего поля зрения? Похоже, так. Шерман невольно выругался. Если магическая защита у троллей сильная, ему нельзя даже приближаться к их границе. Яргел велел ему не светиться рядом с повозкой, а это значило, что Шерман должен появиться где-то в другом месте, чтобы отвлечь на себя излишнее внимание чересчур любопытных личностей. Что ж... предупреждение получено своевременно. Пришлось отблагодарить русалку за это поцелуем, ибо девушки, как дрессированные варши, нуждаются в поощрении, закрепляющем отработанный навык.

— Я могу сказать, где у троллей засада, — тут же поведала благодетельствованная русалка.

— Где? — оживился Шерман, боясь поверить в свою удачу.

— На юго-востоке, на Большой поляне, у тракта.

— Какая ты наблюдательная! — польстил русалке Шерман, награждая ее еще одним поцелуем.

— Если захочешь меня видеть, кинь в воду бусину, — прошелестела русалка, и скрылась в воде.

Вот еще! Яргел, конечно, дал ему волю романы крутить, но не с русалками же! Хотя... если Шерману придется еще несколько ночей торчать в лесу... почему бы и нет. Тем более, что и попросила-то русалка всего-навсего бусину. Что ему, жалко? Это же не серенады петь под чужими балконами! Впрочем... вряд ли норлок вообще был способен на подобные романтические подвиги. Унижать собственное достоинство, совершая всякие глупости, ему совершенно не хотелось. Тем более ради женщины.

Глава 5

Мы знали лучшие времена.

Шекспир.

Как мне ни совестно в этом признаваться, но наше путешествие начало мне надоедать уже через неделю. Срок, вроде бы, небольшой, но если бы вы знали, какая это была неделя! Мы успели попасть под дождь, застрять в непролазной грязи и пережить нападение жутких тварей, похожих на комаров (только размером с лягушку). Доконала меня пешая прогулка продолжительностью почти в два дня, которую мы вынуждены были предпринять из-за того, что лошади и повозки увязали в глубоком песке. Мало того, эти самые повозки пришлось еще и постоянно подталкивать! И это при всем том, что нам по пути не встретилось ни одного маломальски приличного трактира, где бы можно было принять ванну и поужинать! Нет, я ничего не хочу сказать, Манка, конечно, готовит замечательно, но хочется разнообразия, в конце-то концов! И потом... после недели путешествия в повозке я стала выглядеть как чучело огородное! Волосы спутались, под ногти набилась грязь, а на походное платье вообще смотреть страшно! Стоит ли удивляться, что все мои мечты сводились только к одному — к огромной ванне с горячей водой? Вымыть пыль дорог из волос, сделать маникюр и педикюр (слава Богу, у меня с собой есть косметичка!), привести в порядок одежду...

— Слушай, Мимел, нам долго еще добираться? — не выдержала я. — Ты, вроде, говорил, что земли троллей находятся недалеко от замка Валдисов. Когда же мы их, наконец, увидим?

— Мы уже идем по землям троллей, — буркнул Мимел.

— А почему нам до сих пор не встретилось ни одной гостиницы? Ни одного трактира? Почему нам, наконец, ни одного тролля еще не встретилось? — возмутилась я.

— Послушай, Брин, нам доверено важное письмо. Мы не должны привлекать к себе слишком много внимания, — пояснил Мимел.

— По-моему, группа бродячих артистов, старательно обходящая места, где можно заработать, как раз таки внимание и привлекает! — возразила я.

— Не на этих землях, — отмахнулся тролль. — Мои соплеменники относятся к актерам... не лучшим образом. Так что обойти их будет разумным решением.

— То есть выступать у троллей мы не будем? — скуксилась размышлявшая о ванне с горячей водой я.

— Скоро мы доберемся до деревни, где живут мои родственники. Они примут нас на ночлег. А с утра проводят подземным ходом до пограничного городка гномов. Там мы должны пополнить свои запасы. Надолго. Потому что неизвестно, каково нам придется на землях людей.

— Понятно, — обрадовано улыбнулась я и вернулась к своей повозке.

Как всегда. Картина маслом. Тур правит нашими лошадьми, а Мирлин сидит рядом. Головки склонены друг к другу, на лицах — мечтательное выражение... ну, пара голубков прям. Увидев меня, Мирлин застеснялась, выдернула свою ладонь из руки Тура и нырнула в повозку. Ну и что делать? Прочитать гремлину лекцию о недопустимости соращения малолетних? Так по средневековым меркам Мирлин не такая уж малолетняя. Джульетта ее ровесницей была. И потом — кто я такая, чтобы вмешиваться в чужую личную жизнь и читать нотации? Сама этого не люблю до смерти. Впрочем... раз уж я наняла Мирлин в качестве служанки, (хотя фактически считала ее своей подопечной), значит должна нести за нее полную ответственность. Я вздохнула, и под села к Туру.

— Ну? — мрачно спросила его я.

— Что «ну»? — буркнул гремлин, краснея, как маков цвет.

— Долго ты еще девчонке лапшу на уши вешать будешь?

— Что? — искренне не понял меня Тур.

— Какие у тебя намерения в отношении Мирлин? — задала я вопрос в лоб, поняв, что по-другому от гремлина ничего не добиться.

— Я у нее украшение из волос попросил, — с вызовом сознался Тур. — Вот, — показал он мне лацкан куртки, на котором красовалась тонкая розовая ленточка.

— Все это, конечно, прекрасно, но тебе не кажется, что Мирлин еще слишком юна, чтобы выходить замуж? — ядовито поинтересовалась я.

— Я подожду, — упрямо нахмурился гремлин.

Ну и что мне было делать с этим упертым типом? Гнать в три шеи? А толку? Пока мы путешествуем вместе, роман между гремлином и Мирлин все равно будет развиваться. Вот только не зашел бы он дальше определенных пределов... все-таки, Мирлин еще недостаточно

взрослая для этого! Как бы я себя не убеждала, но воспринимать 14-летнюю девчонку, как сформировавшуюся личность, я все равно не могла! Что ни говори, а от вбитых с детства в голову убеждений не так легко избавиться. Поэтому я набралась наглости и предупредила гремлину, чтобы он девичью честь моей подзащитной хранил как зеницу ока. Иначе получит в лоб. Нет, не от меня, от Мимела. И не за мою подопечную, а за потерянный номер с варшем. Ибо если некий греmlin лишит Мирлин самого ценного, с варшем она уже общаться не сможет. А уж выступать с ним и подавно. Ну а что следует за сокращением программы выступления? Правильно, сокращение уровня дохода. Тур ведь не думает, что Мимел ему простит такой фердебобль?

Ссылка на Мимела оказалась убийным аргументом. Тур прекратил петушиться и слегка сник. Так, с этим героем-любовником разобрались. Теперь неплохо было бы провести разъяснительную беседу еще и с Мирлин. Я залезла в повозку, подозвала свою подопечную, и стала выяснять, что она вообще знает о семейной жизни. Оказалось, не так уж мало. Хотя чему я удивляюсь? При том образе жизни, какой вел этот беспризорный ребенок, остаться наивной девочкой довольно сложно. Мирлин даже нельзя было назвать деревенской в полном смысле этого слова, поскольку в надежде подзаработать она и с караванами моталась, и подворывала в городе по праздникам, и нанималась на временную работу в помощницы к той или иной служанке. Собственно в деревне Мирлин проводила только зимние месяцы, берясь за самую черную работу. Удивительно, как она вообще выжила в этом мире. И еще удивительнее — как сумела не попасться на глаза какому-нибудь любителю малолеток. Впрочем, если учесть, в каком Мирлин была виде, когда я ее встретила, можно предположить, что ее просто не разглядели. Тем более (как я подозреваю) моя подопечная приложила для этого все усилия.

— Брин, неужели ты все еще считаешь, что я недостаточно взрослая? — обиделась Мирлин, поняв, что все ее доводы не произвели на меня особого впечатления.

— Думаю, что недостаточно, — вздохнула я. — Послушай, Мирлин, я не могу тебе запретить связать свою жизнь с гремлином. Но я прошу тебя, пожалуйста, прежде, чем ты совершишь какую-нибудь глупость, постарайся получить от Тура какое-нибудь подтверждение его намерений. Более весомое, чем приколотая на лацкан куртки ленточка.

— Он обещал, что у первого же Черного Камня назовет мне свое истинное имя! — гордо заявила Мирлин.

— У какого еще камня? — удивилась я.

— Брин, неужели ты не знаешь даже этого? — всплеснула руками Мирлин. — Неужели есть на свете такое место, где не стоят магические Камни?

— На свете все есть, — отмахнулась я, не желая продолжать разговор на эту тему. — Так что это за камень такой, у которого Тур должен тебе свое истинное имя сказать?

При одном только упоминании о драгоценном гремлинe, Мирлин расплылась в блаженной улыбке и поделилась со мной весьма интересной информацией. Выяснилось, что в данном мире так называемые Черные Камни — это вполне обычное явление. Происхождение их теряется во тьме веков, механизм действия никому не понятен, но польза от них ощутимая. Стоят эти камни буквально везде, причем в больших количествах. Располагаются они, в основном, в жилых районах, и служат весьма важной цели. Являются свидетелями клятв и заключенных сделок. Я не совсем поняла, каким образом, но эти загадочные камни своей магией заставляют держать слово и выполнять обязательства.

— Неужели их нельзя обмануть? — поежилась я.

— Почему? В торговых делах можно. Тут ведь важно, как сформулируешь.

— А в сердечных делах? Неважно?

— Неважно. Потому что слова клятвы неизменны, — объяснила мне Мирлин. — Девушка говорит «дарю тебе свое украшение в знак своей любви», парень — «принимаю украшение в знак своей любви». Перед камнем можно поклясться в дружбе, или обменяться истинными именами в знак доверия.

— Я правильно понимаю, истинное именем обычно никто не пользуется? — уточнила я. — Тот есть «Мирлин» — это твое прозвище?

— Ну да... Истинное имя дают при рождении. И далеко не каждый решает его афишировать. Даже перед черным камнем. Считается, что узнав истинное имя, ты обретаешь власть над его хозяином. Норлоки и тролли вообще никому этих имен не открывают.

Хе... ну понятно теперь, почему Шерман так удивился, когда я с ним знакомиться начала, и свое настоящее имя сказала. Любопытно, и что норлок с ним будет делать?

— А если кто-нибудь узнает чужое истинное имя случайно?

— Что значит «случайно»? — удивилась Мирлин. — Такого не бывает!

— И все-таки?

— Как только ты произнесешь истинное имя без разрешения хозяина, об этом тут же узнает ближайший дежурный маг происшествий. Он сообщит о тебе хозяину имени, и тот назначит штраф, который ты обязана будешь выплатить.

— И большой штраф?

— Столько, сколько стоит сам хозяин имени. Если он не знатен и не богат, сумма штрафа будет равна стоимости его, как раба, на невольничьем рынке, учитывая все его таланты и способности. А если ты, Брин, оскорбишь знатного человека, то сумма штрафа будет включать в себя и сумму принадлежащей ему на данный момент собственности.

— Ничего себе! — возмутилась я, прикинув, сколько будет стоить даже самый задрипанный торговец. — Это же бешеные деньги!

— И еще какие, — ничем не утешила меня Мирлин. — И если ты не сможешь оплатить наложенный на тебя штраф — окажешься в тюрьме.

— А каким образом накладывается этот штраф? — удивилась я.

— Обычным. Маг получает известие о нарушении порядка, находит тебя через свое зеркало и (где бы ты ни находилась на данный момент) вешает на тебя магический маячок. Его присутствие на тебе может обнаружить любой страж порядка, куда бы ты ни попыталась скрыться. Так что арестовать тебя большого труда не составит.

— Весело...

— Брин, ну теперь-то ты понимаешь, что Тур действительно испытывает ко мне серьезные

чувства? Ведь просто так он никогда не открыл бы мне своего истинного имени.

— Лыко-мочало, начали сначала... — застонала я. — Пусть сначала гремлиин даст тебе клятву у магического камня, а потом мы снова к этой теме вернемся.

Мирлин счастливо улыбнулась и закивала головой, соглашаясь со сказанным. Что-то не нравится мне такая ее податливость. Как бы моя подопечная какой-нибудь фортель неожиданный не выкинула. Насколько я успела узнать Мирлин, она на такое вполне способна. Слишком уж эта девчонка привыкла быть сама себе хозяйкой. Да и на самом деле — когда ты все свои 14 лет никому не нужна была, трудно привыкнуть к тому, что кто-то интересуется твоей жизнью. И практически невозможно смириться с тем, что кто-то за тебя решает твою судьбу. Меня, например, такие действия просто бесят. Разве я обрадовалась, когда обнаружила на себе татуировку в форме бабочки? А когда выяснила, что мне срочно нужно замуж выходить? То-то. А почему же я удивляюсь, что подобное вмешательство в личную жизнь не нравится Мирлин? Она ведь девочка свободолюбивая. И самостоятельная. Даже чересчур.

Впрочем, в нашей развеселой королевской труппе с характером были все. Чего-чего, а такое в дороге никак не скроешь. Даже при большом желании. А прятать свой нор, в общем-то, не желал никто. Да и зачем? Не благородные же рыцари вокруг собрались, актеры. А им в принципе нормальными быть не полагается. Взять хотя бы Мимела. Ну что мы знаем о троллях? Что они злобные, тупые, воинственные и жестокие. Единственный эпитет, который я опустила бы при характеристике Мимела — «тупые». Соображал тролль так, что дай бог всякому. Я порой даже думала, что напрасно Мимел подался в бродячие актеры. Воин бы из него получился — первый сорт. И не просто воин, а командующий. Однако быть его солдатом я точно не согласилась бы, ибо тролль предпочитал командовать тычками, пинками и постоянным ором. Слава Богу, нас с Мирлин это не касалось, а вот гремлиины и Манка от его отвратительного характера страдали периодически. Мне даже казалось, что Тур к нам перебирался в повозку не только из-за красивых глазок Мирлин, но и для того, чтобы скрыться с глаз Мимела. В общем-то, я тоже старалась лишней раз под горячую руку ему не попадаться. Хоть Мимел и пытался сдерживать свой темперамент в отношении меня, но нарываться на неприятности не хотелось. Так что лично я общалась с троллем только тогда, когда он был в наиболее благодушном состоянии — то есть после обеда. Впрочем, Мимел и в хорошем настроении собеседником был паршивым. Говорил мало, короткими, рублеными фразами, а часть вопросов вообще пропускал мимо ушей.

Манка по своему характеру отличалась от Мимела, как день от ночи. Ни одна из характеристик троллей не подходила к ней даже с самой большой натяжкой. Общительностью, правда, она тоже не страдала — в лучшем случае могла перекинуться парой фраз. Но злобной и жестокой ее не смог бы назвать даже самый недоброжелательный человек. Скорее, Манка подходила под типаж «идеальная жена». Она носилась с Мимелом как курица с яйцом. И кормила его в первую очередь, и за вещами его тщательно следила, и бегала как ошпаренная при первом желании тролля типа «пойди, подай, принеси». Причем Мимел (как, впрочем, и все мужчины) воспринимал внимание Манки как нечто само собой разумеющееся и пользовался им без всякого стеснения. Меня иногда прям с души воротило. Но не будешь же в чужие отношения вмешиваться! Тем более, что Манка, казалось, была просто счастлива только от того факта, что Мимел вообще позволил ей находиться рядом. А на мой намек поискать себе что-нибудь получше возмущенно фыркнула. И объяснила, что лучше, чем ее любимый тролль, мужчин на свете в принципе не бывает. Ну, что ж... каждому свое. И если Манка считает, что Мимел — мужчина ее мечты, то кто я такая, чтобы возражать?

Да уж, любовь — это довольно странная штука. И опасная. Любовь считают головокружительной радостью. Вроде глупых стишков, написанных на открытках к дню

святого Валентина, украшенных перышками и ленточками. Нет, все совсем не так. Это мучительное, грызущее душу, лихорадочное и тяжелое чувство, жажда, которую невозможно утолить. Манка из-за нее превратилась в тень самой себя. Она и живет-то, кажется, только затем, чтобы Мимелу было легко, удобно и комфортно существовать. А Тур? С тех пор, как ему понравилась Мирлин, он не отходит от нее ни на шаг, забывая о своих обязанностях и получая за это нагоняи от Мимела с Тором. Кстати, надо отдать старшему гремлину должное — он приложил все усилия, чтобы привести Тура в чувство и отвлечь его от сомнительного увлечения. Счаз-з-з! Упертый гремлин доводов старшего брата слушать не желал. И даже вежливо его посылал куда подальше намекая, чтоб тот сначала с собственными проблемами разобрался. Я, конечно, попыталась выяснить, что это за проблемы такие, но братья молчали как партизаны. Ясно было только одно — с Тором что-то действительно не так. Ибо он из умеренно общительного типа превратился в абсолютно безмолвного. Мало того, Тор еще и откололся от коллектива. Не знаю уж, где (а главное — зачем) он пропал, но видела я его только во время обеда. Причем выглядел гремлин настолько мрачно и раздраженно, что приставать к нему с вопросами я не решалась. Мало ли какие особенности есть у гремлинов! Хотя... Тур же не такой!

Младший из братьев гремлинов действительно (на наше с Мирлин счастье) был другим. Веселым, общительным, услужливым... если бы не его влюбленность в малолетнюю Мирлин — цены бы Туру не было. Он развлекал нас рассказами про гремлинов, показывал мелкие фокусы и помогал управляться с повозкой. Изредка к нашей компании присоединялась Манка, но обычно только для того, чтобы послушать меня. Впрочем, мое творчество действовало даже на Тора с Мимелом. Они оживлялись и теряли свою ледяную невозмутимость. А мне что, жалко поиграть что ли? Тем более, надо же мне было на ком-то «обкатывать» свой репертуар. Выкидывать из песен непонятные строчки (или адаптировать их под существующую реальность) и перекраивать сказочных героев согласно требованиям местного менталитета. Тем более, что за репетициями время пролетало незаметно.

Деревушка троллей, в которой мы должны были остановиться у родственников Мимела, вынырнула из-за холма совершенно неожиданно. Длинная стена из отесанных каменных глыб окружала несколько десятков вросших в землю домов довольно непрезентабельного вида. При ближайшем рассмотрении картина оказалась еще более плачевной. Разбросанные в хаотичном порядке дома представляли собой куполообразные сооружения, сложенные из тех же грубо отесанных глыб, что и стена. Причем было полное ощущение, что строила эти дома бригада самых криворуких строителей в мире, предпочитавших скорость и качеству, и удобству. Радовало одно — Мимела здесь приняли с распростертыми объятиями. И даже с почестями. Странно. Он же, вроде бы, говорил, что тролли актеров недолюбливают. А глава поселка перед Мимелом прям таки ковриком стелился. Впрочем, радовалась сему факту я недолго, ибо никаких вожделенных мною благ цивилизации тролли нам так и не предоставили. Просто потому, что в деревушке их не было. Нас с Мирлин подселили в дом к какой-то бездетной семейке, и я тяжело вздохнула, прощаясь со сладостными мечтами о горячей ванной. Хотя... грех жаловаться. Нам выделили целую бочку с водой. Вода, правда, была чуть теплая, но, по крайней мере, мы с Мирлин смогли привести себя в порядок перед выступлением и даже постирать свои вещи (хорошо хоть я в свое время не поскупилась на запасную одежду).

На сей раз наше выступление складывалось довольно необычно. Во-первых, Мимел сидел за столом на пару с главой поселка и, по всей видимости, присоединяться к нам не собирался. Во-вторых, куда-то бесследно исчезла Манка. Причем Тор, наклонившись к моему уху, попросил не упоминать ее имени до тех пор, пока мы не покинем деревню. Убедительно так попросил. Я пожала плечом и оставила выяснение этого вопроса на потом. Тем более что выступление наше, похоже, трещало по всем швам. К варшуге тролли отнеслись довольно равнодушно, да и

кульбиты гремлинов не произвели на них особого впечатления. Глазки у толпы заблестели только тогда, когда Тур достал меч. Бог ты мой, и откуда только он вытащил такую громадину? Однако похоже было, что гремлин подобное оружие держит в своих руках далеко не в первый раз. И обращаться с ним умеет. Тур в ответ тоже вооружился мечом и началось... нет, не сражение. Танец. Смертельно опасный и завораживающе прекрасный. Движения были выверенными, отточенными, быстрыми. Казалось, что гремлины буквально летают над землей, а их мечи превратились в сверкающие молнии, за движениями которых было просто невозможно уследить. Боже ж ты мой... ничего себе! Оказывается, не только Мимел пропил свое призвание, уйдя в актеры. Из гремлинов тоже получились бы воины. И еще какие! Неужели своими фокусами они зарабатывают гораздо больше, чем могли бы заработать мечом? Что-то я в этом сильно сомневаюсь. Восхищенные их военным умением, тролли топали ногами и свистели от восторга.

Выходить на импровизированную сцену после выступления гремлинов было неудобно. И страшновато. А ну как троллей не проймет мой талант? Однако, деваться было некуда. Как говориться, назвалса груздем — так будь добр, не увиливай. Так что взяла я лютню, устроилась на стульчике и... начала вольный пересказ «Слова о полку Игоревом». Разумеется, с троллями в главных ролях. А что? Раз уж эта раса такая воинственная, то и рассказывать им нужно о военных подвигах. О! Подействовало! Тролли перестали шуметь, пить и даже, кажется, задержали дыхание. Вот что значит великая сила искусства! Даже троллей впечатлило. Причем настолько, что в благодарность за доставленное удовольствие они мне помимо денег еще и арбалет подарили. Дескать, мало ли что в дороге бывает.

На следующее утро я не выспалась. Да и как можно выспаться, если тебя будят ни свет ни заря с призывом двигаться дальше? Я умылась, позавтракала на ходу и вышла на свежий воздух. Хорошо-то как! Мы погрузились в повозки и, в сопровождении одного из местных жителей, двинулись дальше. Я тут же уютно устроилась под боком у варша и стала досматривать сны. Рядом приткнулась Мирлин, доверив Туру бразды управления нашей повозкой, и момент, когда к нашему отряду присоединилась Манка, мы просто проспали. Разбудил нас Тур только тогда, когда мы уже въезжали в огромный тоннель, отделанный странным желтоватым камнем.

— Этот подземный ход должен нас вывести в город гномов, — объяснил Тур, уловив мое искреннее удивление.

— А почему туда обязательно под землей ехать надо? — не поняла я.

— А как же еще? — недоуменно дернул бровью Тур. — Город же под землей находится.

— Брин, а ты не знаешь, где все это время пропадала Манка, и почему она вместе с нами в деревню не пошла? — поинтересовалась Мирлин.

— Представления не имею, — вздохнула я. — Но мне кажется, ей просто не хотелось лишний раз показываться среди своих собратьев.

— И почему тебе так кажется? — напрягся Тур.

— Ты видел, какие у троллей женщины? — ответила я вопросом на вопрос. — Да рядом с ними Манка — все равно, что борец сумо по сравнению с балериной. Они, конечно, тоже страшненькие и волосатые, но хоть не такие здоровые и более изящные. Думаешь, охота Манке рядом с такими барышнями оказаться? Впрочем, скорее всего, это было не единственной причиной. Но я думаю, что истинную цель отлучки Манки мы все равно не узнаем. По крайней мере, до тех пор, пока тролли не соизволят сами поделиться с нами этой тайной.

— Скорее всего, — согласился Тур. — Тролли очень скрытные. И нелюдимые. Редко кому удается им понравиться. Ты, Брин, явилась исключением из правил. У некоторых из троллей даже появилась мысль взять тебя в свой гарем.

— Спасибо, не надо! — тут же отреагировала я.

— Тролли не станут связываться с королевским домом водянок, — хмыкнула Мирлин. — Особенно эти.

Гремлин ласково улыбнулся своей зазlobe и согласился с ней. Бог ты мой, как же меня начинает раздражать этот мир!

Шерман легко скользил между деревьев, стараясь оставаться незаметным как можно дольше. Тролли действительно поставили магическую защиту от норлоков, но, к счастью, не везде. Здесь, у юго-восточной границы, на Большой поляне, у тракта, защиту не поставишь. Слишком уж близко к поверхности земли проходит магическая жила, разрушая все заклятья в радиусе дня пути. Поэтому у тракта непрошенных гостей караулил вооруженный до зубов патруль. Шерману нужно было ввязаться в драку, спровоцировать волнение и отвлечь на себя все внимание троллей. Тогда, возможно, на пару повозок с бродячими актерами внимания никто не обратит. Мимел, правда, сторожился, ехал скрываясь, но лучше было не рисковать. К тому же тролль, как пить дать, остановится в собственной деревеньке. Интересно, кстати, как он объяснит менестрелю свою неправдоподобную популярность у жителей? Не станет же рассказывать, что вся эта деревенька с потрохами была подарена ему за проявленную воинскую доблесть в битве при Бадене.

Шерман помнил эту битву. Тогда тролли ввязались в пограничный конфликт с оборотнями, и Яргел послал его разобраться в ситуации. Шерман прихватил с собой отряд легионеров и разобрался. От войска троллей тогда остались жалкие крохи. Выжить удалось немногим. И еще меньше было тех, кому удалось отличиться. Мимел был одним из них. Позже, когда конфликт был исчерпан, дань выплачена, а в новый пограничный договор внесены поправки, Яргел предложил троллю перейти на службу к оборотням. Мимел согласился. И не прогадал. Потому что к подаренной деревеньке получил немало золота. Столько, сколько на землях троллей и надеяться не мог заработать. Потому Мимел и согласился так охотно изображать из себя бродячего актера. Тролли, конечно, относятся к этой братии с величайшим презрением, но за хорошие деньги готовы пересмотреть свои взгляды самым кардинальным образом. Впрочем, деньги деньгами, но вряд ли Мимел стал бы выступать перед своими собратьями. Шерман готов был биться об заклад, что на сей раз программа королевской труппы ограничилась гремлинами, варшем и менестрелем. Любопытно, удалось ли Брин покорить троллей так же, как она покорила вампиров? Жаль, что норлок не слышал ее выступления. Что ж... не все сразу. Зато у Шермана есть возможность, слегка поразвлечься, напав на небольшой отряд троллей. Ага! Его заметили! Ну, понеслось!

Властители! Ну кто же так нападает? Дождался бы остальных, зачем нужно геройствовать? Что ты можешь сделать против норлока один на один? Надеешься на свою силу? Ну, что ж. Поиграем. Шерман с азартом встретил врага и увлекся поединком. Хороший ему попался противник. Профессиональный боец! Огромный топор врага летал легко, как бабочка. Тролль наседавал, давил и рычал. Но Шерман не вчера родился, и напугать рыком его было проблематично. Он и сам мог так рыкнуть, что мало не показалось бы. Но зачем тратить энергию на глупости? Наконец тролль, которому, видимо, надоел увертливый норлок, отшвырнул щит, схватил топор обеими руками и нанес такой удар, отразить который могла разве что выплавленная из гномьей стали стена. Но Шерман и не собирался отбивать этот

удар. Он уклонился влево, увидел совсем рядом незащищенную шею и коротким движением всадил острие меча прямо в горло.

Один есть! А, вот и другой подоспел. Подбежавший к месту сражения тролль взмахнул мечом, но Шерман не стал уклоняться от этого удара. Он, парируя, тоже вскинул свой клинок двумя руками. Тролль с ревом налетел на норлока, стараясь прижать его к стволу дерева, но Шерман был слишком опытным бойцом, чтобы «повестись» на этот трюк. Он оттолкнулся от дерева и, выбрав момент, всадил меч снизу вверх, в живот врага. Так, а это что у нас? Еще пятеро троллей? Ну нет, на сегодня хватит. Шерман, может, и авантюрист, каких свет не видывал, но не самоубийца. Он сделал свое дело — отвлек на себя внимание. Теперь пора было уходить. И как можно быстрее. Шерман надеялся только, что тот потайной ход, который когда-то по великой дружбе открыли ему гномы, все еще существует. А уж в подземелье он сумеет затеряться так, что даже следов не оставит. Да и не сунутся тролли за ним под землю. Побоятся вызвать недовольство гномов. Еще один военный конфликт сейчас абсолютно никому не нужен. К тому же, зная гномов, тролли просто понимают, что следующую войну могут и не пережить.

Подземный город гномов потряс меня до глубины души. Высеченные в камне дома, улицы, площади и даже деревья производили воистину неизгладимое впечатление. Да и сами гномы как-то мало походили на безобидных маленьких человечков из сказки про Белоснежку. Во-первых, потому, что были не такими уж маленькими (от 1.20 до 1.50), а во-вторых, выглядели настолько грозно, что любую попытку их разозлить лично я расценила бы как крайне жестокий и болезненный вид самоубийства. Кряжистые (по-моему, вширь гномы были гораздо больше, чем ввысь), коротконогие, с длинными бородами рыже-русых оттенков, заплетенными в косы и вооруженные с макушки до пяток (шлемы, кольчуги, латы, мечи, боевые топоры — чего я только не увидела!) гномы явно не располагали к тому, чтобы с ними шутить.

Вышедший встречать нас гном отличался от своих собратьев разве что обилием украшений и драгоценных металлов. Причем на самом видном месте, на груди, у него поблескивала знакомая мне золотая монета. Надо же... похоже, в данном мире она служила не только монетой, но и символом богатства и власти. Иначе зачем бы гном ее на себя нацепил? Я старательно обыскала взглядом кряжистую фигуру, но никаких других золотых украшений не обнаружила. Хм... странно. Однако задавать глупые вопросы, обнаруживая свою неосведомленность в обыденных вещах, сейчас было не время. И не место. Гном с достоинством поздоровался с Мимелом и гремлинами, пустым взглядом окинул женскую часть нашей группы и пригласил следовать за собой.

Гномий пир, на который нас пригласили в качестве увеселения, превосходил даже достопамятную гулянку у вампиров. И количеством приглашенного народа, и объемом выставленной на столах закуски. Я поинтересовалась шепотом у Мимела, являются ли гномы столь искусными создателями оружия, как я слышала, получила утвердительный ответ и потеряла ручки. Ну теперь-то я точно знала, какую сказку им поведать! Хотя... гномы оказались не столь требовательными зрителями, как тролли. Они радовались варшу, оценили фокусы и акробатические этюды гремлинов, поборолась на заклад с троллями и вообще отрывались на полную катушку. Похоже, несмотря на свой довольно суровый внешний вид, отдыхать гномы умели и любили. Они так азартно боролись, танцевали и участвовали в метании ножей, что скоро в зале стало жарко. Очень. Я невольно облизнулась на стоявшие на столах кувшины. Эх, сейчас бы бутылочку светлого пива из холодильника! А лучше три! И самой в холодильник! Однако гномы, несмотря на все свое дружелюбие, к столу пригласили только мужчин. Ну, что ж, подождем. Надеюсь, после моего выступления мне дадут напиться. И поесть.

Я вышла в центр зала, тронула струны лютни и завела вычитанное в какой-то книжке (из серии «Сказки народов СССР») печальное повествование о том, как некий мастер выковал меч, потерял его на поле боя (поскольку был ранен), и как меч без устали искал своего хозяина. Как я и ожидала, гномов данное повествование увлекло. Приключения верного хозяину оружия захватили их внимание настолько, что они постоянно влезали со своими комментариями. Стоит ли удивляться, что счастливое окончание моего повествования вызвало бурю восторга? А я, помимо денежного вознаграждения, получила еще и магический камень, открывающий (по уверениям гномов) все замки. Выглядел этот камень, правда, как самая обычная галька, но я не стала привередничать, поблагодарила гномов за щедрый дар и, в знак признательности, снова тронула струны лютни и сыграла залихватскую песенку из репертуара Верки Сердючки. Гномы тут же подхватили кружки с пивом и пустились в пляс. Под конец они так разошлись, что пришлось исполнить еще несколько подобных песен. Да... я, конечно, не фанат подобного творчества, но то, что по пьяни танцевать под данные хиты очень удобно и весело — это точно.

Когда мой импровизированный концерт закончился, без сил уже были все. Даже неумные гномы, которых, казалось, невозможно утомить в принципе, повалились на столы и на пол. Воспользовавшись моментом, я откланялась, еще раз поблагодарила гостеприимных хозяев и отправилась в приготовленную для нас с Мирлин комнату.

— Ой! — невольно замерла я, неожиданно наткнувшись в коридоре на весьма примечательную статую.

Это был норлок. Определенно. В боевом облачении, чуткий и напряженный, как струна, казалось, он в любой момент был готов напасть на противника.

— Зачем вам статуя норлока? — заинтересовалась я.

— А откуда ты знаешь, кто это? Ты видела норлока? — удивился сопровождавший меня гном.

— Да. Однажды.

— И осталась жива? — гном мне явно не верил.

— Это был норлок королевского дома оборотней, он был на службе, — практически не соврала я. — Так почему вы поставили здесь эту статую?

— Норлоки — это единственная раса, которую нам не удалось победить, — вздохнул гном. — Они не уничтожили нас только потому, что мы жили под землей. Долгое время гномы вспоминали о прошлой войне с содроганием. А потом мы поняли, что если хотим выжить в этом мире, нам нужно учиться у норлоков. Недаром они славятся своей невероятной реакцией, мастерством боя, несгибаемостью, бесстрашием и жестокостью. Норлоки были достойными противниками. Мы горды, что сумели выстоять в боях с ними. И эта статуя — напоминание о том, что есть противник гораздо сильнее нас.

Прямо скажем, подобное почитание собственного потенциального врага показалось мне несколько странным, но я спорить не стала. В каждой избушке свои игрушки. И если гномы решили поставить у себя скульптуру норлока — это их дело.

— Ну, где ты ходишь? — кинулась ко мне с порога Мирлин. — Ужин остывает, садись быстрее!

Стоит ли говорить, что отказываться от подобного приглашения я не стала? Ужин, правда, был довольно однообразным — несколько видов мяса, хлеб и пиво, но я в данный момент готова была съесть даже собственную подошву.

— Ну и как тебе у гномов? Нравится? — хитро улыбнулась Мирлин.

— Нравится, — честно созналась я, поняв, к чему она клонит.

— Так может, Брин, ты себе здесь супруга выберешь? С водянками гномы вполне могут договориться.

— Посмотрим, — пожала плечами я и с удовольствием полюбовалась вытянувшейся мордочкой Мирлин.

Нет, гном в качестве мужа меня, на самом деле не сильно прельщал. Во-первых, я бородатых мужиков не люблю, а во-вторых, невысоких мужиков я люблю еще меньше. Однако над Мирлин приколоться очень хотелось. Пусть теперь думает — всерьез я за гнома замуж решила выйти, или так, шучу? Э-э-эх! И что ж мне не везет-то так? Сколько путешествуем, и пока ни одного приличного кандидата в мужа не попалось! А с другой стороны... если я (ну вдруг) встречу мужчину своей мечты, влюблюсь в него, да еще и замуж за него выйду, возвращаться обратно в свой мир мне не захочется. Любимого мужа будет бросать жалко. А за такого, чтоб не жалко было бросить, и замуж неохота выходить. Даже временно. С ним же еще спать надо! Бе-е-е...

Шерман слушал, как под переборы струн Брин рассказывает новую историю, и чувствовал, как постепенно расслабляется. Здесь, в подземельях у гномов, можно было не опасаться встретиться с актерами. Гномий город был слишком огромным и запутанным. Причем настолько, что в нем легко было потеряться. Именно поэтому норлоки в свое время и не сумели завоевать гномов. Впрочем, несмотря на прошедшую войну, их расы сейчас поддерживают вполне дружеские отношения. Два достойных противника, знающих друг друга цену, пришли к разумному соглашению. Шерман устроился поудобнее в отведенном ему темном углу. Со времени войны норлоков и гномов прошло уже много лет. И его здесь принимали как гостя. Гостя, который не раз и не два показывал свою военную доблесть, сражаясь в рядах гномов. Хотя... Мимел с гремлинами пользовались не меньшим уважением. Они ведь тоже были первоклассными бойцами. Кстати, неужели после того, как гномы посадили их с собой за один стол, Брин так ни о чем и не догадается? Хотя... кто знает, какие правила в ее мире? Может, там положено относиться к бродячим актерам лучше?

Брин закончила свое повествование и перешла к застольным песням. Властители! И откуда только она их берет! Ноги так и тянутся присоединиться к развеселым гномьим пляскам. Нет уж, хватит, ему пора на боковую. Шерман слишком долго шлялся по дорогам и спал на свежем воздухе. Он заслужил сытный ужин, теплую ванну и чистую постель. Главное, чтобы гномы не стали ему снова предлагать в подарок своих жен. Ибо бородатые дамы Шерману никогда не нравились.

Глава 6

Хуже некуда уже было.

Ф. Раневская.

С самого утра я пребывала в прекрасном расположении духа. Наконец-то я смогла насладиться благами цивилизации в виде горячей ванны и привести себя в порядок! Мой внешний вид давно уже требовал не то что косметического вмешательства — капитального ремонта! Господи, какое счастье, что со мной в этом дурацком мире оказалась моя косметичка!

Конечно, если бы я знала, что попаду не к Диме на дачу, а в совершенно постороннее измерение, я отнеслась бы к сбору вещей более серьезно. Но обстоятельства сложились так, как сложились, а потому в моей сумке лежали джинсы, футболка, куртка, кроссовки, босоножки, легкий голубой сарафан, кружевное белье и косметичка. Прямо скажем, не самый удачный набор вещей для покорения чужого мира. Но с другой стороны... хорошо что у меня было хоть это. Насколько мне позволяет судить моя начитанность всяческой фэнтезийной литературой, обычно героям, перемещающимся в посторонний мир, вообще ничего пронести с собой не удается. Так что мне (можно сказать) еще повезло.

Дополнительным бонусом, способствовавшим повышению моего и без того неплохого настроения, оказалось то, что мне дали выспаться. Впрочем, пока Мимел договаривался с гномами о припасах, можно было успеть не только это. Я с удовольствием позавтракала, навела порядок в нашей с Мирлин повозке и пересчитала оставшиеся у меня деньги. Хм... неплохой результат. Мое хорошее настроение поднялось еще на пару пунктов. Итак, у меня осталось еще полмонеты, от подаренного Шерманом золотого, да и заработала я неплохо. Я взвесила на руке раздувшийся кожаный кошель и плотно улыбнулась. По изначальной договоренности между актерами мне полагалось сдавать в общую кассу только часть своего заработка — в основном на кормежку для себя и лошадей. Оно и понятно — я, как менестрель, зарабатывала вдвое больше, чем все остальные вместе взятые. А если учесть, что без моего присутствия остальным актером и большой толпы никогда собрать бы не удалось, не удивительно, что меня всячески берегли и хранили. Блин, ну как же меня провела Эльтель! Воспользовалась тем, что я ничего не знаю о мире, куда попала, и поймала, как несмышленного младенца на конфетку! Тоже мне, награда для менестреля — контракт с королевской труппой! Да это для труппы великое счастье, что у них менестрель есть! Однако бросать начатое приключение на полдороге и выяснять отношения с эльфийкой было бессмысленно.

От размышлений меня отвлекло негромкое рычание. Варш вернулся! Надо же, я уже и привыкла к этому саблезубому тигру! Крупное, пластичное, красивое животное больше не внушало мне панического ужаса, но и фамильярничать с варшем меня как-то не тянуло. Хищник он и есть хищник. Вне зависимости от своей разумности и прирученности. Кстати, когда я поинтересовалась у Мирлин, зачем, собственно, варшу нужно составлять нам компанию, я получила довольно забавный ответ. Нет, сначала-то я вообще внятного ответа не услышала, поскольку Мирлин над этим вопросом никогда не задумывалась. Ну а чего ждать от наивной малолетней девчонки? Логика железная — раз я этого варша воспитала и выкормила, раз я могу с ним разговаривать, то он и должен таскаться за мной хвостиком. Ну-ну. Даже если поверить в то, что хищники могут испытывать к человеку благодарность, все равно присутствие варша в нашей труппе было для меня совершенно непонятным. Охота саблезубому тигру на задних лапках танцевать и позволять совать себе в пасть всякие гадости типа головы Мирлин? Зачем ему все это нужно?

Надо отдать варшу должное — над моим вопросом он думал гораздо дольше, чем приручившая его девчонка. Правда, ответ его был не совсем понятным, (я думаю, больше из-за «перевода» Мирлин), но, тем не менее, многое объясняющим. Оказывается, у варшей был весьма своеобразный взгляд на то, как стоит благодарить спасшего их жизнь человеческого детеныша. Во-первых, выяснилось, что эти детеныши могут быть только женского пола (у мужчин, почему-то, котята не выживают), во-вторых, девица должна быть невинной (иначе жизнь спасти варшу ей удастся, а вот удержать его возле себя и получить благодарность — уже нет, ибо общаться с ней тигр не сможет), а в-третьих, спасенный варш принимает на себя обязательства охранять спасительницу до тех пор, пока она не найдет себе защиту. Причем защитником считался первый же постельный партнер девушки. Логика, конечно, есть. Любая девица, приручившая варша, знает, чем ей грозит интимная связь, и будет действовать

наверняка, чтобы если уж расстаться с защитой в виде саблезубого тигра, так хоть мужа взамен заполучить. Но что делать, если наивная девочка ошибется и вместо защиты огреbet на свою шею одни неприятности? Ответ варша оказался неожиданным, весьма циничным и уместился буквально в двух словах: «думать надо». Я отстала от хищника и с удовольствием полюбовалась на ошарашенную физиономию Мирлин. Что, девочка, не ожидала? Думала, саблезубый тигр таскается за тобой от большой любви? Ну так получай прозу жизни во всей ее красе. Терять иллюзии, конечно, неприятно, но полезно. По крайней мере, выражение мордашки Мирлин подсказало мне, что теперь она будет о-о-очень долго думать, чем решиться на какие-либо вольности с гремлином.

Я еще раз пересчитала деньги (не потому, что боялась ошибиться, а так, из одного только удовольствия держать их в руках), затянула кошель и задумалась. С тех пор, как мы посетили гномов, меня мучил один весьма насущный вопрос — как в этом мире обстоят дела с золотом? Уж больно редко оно попадалось мне на глаза. Собственно, в этом мире я его и видела-то всего пару раз — на королевской чете оборотней (немного), да на гноме в виде достопамятной монеты. И это было довольно странно. Чтобы выяснить этот вопрос я позвала к себе Мирлин. Она настолько привыкла, что я плохо знаю окружающий мир, что не станет лишним раз заострять на этом внимание, да и делиться с остальными информацией о наличии у меня половины золотой монеты я считала нецелесообразным. Может, конечно, они и собратья мне по профессии, и дорогу мне с ними приходится делить, но лучше уж перестраховаться.

Сведения, полученные от Мирлин, оказались весьма обнадеживающими. Во-первых, потому, что умная девочка тоже не стала ни с кем делиться информацией об имеющемся у меня золоте (даже с любимым гремлином), логично решив, что это моя личная тайна, а во-вторых, золота в данном мире действительно было очень мало. Нет, даже не так. Катастрофически мало. Так что обладавшая половиной золотой монеты, я вполне могла считаться весьма зажиточной дамой. И дело тут было даже не столько в стоимости этой монеты, сколько в том, что она у меня вообще есть. Оказывается, наличие золота повышало статус его владельца. Тьфу! А раньше мне Мирлин этого не могла сказать? Вот уж удивился, наверное (и обрадовался) тот тип, у которого мы повозку с лошадьми купили! Да и продавец лютни, наверняка, внакладе не остался, хоть я и сбила первоначальную цену на его рухлядь процентов на тридцать. Впрочем — что уж теперь жалеть о том, чего не вернуть. Ну и потом — все равно других денег у меня под рукой не было. А добираться на конкурс менестрелей пешком (как это советовала Мирлин) как-то не очень хотелось. Мы на повозке-то еле-еле к началу конкурса успели. Так что жалеть об уплывшем золоте нечего. Нужно с умом распорядиться тем, что осталось. Я вспомнила гнома, носившего монету даже не как украшение, а как символ власти и собственного высокого положения, и хищно ухмыльнулась, придумав собственному золоту достойное применение. Нужно только выбрать удачный момент. И подходящих зрителей. Кстати, если уж золото — это такая редкость, с какой радости Шерман подарил мне целую монету? Я понимаю, что предоставленные ему ванная, ужин и постель были норлоку жизненно необходимы, но не слишком ли щедро он оплатил мое гостеприимство? Даже забавно — ведь в моем мире эта монета, хоть и потянула бы на приличные деньги, все равно не была столь большой ценностью, как в мире Шермана. Впрочем... норлок об этом не мог знать. И потому его щедрость казалась мне особенно подозрительной. Ну, что ж, если мне все-таки удастся встретиться с норлоком, я обязательно задам ему этот вопрос. И постараюсь получить на него ответ. Чего бы мне это не стоило.

— Брин, присоединяйся к нам, сколько можно в повозке сидеть! — раздался звонкий голос Мирлин.

Действительно, что это я? Надо вылезти, подышать свежим воздухом. Я прихватила с собой лютню (расстаться с этим произведением искусства, даже не надолго, у меня просто не

получалось) и присоединилась к честной компании. Надо же, а здесь было на что поглядеть! Хотя бы потому, что к парочке Тур-Мирлин присоединились Тор с Мимелом. И угадайте с трех раз, чем они занимались? Учили Мирлин стрелять из арбалета! Из моего, между прочим! А я? Нужно срочно пользоваться ситуацией, пока мужчины (с чего бы это вдруг?) такие добрые. Впрочем, с тех пор, как мы покинули земли гномов, поведение Тора кардинально изменилось, и он снова стал улыбчивым и общительным гремлином. Не до такой степени, конечно, как Тур, но тем не менее. Я решительно отодвинула Мирлин, и взяла арбалет в руки. К моему глубочайшему удивлению, оказалось, что овладеть этим видом оружия не так-то просто. Чтобы сделать хотя бы один выстрел, нужно было сначала вложить болт в ложе, потом натянуть тетиву с помощью двух специальных пластин, закрепить рога в точном положении — и уж только потом стрелять. Ну? Вы себе представляете этот процесс? Да за то время, пока я арбалет заряжать буду, меня раз двадцать убить смогут! Впрочем, мои возражения никого не интересовали. Взявшись научить меня стрелять, мужчины старались вволю.

— Целься точнее! Где у тебя глаза?

— Держи арбалет крепче! Что, совсем что ли сил нет? Так есть надо больше, а то клюешь, как цыпленок!

— Да нет, не так его заряжать надо! Ну сколько тебе показывать?

И подобные наставления не прекращались ни на минуту. Честно говоря, поняв, что в стрельбе из арбалета я полный бездарь, я даже попыталась от дальнейшего обучения отвилиться. Зачем мне это надо? Что, наши повозки защитить что ли некому? Однако данный фортель (к моему глубокому сожалению) мне не удался. Мужчины возмущенно загалдели и (заодно с парочкой новых ругательств) я выяснила, с чего это они столь охотно решили научить нас с Мирлин стрелять.

— Завтра мы пересечем границу людских владений, — мрачно поведал Мимел. — Человеческая ненависть непредсказуема. И неконтролируема. Мы все должны уметь защитить себя.

— Зачем людям на меня нападать? — раздраженно фыркнула я.

— За то, что ты с нами, — мрачно ответил Мимел. — И пока действует королевский контракт, отделиться от нас не можешь.

— Замечательно! — возвела я глаза к потолку. Похоже, Эльтель «кинула» меня еще больше, чем мне показалось на первый взгляд.

— Брин, да ты радоваться должна, что тебя есть кому защитить! — влез в наш разговор Тор. — Не удивлюсь, если проблемы будут не у тебя с нами, а у нас с тобой. Причем большие.

— С чего это вдруг? — строптиво нахмурилась я. — Мне казалось, что до сих пор особых неудобств я вам не доставляла. Или я не права?

— Ну, если не считать того, что ты в принципе не приспособлена к жизни... — издевательски протянул Тор, — и если не считать того, что где бы мы не останавливались, везде находились желающие сделать тебя своей любовницей, то нет... неудобств ты не доставляла.

— Моя неприспособленность к жизни с лихвой окупалась количеством денег, которые вы с моей помощью смогли заработать и той долей, которую я вношу в общую кассу, — ледяным тоном поставила я на место разошедшегося гремлиина. — А что касается желающих завести со мной роман... уверяю вас, ни один из них не переступил дозволенных рамок. Я даже больше

скажу — за все время нашего путешествия я даже ни одного неприличного предложения не слышала.

— Разумеется, — не менее ледяным тоном ответил мне Тор. — Все мужчины, которые тебя видели, принадлежали к Высшим расам. А потому, в силу давних традиций, прежде, чем делать тебе предложения сомнительного содержания, они обращались сначала к нам.

— Что?! — возмутилась до глубины души я. — Вы за моей спиной решали за меня мою личную жизнь? Да кто вам дал право? То, что я заключила с вами контракт, означает только одно — я с вами работаю. А с кем и когда я буду крутить романы — это мое личное дело!

— Ты не совсем правильно поняла Тора, — похлопал по моей руке Тур, пытаюсь меня успокоить. — Просто прежде, чем подойти к женщине, любой, кто находится в здравом уме, поинтересуется у окружающих ее мужчин, свободна ли она. И получив ответ, размышляет, нужны ли ему такие проблемы. Если мужчина решает, что стоит рискнуть — он подходит с предложением уже к женщине.

— То есть вы хотите сказать, что ни один из возжелавших меня мужчин рискнуть не захотел? — ядовито уточнила я.

— До такой степени, чтобы нарушить королевский контракт? Нет, — решительно сообщил Мимел.

— А причем тут контракт? — не совсем поняла я.

— Ты заключила контракт на доставку письма эльфам. Так? — начал объяснять Тор.

— Ну? — продолжала не понимать я.

— У возжелавших тебя мужчин было два выхода. Один — жениться на тебе, что, согласись, несколько экстравагантное решение после нескольких часов знакомства. Особенно, если учитывать, что ты помолвлена с принцем водянок. Кому нужны такие проблемы из-за мало знакомой, пусть даже и красивой женщины? Второй выход — сделать тебя своей любовницей на то время, которое осталось до твоего бракосочетания с принцем водянок. Этот вариант, безусловно, более предпочтителен, и многие с удовольствием бы им воспользовались, причем не факт, что поинтересовались бы твоим мнением на этот счет. Однако тут возникает еще одна проблема — заключенный тобой контракт. Ты же не сможешь его выполнить, если останешься в качестве любовницы рядом с каким-нибудь мужчиной! Так что контракт будет считаться прерванным раньше срока, и тому, кто возьмет тебя в любовницы, оторвав от важных дел, придется платить неустойку в казну оборотней.

— Большую? — округлила глаза я. Честно говоря, подобный нюанс договора даже не приходил мне в голову.

— Очень большую, — окончательно поставил меня на место Тор. — На такие деньги гарем любовниц содержать можно в течение пары лет.

— Ничего себе! — выпала в осадок я. — Но ведь если до сих пор никаких проблем не возникало, с чего вы взяли, что они возникнут в дальнейшем? Ведь то, что вы взялись обучать меня стрельбе из арбалета, говорит о том, что мне грозит опасность? Какая, я хотела бы знать?

— Люди глупы. И недалновидны, — вздохнул Мимел. — Да и влияние королевских домов Высших рас на их землях весьма невелико.

— То есть, если я останусь на землях людей, то смогу не выходить замуж за принца и не опасаться смерти за свое непослушание? — оживилась я.

— Заклятье смерти не знает границ, Брин, — разочаровал меня Тур. — Но вот требовать выкуп за контракт с людьми практически невозможно. Да и заставить их вернуть тебя в срок, даже если тебя будут удерживать на землях людей насильно, водянки не смогут.

— Погоди, погоди... — похолодела я. — Ты хочешь сказать, что если вдруг меня посадят в тюрьму и не выпустят до нужного срока, ну чтоб я к собственной свадьбе успела, то я все равно умру? Точно так же, как если бы я отказалась являться на эту дурацкую свадьбу по собственной воле?

— Вот именно, — кивнул головой Мимел.

— Да это же черт знает что такое! — возмутилась я. — Это неправильно!

— Поэтому мы и предупреждаем тебя, что нужно быть осторожной, — улыбнулся мне Тур. — На нашем пути, наверняка, встретится немало мужчин, которые постараются завладеть такой, как ты, красавицей.

— Но неужели среди людей нет таких, кто был бы заинтересован в поддержании хороших отношений с оборотнями и водянками? — не поверила я. — Никто не торгует? Не обменивается информацией? Не соединяется браком?

— Для женщины ты мыслишь удивительно здраво, — искренне удивился Мимел. — Мы действительно собирались двинуться по землям людей, наиболее лояльным Высшим расам. Но таких людей не так много. Поэтому, Брин, тебе следует быть настороже. И все-таки освоить арбалет.

Я тяжело вздохнула, но делать было нечего. В свете всего вышеизложенного, мне действительно не помешало бы научиться себя защищать. К тому же, неприятные моменты тренировок были полностью компенсированы, когда я увидела, в каком виде по землям людей собираются путешествовать мои братья по профессии. Ой, не могу! Они что, возжелали, чтобы я умерла со смеху? Особенно «хороши» были гремлины. Такому пестрому наряду, сшитому из разноцветных лоскутков, позавидовал бы любой петух. А уж если учесть, что все это украшалось бубенчиками и даже (местами) перьями... по-моему, данный наряд даже для маски Арлекина был чересчур экстравагантным. Впрочем, Мирлин моего мнения, похоже, не разделяла, ибо купила себе женский вариант такого же безобразия. Видимо, в надежде изобразить из себя Коломбину. Причем, взглянув на ее многослойный наряд, я даже возжелала познакомиться лично с местным дизайнером-авангардистом. Ну это надо же такое придумать!

— Мирлин, ты что, серьезно собираешься выйти в этом выступать? — не выдержала я.

— А что? — удивилась моя подопечная. — Это же специальный наряд для бродячих актеров. Мы обязаны носить это на землях людей, чтобы нас даже случайно не перепутали с порядочными жителями. Люди относятся к актерам с еще большим презрением, чем Высшие расы. Их даже хоронят за оградой кладбища.

— Да, я что-то такое слышала... а почему же тогда тролли не нацепили на себя цветные лоскуты? — кивнула я на Манку с Мимелом.

Нет, тролли, конечно, тоже смотрелись довольно непривычно — в черной коже, украшенной

медными бляшками, они походили на помесь рокеров с героями мечты мазохиста. Мимел натянул на себя высокие сапоги, широкие кожаные штаны и кожаную же безрукавку на голое тело, а Манка красовалась в кожаных юбке и корсете. Однако это было все равно не так забавно, как петушиные наряды остальных. И даже пестрая блузка, одетая Манкой под корсет, не уравнивала внешний вид актеров.

— Так тролли это ведь не люди. И для них существует свой наряд, — объяснила мне Мирлин.

— То есть ты хочешь сказать, что мне на себя тоже придется эти тряпки одевать? — поморщилась я, ощупывая дешевую ткань цветастого костюма Мирлин.

— Зачем? Брин, ты же менестрель!

— И какой наряд у людей предусмотрен по этому поводу?

— Даже люди не станут оскорблять менестрелей, заставляя их одеваться по своему вкусу, — обрадовала меня Мирлин. — Ты можешь носить обычное платье. Главное, чтобы оно было скромным, пристойным и не ярким.

— Мое платье пойдет? — оглядела я свой наряд, добросовестно пытаюсь найти в нем хотя бы намек на нескромность. Однако длинное платье темно-синего цвета, укрывающее меня от шеи до пят, такого намека мне не предоставило.

— Тебе нужно будет закрыть платком вырез и не стягивать пояс на талии.

Вырез? Да где она увидела вырез? Там кроме ключиц и не видно ничего! А уж если я на талии пояс не затяну, это не платье, это мешок будет! Впрочем... выбора у меня, кажется, все равно не было. Так что я вздохнула, и последовала совету Мирлин.

К воротам города мы подъехали на рассвете. Я вообще-то, надеялась оглядеться (все-таки это мой первый в данном мире город людей), а то и пообщаться с кем-нибудь (на предмет того, где здесь можно выступить с наибольшей для себя выгодой), но моим мечтам сбыться было не суждено. Несмотря на то, что Мимел сунул таможенникам довольно впечатляющую взятку, они трясли нас долго и основательно. Так что в самом городе мы оказались ближе к обеду. Вообще-то, для начала неплохо было бы перекусить, да остановиться где-нибудь на ночлег, но Мимел решил, что первым делом самолеты, и мы двинулись на городскую площадь. Сначала я решением тролля была недовольна, но потом, подумав, поняла, что он был прав. После нашего выступления найти подходящий ночлег окажется наверняка проще. А если повезет, то нас еще и ужином угостят. Да и вообще — выступив на площади и найдя контакт с толпой, мы перестанем быть для окружающих откровенными незнакомцами.

Мда. Мечты, мечты, где ваша сладость? Похоже, местным жителям мы не понравились еще больше, чем это предполагал Мимел. Сначала нам битых два часа пришлось уговаривать местного градоначальника вообще разрешить нам выступать, а потом пришлось быстро уносить из города ноги. И главное — я никак не могу понять — почему? Выступили мы просто на высшем уровне. Правда, гуляющий на свободе варш напугал людей до беспамятства (надо ему ошейник с поводком купить срочно), но все остальное они принимали на «ура». Тем более, что на сей раз даже гремлины старались держаться разумных рамок (по проволоке вверх ногами не ходили и огонь не глотали, предпочитая самые простые фокусы). Тролли тоже показали себя молодцами — Мимел снисходительно позволил парочке «вояк» доблестно себя побороть, а Манка изображала из себя тварь бессловесную, выступая только в роли ассистентки. А уж что касается меня — так я вообще была на высоте. Поведала о том, как

Мудрые, Великие и Могучие люди победили Высшие расы и стали жить припеваючи. (Бедный Толкин, если бы он услышал, как я переврала его творчество, он бы в гробу перевернулся!)

Словом, все было прекрасно до тех самых пор, пока мы не возжелали устроиться где-нибудь на ночлег. Тут-то и начались проблемы. Оказалось, то, что люди позволили нам себя развлекать (как вам постановка вопроса?) еще не означает, что они должны снизойти до нашего присутствия в городе. Нам было без обиняков сказано, что подобной швали здесь не место, что одно только предположение о том, что нам будет позволено ночевать в одном городе с порядочными людьми, глубоко этих самых людей оскорбило, и что в наших же интересах убраться отсюда куда подальше, пока нами вплотную не занялась стража. Судя по мордам этой самой стражи, они просто мечтали, чтобы мы дали им повод. Ха! Ищи дураков! Мы собрались и (распростившись с мыслью об удобном ночлеге) выехали за ворота. Да... накрылись медным тазом мои мечты о цивилизованном отдыхе. Город людей оказался негостеприимным до крайности, и единственное благо, которым мы смогли воспользоваться — стоявший недалеко от города магический камень, где Мирлин и Тур обменялись клятвами. Красивое зрелище, кстати! Солнечные лучи буквально обняли парочку и погасли. Да... теперь моя подопечная официально считается невестой. Что ж... будем надеяться, что она не пожалеет о своем выборе.

Шерман следил издали за повозкой и ругал Яргела. Долго, смачно и в самых непристойных выражениях. Как, ну как этому идиоту пришла в голову идея отправить Брин в такое опасное путешествие? Король что, совсем нюх потерял? Неужели он не понимает, что Брин грозит опасность? Впрочем... это-то Яргелу скорее всего вообще безразлично. Но если на Брин польститься какой-нибудь человек, что станет со спрятанным в лютне медальоном? А то, что такой вариант возможен, Шерман не сомневался. Слишком уж Брин отличалась от обычных человеческих женщин. Непередаваемо хрупкая, изящная, светлая... Огромные карие глаза, рассыпавшиеся по плечам золотистые волосы, трогательная улыбка... Властители, да даже он, норлок, которого не раз обвиняли в жестокости и беспринципности (причем за дело), чувствовал потребность защитить Брин! Разогнать к гоблинам окружающую ее толпу, набить морду парочке совсем уж откровенно пускавших слюни мужиков и забрать ее с собой! Вот только куда? Шерман поморщился. Неужели у него появится еще один (очередной!) повод ненавидеть Эльтель? Похоже, что так. Потому что он просто не мог спокойно смотреть, как мелочные, глупые и недалекие людишки, пыжась от сознания собственной значимости, выставляли из города Брин вместе с другими актерами.

Стоп! А куда это Мимел коней направил? Нет! Только не это! Неужели тролль не знает, что лезет прямиков в пасть к неприятностям? Причем, гораздо большим, чем те, от которых актеры только что отделались? Фу-ух! Королевская труппа решила остановиться на ночлег прямо в лесу. А это еще что? Властители! Только не это! Похоже, неприятности, не дождавшись, пока актеры до них доедут, сами решили выйти им навстречу. Точнее, сам. Шерман приблизился на максимально возможное для него расстояние. Надо же, это ведь глава ордена пуритан, мастер Ллойд. Помнится, при прошлой встрече, он пытался наслать на норлока какие-то особо страшные проклятья. И чего ему понадобилось среди актеров? Пуритане ведь издавна считают их чем-то вроде помеси мерзкой падали и служек демона (в их глазах даже не знаешь, какое из определений можно принять за комплимент). Так что же нужно мастеру Ллойд от исчадий ада? Неужели собирается пригласить их выступить? Странно. Шерман напрягся, но двинулся следом за повозками. Да, похоже пуритане (почему-то) отступили от своих давних традиций и готовы посмотреть на выступление артистов. И даже им заплатить. Правда, только после предварительного просмотра предлагаемых номеров и их беспощадной цензуры. Ну и, естественно, актерам придется переодеться.

Шерман с любопытством следил за преображением всей королевской труппы и не мог дождаться, когда увидит Брин в наряде пуританки. Властители! Ну, это уж слишком! Что пуритане сделали с менестрелем? Ничего общего с той девушкой, которую он видел буквально два часа назад. Золотистые волосы безжалостно скрыты под накрахмаленным чепчиком, скромное серое муслиновое платье с высоким воротником без какой-либо отделки непостижимым образом скрадывало ее отнюдь не маленькую грудь и прекрасные изгибы тела. Властители, да в этом идиотском наряде Брин казалась и бледнее, и старше, и выглядела как типичная старая дева! Шерман передернул плечами, отвернулся от этого малопривлекательного зрелища и... увидел, как мастер Ллойд о чем-то шепчется с одним из своих подручных. Успокоившиеся было подозрения вылезли на свет с новой силой, и норлок подкрался ближе. На его счастье, люди не обладали способностями Высших рас. И не могли ни увидеть его, ни почувствовать.

Поселок пуритан не понравился мне с первого взгляда. Да и идея здесь ночевать казалась мне не слишком-то удачной. Я, конечно, люблю блага цивилизации, но что-то мне подсказывало, что все, что мы сможем найти у пуритан — это неприятности. Даже не могу объяснить, почему я так думала. Может, невольно ассоциировала местных святош с теми пуританами, про которых я когда-то читала? Наверное, такой подход к делу был неправильным. В конце концов, и вампиры, и тролли, и даже эльфы в данном мире были совершенно не похожи на тех персонажей, про которых сочиняли истории писатели моего измерения. Однако... все эти размышления, почему-то, меня не успокаивали. Я внимательно оглядела пригласившего нас выступать типа. На первый взгляд, вроде бы, ничего подозрительного. Мастер Ллойд был вполне обычным мужчиной высокого роста. Поджарый, мускулистый с надменным выражением довольно красивого лица, он больше походил на воина, чем на святошу. Зоркие глаза, орлиный нос, густые усы, обрамляющие полную нижнюю губу, тяжелый обрубленный подбородок. Вот только одет этот мастер был настолько непрезентабельно, что даже взгляд остановить не на чем было. Темно-серый суконный полукафтан, надетый поверх куртки из буйволовой кожи, был украшен только гладким белым воротником из крахмального холста. Просторные штаны немаркого коричневого цвета были заправлены в черные войлочные сапоги. Единственным, что соответствовало ему, как воину, была длинная рапира с тяжелой кованой чашкой, которая висела на широком кожаном поясе, туго стянутом при помощи медной пряжки вокруг стройного стана.

Нет, не нравился мне этот мастер Ллойд! Вот не нравился и все тут! А уж после того, как он в приказном порядке заставил нас облачиться в «приличную» одежду, а потом еще и показать ему репертуар, дабы он смог внести свои правки, к моему нелестному мнению о пуританах присоединилась и вся труппа. Боже, как же я отвратительно выглядела в чепчике и балахонистом сером платье! Просто какая-то беженка из клиники, где лечат голодом! Если бы я увидела подобное чучело где-нибудь на улице, милостыню бы подала из жалости!

Если я и думала, что все самое неприятное в поселке пуритан мы уже пережили, то недолго. Совсем. Поскольку наше выступление на сей раз вообще не пользовалось успехом. Никаким. Пуритане смотрели на нас с явным презрением и брезгливостью. Елки зеленые, да зачем нас сюда вообще пригласили, если местным жителям настолько не нравятся актеры? Нудных пуритан не тронуло даже слезливое повествование, бесовски позаимствованное мною из «жития святых» и слегка адаптированное под местный менталитет! Короче, на ночлег мы пошли устраиваться в самом дурном расположении духа. Добил нас предложенный скудный ужин и предоставленные для ночлега холодные каменные кельи.

— Не хотелось бы жаловаться, но я бывала на кладбищах, более дружественных с виду, — пробормотала я, вспомнив ночевку у вампиров. Мои попутчики дружно со мной согласились.

Да лучше бы мы в повозках остались ночевать! Хорошо хоть Манка догадалась припасы с собой прихватить. И мы, не желая в угоду пуританам заниматься умерщвлением собственной плоти, сели ужинать. Да уж... тяжело признаваться, но, похоже, найти мужчину своей мечты среди людей мне будет еще сложнее, чем среди Высших рас. А если учесть, что его еще нужно уговорить идти со мной к королевской семье водянок и как-то убеждать их от меня отказаться... совсем всё плохо. Придя к такому выводу, я совершенно без аппетита поужинала и пошла в свою келью. Ну, хоть один плюс был в том, что мы у пуритан остались ночевать. Отдельные кельи были выделены каждому из нас. Благодать! Не то, чтобы Мирлин сильно меня напрягала, нет. Просто после нескольких недель совместного путешествия мне очень хотелось побыть одной. Хм... неужели мне это не удастся? Я осторожно закрыла дверь и прислушалась. Похоже, в моей келье кто-то был. Ну и кого, спрашивается, принесло на ночь глядя? Неужели кто-нибудь из пуритан отчаянно решился согрешить?

— Добрый вечер, — донесся из глубины кельи до боли знакомый глубокий голос.

Шерман! Я даже не поверила своим глазам. Ну надо же! Столько времени я страстно мечтала его найти, чтобы задать пару вопросов, а тут он сам появился! Честно говоря, я даже не сразу поняла, что с ним не так. Потом пригляделась и недоверчиво ухмыльнулась. Норлок был в человеческой ипостаси! Исчезли и гребень, и чешуя, и даже хвост! Однако не узнать Шермана было весьма проблематично. Тот же рост под два метра, та же бритая налысо голова, пронзительно, неправдоподобно синие глаза, вальяжные манеры... спрашивается, кто к кому в комнату влез, и кто в доме хозяин? Глядя на Шермана ответить на этот вопрос можно было только одним образом. В его пользу. Держался он по-прежнему надменно, даже несколько пренебрежительно, а его кривая ухмылка не сулила мне ничего хорошего. Шерман оторвался, наконец-таки от стены, возле которой стоял, как приклеенный, и медленно обвел меня плотоядным взглядом. Всю, до мельчайших подробностей. Даже дурацкое пуританское платье серого цвета. Однако смутить меня подобным взглядом было мало реально. А уж отвлечь от тех вопросов, которые я хотела ему задать — и вовсе невозможно. Интересно, как норлок оказался в моей келье и откуда узнал, что я буду здесь? Неужели следил? А зачем? Вопросов было слишком много.

— Ты не хочешь со мной поздороваться? — ядовито поинтересовалась я, решив начать с главного.

— Ну, здравствуй, Брин! — надо же... норлок даже мое имя помнил... Меня бы это даже порадовало, если бы не тон, которым было произнесено приветствие. Не хотелось бы признавать, но по количеству яда он ничем не уступал моему.

— Ты не хочешь мне объяснить, как я здесь оказалась? — не сдалась я.

— Объяснить? — разозлился Шерман. — А может, ты мне объяснишь, какого гоблина тебя потащило гулять по улицам с утра пораньше, да еще и с золотой монетой в кармане? Властители, да шанс попасть в открытый телепорт случайному человеку равен одному из тысячи! И ты его нашла!

— Вообще-то, я ничего для этого не делала, — надулась я.

— Угу. Только вышла прогуляться и захватила с собой монету. Брин, неужели ты не знаешь, что вещь из другого мира может стать проводником в этот самый мир?

— Откуда? — праведно возмутилась я. — И зачем вообще мне нужно было давать такую вещь?

— Если бы ты проснулась на два часа позже, и телепорт был бы закрыт, эта вещь стала бы

обыкновенной золотой монетой, оставленной в качестве оплаты за ужин и ночлег.

— Что-то уж ты больно расщедрился, — подозрительно сощурила глаза я.

— У меня не было с собой других денег.

— А исчезнуть без оплаты тебе совесть не позволила? — не поверила я.

— Нет. Заклятье переноса. Перемещение по мирам — это дорогое удовольствие. Я могу вернуться к Яргелу только оставив миру взамен какую-нибудь ценность. Если бы я попал в тот мир, в который планировал изначально, я рассчитался бы оружием. В твоём случае это было нереально.

— Да уж, твой меч мне определенно не пригодился бы. А вот твоя монета выручила меня на все сто. Благодаря ей я сумела вовремя очутиться на конкурсе менестрелей. Кстати, я познакомилась с королевой Эльтель, о которой ты рассказывал много нелицезного.

— Послушай, Брин, я надеюсь, ты никому не передала наш с тобой разговор? Ну... о том, как ко мне Эльтель относиться? — буквально посерел Шерман и, увидев, что я отрицательно мотаю головой, облегченно вздохнул. — Слава Властителям. Брин, когда я попал в твой мир, я рассказал тебе много лишнего. Просто потому, что не предполагал, что нам с тобой еще раз придется встретиться. Кстати, Брин, как тебе понравилась Эльтель во время личной беседы? Очаровала?

— С ума сошел? Чем там очаровываться? Во-первых, у меня нормальная сексуальная ориентация, я на женщин не западаю, а во-вторых, если ты не заметил, у Эльтель вполне заурядная внешность. Даже по человеческим меркам. Да если бы мне не сказали, я в жизни не поверила бы, что она эльф!

— А в вашем мире эльфы выглядят по-другому? — удивился Шерман.

— В нашем мире их вообще нет. Зато есть весьма красочные описания того, как они должны выглядеть. Прекрасные, мудрые, величественные, светлые... поверь мне, Эльтель не похожа даже на очень плохую их копию!

— Надеюсь, ты не стала ей говорить об этом? — ехидно фыркнул Шерман.

— Да что я, с ума сошла? Эльфийка обещала отправить меня обратно в мой мир.

— Ты думаешь, она может это сделать? — недоуменно воззрился на меня норлок.

— А ты думаешь нет? — мрачно поинтересовалась я, все больше понимая, до какой же степени «кинула» меня Эльтель.

— Сомневаюсь, что это возможно. Впрочем... Брин, она дала тебе клятву?

— А должна была?

— Брин, не будь наивной, ты же знаешь, что правильно сформулированная клятва, произнесенная в нужном месте, будет исполнена!

— Сейчас знаю. А вот когда беседовала с Эльтель — не имела об этом представления.

— В твоём мире нет Черных Камней? — поразился до глубины души норлок. — Но что же

заставляет людей держать слово?!

— Ничего, — вздохнула я. — Только собственная совесть.

— Невозможно! Да как же можно жить в таком мире, где нет Камней? Ведь только они заставляют выполнять данные клятвы и сдерживать обещания! Именно перед Черным Камнем мой отец поклялся отдать сына в качестве выкупа! Именно там он передал меня оборотням, и на моем плече сразу появился магический знак! — я тут же вспомнила виденную когда-то оскаленную медвежью морду и поморщилась. Тоже мне, знак! — И освободить меня из рабства может только Черный Камень! Для этого Яргел должен перед ним официально от меня отречься!

Так, так, так... а вот это уже интересно. Похоже, я нашла еще один путь избавиться от свадьбы с принцем водянок. Вот только что бы мне такого придумать, чтобы он от меня официально отрекся?

— А что ты будешь делать, если все-таки случится невозможное, и Яргел от тебя отречется? — заинтересовалась я.

— Вернусь к норлокам, — хищно улыбнулся Шерман. Нда. Что-то мне подсказывает, что его соплеменники не обрадуются такому визиту. — Меня же вынуждены были признать принцем крови. И воспитывать наравне с другими членами королевской семьи. Конечно, мои учителя больше времени уделяли боевым искусствам, но, будучи принцем, я все равно получил довольно приличное образование. И теперь, вернувшись, могу требовать свою долю земель. И власти. Гоблины зеленые, как же мой отец пожалеет тогда, что произвел меня на свет! И что признал! Официально признанному принцу-бастарду положен по статусу изрядный кус земли в управление и нехилое денежное содержание. И если я смогу освободиться от рабской зависимости, будь уверена, Брин, я воспользуюсь своими правами!

— Ничуть не сомневаюсь! — искренне поддержала норлока я.

Да и никто, находящийся в здравом уме, не усомнился бы ни в одном слове Шермана. Норлок прекрасно знал, о чем говорит. И отвечал за каждое свое слово.

— Как ты узнал, что я здесь? — решила я сменить тему.

— Увидел тебя на площади, — отмахнулся от моих расспросов Шерман. Ну, нет. Так просто ты от меня не отделаешься.

— А что ты делаешь на землях людей? Да еще и в таком виде?

— Выполняю королевское поручение. На сей раз мне досталась роль гонца к его величеству Богарту Благословенному. Если не считать небольших проблем, связанных с человеческой бюрократией, то это не самое сложное задание. Для норлока.

— И все-таки я не совсем понимаю, зачем ты залез ко мне в келью, — продолжила гнуть я свою линию. — Неужели только для того, чтобы со мной поздороваться?

— Неужели у тебя нет других предположений? — нахально ухмыльнулся Шерман, буквально пожирая меня плотоядным взглядом.

Было бы на что смотреть! В пуританском платье я выглядела так, что на меня мог польститься ну очень озабоченный тип, не видевший нормальных женщин как минимум последние лет

двести. Однако норлока, похоже, мой непрезентабельный наряд вовсе не отпугивал. Поскольку улыбка, внезапно возникшая на его лице, выражала что угодно, только не равнодушие. Кривая, ленивая, нервирующе многозначительная, эта улыбка могла поведать о многом... Тьфу! Да что ж я себя веду-то как несмышленный подросток? Что я, мало мужских улыбок видела? Хм... до такой степени меня вождедеющих — мало. Боже, да я, как загипнотизированная, даже сделала шаг норлоку навстречу, и наверняка поддалась бы обаянию, если бы... не встретилась с его взглядом. Холодным, циничным и расчетливым.

— Ты уверен, что влез ко мне в келью только для того, чтобы меня соблазнить? — ехидно поинтересовалась я, ругая себя за глупый поступок, который только что чуть не совершила.

— Нет, — сознался норлок и сразу стал серьезным.

Надо же, и куда что делось... вместо фривольной улыбки — сухая сдержанность, вместо развязных манер — выверенные движения бывалого воина, а вместо игривого тона — холодный лед отточенной стали. Ну, вот. Это уже гораздо больше похоже на норлока, которому королевская семья оборотней не боится доверить самые сложные и опасные поручения.

— Что-то случилось?

— Выгляни в окно.

Я последовала совету норлока и замерла, чувствуя, как липкий страх противной змеей растекается между лопаток. Мастер Ллойд, столь любезно пригласивший нас к пуританам, вместе со своими односельчанами обкладывал хворостом стены нашего временного убежища.

— Что он делает? — панически воскликнула я, боясь поверить собственным глазам.

— А для чего же, ты думаешь, Ллойд пригласил ненавистных актеров? — хищно ухмыльнулся Шерман. — Чтобы в очередной раз убедить свою паству в том, что все лицедеи — исчадия ада. Надо сказать, Брин, что ты немало подпортила ему показательную акцию, рассказав священную историю. Ллойд пришлось произносить перед толпой пламенную речь, убеждая пуритан, что твой дар от дьявола.

— То есть ты хочешь сказать, что он заранее планировал нас сжечь? — не поверила я своим ушам.

— Разумеется! Для этого вас и поселили в отдельно стоящем доме.

— Но ведь здание построено из кирпича! Оно все равно не вспыхнет сразу! Мы вполне можем спастись!

— Да? Это как сказать. Грешники обычно горят быстро. Особенно если кто-нибудь догадается пропитать дом специальной жидкостью, — ехидно заметил Шерман. — Ну и потом. Брин, неужели ты думаешь, что пуритане, которые настроились вас сжечь, действительно позволят вам бежать? Они уже вооружились арбалетами и луками, и с нетерпением поджидают тех, кто не захочет принять божью милость и умереть в очистительном огне.

— Думаю, если бы наше положение было так безнадежно, как ты расписываешь, ты вряд ли оказался бы в моей комнате, — пришла в себя я, оправившись от первой волны панического страха.

— Ты делаешь успехи! — похвалил меня норлок, нахально развалившись на единственной в

келье постели. — Скажи, Брин, чем ты готова пожертвовать, чтобы спасти свою жизнь?

— Только свою? — уточнила я, начиная сатанеть от выходов этого наглого типа. Нас убивать собираются, а он ко мне клинья подбивает! Да еще и в такой ультимативной форме! — Думаю, нам следует разбудить моих попутчиков. И рассказать им об угрожающей нам опасности. А там уж мы вместе договоримся о награде за наше спасение, — ядовито предложила я.

— Какая же ты, Брин, несговорчивая, — оскалился норлок, плавно переместившись к двери. — Пошли. Со всеми остальными актерами я уже договорился.

Что?! Достал ты меня, гад! И в наглого норлока полетело нечто, предназначенное пуританами мне в подушки. Обычно я редко выхожу из себя, но Шерман меня действительно достал! Какого лешего он мне нервы трепал столько времени, если уже все решено?! Подушка, разумеется, в норлока не попала. Я вздохнула, собрала свои вещи, взяла лютю и шагнула за порог вслед за Шерманом, старательно делая вид, что не слышу его мерзкого подхихикивания.

— Что вы так долго? — буркнул Мимел. — Ждали, когда нас поджаривать начнут?

Да, похоже мои собратья по профессии отнеслись к угрожавшей нам опасности куда серьезней норлока. Они были настороженными, собранными, и явно не собирались позволить так просто себя сжечь. Исключением, пожалуй, являлась только Мирлин, которая испуганно цеплялась за Тура в полнейшей растерянности. Гремлин, в ответ, проявлял воистину чудеса героизма, заслоняя ее спиной. Вот только от чего? Я подавила ехидный смешок, и последовала за остальными вниз по ступенькам.

— Повозки жалко, — всхлипнула Мирлин.

— Я их перегнал давно за границу леса. Будем надеяться, что их никто не обнаружит, — небрежно сознался норлок. — А тот, кто на них наткнется, не захочет связываться с варшем.

— Он сбежал? — обрадовалась Мирлин.

— А ты думаешь, он позволил бы себя сжечь? Варши намного умнее людей. Особенно некоторых. Вот только заставить его меня понимать и слушаться было весьма проблематично.

— И чего эти фанатики к нам привязались? — возмутилась я. — Неужели нельзя по-человечески договориться?

— Я когда-то пытался договориться с Ллойдом. Дохлый номер, — отмахнулся Шерман.

— А ты ему в человеческой ипостаси являлся? — уточнила я.

— Конечно!

— В этом-то и была твоя ошибка. Тебе надо было явиться Ллойд в ипостаси норлока. Тогда его точно кондрашка быхватила. Готова поспорить, он стал бы намного уступчивее. И никаких проблем!

— Никаких! Если не считать мирное соглашение, заключенное между людьми и Высшими расами еще лет двести назад, — буквально прошипел Шерман. — Он не касается только эльфов.

— А тебя он каким боком касается? — машинально поинтересовалась я, спускаясь вслед за

Шерманом в какой-то узкий подземный лаз.

— Представители Высших рас должны пребывать на территории людей только в человеческой ипостаси. А если таковой у некоторых нет, то нечего им на землях людей делать. Ну а если уж каким-нибудь троллям по суровой жизненной необходимости все-таки придется пересечь границу человеческих владений, то передвигаться они должны исключительно по окраинам, огибая столицу и крупные города, дабы не оскорблять взор благородных людей своим видом.

— Бредятина какая-то! — фыркнула я, изо всех сил стараясь не споткнуться в темноте. — Слушай, а откуда ты про этот ход знаешь? — подергала я за рукав норлока.

— Гномы постарались, — фыркнул он. — Когда-то они лелеяли планы завоевания мира. К счастью, их амбициозный проект провалился. И все, что от него осталось — это подземные ходы, которыми изрыт, похоже, весь наш мир. В принципе, если гномы нарастят численность своего войска, усилят вооружение и больше не будут связываться с норлоками... шанс захватить мир у них вполне реальный.

— Что это? — испугалась я, услышав непонятный шорох. Услужливое воображение тут же нарисовало бледного призрака в простыне, звящего кандалами и страдающего от несварения желудка.

— Это скальные голуби, — успокоил меня норлок. — Мы недалеко от выхода. Вот гоблин зеленый!

— Что? — не поняла я его раздражение.

— Сейчас как пить дать на голову нагадят. Тьфу! — дернулся Шерман, «осчастливленный» одним из пернатых.

— Ты куда? — удержала я его за рукав куртки.

— Хочу найти этого крылатого гада! — взвился норлок.

— С ума сошел? — попыталась остановить его я. — Как ты его найдешь?

— Узнаю! Узнаю по хитрому выражению на наглой сизой морде! Не мешай! Сейчас я покажу этой сволочи, как мне куртки портить! Как дам в клюв, все зубы вылетят!

— У голубя?

Ф-фух! Ну, наконец-то норлок пришел в себя. Надо же, как, оказывается, просто его из себя вывести. Подумаешь мелочь какая, голубь на нем отметился. Не корова же! Однако Шерман вовсе не разделял моего легкомысленного отношения к данному событию, и мрачно молчал до тех самых пор, пока мы не добрались до повозок. Да... спрятал их норлок знатно. С двух шагов не заметишь, если не присматриваться. И если лошади не выдадут. Из кустов нам навстречу выскочил варш и тут же оказался в распростертых объятиях Мирлин. Да, с таким стражником наши повозки действительно находились в безопасности. Я улыбнулась и потрепала варша по загривку. Привыкший ко мне саблезубый тигр отозвался на ласку довольным урчанием.

— На твоём месте я не подходил бы к варшу без этого, — ехидно предупредил меня Шерман, протягивая какой-то мешочек. Я развязала и с любопытством уставилась на зеленоватый порошок.

— Что это? — недоуменно поинтересовалась я.

— Порошок от блох, — ухмыльнулся норлок.

— Почему ты считаешь, что у него блохи? — обиделась за варша я.

— После пребывания среди этих пуритан, которые считают, что лишний раз помыться — это оскорбить бога? Не смей меня, Брин. Их там легион. На моих глазах они пытались вытащить варша из кустов, — сухо объяснил норлок. — На твоём месте я бы держался от варша подальше, по крайней мере до тех пор, пока порошок не подействует. Иначе ты всю ночь проведешь, почесываясь за ушами. И не только.

Я фыркнула, но перечить норлоку не стала. Тем более, что в данный момент мне хотелось вовсе не ссориться с ним, а выспаться. Кстати, мне показалось, или тролли с гремлинами действительно видят Шермана не в первый раз? Слишком уж слаженно они действовали. И еще... как мне называть этого норлока, если его истинное имя для меня недоступно? Вопросов, как и прежде, было больше, чем ответов. Но сил на то, чтобы их выяснить, у меня не было. Я залезла в свою повозку, укрылась одеялом и провалилась в сон. Завтра, все завтра!

Глава 7

Создавая человека, Бог определенно где-то ошибся

Н. Андреев «Наемники».

Как ни странно, утром я проснулась практически раньше всех. «Обогнала» меня только готовившая нам завтрак Манка. Я окинула взглядом наш небольшой лагерь и увидела спавшего под одним из деревьев Шермана. Надо же, значит он еще не ушел. И я смогу задать ему парочку вопросов. Я подкралась к норлоку ближе. Умилительное зрелище. Умиротворенное, спокойное лицо, вальяжная, расслабленная поза, сложенные рядом неряшливой горкой сапоги и сумка... Похоже, среди актеров норлок чувствовал себя весьма уверенно. И не опасался за собственную безопасность. Почему, интересно? Шерман вздохнул, слегка переменял позу и открыл глаза. Пронзительные, неправдоподобно синие глаза, в которых не было и капли сна. Так он что, не спал что ли? И надо же мне было так не вовремя проявить свое любопытство. Однако Шерман, похоже, моим интересом был больше раздражен, чем польщен.

— Что? — недовольно буркнул он.

— Откуда ты знаешь троллей и гремлинов? — перешла в наступление я.

— Тебя так интересует этот вопрос, что ты решила меня разбудить? — желчно поинтересовался Шерман. — Пораскинь мозгами, Брин. Они — королевская группа. А я живу во дворце уже больше 15 лет. По-твоему, у меня не было времени познакомиться с придворными актерами?

— Хм... — не поверила я, хотя объяснение казалось вполне логичным. — А с чего это ты решил переночевать вместе с нами?

— А куда мне еще было деваться посреди ночи? — резонно возразил Шерман. — В город пешком идти?

— Почему пешком? — удивилась я. — А где твой конь?

— Я его съел! — раздраженно рявкнул на меня Шерман, и я отстала. Не насовсем, разумеется. Занимательную беседу с норлоком я решила продолжить после завтрака. Может быть, сытый он подобрееет и опять расслабиться настолько, чтобы что-нибудь мне рассказать?

Тем временем, пока я пыталась расспросить норлока, проснулись и остальные члены нашей команды. Жадно принюхиваясь к запаху Манкиной стряпни, они отряхивали плащи от налипших стебельков травы и шли умываться. Да уж, спать на чистом воздухе, наверное, это большое удовольствие. Но я его испробовать на себе как-то не горела. Мало ли что по земле ползает! Я и дома никогда в «дикие» турпоходы не ходила, предпочитая цивилизованный отдых. А уж в грязном средневековье... Лучше уж я повозкой воспользуюсь.

Ну вот! Так всегда! Просто невезуха какая-то! Только я собралась было после завтрака подкатиться к Шерману, чтобы выяснить у него еще пару вопросов, как он смылся. И даже «до свидания» не сказал!

— Вот ведь гад невоспитанный! — вслух возмутилась я.

— Кто? — удивилась Манка, оглядываясь по сторонам.

— Да Шерман, черти бы его побрали, кто же еще?!

— И это ты говоришь о норлоке, который нас спас? — всплеснула руками Манка.

— А что ты так возмущаешься? Ну подумаешь, гадом я его обозвала. Так за дело. Он мне, между прочим, предложения неприличные делал, когда пуритане нас сжигать собирались.

— Во-первых, Шерман — принц крови, — сурово уперев руки в боки начала отчитывать меня за непочтительность Манка. — Во-вторых, он является личной собственностью его величества короля Яргела, а в-третьих, даже менестрели не смеют проявлять неуважение к столь знатной и высокопоставленной особе.

— Мне теперь ковриком перед ним постелиться? — возмутилась я, но решила все-таки сменить тему.

Вообще-то данная идея мне пришла в голову еще вчера, когда я оценила со стороны наше выступление перед людьми. Одного тролля для выполнения силовых трюков и договорных драк нам явно было маловато. А с Манкой ни один из воинов-людей связываться не станет. Во-первых, потому, что бороться с бабой позорно, а во-вторых, это какое же унижение будет, если баба тебя еще и победит! Пусть даже тролль! Так что, подумав, я предложила Манке одеть штаны. При ее комплекции люди все равно не догадаются, какого она пола, а волосы мы замаскируем как-нибудь. Однако Манка на мое предложение ответила категорическим отказом, сказав, что штаны она не оденет даже под страхом смертной казни. Блин! И откуда только она взялась такая стеснительная на мою голову? Впрочем, отчасти я Манку понимала. Ей и так с ее внешностью трудно было очаровывать Мимела, а уж позориться перед ним и одевать штаны... н-да. Похоже, придется мне с этим смириться. Ну какой же все-таки Мимел непробиваемый тип! (Впрочем, как и все мужики). Бедная Манка не знает чем ему угодить — и готовит только его любимые блюда (надоело уже!), и покой его бережет, и за одеждой ухаживает. А тролль принимает все эти знаки внимания с ленивой небрежностью и снисходительностью. Да уж, пословицу «не родись красивой» давно уже пора сократить всего до двух слов. Не родись. Так оно правильное будет.

Отчаявшись натянуть на Манку штаны и хоть как-то разнообразить наше выступление, я пошла к резвящимся на полянке Туру, Мирлин и варшу. Саблезубый тигр тут же подошел ко мне и ткнулся головой в колени. Я присела и почесала его за ушами. Варш ласково заурчал. Надо же, и кто бы мог подумать, что мы с этим хищником так друг к другу привяжемся? А ведь с чего все началось? Я, совершенно не задумываясь над своими действиями, приласкала саблезубого тигра, как кошку. Тому настолько понравились почесывания за ушами и по горлу, что он стал уделять мне практически столько же внимания, что и Мирлин. А мне что, жалко его приласкать что ли лишний раз? Правда, Мирлин почему-то убеждала меня, что это неприлично, но для нас с варшем это стало привычным ежедневным ритуалом. Как и общение посредством Мирлин. Кстати, чем больше я узнавала этого хищника, тем больше убеждалась, что компанию он нам составляет отнюдь не из альтруистических побуждений. И даже не из чувства благодарности к Мирлин, поскольку варш, путешествуя с нами, преследовал и свои, сугубо личные цели. А что ему, плохо что ли было? Никто на него не охотится, его постоянно кормят, и потом, судя по некоторым комментариям варша, ему просто нравится с нами общаться, поскольку его это развлекает. Что ж... такая разумность хищника была нам всем только на руку. Нам не нужно было ни опасаться за свою жизнь (тем более, за жизнь Мирлин), ни бояться небольших разбойничьих отрядов. Саблезубый тигр заставлял держаться грабителей на порядочном от нас расстоянии. Кстати... о расстоянии... поскольку люди реагируют на нашего хищника слишком уж неадекватно, помнится, у меня мелькнула мысль об ошейнике с поводком. Я поделилась идеей с варшем, тот нехотя согласился, и Тур тут же начал мастерить необходимую упряжь их подвернувшихся ему под руку ремней.

— Послушай, Тур, а куда опять твой брат делся? — отвлекла я гремлину от работы. — Он у тебя всегда такой странный? Со сменой настроения через каждые пару дней? У оборотней он вел себя нормально, после посещения гномов тоже вроде как в хорошее расположение духа пришел... а вот в остальное время...

Однако Тур отвечать на неудобный вопрос не захотел, и, быстренько отговорившись делами, сбежал от нас в ближайшие кусты. Хм... я перевела взгляд на Мирлин. Однако она, кажется, была удивлена поведением своего жениха не меньше меня. И о смене настроений Тора ничего не знала. Более того, расспросив Мирлин подробнее, я выяснила, что она вообще практически ничего не знает о гремлинах. А все, что знает, ей рассказал Тур. Сама Мирлин с гремлинами никогда раньше не встречалась и, поскольку жили они довольно закрытой общиной, никаких интересных рассказов о них не слышала. Вот дает, а? Это ж надо собраться замуж за создание, о котором ничего не знаешь?! Такое только в подростковом возрасте и может прийти в голову. Я оставила Мирлин в покое и приступила с расспросами к троллям. Однако те молчали не хуже достопамятных партизан на допросе. Подозрительно это все как-то... надо вернуться к этому вопросу при первой же возможности. Вот только у кого его выяснить? Может, Шерман скажет? Угу, скажет. Норлок вообще-то на вопросы отвечать не любит. Да и не факт, что мы с ним еще раз встретимся.

Честно говоря, мысль о том, что норлока я больше никогда не увижу, как-то меня не радовала. В конце концов, в этом мире он был практически единственной ниточкой, связывающей меня с моим родным измерением. Да и понравился он мне, чего уж греха таить. Очень. Таких мужчин, как Шерман, я в своей жизни еще никогда не встречала. Сила, властность, непомерная гордыня, повышенное самолюбие, непробиваемая наглость, ядовитый цинизм... и при всем при этом еще и неплохие мозги, впечатляющая внешность и невероятный инстинкт выживания. Если бы у меня было чуть меньше проблем, я бы может... нет! Я что, совсем с ума сошла? Неужели мне в голову всерьез пришла мысль соблазнить Шермана? Я вспомнила ледяной, рассудочный взгляд пронзительно-синих глаз и передернула плечами. Нет уж! Я совершенно не собиралась рисковать, затеявая подобную игру с демоном. Как бы он в данном мире не

назывался!

Пока я раздумывала о том, стоит ли мне связываться с Шерманом, наши повозки уже въехали в небольшой город. На сей раз, похоже, довольно лояльно относящийся к Высшим расам. Во всяком случае, таможенники удовольствовались довольно небольшой мздой, и повозки шерстить не стали. Да и народ на улицах поглядывал на нас довольно спокойно. Я решила поддержать наш имидж мирных, незлобивых существ, высунулась из повозки, подсела к Туру, взяла в руки лютню и начала перебирать струны. Народ тут же начал останавливаться и собираться небольшими кучками, а когда мы подъехали к центральной площади, нас встретил градоправитель. Хм... а ничего, симпатичный. Высокий, крупный, породистый мужчина лет 30-35 был облачен в парадные рыцарские доспехи и явно красовался перед толпой. Заметив меня, он легко спрыгнул с коня и отвесил изящный поклон. Пришлось прекращать игру, спускаться на грешную землю и приседать в низком реверансе (надеюсь хоть сегодня-то я сделала его именно так, как учила Мирлин!). Однако рыцарю мое почтение вовсе не было нужным. Он сказал, что его зовут виконт Мессер, наговорил мне кучу комплиментов, поцеловал ручку и пригласил к себе в резиденцию. Боже, как же приятно... как же давно за мной не ухаживал никто... да собственно, с того самого момента, как я попала в этот дурацкий мир, никто и не ухаживал. Не восторгался моей внешностью, не подавал руку, не приглашал на ужин с вином... так! Стоп! Позвольте! А мои попутчики как же? Я вздохнула, и создалась рыцарю, что у меня контракт с королевской группой. И что если он хочет пригласить меня к себе в гости, то только вместе с другими актерами. Рыцарь равнодушным взглядом обвел нашу труппу и, нехотя, согласился.

Шерман с удовольствием растянулся в кресле и уставился на пляшущие в камине огоньки пламени. Он опередил труппу на несколько часов, прибыв в замок ранним утром, но за это время норлок успел сделать достаточно. Соблазнил какую-то девицу прямо в коридоре, подрался на дуэли с каким-то прыщавым графом (беднягу унесли с рассеченной рукой, и это ему еще сильно повезло) и даже построил глазки хозяйке замка. Если вечер сложится удачно, Шерман вполне сможет наставить рога местному градоправителю виконту Мессеру. Должен же норлок получить хоть какую-то компенсацию за то, что вынужден был спустить на покупку коня ровно в два раза больше того, что планировал! Конь, конечно, был хорош, нет слов. Мощный, быстрый, послушный... но денег все равно было жалко! Шерман и без коня мог спокойно обойтись! Однако (к его большому сожалению) способности норлока людям лучше было не демонстрировать. Да и зачем им знать, что Шерман и на своих двоих может двигаться быстрее ветра? Еще не объявили на него охоту, как на злобного колдуна. Шерман ухмыльнулся. У людей было какое-то просто патологическое стремление уничтожать все, что не укладывалось в рамки их представлений об окружающей жизни. А путешествующий пешком королевский гонец определенно был странным явлением. Шерману и так пришлось сочинять длинную и путаную историю о том, почему он явился пред очи градоправителя пешим. Сочинять было тяжело. И противно. Впрочем, торгующий с оборотнями медью, градоправитель особо привязываться к норлоку не стал. Да и зачем ему лишние неприятности с королевским домом? Кто у него медь в таком количестве покупать будет? Кто ее буде жрать, кроме оборотней, для облегчения трансформации и восстановления сил? Надо сказать, Шерман тоже попробовал как-то это средство. Плевался потом весь день. Да и не помогло оно ему избавиться от боли.

Служанка принесла норлоку поднос с едой, и он ущипнул ее за мягкое место. Служанка хихикнула, и с удовольствием продолжила вертеться возле Шермана. Норлок невольно ухмыльнулся. Выполнять наказ Яргела соблазнять баб и влезать в поединки доставляло Шерману истинное удовольствие. Правда, король предупреждал его, чтобы он не увлекался... но разве ж можно удержаться, когда около тебя крутится такое аппетитное тело? Шерман

усадила служанку к себе на колени и впился поцелуем в охотно подставленные губки. Как же он скучал без женского общества! По нежной, теплой коже и шелковистым волосам, которые никак не заменить холодными и мокрыми прелестями русалок. Гоблины зеленые, а как же Тор обходится без баб всю дорогу? Пришедшая в голову Шерману фривольная мысль заставила его невольно фыркнуть. Насколько норлок знал гремлинов, (а знал он их довольно хорошо), им было просто жизненно необходимо иметь постоянную постельную партнершу. А несчастного Тора держали на «диете» неделями. Похоже, немного развлечься ему удалось только у гномов. Ну, что ж... после долгого воздержания и квадратные, бородатые гномихи за милую душу сойдут. А тут еще и соблазн такой прямо под боком — три женщины. И ни одна из них ему не принадлежит. Мирлин Туром увлеклась по уши, Брин на Тора вообще внимания не обращает, а Манка вся в своем Мимеле. Впрочем... на эту троллиху не польстился бы даже самый похотливый гремлин. Ну, в гостях у градоправителя Тор явно найдет с кем развлечься, и в ближайшие пару дней ему не придется сбегать подальше от повозок, чтобы скинуть свое напряжение.

Внезапный стук в дверь спугнул служанку, и она быстро слезла с коленей Шермана. Ну кого там принесло в такой неподходящий момент? А, господин градоправитель приглашает его присоединиться к ужину и послушать менестреля? Ну, это Шерман сделает с удовольствием. Поскольку все, что исполняла Брин, ему действительно нравилось. Да и она сама тоже. Особенно, когда не задавала лишних вопросов. Шерман отхлебнул из кубка вино и задумался. Почему он вообще увлекся этим менестрелем? А ведь он увлекся, и еще как. Даже попытался ее соблазнить. Зачем, спрашивается? В тот момент у Шермана на постельный роман не было времени. У него вообще не было свободной секунды, поскольку пуритане уже готовились поднести огонь к обложенному хворостом дому. Однако норлок все-таки попытался соблазнить Брин. Зачем? Он и сам не мог бы ответить на этот вопрос. Впрочем, Шерман получил достойный урок. Секундная прихоть, которой он столь необдуманно поддался, нанесла удар по его самолюбию. Ему отказали. Нет. Даже не так. На него не отреагировали. А это было странным. Шерман даже не помнил, была ли в его жизни хоть одна женщина, которая устояла бы перед его напором.

Норлок прокрутил в голове в очередной раз сцену в келье и досадливо выругался. Он буквально все сделал не так! Красота Брин завораживала его, выбивала из колеи и заставляла делать откровенные глупости. А Шерман контроль над собой терять не любил. Как жаль, что он не смог воспользоваться удобным случаем и потребовать с Брин благодарность за спасение ее жизни! Но она оказалась слишком упрямой. А времени было мало. И торговаться было некогда. Жаль. Другой такой случай норлоку может и не представиться. Шерман отставил кубок и застегнул камзол. Пора было спускаться к столу. Интересно, что подумают тролли и гремлины, когда его увидят? Плохо, что норлоку пришлось так рано показаться им на глаза. Его появление у пуритан явно насторожило бывалых вояк. А уж сегодняшнее присутствие за столом в компании виконта Мессера точно не покажется им случайным. И даже если Шерману удастся отвертеться от неудобных вопросов, и тролли, и гремлины, наверняка сделают правильный вывод — он их охраняет. И Шерман не мог даже предположить, как они к этому отнесутся. Разумеется, он бы мог и вовсе не явиться на пир, но вряд ли это успокоит бывалых воинов. Скорее, они напротив, почувствуют неладное. Тем более, что засветиться норлок успел на все сто. И его отсутствие за столом уже абсолютно ничего не изменит.

Когда я увидела Шермана, восседающего за одним столом с виконтом Мессером, я даже почти не удивилась. А чего еще ждать от норлока? Он же говорил, что собирается купить коня. Да и статус королевского гонца наверняка не позволил ему проехать мимо города, который столь лояльно относится к Высшим расам. Не удивлюсь, если помимо послания к Богарту Благословенному Шерман и еще пару писем везет. Местному градоправителю, например. Уж

больно тот увивается возле норлока. А тот и рад стараться, снисходительно головой кивает и великосветские манеры демонстрирует. Хорошо, кстати, демонстрирует, не зря в королевской семье воспитывался.

— Ой, смотри-ка! — ткнула меня в бок Мирлин.

Ну? Смотрю. Гобелен как гобелен. Здоровый, пыльный и выцветший. Наверняка не одно поколение висит на этой стенке. И изображен на нем затертый до дыр сюжет — сражение благородных рыцарей с какими-то чудовищами, похожими на помесь акулы с осьминогом.

— Это водянки, — сообщила мне Мирлин.

— Это?! — искренне удивилась я. — Ну и фантазия же у некоторых...

— Почему фантазия? В подводном мире водянки именно так и выглядят. Они только тогда, когда на сушу выходят, другое обличье принимают. Чтобы было удобно двигаться. И дышать.

— И я тоже в такое чудовище превращусь после свадьбы? — ударила в панику я.

— И тоже сможешь принимать человеческий облик. Думаю даже, что ты, Брин, будешь делать это довольно часто, — ехидно заметила Мирлин и, поймав мой недоумевающий взгляд, пояснила: — русалки славятся своими любовными похождениями. Потому как тритоны с ними всего пару раз в год спариваются.

— Ужас! — возмутилась я.

— Большинство русалок когда-то были человеческими девушками, и они, помня об этом, очень не любят людей. Мужиков так вообще топят, заманивая пением. Иногда люди даже охотятся на русалок.

— Боже мой... — застонала я, понимая, что не хочу ни выходить замуж за тритона в его истинной ипостаси, ни становиться сексуально озабоченной русалкой, но тут на нас шикнули. Началась первая часть концерта по рыцарским заявкам.

Первым пред светлые очи публики вышел... менестрель. Я даже глазам своим не поверила. Надо же... я окинула любопытным взглядом конкурента — полного, лысеющего мужчину в нарядном камзоле, но ничего особенного в нем не заметила. Насколько я помню, на конкурс менестрелей к оборотням он явиться не удосужился. Почему, интересно? Ответ на мой вопрос стал ясен, как только менестрель тронул струны лютни и запел. Ужас! Любой мартовский кот с зависти облезет! Хотя... сама история была довольно занятной. И до безобразия знакомой. Менестрель ни много, ни мало поведал почтеннейшей публике историю знакомства и свадьбы Яргела с Эльтель, причем именно ту версию, которую мне рассказывала королева. Надо же... а я-то думала, что весь этот бред она самостоятельно сочинила. Оказывается, нет.

Закончив песнопения, менестрель подал рыцарю какой-то сверток.

— Что это? — любопытствовала я у Мирлин.

— Господин градоправитель возжелал иметь у себя рукопись этой песни, — пояснила Мирлин.

— Этой? — пренебрежительно фыркнула я. — Да уж. Истинно говорят, что мало у кого рукописи не горят. У большинства они не тонут.

Мирлин тут же с пылом возразила, что эту историю придумал сам Властитель, и что ему в благодарность была принесена жертва, но меня это не впечатлило. Кто бы ни приложил к созданию данного повествования руку, талантливым (к сожалению) оно от этого не стало. И, кстати, мое мнение о Властителе изменило не в лучшую сторону. Это надо же быть таким бездарем в плане творчества! Да еще и жертвы требовать за свою халтуру! Я оглядела собравшихся за столами людей, но похоже, с моей точкой зрения никто согласен не был. Хлопали менестрелю от души. И монеты кидали тоже.

— А это кто? — спросила я шепотом Мирлин, кивнув на укутанную с ног до головы в легкую ткань даму. — Чего она так занавесилась?

— Откуда я знаю, кто она такая? Я же не была раньше в этом замке. Судя по тому, что она сидит за столом недалеко от хозяина дома — это какая-то его родственница, — предположила Мирлин. — А платок девушка на голову одевает в знак своей безответной любви к какому-то мужчине. Причем чем любовь безответней, тем больше укрыта дама.

— Похоже, в нашем случае, дама вообще не надеется на ответную любовь, — хмыкнула я и замерла от неожиданной догадки. — Мирлин, но Манка же тоже носит на голове платок!

— И тоже страдает от безответной любви.

— К кому?! — выпала в осадок я. — К Мимелу? Но он же делит с ней постель!

— Ты над ними свечку держала? — ехидно поинтересовалась Мирлин.

— Нет. Но чем еще могут заниматься мужчина и женщина, оставшись на ночь в одной комнате? Особенно если женщина влюблена как кошка?

— Послушай, Брин, я не знаю, какие правила царят в клане троллей, — созналась Мирлин. — Но видимо, что-то все-таки между Мимелом и Манкой не так, иначе бы она платок не носила.

Я согласилась и ошарашено уставилась на троллей, как раз выступавших перед почтеннейшей публикой. Похоже, я ничего в них не понимаю! Интересно, а как же тролли ведут себя в случае, если их чувства взаимны? Пожалуй, мне стоит поддержать бедных женщин и исполнить о безответной любви что-нибудь такое, чтобы дрогнули даже каменные мужские сердца. Я вышла в центр, тронула струны лютни, и печальные слова начали срываться с губ сами по себе.

Я пела о любви, о тоске, о несбывшихся мечтах и о безнадежном ожидании. О том, что ушло в прошлое, так и не начавшись. Не подарив надежды, не сказав ласкового слова, даже не заметив, что ты вообще существуешь на свете.

...Чем была?

Куклой твоей? Наказанием?

Какая разница? Все равно.

В то время даже твое дыхание

Было моим. Одно.

Мечтала,

Стремилась куда-то выше,
Бросалась смятеньем образных фраз.
А мне бы лучше подумать-как выжить
Потом.
Без твоих глаз.
Тихо и снежно.
Стою и молчу.
Зябко.
От ревности или страсти?
Как мне измерить нежность твою?
Может, датами твоих предательств?
Глупо.
Чем стала я — днем или прожитью?
Что будет позже, а что сейчас?
Я подойду со всей осторожностью к тебе в две тысячи первый раз.
Два.
Подушки о чем-то спорят,
И мчат метели от ноября к декабрю.
Казалось бы:
Обычайшая история,
Меня же бросили!
А я сплю.
Полтретьего.
Пять.
И время осунулось,
Помчалось с невиданной ранее скоростью.
Кричу себе в зеркало:
«О чем я думала,

Когда твои теребила волосы?»

Надеялась — уйдешь.

И станешь остывшим.

Будешь просто — призраком, тенью.

И все-таки,

Если глаза застыли,

Зачем говорить о времени?

Зачем мне сотни твоих укоризн,

Когда ты стал и чужим, и дальним?

Послушайте, кто-нибудь,

Подарите мне жизнь!

Я проживу ее без тебя.

Заново.

Смолк последний аккорд, и в зале установилась мертвая тишина, взорвавшаяся через несколько секунд рукоплесканиями. А я сидела и тупо смотрела на лютию, пытаюсь понять, что, собственно, происходит. Это были не мои слова. Не моя музыка. И даже не мои эмоции. Слава Богу, мук неразделенной любви мне еще отведать не приходилось. Скорее напротив. Гораздо чаще мне приходилось раздражаться от уставленных на меня мужских восторженных щенячьих взглядов. Так что же произошло? Откуда взялась эта песня? Я машинально поклонилась, поблагодарила за щедрое вознаграждение (а оно было исключительно щедрым) и так же машинально отправилась вслед за служанкой в свою комнату.

Первое, что я сделала, когда за служанкой закрылась дверь — внимательно осмотрела инструмент. Однако ничего необычного в нем не было. Я (на пробу) наиграла несколько мелодий, однако лютия вела себя совершенно привычно. Может, мне показалось? Я отложила инструмент, порадовалась, что мне снова досталась отдельная комната и пошла принимать ванну. Хорошо-то как! Видимо, господину градоправителю виконту Мессеру я действительно понравилась, ибо он выделил мне не только шикарную комнату, но и целую полку косметических средств. Боже, как давно я не чувствовала себя столь потрясающе! Нежные крема, приятно пахнущие лосьоны, туалетная вода с цветочным запахом... наконец-то я опять почувствую себя человеком! Да... даже жаль, что благородный рыцарь слегка женат. И что у меня контракт. Я бы с удовольствием согласилась погостить здесь некоторое время.

Когда я вышла из ванной, меня ждал горячий ужин на столе и шикарный, расшитый серебряной нитью темно-синий халат из плотной ткани на спинке стула. Я налила себе в бокал вина, открыла окно, пододвинула стул к нему вплотную и сделала первый глоток, наслаждаясь свежим вечерним воздухом. Еда была вкусной и сытной, вина было даже чуть больше, чем мне это требовалось, так что я просто сидела, прикрыв глаза, и получала удовольствие от жизни. Недолго.

Бог ты мой, ну когда же я, наконец, запомню, что в данном мире нельзя оставлять окна открытыми? Тем более, если где-то рядом находится норлок? Шерман чуть не снес меня вместе со стулом, влетев в открытое окно, и тут же начал лихорадочно оглядываться по сторонам.

— Ты что, совсем сбрендил? — разозлилась я, тщетно пытаюсь оттереть с халата пятно от пролитого мною от неожиданности вина.

— Меня ищут, спрячь меня! — рыкнул Шерман.

— Где? — обвела я рукой окружающее нас пространство.

Небольшой резной шкафчик для вещей явно не годился для того, чтобы в него прятали что-нибудь большее, чем пара платьев, а кроме него в комнате практически не было мебели. Маленький столик с изящными ножками, на котором стоял мой ужин, еще более изящный стул, на котором я сидела и огромная пятиместная кровать под балдахин. Но под нее норлок определенно не влезет. Может, ванна?

— Не годится, — отмел норлок. — Там меня будут искать в первую очередь!

— И что же ты такого сделал, что тебя ищут? — ехидно поинтересовалась я.

— Влез в постель к жене хозяина. Как оказалось, не вовремя. Ну кто же знал, что он сегодня решится навестить супругу! Он же месяцами в ее спальне не появляется! Я еле успел одеться и выпрыгнуть в окно. Однако виконт начал шерстить все комнаты в надежде найти любовника своей жены, а на лестницах и во дворе замка охрану выставил с наказом хватать всех подряд. Так что мне надо спрятаться! И как можно быстрее!

Да уж, ситуация сложилась — хуже не придумаешь. Если уж рогатый муж решил обыскать все комнаты, он и мою не пропустит. Между прочим, свинство это по отношению к гостям. Ко мне ведь на ночь глядя и вполне приличный молодой человек мог заглянуть. И как, интересно, ему бы это понравилось? Стоп! А неплохая идея!

— Раздевайся! — скомандовала я норлоку. — Сделаем вид, что все это время ты провел в моей постели!

Шерман сначала вытаращился на меня, как баран на новые ворота, а затем, оценив мою идею, расхохотался и быстро начал раздеваться. Ух ты, я и забыла какое у него тело классное! Крепкое, мускулистое, натренированное... немудрено, что хозяйка замка на него польстилась.

— По твоему замыслу, Брин, виконт Мессер должен нас застукать прямо в процессе? — плотоядно улыбнулся Шерман, берясь за пояс штанов.

— А харя у тебя не треснет? — возмутилась я. — Обойдешься! Просто откроешь рогатому мужу дверь с таким видом, как будто тебя из постели вытащили. А я рядом встану, типа мне любопытно.

— Как скажешь, — с показным смирением согласился Шерман. — Но мой вариант лучше. А то вдруг у господина градоправителя сомнения появятся?

— Не появятся, — хищно улыбнулась я, обдумывая еще одну пришедшую мне в голову идею. — Будь уверен.

Я подвинула огромный канделябр так, чтобы он оказался напротив двери, зажгла на нем все

свечи, погасив остальной свет, и нырнула в ванную. Буквально через пару секунд в нашу дверь начали ломиться.

— По требованию хозяина замка и хозяина города, открывайте!

Шерман подхватил меч, все-таки распустил пояс на штанах и пошел открывать. Причем морда у него была настолько недовольная, что можно было подумать, его действительно оторвали от чего-нибудь интересного. Я быстро скинула с себя халат, натянула кружевное белье, тонкую шелковую сорочку и пеньюар. Как же хорошо, что я прихватила это все, собираясь к Диме! На средневековых рыцарей данный комплект должен произвести неизгладимое впечатление.

Когда раздался стук в дверь комнаты, Шерман уже был готов. Ничего не скажешь, хорошая мысль пришла Брин в голову! Главное теперь, чтобы виконт не стал к нему цепляться и задавать лишних вопросов. Шерман распустил пояс на штанах, подхватил меч и, открыв дверь, рывкнул во всю мощь своих легких.

— Какого гоблина вам всем здесь надо?

Неизвестно, что ожидали увидеть за дверью ломившиеся, но точно не это. Разъяренный полураздетый мужик с мечом наперевес явно был не рад неожиданным гостям. Гости потоптались, и совсем было собрались уходить, но упрямый виконт не собирался так просто сдаваться. Он взревел, что это его дом, и он имеет право врывать туда, куда хочет.

— В чем дело? — раздался за спиной Шермана нежный, хрустальный голос.

Норлок обернулся и замер, не в силах ни пошевелиться, ни даже перевести дыхание. У Шермана было полное ощущение, что он пропустил чей-то мощный удар под дых, и никак не может от него оправиться. За его спиной стояла Брин. Но Властители, как же она выглядела! Теперь норлок понял, и зачем она сбежала в ванну, и для чего поставила канделябр напротив двери. Похоже, желая произвести впечатление на виконта Мессера и заставить его обо всем забыть, Брин надела наряд своего мира. Легкий, прозрачный, и абсолютно откровенный. А стоящий за ее спиной канделябр делал этот наряд еще эротичнее и сногшибательнее. Исходящий от свечей свет буквально пронизывал фигурку Брин в легком платье из бледно-розового шелка, отделанном кружевами, в которых тонули ее обнаженные плечи и шея. Ее пышные золотистые волосы были распущены, а на лице блуждала загадочная улыбка. Да... если Брин хотела произвести впечатление и ошеломить всех, ей это определенно удалось.

Смущенный ее красотой и улыбкой, господин градоправитель смущенно откланялся и ушел, извинившись. А Шерман все еще стоял, не в силах оторвать глаз от прекрасного видения. Брин улыбнулась, закрыла дверь, задвинула засов и задула свечи. Наступившая темнота несколько привела норлока в чувство.

— Ну? Теперь-то ты, наконец, можешь покинуть мою комнату? — хмыкнула Брин, накинув на себя халат и зажигая свечи в канделябре у постели.

— И куда я должен уйти? — саркастично поинтересовался Шерман, с усилием отводя от Брин взгляд и постепенно приходя в себя. — Я смогу вернуться к себе в комнату минимум часа через четыре, чтобы не вызывать подозрений. Если слуги увидят меня раньше, пиши пропало. Наш спектакль окажется совершенно напрасным.

— То есть ты еще и на ночь у меня собираешься остаться? — решила расставить все точки над «и» Брин.

— Ты предпочитаешь, чтобы меня убили? — рыкнул Шерман.

— Что ж... по всей видимости, пришел мой черед спрашивать, какую цену ты готов предложить за спасение собственной жизни, — уперла руки в боки Брин, вспоминая собственное освобождение от костра пуритан.

— Надеюсь, ты не попросишь меня петь серенады и биться в твою честь на турнирах? — ехидно уточнил Шерман. — Потому что видишь ли, радость моя, унижать собственное достоинство я не намерен ни в коем случае. Даже под угрозой смерти.

— Понятно, — фыркнула Брин. — Но вообще-то, я и не думала требовать от тебя рыцарских подвигов. Скорее, я хотела бы тебя попросить. Если мне снова будет угрожать опасность... и если ты сможешь спасти меня... сделай это, не ставя никаких условий и не требуя с меня платы.

— И это все? — сузив глаза, переспросил норлок, подходя к Брин ближе. — Ты можешь попросить больше. Гораздо больше.

Шерман и сам толком не понял, как это получилось. Близость прекрасной женщины, ее запах, звук ее голоса... все это слишком сильно на него действовало. Норлок не устоял. Молниеносным движением Шерман приблизился к Брин вплотную, обхватил ее лицо ладонями и впился поцелуем в ее губы. Властители! Какими же они были сладкими и податливыми! Шерман целовал Брин жадно и самозабвенно, лишив ее возможности сопротивляться и дышать. Норлок слишком привык к стремительным атакам, чтобы отступать, он настолько привык подчинять себе события и людей, что даже и не думал о сопротивлении. Тело Брин было таким теплым, таким отзывчивым, таким роскошным и нежным, что он с ума сходил от желания обладать ею. Губы норлока скользили по ее волосам, шее, спускались к плечам...

— Прекрати! — опомнилась Брин.

— Чего ради? — раздраженно буркнул Шерман, не собираясь выпускать ее из объятий.

— Я не хочу.

— Минуту назад еще как хотела, — разозлился норлок.

— А теперь передумала! — ледяным тоном оповестила его Брин и предприняла еще одну попытку вырваться. — После тебя еще постель хозяйки этого дома не остыла, а ты уже ко мне руки тянешь. Я тебе что, девица для развлечений?

Шерман вздохнул, но Брин отпустил. Принуждать девушку делить с ним постель он абсолютно не собирался. Тем более, что не далее, как несколько минут назад, Брин все-таки спасла ему жизнь.

— Погаси свечи и ложись спать, — глухо скомандовал норлок, сделав над собой героическое усилие и отвернувшись от вожаемой женщины.

Шерман хотел Брин. До боли, до ненависти, до желания задушить ее собственными руками! Однако он понимал, что не пожелавшая разделить с ним постель женщина была права. Брин действительно стояла большего, чем сиюминутная похоть. Да, конечно, норлок прекрасно знал, что у них не было будущего. С тем же успехом он мог попытаться поймать одну из бабочек, вышитых на ее халате. Но это не значило, что он не попытается соблазнить ее еще раз. Более тщательно. И подготовлено. Не покидая для этого посторонних постелей и не таща

на хвосте разгневанных рогатых мужей.

Шерман вздохнул, бросил тоскливый взгляд на огромную постель и устроился внизу, завернувшись в лежавший на полу мех.

Когда я проснулась, было уже позднее утро. За окном щебетали птички, на столе стоял накрытый салфеткой завтрак, а Шермана в моей комнате уже не было. Ну и слава Богу. Вчерашнего приключения мне хватило за глаза. Нахальный норлок своим поведением и своим поцелуем просто выбил меня из колеи. Елки зеленые, да от одного только воспоминания об этом поцелуе по моему телу табуном пробегают мурашки! Нежный, дразнящий, кружащий голову и соблазняющий сделать следующий шаг. И я ведь почти сделала, дура эдакая! Хорошо хоть в мои затуманенные поцелуем мозги смогла достучаться мысль о том, что этого делать не стоит. Пойти на поводу у собственного сумасшествия с мужчиной, который только что вылез из чужой постели? Увольте! У меня, все-таки, есть кое-какая гордость. Я как-то привыкла, чтобы мужчины меня добивались, а не сваливались на голову с таким выражением лица, что они великий подарок. Бог ты мой, да этому кобелю паршивому было же все равно, с кем, где и как! Не успел с треском вылететь из одной постели, как тут же намылился в другую! Да спроси его, не открывая глаз, сказать, с кем он в данный момент целуется, сто против одного, что не вспомнил бы! И понимание этого бесило меня до крайности. Видимо, я действительно слишком привыкла к тому, что мужчины за мной ухаживают и добиваются моего внимания.

Но какой же все-таки наглец этот Шерман — слов нет! Надеюсь, когда-нибудь, его поймают на месте преступления и заставят отвечать по всей строгости закона! Чтоб неповадно было! Ну зачем, зачем нужно было соблазнять чужую жену прямо на глазах у мужа? И этому лоботрясу королевский дом оборотней важные поручения доверяет! Этому разгильдяю и бабнику! Да из Шермана официальный гонец — как из Билла Гейтса пасхальный кролик! Даже странно... очевидцы описывают норлоков как страшных, кровожадных и бессердечных тварей. Как патологически жестоких убийц и безжалостных завоевателей. Однако Шерман был вполне адекватным типом. Наглым, конечно, не без этого, но во всех остальных отношениях — вполне обычным. Неужели норлока сдерживает то, что он принадлежит королевской семье оборотней? Или это просто мне повезло не увидеть его в бою? Вопросы, вопросы, вопросы... скоро я зарасту в них по уши. А ведь ни на один из них ответа я до сих пор не получила. И, честно говоря, уже отчаялась получить. Я позавтракала, и пошла искать Мимела. Нужно было выяснить, во сколько мы отправляемся в путь и успеть собрать свои вещи.

Задержала меня бурная ссора между хозяевами гостеприимно приютившего нас дома. Супружеская пара, не обращая внимания на окружающих, выясняла отношения. Видимо, решить вопрос о том, было ли присутствие любовника в спальне жены галлюцинацией виконта или нет, вчера они не успели. Впрочем, меня интересовала не столько сама сцена семейной ссоры, сколько внешний вид приглянувшейся норлоку особы. Хм... ну, так себе, ничего. Фигурка стриптизерши и написанный на лбу крупными буквами мощный интеллект простейшего одноклеточного организма.

— Брин! — окликнул меня неожиданно возникший рядом со мной Мимел. — Собирайся, мы выезжаем. — Я согласно кивнула головой и вернулась в комнату собирать вещи.

Глава 8

Все человеческие беды происходят от того, что мы наслаждаемая тем, чем следует пользоваться, и пользуемся тем, чем следует наслаждаться.

Г. Честертон.

Как же приятно оказаться среди людей, которые в тебя не плюются и не строят брезгливых рож! Видимо, Мимел был прав, и мы все-таки оказались на территориях, лояльных Высшим расам. Мы давали в деревеньках небольшие представления (в основном за кормежку), Мимел с Туром продолжали трудное и неблагодарное дело по обучению меня стрельбе из арбалета, а Тор опять где-то шлялся. Хотя нет, на сей раз я даже могла сказать где — гремлин пошел по бабам. Причем с таки вкусом и размахом, что я стала побаиваться за целостность его шкуры. Вот встретится ему ревнивый муж или суровый родитель — мало не покажется. И почему у некоторых никаких проблем с безответной любовью нет? Что девки находят в этом гремине? Рыженький, худощавый, с белесыми бровями и ресницами... мокрица бесцветная! А туда же, герой-любовник. Однако с Мирлин делиться подобными наблюдениями было глупо, ибо на свой экземпляр гремлина она продолжала смотреть влюбленными коровьими глазами, а Манка моего разговора на эту тему не поддержала. И на тему безответной любви тоже, кстати. Видимо, решила нести свой крест молча и до конца. Так что единственным, с кем я могла поделиться своим недоумением, был варш. Он вообще готов был слушать меня бесконечно, главное, чтобы я ему за ушами почесывала.

— Послушай, Брин, а если бы на тебе не было знака водянок, за кого бы ты замуж вышла? — поинтересовалась неожиданно Мирлин, залезая ко мне в повозку.

— Ближайшие года два нет ни за кого, погуляла бы, денег бы поднакопила.

— На приданое?

— Вот еще! Дело бы свое открыла. Постоялый двор, например. Должен же у меня быть какой-то источник дохода! А всю жизнь шляться по дорогам, изображая из себя менестреля — увольте. Кому надо, сами приедут меня послушать.

— А почему именно постоялый двор?

Хм... интересный вопрос. А что еще? Бордель? Или казино? Ни то, ни другое что-то не греет. Лавку с товарами? При существующих средствах связи и транспортировки — не самая удачная мысль. А вот постоялый двор возле крупного тракта (и недалеко от какой-нибудь деревни, чтоб там продуктами затариваться) — это выход. Во-первых, потому, что я мало-мальски знакома с гостиничным бизнесом (с 13 лет отцу помогала, который именно им и занимался), а во-вторых, потому, что другие сферы деятельности, предлагаемые мне средневековьем, даже хуже, чем бордель и казино вместе взятые.

— Но когда-нибудь ты ведь все равно соберешься выходить замуж, — гнула свою линию Мирлин. — И кого ты выберешь?

— Трудно сказать, — пожала плечами я. — Думаю, это будет состоявшийся, обеспеченный мужчина. Такой, который сможет и содержать свою семью, и защитить если что. Хотелось бы, чтобы он меня любил, баловал, говорил комплименты...

— Ой, не могу! — залилась веселым смехом Мирлин. — Брин, тебе не кажется, что ты слишком много хочешь?

— Не кажется, — отрезала я. — По твоему, что же получается, если я хочу, чтобы у мужика были мозги, чтобы он хоть иногда мылся и чтобы когда он приходит ко мне, он дарил бы мне не то, что ему первым попало под руку, а то, что мне нравится, я слишком много хочу?!

— Брин, но ведь ты менестрель. Вряд ли какой-нибудь знатный и богатый мужчина захочет на тебе жениться. В качестве любовницы тебя в своем доме держать — еще куда ни шло.

— Ну, знатностью я вполне могу поступиться. А вот обеспеченностью — ни в коем случае. Мужчина, с которым я свяжу свою судьбу, должен мне соответствовать и удовлетворять мои капризы!

— По моему, Брин, тебе грозит до конца твоих дней остаться старой девой, — фыркнула Мирлин. — Такие мужчины, каких ты описываешь, не женятся ни на менестрелях, ни на владелицах гостиниц.

— Послушай, Мирлин, о чем мы спорим? — отмахнулась я. — У меня на плече — знак королевского дома водянок. Так что с моей судьбой все ясно. И выбора у меня особого нет. Поскольку до сих пор достойного кандидата себе в мужа я все равно не встретила.

— А вот я, если бы была менестрелем, всю жизнь путешествовала бы. А что? Деньги можно хорошие заработать, уважают везде...

Я ехидно фыркнула и даже спорить с Мирлин не стала. Да чего хорошего может быть в том, чтобы мокнуть и мерзнуть под открытым небом? Чтобы месить грязь и постоянно искать себе ночлег? Нет уж, спасибо! Побыв менестрелем чуть больше месяца, я поняла, что все песенки типа «ничего на свете лучше нету» — полная ерунда. Поскольку шляться всю жизнь по дорогам холодно, голодно, грязно и противно. Даже если (как я) путешествовать с относительным комфортом. Я еще раз поблагодарила богов за то, что те послали мне опытных попутчиков, вылезла на свежий воздух, устроилась рядом с Туром и принялась вглядываться вдаль. Интересно, что это там за пыль столбом стоит на дороге? Когда мы подъехали ближе, оказалось, что мы нагнали торговый караван, который вместе с нами двигался в сторону Марлена, маленького городка на заброшенном Западном Тракте. Торговцы оказались вполне милыми людьми, в силу своей профессии абсолютно спокойно относящимися к любым расам и народностям. Да и то правда — если выбирать, с кем торговать, так и без барыша можно остаться. Глава торгового каравана по имени Вил пригласил нас присоединиться и доехать до Марлена вместе, и Мимел согласился. Правда, торговый караван двигался несколько медленнее, чем нам хотелось бы, но зато ехать с ним было безопаснее. А то ведь дороги на запад (как поведал нам все тот же Вил) так и кишат разбойниками.

Мне, собственно, было все равно. Сначала. А потом даже стало интересно, когда Вил начал потихоньку подбивать ко мне клинья. А что? Видный мужчина. Высокий, солидный, при хорошей работе, наверняка и деньжата в карманах водятся. Умный взгляд холодных серых глаз, нос с горбинкой, густая шапка коротко стриженных пшеничных волос и такого же цвета усы. Единственное, что несколько портило хозяина каравана — это выдающийся вперед довольно приличный живот. Может, конечно, в глазах других это добавляло ему солидности, но я к полным мужикам была как-то равнодушна. Впрочем, мелкие подарки (типа фруктов и сладостей) я от Вила с удовольствием принимала, а через пару недель нудного путешествия даже начала относиться к нему с благосклонностью. Не знаю уж, водились ли в этой местности разбойники, как убеждал нас хозяин каравана, но вскоре нам перестали попадаться даже крестьянские деревеньки, и поездка стала совсем скучной. В конце концов, очарованная галантным Вилом и лишённая других развлечений, я начала подумывать, не завести ли мне небольшой дорожный роман, и сколько с хозяина каравана я смогу под это дело вытрясти. Вил, похоже, уловил смену моего настроения, поскольку от осторожного флирта перешел к откровенным намекам и проводил у моей повозки большую часть времени.

Надо сказать, это было довольно приятным разнообразием, поскольку поговорить с Вилом было

одно удовольствие. Умный и хитрый торговец каравана, путешествовавший всю свою жизнь, не страдал ни ксенофобией, ни излишними комплексами, ни ограниченностью в восприятии мира. Мы с ним с удовольствием перемывали косточки и его попутчикам, и троллям, и гремлинам.

— Вот ведь гремлин неумный, опять по бабам в караване шастает! — полувосхищался-полувозмущался Вил деятельностью Тора. — Уж всех перебрал, так по второму кругу пошел! Ничем норлоку не уступит!

— А что, норлоки тоже бабники? — поперхнулась я. — А мне говорили, что это жестокие воины, просто страх и ужас какой-то.

— И страх, и ужас, и еще много чего еще, — согласился Вил. — Только это обычные норлоки.

— А есть необычные? — удивилась я.

— Есть. Один. С человеческой ипостасью. Так тот помимо всего вышеперечисленного еще и бабник отпетый. Девки на него гроздьями вешаются, безо всякого стыда. До чего дошло — он как-то в публичный дом заглянул, так ночные бабочки чуть не передрались из-за него, и сами за ночь деньги платить были готовы.

— Ты серьезно? — фыркнула я, догадавшись, с кого Вил «списал» этот портрет. — Неужто всё так запущено?

— Серьезно, — вздохнул Вил. — Не знаю уж, чем Шерман берет женский пол, но женщины буквально бросаются к его ногам. Стоит только ему поднять глаза и любая теряет разум и способность здраво мыслить.

— Ну уж... — не поверила я, вспомнив, что смогла оторваться от весьма впечатляющего поцелуя. — А где ты с норлоком так пересекся капитально, что успел его узнать?

— Так он периодически мой караван нанимается охранять на каком-нибудь участке дороги, в качестве подработки, — пояснил Вил. — Я и ныне его нанял, а то больно уж нехорошие слухи ходят о банде Серого Ворона.

— Шерман здесь? — всполошилась я, оглядывая караван в поисках знакомой фигуры.

— Так вы знакомы? — заинтересовался Вил.

— Можно и так сказать, — ушла от ответа я. — Так он здесь?

— Зачем? Норлок вперед поехал. Разбойников искать.

Я облегченно вздохнула. К встрече с Шерманом я сейчас была определенно не готова. Слишком сильны были воспоминания о его поцелуе, едва не перешедшем в нечто большее. Чересчур уж бурную реакцию вызывает у меня одно его появление. Впрочем, если верить рассказам Вила, не я одна так на норлока реагирую.

— А что будет, если он действительно встретится с разбойниками? — внезапно испугалась за Шермана я.

Может он, конечно, великий воин и страшная гроза всего живого, но лично я за него несколько беспокоилась. Разбойники, небось, тоже не белые и не пушистые, и мечами наверняка владеть умеют. Он что, один с ними собирается справиться?

— Если норлок встретит разбойников, я могу им только посочувствовать, — язвительно сообщил Вил. — Причем от всей души.

Шерман мотался по лесам уже целую неделю, но пока никаких следов разбойников обнаружить не мог. Гоблины зеленые, как же ему мешался купленный конь! Однако бросать в лесу животное, за которое заплачены деньги, Шерман не собирался. Тем более, ему, как королевскому гонцу, в Марлене без коня все равно делать будет нечего. Выкидывать деньги на животину второй раз? Нет уж, увольте! Шерман придержал коня, а затем решил сделать еще один круг. Береженого и боги берегут. Норлок проехал всего несколько метров и буквально наткнулся на небольшой разбойничий разъезд. Немаркая, свободная одежда, потертые кольчуги, обнаженные мечи, воткнутые в шапки вороньи перья, выкрашенные в серый цвет... ну, что ж. Похоже, сегодня Шерману все-таки удастся развлечься. Насколько он понимал, перед ним стояли представители той самой банды Серого Ворона, за которой он уже неделю бесплодно охотился.

Хрупкая веточка под копытом коня хрустнула (Шерман злобно ругнул про себя неуклюжую животину), и один из разбойников, заметив норлока, вскинул арбалет и прицелился. Все дальнейшее происходило очень быстро. Шерман дал шпоры коню и понесся напрямик на стрелка, выхватывая один из четырех имевшихся у него всегда заряженных арбалетов. Стрела разбойника свистнула у норлока над головой, а в следующее мгновение он уже выстрелил сам. Не слишком удачно. Один из разбойников застонал и схватился за плечо. Все-таки драться, сидя на коне, было неудобно! Шерман развернул животное, не желая оставлять недругов за спиной. Раненый в плечо разбойник поднялся и уже целился в него. Норлок выхватил свой второй арбалет и выстрелил. Противник не успел никак среагировать и упал замертво. Не очень хороший результат: два арбалетных болта на одного врага. Шерман был собой недоволен. Радовало только одно — у разбойников запас выстрелов вообще закончился, и они схватились за мечи.

Норлок птицей слетел с коня, привязал его к ближайшему дереву и достал меч. Вовремя. Шерман едва успел отбить сверкающее лезвие, готовое проткнуть его насквозь. Разбойник тут же нанес удар слева, рассчитывая застать норлока врасплох — и просчитался. Шерман с большим удовольствием его прикончил и осмотрел поле боя: к нему приближались сразу четверо. Властители! И откуда они только взялись! Шерман неожиданно ринулся им навстречу, и очередной противник умер, даже не успев парировать удар. Осталось трое. Правда, один из доблестных и храбрых разбойников, увидев, с каким умением и упорством Шерман крушит его собратьев по ремеслу в капусту, сиганул в кусты, но оставшиеся двое тут же двинулись на норлока.

— И не терпитя вам на Ту Сторону! — пробормотал Шерман.

Сдерживать натиск сразу двоих разбойников было не так просто, однако вскоре его противники уже тяжело дышали, а по виску одного из них струилась кровь. Раненого Шерман одолел довольно быстро, а вот со вторым пришлось повозиться. Не слишком долго. Поскольку коронный удар норлока не смогла выдержать еще ни одна шея.

— Наконец-то! — пробормотал Шерман, не спеша, однако, убирать меч в ножны.

Его очень беспокоила судьба сбежавшего разбойника — никак за подмогой кинулся. Шерман снова вскочил на коня и оглядел ближайший перелесок — никого. Но это не значит, что опасность не прячется чуть дальше, за холмом. Что ж, следует покинуть поле боя как можно скорее. И позаимствовать у Вила в подмогу пару приличных мечников. Впрочем, получившие

достойный отпор разбойники вряд ли станут нападать на их караван. А надеяться перебить всех разбойников в западных лесах было довольно глупо. И не входило в жизненные цели Шермана на ближайшие пару десятков лет. В конце концов, надо же оставить хоть немного головорезов тем, кому платят за их поимку. А то стражники Марлена вконец уже обленились, банды разбойные на трактах развели!

Шерман сосредоточился, прикрыл глаза, и почти сразу услышал быстро приближающийся конский топот. Надо же, это ж сбежавший разбойник объявился! С чего это вдруг в нем смелость-то проснулась? Разбойник быстрым движением выхватил арбалет и прицелился. Однако для норлока ни одно человеческое движение не могло быть слишком быстрым. Шерман выхватил нож и метнул его в нападавшего. Вот гоблин! Несвоевременно дернувшийся под норлоком конь сбил траекторию заклятья, и нож, вместо того, чтоб красиво закончить свой полет в чужом горле, выбил у разбойника арбалет. Ладно, тоже неплохо! Раненый разбойник выругался и выхватил меч. Продолжения Шерман дожидаться не стал. Он выхватил два оставшихся арбалета и просто пристрелил противника. Заряды кончились. Гоблины зеленые, если сейчас появятся еще разбойники, то плохи его дела. Для того, чтобы перезарядить арбалеты, нужно время. А времени-то как раз Шерману могут и не дать. И останется ему тогда только молиться всем богам, да предаваться благочестивым размышлениям насчет дальнейшей участи своей грешной души на Той Стороне, куда перед ним открывалась широкая и совершенно неизбежная дорога. Однако больше никто не появлялся. Пользуясь моментом, Шерман перезарядил арбалеты, и двинулся навстречу каравану Вила.

Как только нам сказали, что к каравану приближается норлок, Вил сорвался с места и понесся ему навстречу. Я бы, конечно, тоже понеслась, но что-то мне подсказывало, что это не самая лучшая идея из тех, что приходили мне в голову. В конце концов, присутствие менестреля в труппе Вил скрыть не сможет, даже если постарается, так что Шерман и сам меня найдет. Если, конечно, захочет. А если нет... ну и пусть катиться ко всем чертям, я с Вилом роман закручу! Он, по крайней мере, хоть вежливый. И ласковый. И внимательный. И вообще... сколько можно думать об этом дурацком норлоке?! На нас разбойники могут напасть с минуты на минуту... вон, даже тролли с гремлинами вооружились мечами и отправились защищать караван.

Как я ни высывалась, пытаюсь разглядеть, что же происходит впереди, но нападение разбойников я все-таки прозевала. Зато могла наблюдать сражение, в котором участвовала практически вся мужская составляющая каравана. Остались только пара человек прикрывать тылы и следить, не приготовили ли разбойники какой-нибудь ловушки.

Как только разбойники выскочили из своего укрытия, караван встал, а потому за всем происходившим я могла наблюдать только с очень приличного расстояния. Однако мне и этого хватило. Кровь, трупы и стоны — не самое мое любимое зрелище, особенно на ночь глядя. Но как все-таки тролли с гремлинами мечами красиво машут! Загляденье! Норлок, конечно, тоже жару давал, но ему вроде как положено, он же воин! А тролли с гремлинами актеры! Правда, их врагам легче от этого не становилось. Я так думаю, что ни один разбойник даже не догадался об их истинной профессии. И все же Шерман хорош! Глаз не отвести! Я уже не раз поражалась его манере стремительно и бесшумно двигаться. Но в бою... в бою у точных и выверенных движений норлока появлялся особый стиль. Это было безумно красиво и страшно — норлок превращался в убийцу. Гибкого, ловкого, стремительного и абсолютно безжалостного. У разбойников не было ни единого шанса. И они отступили.

Как хорошо, что наши повозки присоединились к торговому каравану, где есть охрана! Самостоятельно с шайкой разбойников мы никогда бы не справились. Как хорошо, что на свете

есть боги, хранящие меня от смертельной опасности и доблестные воины, которые могут порубить неприятеля в капусту! Надо, кстати намекнуть и троллям, и гремлинам, чтобы прекращали маяться дурью и нанялись в какое-нибудь войско. Все хорошо, что хорошо кончается! И расстраивало меня только одно — Шерман возле моей повозки так и не объявился.

* * *

Меня разбудил чей-то плач. Прямо посреди ночи. Я протерла глаза, прислушалась, и поняла, что рыдает Мирлин.

— Что случилось? — тут же подскочила я к ней.

— Он меня не любит, — всхлипывала моя подопечная.

— Кто?

Да уж. Глупый вопрос. Чья нелюбовь могла расстроить до слез бедного ребенка? Я вздохнула, обняла Мирлин, и попыталась выяснить, с чего это она взяла, что чувства Тура к ней изменились. Моя подопечная повсхлипывала еще немного, а потом рассказала такое, что мне совершенно расхотелось ее жалеть. И захотелось как следует отшлепать. Оказывается, распаленный сражением и победой в нем, Тур расцеловал Мирлин с излишней пылкостью. Наивная девочка потеряла голову, и решила, что готова провести с гремлином ночь. От такого напора Тур слегка опешил, а когда пришел в себя, решительно отказался от представившейся ему возможности соблазнить Мирлин. Сам он заявил, что врожденное благородство не позволяет ему воспользоваться моментом, но моя подопечная решила, что Тур ее разлюбил. Хм... ну, скажем честно, я тоже не особо верила в его благородство. А потому решила разобраться в непонятном поступке. Правда, сначала мне нужно было прочистить мозги Мирлин. Причем так, чтобы это надолго отбило у нее охоту делать мужчинам неприличные предложения.

Устроив своей воспитаннице небольшую головомойку и поняв, что я теперь все равно уже не засну, я вылезла из повозки, оставив Мирлин тихонько всхлипывать. Мне нужно было, пока все спят, разыскать гремлина, и выяснить у него, что происходит! Если он не может связать свою жизнь с Мирлин — зачем давал клятву? А если Тур любит мою подопечную, то почему отказался от постельного приключения? Неужели гремлин действительно такой благородный? Неужели мужики вообще бывают благородными? Блин, если я выясню, что это так и есть, я сама его с Мирлин обвенчаю!

— Привет! — неожиданно раздалось над моим ухом.

Ха! Это я с вечера страдала, что Шерман к моей повозке не подъехал даже? Зря. Вот он, целый и невредимый, свалился, как всегда, совершенно неожиданно и улыбается так, как будто мы с ним расстались только вчера, причем лучшими друзьями.

— Привет, — тоже поздоровалась с ним я.

— И чего это тебе, Брин, не спится по ночам? — бархатно-нежным голосом поинтересовался Шерман, подойдя ко мне вплотную. — Вила в постели не хватает?

— Нет, Мирлин плачет, — проигнорировала я глупый вопрос.

Вот ведь блин! И какая же, интересно, гадина поведала Шерману, что Вил у моей повозки

постоянно терся? Разумеется, норлок сделал свои выводы. И вряд ли я смогу ему доказать, что они неправильные. Да и не хочу я ничего никому доказывать. Тем более, что наш постельный роман с Вилом не состоялся вовсе не из-за каких-то моих особых добродетелей, а банально потому, что мы чуть-чуть не успели. Появись разбойники (вместе с Шерманом) на день позже, и это была бы уже совсем другая история. Наверное.

— И из-за чего же Мирлин плачет? — решил не возвращаться к теме Вила Шерман.

— Говорит, что Тур ее обидел. Вот, хочу найти этого гремлина и задать ему пару вопросов.

— Это чем же он ее мог обидеть? — удивился Шерман.

— А чем мужчина может обидеть женщину? — задала я провокационный вопрос.

— Если ты намекаешь, что Тур затащил Мирлин в постель, то это ты зря. Это нереально.

— Почему это? — изумленно воззрилась я на норлока. Ну, уж если я от него сейчас услышу речь о мужском благородстве...

— Тур не созрел еще, — просветил меня Шерман.

— В смысле? — не поняла я.

— У гремлинов не такая физиология, как у людей. Они гораздо позже созревают для половых отношений. Примерно, после 21-й весны. Туру до этой даты еще как минимум год остался.

— И что? Пока он спать с женщинами не может? — фыркнула я. — Ой, бедный Тур! Нет... бедная Мирлин... нет, бедные дети! — я не выдержала и расхохоталась.

— Что смешного? — не понял норлок.

Пришлось успокаиваться и рассказывать историю двух героев-любовников, у которых в самый ответственный момент так ничего и не получилось. Шерман расхохотался вслед за мной.

— Слушай, а как же Тор? — вспомнила я о втором брате-гремине.

— Так Тору уже больше 25-ти!

— Правда? — удивилась я. — Странно. С виду Тор и Тур друг от друга практически не отличаются. Я вообще думала, что они близнецы и гадала, почему гремлины такие разные по характеру. А оказывается, один уже может бегать по бабам, а другой еще нет.

— У Тора пик активности скоро спадет, и он будет такой же, как и обыкновенные мужчины. Просто сейчас весна, а весной у гремлинов гон.

— Что?!

— Что слышала. У каждой расы свои особенности.

— Это что же получается... когда Тур повзрослеет, у него тоже гоны всякие будут? И он от Мирлин по бабам пойдет гулять? — возмутилась я.

— Скорее всего, — ничем не утешил меня норлок. — Мужчины не могут хранить верность одной женщине.

— Вот здорово! А женщина, значит, может... хранить верность, ждать, любить безответно...

— Кстати, Брин, мне очень понравилась твоя песня о безответной любви, — перевел разговор в более безопасное русло Шерман.

— Не вспоминай! — тяжело вздохнула я. — Это вовсе не моя песня. Представляешь, после нескольких первых аккордов, лютня сама начала играть мелодию и даже подсказывать мне слова. И не надо так на меня смотреть! Я сама понимаю, что это выглядит полным идиотизмом! Но это же было на самом деле!

— А больше ты за лютней никаких странностей не замечала? Ты знаешь, Брин, иногда творения великих мастеров ведут себя не совсем... нормальным образом.

— То есть ты поддерживаешь мою мысль, что это лютня ненормальная, а не я?

— Когда как, — сообщило мне нахальное чудовище.

— Это что ты имеешь в виду? — тут же взвилась я.

— Послушай, Брин, это правда, что ты варша за ушами чешешь? — уточнил Шерман.

— Ну и что?

— Как бы это тебе помягче сказать...

— Да уж говори как есть, я переживу.

— Брин, подобные действия говорят о тебе, как о даме... легко доступной для вожделеющих мужчин. Как ты думаешь, почему Вил выбрал из всего каравана именно тебя?

— Я думаю, что я ему понравилась. Или ты считаешь, что я никому понравиться не могу? — не на шутку обиделась я. — Неужели я такая страшная?

— Нарываешься на комплименты? — зло прищурился Шерман. — Ты знаешь, что ты прекрасна, Брин. Даже слишком хорошо знаешь. И я думаю, что ты действительно понравилась Вилу. Но я не думаю, что он стал бы столь активно тебя атаковать, если бы не счел доступной.

— А доступной он меня счел именно из-за варша? — продолжила я мысль Шермана. — Прекрасно! Но, по крайней мере, он не вламывался ко мне в комнату, не орал на меня, не шантажировал и не лез нагло с поцелуями! В отличие от тебя, Вил вел себя вполне цивилизованно. И воспитанно.

— Хочешь сказать, что он тебе понравился? — с язвительным пренебрежением поинтересовался Шерман.

— Он мне действительно понравился, — спокойно ответила я и вернулась в повозку.

Да будь проклят этот норлок! Почему он постоянно выводит меня из себя, заставляя говорить и делать всякие глупости? Почему рядом с ним я не могу чувствовать себя спокойно и отстраненно? Вместо того, чтобы взять Шермана в оборот и вытрясти из него ответы на интересующие меня вопросы, я злюсь, ссорюсь с ним и испытываю постоянное желание его убить! Причем не только убить. И это раздражает меня больше всего. Бог ты мой, да что же в этом норлоке такого особенного, что он мне нравится-то так?! Красота небесная? Да нет, я бы не сказала. Внешность у Шермана, конечно, очень интересная, но до Бреда Питта ему далеко.

Было в норлоке что-то такое, что сложно описать словами. Нечто, действующее на каком-то генетическом уровне, заставляющее терять голову и вожделеть это мощное, азартное, порочное и до чертиков харизматичное создание. Блин! Да не хочу я его вожделеть! И почему меня не привлекает что-нибудь менее опасное и более предсказуемое? Тот же Вил, например. Что бы там ни говорил Шерман, а я хозяйину каравана понравилась. Вон у него как глазки блестели... да и денежное содержание мне Вил не хилое предложил, если я соглашусь постель с ним делить. Правда, украшения из моих волос он не просил, да и дальше, чем на несколько дней общей дороги, не заглядывал, но тем не менее.

Я тяжело вздохнула, тряхнула головой, пытаюсь избавиться от глупых мыслей, и начала укладываться спать. Наревевшаяся Мирлин, свернувшись в клубочек под боком варша, уже видела десятый сон, и мне неплохо было бы последовать ее примеру.

Победа над разбойниками Шермана не радовала. Абсолютно. Потому что вместо положенных благодарностей и восхищения его воинским искусством он получил на свою голову разговор с троллями и гремлинами. Неприятный разговор. Как Шерман и предполагал, бывалым воинам не составило труда сложить два и два, и сделать вывод, что норлок приставлен их охранять. После чего Мимел перехватил поудобнее меч и оч-чень нехорошим тоном поинтересовался, чего же в эльфийском письме такого секретного, что Яргел решил так подстраховаться. Манка тут же встала рядом со своим драгоценным троллем, тоже обнажив спрятанный было в ножны меч и сверля Шермана весьма нелюбезным взглядом. А чтобы у норлока не возникло сомнений в серьезности намерений окружавших его представителей королевской труппы, к троллям присоединились и гремлины. Шерман оглядел противников и кисло поморщился. При желании он вполне мог бы расправиться со всей четверкой. Гремлины, несмотря на великолепное владение мечом и весьма приличный военный опыт, всего-навсего два зеленых юнца. А вот с троллями дело обстоит куда сложнее. Шерман вспомнил, насколько серьезными противниками в бою были Манка и Мимел, и подумал, что пожалуй, погорячился, вообразив, что сможет уложить всю четверку без особого вреда для здоровья. И потом — Яргел ему голову открутит за такую самодеятельность! До границы с эльфийскими землями еще ехать и ехать. Если Шерман сейчас ввяжется в драку, да еще и положит троллей с гремлинами, кто доставит письмо и медальон? Брин? Да она одна и несколько дней на этих дорогах не продержится.

Шерман еще раз окинул взглядом окруживших его воинов, демонстративно убрал меч в ножны и нагло заявил, что вообще не понимает, о чем речь. Яргел его послал в качестве гонца к Богарту Благословенному, а уж где норлок по дороге останавливается и как зарабатывает на жизнь — это его личное дело. И то, что дороги Шермана и королевской труппы периодически пересекаются, еще ничего не значит. Более того, норлок даже мог гарантировать отряду встречи и в будущем — в Марлене, например. Заключенный норлоком с Вилом контракт по охране каравана еще не закончился. И закончиться только тогда, когда они войдут в ворота Марлена. Впрочем, актеры вполне могут и не встретиться с норлоком, если не потащатся с концертом к лорду Бертону.

Нельзя сказать, чтобы речь Шермана убедила троллей и гремлинов. Но ввязываться в конфликт первыми они определенно не хотели, а поняв, что норлок, даже загнанный в угол, не собирается делиться своими секретами, отступили. Шерман облегченно вздохнул и направился к Вилу. Неплохо было бы уговорить хозяина каравана прибавить ходу, дабы не вводить в очередной соблазн оставшихся в живых разбойников.

К большому удивлению Шермана, Вил ему перечить не стал. Видимо, налет разбойников мог прочистить мозги кому угодно. К тому же, Вил непрозрачно намекнул Шерману, что у него в караване находится дама, которую он вовсе не хочет подвергать опасности. Сначала

дифирамбы неизвестной девице Шерман слушал с изрядной долей равнодушия, но когда хозяин каравана произнес кодовое слово «менестрель», норлок буквально взвился на месте. Что?! Этот пузатый бочонок Вил посмел обхаживать Брин?! Расценив реакцию норлока, как искреннее изумление, хозяин каравана тут же добавил, что может и не посмел бы посягать на менестреля из королевской труппы (хотя девушка редкостная красавица), но Брин сама дала ему повод. Она гладила варша совершенно непристойным образом! Разумеется Вил, как и любой мужчина, в жилах которого течет горячая кровь, не смог проигнорировать такой призыв. Шерман невольно фыркнул. Ну конечно! Откуда Брин могла знать, что гладить варша — неприлично? В ее мире нет варшей! И нет оборотней с кошачьей ипостасью! Гоблин зеленый, хорошо хоть Брин стриптиз не станцевала от нечего делать! Надо как-то объяснить ей, чтобы она была поосторожнее. Вот только как? Шерман вздохнул и попросил Вила, чтобы тот держался от менестреля подальше. Убедительно попросил. Однако подойти к Брин норлок так и не решился. Эта женщина заставляла его терять контроль над собой, утрачивать самообладание, сомневаться в собственных силах. Шерман увлекался Брин все больше и больше, но сознаваться в этом (даже самому себе) было не слишком приятно. Да нет, бред, не может быть! Шерман всегда был выше подобных глупостей, и вряд ли вообще способен был испытывать какие-то чувства к женщине, помимо вожделения. Однако Брин, похоже, удалось достичь большего. Во всяком случае, то, что норлок сейчас чувствовал, было ничем иным, как самой банальной ревностью. Да еще какой! Подавить ее, и не открутить Вилу голову прямо на месте, стоило Шерману немалых трудов. Норлок нахмурился. Глупо отрицать, что он испытывает к Брин довольно серьезный интерес. И что он очень уязвлен тем, что не замечает ничего в ответ. Впрочем... может быть, для этого просто не сложились подходящих обстоятельств?

К радости Шермана, Брин сама дала ему повод с ней побеседовать. Неожиданно (прямо посреди ночи) она покинула свою повозку и весьма решительно куда-то направилась. Норлок ухмыльнулся и оказался с ней рядом. Шерман и сам не мог бы сказать толком, чего он хотел в этот момент от Брин. Разозлить ее? Соблазнить? Вызвать на откровенный разговор? Властители, еще ни одна женщина не вызвала в нем столь сильных и противоречивых желаний! Однако все, что удалось сделать Шерману — это вывести Брин из себя. Да еще и услышать признание, что ей понравился Вил. Бред! Про хозяина каравана Брин может забыть раз и навсегда.

Норлок выждал некоторое время, пока Брин заснет, и заглянул к ней в повозку. Гоблины зеленые! А варш-то почему с ними ночует, а не на свежем воздухе? Похоже, рассмотреть лютню так, чтобы этого не заметила Брин, норлоку не удастся. Шерман разочарованно ругнулся. Жаль. Очень уж ему не понравился рассказ Брин о том, что лютня подсказывает ей слова и самостоятельно выбирает музыку. Шерман видел несколько творений мастера Страдамара, однако ни одно из них не вело себя столь странным образом. А это значило только то, что непонятным образом вела себя отнюдь не лютня, а спрятанный в ней медальон. Шерман задумался. Что он вообще знал об этой эльфийской игрушке? Только то, что соизволил ему сообщить Яргел. А это значило, что почти ничего. Что ж... придется Шерману следить за лютней еще пристальнее. Может быть, медальон сам даст ответ на интересующий норлока вопрос. Похоже, не все так просто было с загаданным Эльтель желанием.

Глава 9

О том, как мало значения Господь придает богатству, можно судить по тому, каким людям он его дал.

Стоявший у заброшенного Западного тракта Марлен оказался не таким уж маленьким, как я думала. А уж по богатству и вычурности вообще превосходил всё, что я до сих пор видела. Идеально чистые, мощенные крупным булыжником улицы, фонтаны, огромные клумбы с цветами, высокие каменные дома. На улицах не то что нищих — даже умеренно бедных горожан видно не было. Все одеты в роскошные наряды и обвешаны драгоценностями (кое-кто даже золотыми). Я настолько впечатлилась, разглядывая роскошный город, что даже не обратила внимания, как караван Вила отправился в торговую слободу. Если бы Вил не подошел попрощаться, я бы и его отсутствия еще долго не заметила. Впрочем, мы тоже недолго стояли у ворот. Подбежавший лакей, одетый в умопомрачительную роскошную ливрею пригласил нас посетить замок господина градоправителя лорда Бертона. Мимел как-то неуверенно помялся, Шерман почему-то громко фыркнул, но приглашение все-таки было принято. Поведение тролля и Шермана было, по меньшей мере, странным, и я отложила в свою копилку еще один вопрос. А еще через пару минут задавать какие-либо вопросы мне расхотелось в принципе. По моему, я даже забыла, как дышать, поскольку представшее перед нами произведение искусства, служащее домом местному градоправителю, просто потрясло воображение.

Утопающий в садах и фонтанах, окруженный тройной колоннадой из розового мрамора, дворец лорда Бертона больше всего походил на Версаль. Паркетные полы с замысловатым узором, расписные потолки с причудливой лепниной, огромные хрустальные люстры, переливающиеся в солнечном свете, античные мраморные скульптуры, зеркала, изящная мебель, посуда из тончайшего фарфора, отделанные дорогими тканями стены, украшенные гобеленами и картинами... ни в одном музее я не видела ничего подобного.

Лорд Бертон, выказывая себя не только очень богатым, но и исключительно любезным хозяином, приказал выделить каждому из нас отдельную комнату и даже соизволил разрешить явиться вечером пред его очи не в актерских нарядах, а в приличной одежде. Можно подумать, она у меня была! Я вообразила себе собрание изысканных дам в шикарных нарядах, представила, как убого я буду выглядеть на их фоне в своем невзрачном дорожном платье, и расстроилась. Хотя позвольте! До вечера еще есть время, а у меня есть деньги! И уж на одно-то платье их вполне должно было хватить! В крайнем случае, придется расстаться с еще одной четвертинкой золотой монеты, но будем надеяться, что этого не потребует. Потому что на золото у меня были совсем другие планы. Я в очередной раз вспомнила гнома, украсившего себя монетой, и подумала, что с подобным украшением (пусть даже уполовиненным) я тоже буду неплохо смотреться.

Чем меньше оставалось времени до начала торжественного вечера, тем больше я волновалась. Купленное (с помощью Мирлин) платье и высокая прическа были выше всех похвал, но мне все равно было не по себе. Во-первых, потому, что моя подопечная себе покупать новое платье отказалась наотрез. А во-вторых, я не была уверена, что данный наряд произведет на окружающих нужное впечатление. Все-таки Мирлин, при всех своих достоинствах, всего-навсего деревенская девчонка, выросшая на обочине. И вряд ли она может быть компетентна в модах и нарядах высшего света. Собственно, я и надеялась больше не на нее, а на свой собственный вкус, который до этого ни разу меня не подводил. Подопечную я с собой прихватила чисто для того, чтобы она мне компанию составила, да посмотрела на меня со стороны. А то ведь продавцы так и норовят продать что попало. Я еще раз покрутилась перед зеркалом. Платье было потрясающим! Насыщенный розовый цвет плотной ткани удачно оттенял кожу, делая ее нежнее и прозрачнее. Глубокое декольте обрамлялось пеной белых кружев (вот бы еще бриллианты, чтобы шею украсить), тесный корсет утягивал талию до неправдоподобно маленького размера, а пышные юбки, тоже украшенные пеной белых кружев, делали фигуру летящей. Вьющиеся локоны, специально выпущенные из высокой прически,

легкий макияж, пришитая на корсаж по линии разлома половинка золотой монеты... да, пожалуй, я была готова к выходу. И все равно волновалась! Настолько, что услышав условный стук в дверь, вздрогнула и набрала в грудь побольше воздуха. Всё. Пора выходить.

Хм... может мне лучше было остаться в своем менестрельском платье? Что-то уж больно злобными взглядами сверлят меня представительницы слабого пола. С чего бы вдруг? По сравнению с их расшитыми шелками и украшенными драгоценностями нарядами мое платье выглядело весьма скромно. Однако дамы, похоже, так не считали. Да и лорд Бертон, судя по вспыхнувшим в его глазах искоркам, тоже. Я присела в заученном реверансе и принялась рассматривать градоправителя пристальнее. Ну... что можно сказать... красив, мерзавец! Высокий, изящный, стремительный... правильные, тонкие черты идеально красивого лица, длинные вьющиеся черные волосы, бархатные черные глаза... Просто мечта, а не мужчина. Красивый, молодой (лет 27, не больше), богатый, влиятельный, да еще и неженатый! Одетый в роскошный белый атласный костюм, украшенный лентами и бриллиантовыми пряжками, лорд Бертон больше напоминал сказочного принца, чем заурядного градоправителя. Каскад тончайшего батиста и кружев ниспадали из рукавов камзола, пышная перевязь из серебряной парчи придерживала шпагу. Рука в перчатке с раструбом помахивала белой фетровой шляпой, украшенной перьями. Длинные черные локоны висели вдоль тонко очерченного овала лица, оттеняя его матовую бледность. Шею украшал отложной воротник, обшитый драгоценным гипюром. Блин! Влюбиться можно! Хотя лучше бы, конечно, влюбить в себя лорда.

Я соизволила опереться на предложенную мне градоправителем руку и проследовала в зал к собравшимся гостям. Мама дорогая! До сих пор я думала, что квартира может считаться очень большой только в том случае, если в углу одной из комнат незаметно стоит аквариум с бегемотами. Хе! В углу обеденного зала, куда мы вошли с лордом, мог бы затеряться даже небольшой зверинец с драконами. В этом огромном помещении наверняка можно было устраивать рыцарские турниры, и даже небольшие учебные сражения. Поймав мой изумленный взгляд, лорд самодовольно улыбнулся, проводил меня в центр зала и вернулся на свое место во главе стола. Я села на предложенный мне стул и тронула струны лютни.

— Говорят, ваш репертуар отличается от обычного, присущего менестрелям. Вы не могли бы спеть что-нибудь о любви? — неожиданно попросил лорд. — О том, как рождается в сердце мужчины истинная страсть и восхищение женщиной, о том, какие он готов совершить глупости ради красивых глазок, о том, как он страдает от своей любви.

Страдает... как же, так я тебе и поверила. Да ты вообще не знаешь, что такое любовь. И что такое страдание. Однако, грех было не уважить вежливую просьбу, и я судорожно начала вспоминать прочитанное когда-то творчество трубадуров, миннезингеров и вагантов. Ха! Не зря же я помогала своей двоюродной сестре писать курсовую по средневековой литературе Западной Европы! Как знала, что мне это пригодится! Что же там было, в этой поэзии, полной высоких чувств? Помнится, любили там рыцари умирать от страсти! О чем они там страдали, дай Бог памяти, эти безмолвные воздыхатели, проводившие (судя по стихам) лучшую часть своей жизни под балконами дам? А, ну да. Любовь, как шип в сердце, смертельный яд, который выпит взглядом, жестокий плен, желанным ставший вдруг, ну и (разумеется!) неприступная девица, не желающая замечать страданий влюбленного рыцаря.

Смолк последний аккорд, и лорд Бертон соизволил несколько раз снисходительно соединить ладони (назвать это хлопками, а уж тем паче аплодисментами у меня просто язык не поворачивается). Впрочем, я была вознаграждена изысканными комплиментами в адрес моей внешности и моего таланта.

— А о любви дамы к рыцарю у вас есть песня? — робко поинтересовалась одна из множества

окружавших лорда дам. — О мимолетных мгновениях счастья, которые удастся украсть у судьбы, но за которые всегда приходится платить тоской и одиночеством, если рыцарь не любит.

Лорд скорчил брезгливо-кислую мину, а я принялась разглядывать окружающих его дам с куда большим вниманием. Боже ж ты мой, да они тут все влюблены в него как кошки! И я еще хотела соблазнить лорда? Да мне и пробиться-то к нему не удастся сквозь такой заслон! Похоже, если собрать за этим столом все разбитые лордом сердца, из них вполне можно будет выстроить небольшую башню. Ладно уж, порадуем женщин...

...Ты бываешь самым нежным, когда луна, отражаясь в твоих глазах, делает их почти зелеными. Пронзительная музыка тонких жестов твоих изящных рук доводит меня до исступления. И мне уже все равно, что слова, которые срываются с твоих губ, кто-то слышал до меня. Где-то там, над крышами домов, светит вторая от хвоста звезда в созвездии Большой Медведицы, которую ты мне подарил, хотя сам вряд ли об этом помнишь.

Я так давно не видела, как встает Солнце, разжижая глупые облака и острые струи дыма. Я верю, что оно встанет. И тогда настанет утро. Но было ли Вчера? И что было в нем? И, может быть, что уже никогда не наступит Завтра?

У снега есть свои причины быть белым. Ты тоже бываешь таким снежно-нежным... дважды предан тот, кто не умеет прощать. Я молча отвернусь к окну. А ты подойдешь сзади и обнимешь меня за плечи. Я — просто твоя мимолетная прихоть. Может быть и ты — только случайность в моей жизни. Я не жалею, что заплатила такую цену за твои прихоти и свои случайности. Не смотри на меня так. Я знаю, что занимаю сейчас не свое место. Ну и пусть. Ведь сейчас ты только мой, и я не буду обращать внимания на то, что идет время. Завтра все будет выглядеть по-другому. Я тихонько проведу пальцами по твоей щеке и спутаю твои длинные, черные волосы. Ты тихим ворчанием ответишь на мою ласку и расцелуешь все мои пальчики. Я вспомню усталое прошлое, но оно не вместится в слова, а ты не разрешишь мне говорить. Мои запястья помнят прикосновение твоих губ, а в голосе затаилась дрожь. Ты смотришь на часы? Ты молчишь? Значит, мне пора уходить? Хорошо. Тогда я пойду.

Ты проводил меня до двери и поцеловал на прощанье. Я еще не была в твоей жизни, а мне уже пора уходить. Прощай...

Шерман поднял очередной кубок с вином, но едва только менестрель, по просьбе дам, снова тронула струны лютни, замер, пораженный происходящим. Так вот что имела в виду Брин, когда говорила о своеволии инструмента. Властители! Но в прошлый раз, когда норлок слушал Брин, этого не было столь заметно! Неужели никто не видит исходящей от лютни магии? Ни легкого свечения, ни странного двойного перелива, ни того, что голос менестреля изменился? Неужели люди настолько нечувствительны к магии?

— Что ты думаешь об этом повествовании? — вальяжно поинтересовался у норлока лорд Бертон, сделав знак слуге налить вина. — Думаешь, женщины действительно способны так страдать?

— Кто знает? — ответил Шерман с напускной легкостью. — Любовь — это отвратительное чувство, незаслуженно отнесенное к числу высоких стараниями поэтов и мечтательных дураков.

— Возможно, — улыбнулся лорд. — Но в устах менестреля это действительно выглядит красиво.

«Красиво! Скажи уж, Брин тебе понравилась!» — фыркнул про себя Шерман. Повествование о безответной любви, конечно, было действительно потрясающим, но вряд ли это вдохновило бы лорда Бертона пригласить менестреля к своему столу. И ведь не намекнешь ему, как Вилу, чтоб он оставил Брин в покое. Лорд Бертон для этого был слишком могущественным. Шерман нахмурился. Ему не нравилось внимание, которое лорд оказывал Брин. Да чего там, норлока это просто бесило! Неожиданное собственническое чувство пополам с ревностью окопалось в его душе и никак не хотело оттуда выковыриваться. Шерман постарался взять себя в руки, и пинком зашвырнул куда подальше результат этого процесса в виде погнутой серебряной вилки. Норлок еще не придумал, что ему предпринять, но одно он мог сказать определенно — до спальни Брин лорд не доберется.

То, что приглашение за стол к лорду было для менестреля огромной честью, я и сама понимала. И не надо кидать на меня такие презрительно-надменные взгляды! К тому же, Бертон посадил меня на достаточном от себя отдалении, а затем и вовсе покинул гостей, отговорившись делами. Впрочем, ни злобные взгляды, ни выделенное явно не престижное место, не могли помешать мне насладиться изысканной кухней и выступлением остальных актеров. Они, кстати, были на высоте. Мимел искренне изображал, что еле удерживает на цепи злобного варша, в пасть к которому Мирлин без страха совала свою голову, Манка повеселила почтенную публику, разрешив Тору распилить себя пополам, Тур прошелся по проволоке и пожонглировал горящими факелами, Мимел разбил о голову толстый деревянный брусок... в общем, ребята развлекались вовсю, зрители были в восторге. Денег мы собрали на этом представлении столько, что вполне могли бы больше уже нигде не выступать.

— Ты позволишь сесть с тобой рядом? — оторвал меня от представления стоявший по другую сторону стола норлок.

Я напряглась и внимательно к Шерману присмотрелась, пытаюсь понять его настроение. Что-то уж норлок чересчур официален. Однако наглые, пронзительно-синие глаза Шермана были определенно не тем местом, где можно было прочесть что-нибудь приличное.

— Присаживайся, — пригласила я норлока со всем доступным мне хладнокровием, и Шерман... тут же перепрыгнул через стол. Мои брови от удивления поползли вверх, но никто в зале, казалось, не был шокирован.

— Вина? — светски поинтересовался норлок.

— Пожалуй, — вздохнула я, решив уже ничему не удивляться.

— Я видел, как вела себя сегодня твоя лютня.

— Что?! — убилась я. — Это даже со стороны видно? Только этого не хватало! Надо срочно от нее избавляться, пока меня не сожгли по обвинению в колдовстве.

— Если ты помнишь, я смотрел твое выступление, после которого ты жаловалась на поведение лютни. Тогда ничего необычного заметно не было, и меня очень удивил твой рассказ. Сегодня все было по-другому. Я видел магию, которую излучала лютня. Не знаю, в чем дело. Может, со временем имеющийся потенциал усиливается. Однако пока ты можешь быть спокойна. Люди не видят магии, — успокоил меня Шерман. — Но с лютней определенно что-то не так. Брин, ты позволишь мне на нее взглянуть?

— Да пожалуйста, — протянула я инструмент норлоку.

— Не здесь, Брин! — осадил меня Шерман. — Я бы предпочел обойтись без соглядатаев.

— Как скажешь...

— Тебе нравится этот замок? — неожиданно сменил тему Шерман.

— Шутишь? Да как здесь может не нравиться?

— Пойдем, прогуляемся, — предложил норлок, вставая из-за стола и предлагая мне руку. Причем сказано это было таким тоном, что исключало всяческие дискуссии.

Я нахмурилась, но последовала за Шерманом. Устраивать норлоку скандал прямо за столом не хотелось. Тем более что Шерман тащил меня за собой целенаправленно, изучив предварительно сказочный дворец вдоль и поперек. Наконец, норлок открыл какую-то малопримечательную дверь и буквально вытолкнул меня на увитый плющом балкончик.

— Смотри! — скомандовал он, отодвигая плющ. — Только не высовывайся сильно и не вздумай выдать себя каким-нибудь звуком.

Я заинтриговано посмотрела вниз и... почувствовала, как холодная дрожь пробрала меня до костей. На освещенной факелами полянке стоял полураздетый лорд Бертон и от души полосовал кнутом какого-то несчастного.

— Это преступник? — шепотом поинтересовалась я, передернув плечами.

— Нет, это одна из его любовниц, — спокойно объяснил Шерман. Жертву отвязали, и я к своему ужасу убедилась, что это женщина.

— Что же она такого натворила? — поразила я.

— Ничего. Это у лорда развлечения такие, — просветил меня норлок.

Тем временем, слегка попинав несчастную жертву (можно подумать, кнута ей было мало) лорд начал распускать на штанах пояс. Поняв, что он собирается делать с бедной женщиной, я рванула с балкона пулей. Причем так, что Шерман еле успел поймать меня за шиворот. Кружева угрожающе затрещали.

— Или пристрели его, или не заставляй меня на это смотреть, — попыталась вырваться я.

— Да успокойся ты! — прикрикнул на меня Шерман. — Я просто хотел предупредить, что в замке тебе оставаться опасно. Моим словам ты вряд ли поверила бы, поэтому я и подумал, что тебе необходимо посмотреть на то, как лорд развлекается.

— И женщины продолжают его любить? — возмутилась я.

— Некоторым это нравится. А те, кто не разделяет увлечений лорда, долго не живут. Тебе надо уходить отсюда. Лорд Бертон положил на тебя глаз.

— И кто меня выпустит ночью за ворота города? — логично возразила я. — А в городе Бертон отыщет меня в течение нескольких минут.

— Значит, тебя надо спрятать прямо во дворце.

— Ты хочешь сказать, что пришла моя очередь в твоей спальне скрываться? — ехидно

поинтересовалась я. — С чего это ты вдруг решил меня спасти?

— Не хочу, чтобы лорд испортил твою изысканную нежную кожу, — ядовито пояснил Шерман. — И потом... ты же просила спасти тебе жизнь при первом же удобном случае.

— Но ты же не давал клятвы у Камня спасти меня, — резонно возразила я.

— Какая разница? — небрежно повел плечами Шерман. — Надо подумать, где тебя можно спрятать. Вариант со спальней не пройдет, лорда не остановит присутствие мужчины в твоей постели. Дворец хоть и огромен, но его вполне реально обшарить с помощью слуг за каких-нибудь полчаса. В городе тебе тоже не скрыться, тебя выдадут при первом же требовании лорда.

— Может я, как Шахерезада, проведу всю ночь за рассказыванием лорду сказок? — раздраженно буркнула я.

— А ты сможешь?! — поразился Шерман.

— А толку?

— Да ты что?! Бери лютню, а я публику тебе обеспечу. Только учти, Брин, истории должны быть действительно очень интересными!

— Да без проблем! — пожалала плечами я. Уж если достопамятная Шахерезада сумела своими сказками тысячу ночей пудрить мозги мудрому праителю, то в здешнем, лишенном менестрелей и сказок мире, мне просто грех будет не удержать внимание слушателей всего одну ночь!

Облегченно вздохнула я только тогда, когда мы покинули ворота гостеприимного города. Надо же, и не подумаешь, что в столь милом месте тебя может подстерегать опасность. Мои ночные посиделки довели меня до хрипотцы в голосе и неистребимого желания выспаться, но я была рада, что так легко отделалась. Неискушенные слушатели, затаив дыхание, внимали славным приключениям Али-Бабы, Синдбада-морехода и Алладина. Даже вышколенные слуги, открыв рты, позабыли о своих обязанностях. С утра, правда, опомнившийся лорд Бертон приглашал нас остаться еще на ночь, но Мимел отговорился королевским контрактом и якобы ожидающими нас эльфами. Видимо, тролль тоже почувал, что в этом сказочном дворце нечисто. Или он, как и норлок, прекрасно знал о том, как развлекается лорд? Да нет, вряд ли. Иначе мы объехали бы Марлен десятой дорогой. Может, тролля предупредил об опасности Шерман? Более вероятный вариант. Но куда же делся сам норлок? Неужели решил задержаться погостить у лорда Бертона? Не нравится мне это.

— Мимел, — подкатилась я к троллю на привале, — тебя кто, Шерман предупредил, что во дворце оставаться не стоит?

— Да. Вот только куда этот гоблинов норлок делся? Он давно уже догнать нас был должен. Неужто его лорд задержал?

— Что значит «задержал»? — похолодела я.

— Значит, посадил в подземелье и будет теперь развлекаться, вытягивая из Шермана жилы. Учитывая, насколько норлок упрямый и живучий, этого развлечения лорду надолго хватит.

— И ты так спокойно об этом говоришь? — возмутилась я. — Между прочим, этот норлок спас нас от костра пуритан.

— И что ты предлагаешь, Брин? — желчно поинтересовался Мимел. — Найти гномий ход, ведущий в подземелье, еще можно. Но как ты откроешь дверь в темницу? И как ты собралась снимать с норлока кандалы? Лорд ведь не дурак, и наверняка заковал Шермана.

— Гномы подарили мне камень, который рушит все замки, — сказала я, вытряхивая на свет божий свое давнее вознаграждение. — Меня больше беспокоит охрана темницы.

— Хорошо, Брин, уговорила, — сдался Мимел. — Я иду с тобой. В конце концов, мы действительно обязаны норлоку жизнью. Да и Яргел нас по головке не погладит, когда узнает, что мы даже не попытались спасти его гонца.

Сначала я податливости тролля порадовалась. Наивная! После первых же шагов по подземному ходу гномов желание спасти кого бы то ни было у меня пропало навовсе. И неважно, что впереди меня, освещая факелом дорогу, шел, грозно сопя, Мимел, а тыл прикрывал Тор, державший наготове обнаженный меч. Мне все равно было страшно! Ну зачем, зачем я сама потащила спасать Шермана? Отдала бы камень Мимелу, и все дела! Тролль предлагал. Нет, заупрямилась, напросилась, пошла... а куда, меня спрашивается, я пошла? Какой из меня, к чертям собачьим, спасатель? Я же шарахалась от каждой тени, справедливо полагая, что любая точка пространства может оказаться слоном в зоопарке! Наконец, мы дошли до какой-то двери, я коснулась камнем запора и, висевший на двери пудовый замок, рассыпался мелкой пылью. Хм... а неплохой камешек мне гномы подарили.

Профессиональному вору за приличные деньги продать можно. Мимел отодвинул меня с дороги, отвлекая от меркантильных размышлений, и толкнул дверь. Ржавые петли, на которых она висела, зловеще скрипнули. Из черной дыры, разверзшейся перед нами, потянуло зловонием и холодом. Однако отступить было некуда, и мы двинулись дальше. Коридор был длинным и слишком тесным для тролля, который задевал стены плечами и был вынужден постоянно пригибать голову. Я старалась не отставать от Мимела даже на полшага. Слишком уж жутко было в этом тоннеле, где под ногами периодически хрустели чьи-то кости, и черными тенями металась крысы. А тут еще и тролль посоветовал мне внимательнее смотреть под ноги, чтобы не провалиться в щель между каменными плитами и не упасть. Надо ли говорить, как подобное предупреждение «повысило» мне настроение?

Минут через несколько нашего пешего путешествия мне уже начало казаться, что тоннелю вообще конца не будет. Он, правда, стал шире, но зато нас теперь повсюду окружала сырость. По заплесневелым стенам тонкими струйками стекала вода, под ногами хлюпало, холод пробирал до костей, а факел подрагивал, очевидно, собираясь погаснуть от страха. Зрелище было настолько жутким, что я едва сдерживала себя, чтобы не побежать. Хотелось поскорее выбраться наружу, но спешка и неосмотрительность могли привести к неприятным последствиям. Когда мы, наконец, перешагнули порог темницы, меня била дрожь. Я едва не упала на охапку гнилой соломы, гостеприимно расстеленную в углу. Тролль подхватил меня за шиворот, поставил на ноги и направился по коридору дальше. Не успели мы сделать и нескольких шагов, как наткнулись на игравших в кости охранников. Бедные... Мимел и Тор, на настроение которых пребывание в туннеле подействовало не лучшим образом, истребили врагов за считанные секунды. Найти в подземелье Шермана оказалось куда более долгим делом.

— Боже мой, только не это! — невольно воскликнула я, увидев, как Мимел и Тор выволакивают норлока из какой-то дыры, подставив ему плечи. Самостоятельно передвигать ноги Шерман, как ни старался, был не в состоянии. Рассмотрев норлока подробнее, я вообще удивилась, что

он еще в сознании. Выглядел Шерман так, как будто им неделю играли в американский футбол, используя вместо мяча.

— Бери факел, иди вперед! — скомандовал мне Мимел. — Будем надеяться, что смена караула еще не скоро, и нам удастся уйти.

Если у меня и были какие-нибудь возражения, озвучивать я их не стала. Взяла факел, шагнула в тоннель и, прогоняя липкий страх, двинулась вперед. Дорога обратно (как это и следовало ожидать) заняла у нас гораздо больше времени. Да и когда мы добрались до повозок, облегченно вздохнуть было рано. Лишившийся развлечения лорд наверняка пустит по нашим следам погоню. Мимел и Тор сгрузили Шермана в повозку (мою!), и тролль дал знак двигаться. Я тут же выгнала варша вон (нечего ему рядом с раненым делать, лапами пробежится, а то совсем обленился уже), припрягла Мирлин разорвать на бинты мою нижнюю юбку (жалко, конечно, а куда деваться), зажгла масляный светильник, стянула с Шермана камзол и рубаху, и приступила к осмотру тщательнее. Э-э-э... я говорила, что ничего не смыслю в медицине? Под руку тут же влезла Мирлин и, ощупав норлока, вынесла вердикт, что ничего не сломано. Тоже мне, Айболит, блин! Я намочила одну из приготовленных моей подопечной тряпочек и принялась смывать с тела Шермана грязь и кровь. На первый взгляд серьезных ранений, вроде бы не было, только мелкие порезы и непонятные кровоточащие мелкие пятна.

— Иглой длинной тыкали, — просветила меня Мирлин, и я вздрогнула от отвращения. Ну надо же быть таким садистом!

— Не сдох еще? — «заботливо» поинтересовался заглянувший в повозку Мимел. — Мы к деревне подъезжаем. Формально она эльфам принадлежит, так что лорд Бертон сюда не сунется, не захочет отношения обострять. Правда, сами эльфы появляются здесь исключительно редко, что нам тоже на руку, потому что норлоков они терпеть не могут.

— А лекаря в этой деревеньке мы сможем найти? — озаботилась я.

— Попробуем. Надо же нам Шермана сбегать кому-нибудь.

— Ты хочешь его здесь бросить? — возмутилась я. — Тогда лучше было и из тюрьмы его не вынимать, все равно помрет.

— Нам некогда задерживаться!

— Да? Ну и езжайте. Лично я вместе со своей повозкой здесь останусь.

— Ты ничего не забыла? — взревел Мимел. — Брин, у тебя контракт!

— А я вас и не бросаю, — нашлась я. — А то, что я не могу остановиться и передохнуть несколько дней, в контракте не говорится.

Тролль плюнул и, решив со мной не связываться, махнул рукой.

Шерман попытался открыть глаза и застонал. Ну зачем, какого гоблина он надерзил лорду, высмеивая его неподобающие увлечения? Зачем уязвил сбежавшим менестрелем? Неужели верил, что статус гонца к Богарту Благословенному сможет его защитить? Ну да. Верил. Вот только зря. Разъяренный лорд Бертон решил познакомить своего гостя с собственными развлечениями ближе. Шерман справился с очередным приступом боли и снова попытался открыть глаза. На сей раз попытка оказалась удачнее, но толку от этого не было. Вокруг

царила тьма. Шерман попытался сосредоточиться на своих ощущениях. Кажется, он находился уже не в тюремном подвале. Не было запаха сырости, тлена и чужого страха. Подстилка была свежей и мягкой, а тело накрывала какая-то теплая ткань. Где он? Однако на то, чтобы приподняться и осмотреться лучше, сил у норлока не было. Ему было слишком больно. Кружилась голова, перед глазами мелькали какие-то пятна, огонь в лампе казался алым зрачком дракона. Шерман почему-то не мог закрыть глаза и лежал, глядя на пламя. Мир мерцал перед ним огненными оттенками, огонь жег пальцы, поднимался по запястьям, змеей обвивал руки и полз, полз все ближе к сердцу... Сердце — тугой комочек — бешено пульсировало в неровном ритме. В голове гудели все колокола мира. Шерман чувствовал себя ветхой материей, натягиваемой на деревянную раму ночи. Так тянут, так сильно тянут... Ему не выдержать, рвутся старые нитки, разъезжается плетение...

Я в очередной раз рассматривала Шермана и содрогалась от жалости. Синяки и мелкие порезы украшали все его тело, приличных размеров кровоподтек шел от рассеченной скулы вверх до самого глаза, а на руки и ноги вообще было страшно смотреть. Тяжелые кандалы оставили на них такие следы, что сердце кровью обливалось. Я отвела взгляд от Шермана и нетерпеливо уставилась на обследовавшего его врача.

— Хотя важные органы не пострадали, — сделал свой вывод доктор, — раненый еще не скоро сможет встать. Его пытали, но это еще полбеды. Иглы, которые вонзали в его тело, были пропитаны каким-то составом, замедляющим регенерацию и усиливающим болезненные ощущения. Скорость выздоровления зависит от жизнеспособности пациента. Скорее всего, ему не удастся избежать лихорадки. В таких случаях обычно делается кровопускание, чтобы выпустить дурную кровь. Я буду навещать вас ежедневно, а вы постарайтесь обеспечить ему покой. Кроме воды, можете давать ему крепкий бульон. Я оставлю вам лекарство, которое облегчит его состояние.

И это называется дипломированный врач? Да знахарь он деревенский! Кровь собрался пускать Шерману. А то из норлока и так мало крови вытекло. Да я этому врачу сама кровь пущу! И вообще... мне уже начинает казаться, что без помощи этого горе-лекаря Шерман поправится гораздо быстрее.

Как ни странно, я оказалась права. Живучий норлок наплевал на все врачебные предсказания и начал потихоньку выкарабкиваться. Через день он открыл глаза, через два был способен задавать вполне вменяемые вопросы, а через три сказал Мимелу, что не намерен задерживать королевскую труппу в заштатной деревушке и спокойно сможет перенести путешествие. Правда я, боясь, что Шермана растрясет, упрямо не двигалась с места еще два дня, но затем просто вынуждена была сдаться. Настырный норлок, ограниченный в движениях болезнью, был зануднее бензопилы.

— Может, в деревне останешься? — предложил норлоку Мимел. — Нам к эльфам нужно, а тебе на их земли вход заказан.

— Ты что, завтра на их земли ступать собрался? — резонно возразил Шерман. — Чтобы вашу труппу эльфы к себе пустили, вам нужно в Трииме остановиться, да выступить пару раз. К тому времени, и я на ноги встану. Смогу к Богарту ехать.

Настроение у Шермана действительно было отвратительным. Его бесила собственная слабость, беспомощность и зависимость. И главное от кого? Норлока до зубовного скрежета доставала мысль, что Брин видит его в столь неподобающем виде. Он, конечно, благодарен ей за свое

спасение, но какого гоблина Брин понесло в подземелье? Почему она не доверила лечить норлока врачу? Зачем сидела возле него сама, давая напиток и подтыкая теплое, стеганое одеяло? Однако отказаться от помощи Брин у Шермана просто не было сил. Да и желания тоже. Теплота, нежность, забота... если в его жизни такое когда-нибудь и было, то уже давно. Настолько давно, что норлок успел благополучно об этом забыть. Ласковые маленькие ручки облегчали его боль, сбивали жар, нежно касались его горячего лба...

— Почему ты не доверяешь врачу? — хрипло поинтересовался Шерман, как только смог говорить.

— Этому коновалу? — возмутилась Брин. — Да он хотел вдосталь напоить пиявок, устроив им пирушку за твой счет. И это после того, как он собирался пустить тебе кровь! Нет уж, я решила, что твоя кровь тебе самому понадобится. Ты против?

— Вот еще! — фыркнул Шерман. — Присядь рядом со мной, сыграй.

За то время, пока норлок лечил свои раны, он настолько привык к переборам струн лютни и к нежному голосу Брин, напевающей песни или рассказывающей интересные истории, что уже не мог без этого обходиться.

— Как скажешь, — охотно согласилась Брин, доставая инструмент.

— Как лютня себя ведет последнее время? — старательно шутливо интересовался Шерман, стараясь скрыть истинный интерес.

— После дворца лорда Бертона вполне обычно, — улыбнулась Брин. — Можно задать тебе вопрос?

— Спрашивай, — напрягся норлок.

— Почему считается, что гладить варша — неприлично? Ты знаешь, как я Мирлин не расспрашивала, но так и не поняла.

— Мирлин сама не знает, скорее всего, — облегченно вздохнул Шерман, поняв, что неприятных вопросов (пока) не последует. — Но я попробую объяснить. В этом мире существуют оборотни. У части из них истинной является ипостась племени кошачьих. По законам племени, если девушка, неважно оборотень она или нет, соглашается вступить в интимную связь с мужчиной, она показывает ему свое расположение именно почесыванием между ушей. Этот жест считается очень личным и интимным. Первыми, разумеется, его подхватили девицы легкого поведения, которые готовы на все, дабы заманить клиента, а потом даже появился своеобразный ритуал. Девушка может дать понять, что она доступна, продемонстрировав нежность... да хоть домашней кошке.

— Все ясно! — фыркнула Брин.

— Можно? — заглянул в повозку Тур. — Брин, тебя Манка обедать зовет. Иди, я твоего норлока покараулю.

— Не обижай его! — рассмеялась Брин, прихватив две тарелки — себе и Шерману.

Норлок улыбнулся ей и... встретился с взглядом гремлины. С весьма заинтересованным взглядом. Вот ведь гоблин! Скоро о его интересе к Брин будет известно всем!

— Что? — огрызнулся норлок, пытаясь смутить Тура. Не тут-то было.

— Женщина — опасное существо, — философски заметил греmlin. — Когда она привлекает твое внимание, тебе известно лишь, что она самое прекрасное и трогательное создание, какое ты только встречал. Потом ты выясняешь, что по вспыльчивости и непредсказуемости она тоже превосходит все, что ты видел. Постепенно ты понимаешь, что она буквально сводит тебя с ума, и с нетерпением ждешь очередной встречи. Все женщины по сравнению с ней начинают казаться бесцветными и скучными. Это похоже на неизлечимую болезнь, которая незаметно захватывает весь организм. Тебя охватывает страстное желание. Ты никак не можешь перестать думать о ней.

— Ну и к чему это было сказано? Неужто ты решил поучить меня жизни? — презрительно фыркнул норлок, желая осадить совсем уже зарвавшегося греmlина.

Да кто этот Тур такой, чтобы сидеть рядом и нести всякую чушь? Ледяной надменный взгляд сделал свое дело, и греmlin, стусевавшись, покинул повозку. Вот так-то лучше. Тоже мне, знаток женщин! Шерман удовлетворенно хмыкнул, прикрыв глаза, но какая-то мысль никак не давала ему расслабиться и заснуть. Перечисленные греmlином симптомы были хорошо знакомы норлоку. Даже слишком. И страстное желание, и нетерпеливое ожидание встреч, и даже маниакальное желание быть все время рядом. Шерман прокрутил в голове все свои последние глупые выходки, вспомнил, сколькими из них он был обязан существованию Брин, и внутренне похолодел. Нет! Только не это! С кем, с кем, а с Шерманом такого просто не может случиться! Переживший множество сражений и плен, норлок не собирался уступать глупым эмоциям и умирать от неизлечимой болезни помешанных рыцарей. И не важно, что там бормочет Тур. Откуда этот не созревший еще греmlin может знать что-либо о женщинах? И уж тем более о норлоках? То, что Шерман чувствует к Брин — это всего лишь физическое влечение. Отвратительное, мощное, выворачивающее нутро, доводящее до безумия, но... только влечение! С ним можно справиться усилием воли. Если постараться. И если не слишком прислушиваться к разглагольствованиям греmlина.

Глава 10

А мы всё топчем пыль, сминая версты,

Рвем удила, меняем лошадей...

И с неба равнодушно смотрят звезды

На вечные метания людей.

А. Белянин

После того, как норлок немного окреп, и мы покинули деревушку, не произошло ни одного мало-мальски значительного события. Наши повозки двигались по каким-то совершенно уж безлюдным местам, и я начала опасаться, что на нас снова нападут разбойники. Однако похоже, разбойникам сей безлюдный край не нравился еще больше, чем мне.

— Послушай, Мимел, а что это мы опять по каким-то пустырям таскаемся? — не выдержала я, подсев на привале поближе к троллю. — Неужели тут никаких поселений нет?

— Заскучала без выступлений? — влез в разговор тут же оказавшийся рядом Шерман.

— Устала от однообразия, — созналась я. — Скорее бы уж доехать до деревеньки что ли какой. Все повеселее.

— На сей раз Шермана благодари за то, что мы по окраинам едем, — пробурчал Мимел. — Все окрестные села располагаются на эльфийской территории. А норлоку туда ходу нет. Если, конечно, он не хочет, чтобы его вздернули на первом же суку.

— Но деревенька, в которой мы останавливались, тоже принадлежала эльфам, — резонно возразила троллю я.

— Только формально. Эльфы даже границу не передвигают, чтобы ее охватить. Кому нужны несколько покосившихся домишек, с которых даже взять нечего? Разумеется, если люди покусаятся на эти территории, эльфы с удовольствием воспримут это, как повод к войне, но реально эта заброшенная деревушка никому не нужна, — объяснил мне Шерман.

— То-то и оно, — подхватил Мимел. — а те сёла, которые мы сейчас объезжаем, уже за эльфийской границей находятся. Там уж не спрячешься, эльфы за своими территориями зорко следят.

— Это чем же ты так эльфам насолил? — удивленно обернулась я к Шерману.

— Брин, да ты что? А история с Эльтель?

— Так это было три года назад! Неужели эльфы такие злопамятные?

— Еще какие. Лично я в обществе Шермана эльфам на глаза показываться не рискну. Иначе за компанию таких неприятностей огрести можно, что мало не покажется, — буркнул Мимел и отошел подальше, давая понять, что разговор закончен.

Поняв, что ничего более определенного и интересного добиться мне от тролля уже не удастся, я тут же перенесла свое любопытство на другой объект. Благо он еще сбежать не успел. Впрочем, Шерман и не пытался это сделать. После того, как его вытащили из тюрьмы, норлок вообще явно изменился к лучшему. Не хамил, не грубил, не раздражал меня до беспамятства и даже за мной ухаживал. Своёобразно, конечно. Вместо того, чтобы дарить цветы и осыпать даму комплиментами, он учил меня стрелять из арбалета, махать мечом и охотиться. Причем в каком из трех направлений я была более бездарна, даже сказать сложно. Смешно было всем, кроме меня, но Шерман рук не опускал.

Надо сказать, что норлок вообще на удивление быстро и органично влился в наш небольшой коллектив. Через неделю путешествия по безлюдным полям и лесам, я даже забыла, что Шерман с нами недавно. Тем более, что все остальные члены королевской труппы продолжали жить своей обычной жизнью. Тор пропадал целыми днями (видимо, такая злобная вещь этот гон, что даже эльфийская граница не помеха), Мимел, словно Дерсу Узала, вел нас к намеченной цели, а Манка по-прежнему тихо страдала. Правда, теперь ее переживания были более очевидными. Или это я просто к ней пристальнее присматриваться начала? Во всяком случае, теперь, для того, чтобы понять, что Манка страдает от безответной любви, пояснения Мирлин мне бы уже не понадобились. У меня даже было такое ощущение, что тролли попытались выяснить отношения, причем закончилось это (для Манки) не лучшим образом. Троллиха осунулась, замкнулась и даже периодически начала пересаливать похлебку. Все мои попытки вызвать Манку на откровенную беседу так ничем и не заканчивались, а все деликатные попытки подкатиться с этим вопросом к Мимелу вызывали у тролля только свирепое рычание.

Немногим лучше обстояли дела у Мирлин с Туром. От безответной любви ни один из них, правда, не страдал, но отношения их явно изменились, перейдя от романтически-восторженных к повседневно-бытовым. Теперь Мирлин с Туром гораздо больше ссорились и выясняли отношения, пытаясь «притереться» друг к другу, чем нежно ворковали. В принципе, это было нормально. Через стадию «притирания» проходят отношения у всех пар. Вот только не все (к сожалению) могут благополучно эту стадию миновать. Некоторые так и разваливаются. Конечно, мне бы хотелось, чтобы отношения Мирлин с Туром закончились благополучно, но помочь я им была не в силах. Они оба постоянно были в таком мерзком настроении, что даже варш перебрался под мое крыло, предпочитая уж лучше понимать меня без слов, чем обращаться за помощью к Мирлин.

Надо ли говорить, что все вышеперечисленное никак не делало атмосферу в коллективе радостной? Иногда мне даже казалось, что если бы не Шерман, я давно бы с ума сошла со всеми ними. Неразговорчивый Мимел, гоняющийся по бабам Тор, постоянно ссорящиеся Мирлин с Туром, грустная Манка... нет, нам срочно нужно было выбираться к жилым местам! Там мы хотя бы сможем отвлечься, давая представления! Да и вообще... я скосилась на сидящего рядом норлока и вздохнула. Постоянное присутствие рядом Шермана меня напрягало. Нет, не раздражало, если бы! Как раз напротив, поскольку норлок решил изменить средство достижения цели и начал завоевывать меня другим путем. Если раньше Шерман соблазнял меня буквально внаглую, то теперь он делал это небрежно, без лишних слов, исподволь, даже не заостряя на этом внимания. Казалось, что все происходит само по себе, самым естественным образом. За чрезвычайно короткий промежуток времени норлок сделался для меня не просто нужным — необходимым. И я абсолютно не представляла, что с этим делать. Шерман подкрадывался ко мне, как кот к мыши, делая вид, что ничего особенного не происходит, а он вовсе не охотится, а так... погулять вышел. Собственно, я и чувствовала себя, как мышь, которой некуда бежать, и которая с затаенным страхом ждет, когда кот, наконец, сделает свой смертельный прыжок. Это ожидание до такой степени трепало мне нервы, что я уже начала задумываться, а не проще ли броситься в зубы самой.

Отвлекло меня от мрачных дум и нелепых желаний весьма прозаическое событие — пошел дождь. Нет, даже не так. Ливень. Холодный, сильный и затяжной. Казалось, что в небесной канцелярии лопнул водопровод, а ремонтные бригады решили объявить забастовку. Тугие, сильные струи дождя лупили по крышам повозок и превращали землю под колесами в месиво. Иногда, правда, ливень стихал, превращаясь в легкую, настырную изморось, но вскоре, словно собравшись с силами, начинался сызнава. И без того не слишком приятное путешествие стало просто омерзительным. А уж когда пришлось вылезать из повозок и, меся грязь, их подталкивать под проливным дождем, настроение вообще упало до планки «хуже некуда». Я вымокла, продрогла до костей и ненавидела весь окружающий мир. В конце концов, мы дружно послали норлока куда подальше, решительно повернув к ближайшей деревеньке. Вовремя. Не успели мы въехать в покосившиеся деревянные ворота, как у шедшей впереди повозки отвалилось колесо. Пришлось троллям и гремлинам тащить повозку буквально на себе вплоть до постоянного двора. А потом еще и долго уговаривать хозяина пустить нас на ночлег.

Вообще-то, судя по отсутствию посетителей, путники на данный постоянный двор забредали не часто. Однако хозяин не спешил радоваться свалившимся ему на голову гостям и пустил нас внутрь весьма неохотно, содрав за ночлег как минимум втрое больше положенного. Было бы за что! Выделенные нам маленькие комнатки больше всего напоминали скворечники, а обстановка в них даже на самый непредвзятый взгляд была попросту нищенской. Собственно, кроме охапки соломы на полу, в комнате больше ничего и не было. Причем пахла эта охапка так, что становилось понятно, что лежит она здесь как минимум уже год. Нам самим пришлось таскать и греть воду, чтобы вымыться в единственной предоставленной хозяином бочке, да и

ужинать пришлось, используя собственные запасы.

— Интересно, как хозяин не разорился до сих пор с таким сервисом? — шипела я, жуя вяленое мясо и запивая его водой.

— Единственные представители Высших рас, которых здесь чтут, это эльфы, — пояснил Мимел. — Все остальные, по мнению местных жителей, вообще недостойны существовать. Возможно, если бы мы с Манкой могли принимать человеческую ипостась, нас всех приняли бы несколько лучше, но вряд ли намного.

— А зачем тогда вообще постоянный двор содержать? — не поняла я. — Это ж убытки одни. Хотя... если учесть, сколько с нас содрал этот сквалыга за удовольствие переночевать на гнилой соломе...

— А сколько этот мерзавец за смену колеса содрал? — вступил в разговор возмущенный Тор. — Как я с ним не рядился, пытаюсь цену скинуть, он ни в какую. Да за эти деньги мы в городе все четыре колеса поменять могли бы!

— Добавь еще, сколько с нас содрали за лошадей и варша, — хмуро буркнул Мимел. — Нет, здешний постоянный двор своему хозяину немалый доход приносит.

— А колесо-то он когда обещал починить? — поинтересовалась Манка. — Надо бы убраться отсюда побыстрее, а то и без штанов остаться можно. А ну как хозяин надумает за следующий ночлег еще больше денег содрать с нас?

— Да куда мы потащимся в такую погоду? — испугалась Мирлин. — Дождь так и хлыщет.

— Не сахарные, не растаем, — решил Мимел. — Шерман вон остался где-то в лесочке, и ничего. А у него даже повозки нет, чтобы укрыться.

И тут мне стало по-настоящему стыдно. Действительно — чего я капризничаю по поводу гнилой соломы и сухого пайка, когда Шерман вообще под дождем мокнуть остался? Видно, эльфы поставили против норлока реально действенную защиту, раз Шерман даже под угрозой промокнуть до костей не решился пересечь границу. Конечно, он далеко не беспомощное создание. И наверняка нашел, где укрыться от дождя. Однако мою неожиданно проснувшуюся совесть это нисколько не успокаивало. Мне захотелось наплевать на дождь, на грязь, и завтра же с утра выехать из негостеприимной деревушки, чтобы Шерман смог к нам присоединиться.

На наше счастье ливень на следующий день стих. Это было нам весьма на руку, так как наглый хозяин не только задрал плату за следующий ночлег втрое против прежнего, но и пытался вытрясти с нас деньги за умывание и пользование единственным в доме колченогим табуретом. Успокоился сквалыга только после того, как Мимел пригрозил сломать этот самый табурет о кое-чью плешивую голову. Словом, постоянный двор мы покидали в самом преотвратном настроении, а тролли с гремлинами еще и пешком, так как поставленное новое колесо не внушало доверия ни одному из них. Пришлось выгонять варша из повозки и пускать к себе троллей с гремлинами по очереди (всех вместе ни повозка, ни лошади не выдерживали).

— Жалко все-таки, что мы не смогли в деревне остаться, — вздохнула Мирлин, стряхивая плащ. — Хоть немного бы дождь переждали.

— А если бы он еще неделю идти решил? — логично возразила я. — Так никаких денег не напасешься. Да и пытаться заработать выступлениями бесполезно. Наверняка народу соберется мало, да и платить они смогут только едой. Лишних денег у крестьян все равно нет.

— То-то я гляжу, ты их в качестве возможных женихов даже не рассматриваешь, — фыркнула Мирлин.

— С ума сошла? — передернула плечами я.

Нет уж, крестьянский труд и я — это взаимоисключающие друг друга понятия. Ну вы сами подумайте — весной крестьяне, воодушевившись девизом «копай, откуда лопата растет», сажают во все лопатки будущий урожай, летом изо всех сил стараются его вырастить а осенью — убрать и сложить в закрома. Даже зимой, когда, казалось бы, сам Бог велел отдохнуть, находятся повседневные дела. Подготовка на семью в количестве 20 человек, стирка на них на всех (в проруби!), уход за скотиной (которую, оберегая от мороза, в избу берут) и самостоятельный пошив одежды, ибо покупать ее дорого. Мне оно надо? А уж если вспомнить, что зимой крестьяне, периодически торжествуя, бегают в туалет по сугробам, а детей рожают приблизительно раз в год (пока рожалка не сдохнет), то желание принадлежать к их славному племени пропадает напрочь.

— Нет уж, Мирлин, лучше я за тритона замуж выйду, — решила я, прикинув ожидающие меня в роли крестьянской жены «радужные» перспективы. — А об оставленной деревеньке не жалею. Может, нам еще какое жильё по дороге подвернется. Где народ погостеприимнее. Да и на дорогу жаловаться грех, в грязи мы больше не тонем, и повозки не приходится толкать. Непонятно, кстати... Мимел говорил, что мы двинемся по Западному тракту.

— Так это он и есть, — авторитетно заявила Мирлин.

— Так он же, вроде, заброшен давно, а так сохранился хорошо, — недоумевала я. — Передвигаться одно удовольствие, даже трясет не сильно. Странно, что крестьяне из дороги булыжники не повыковыривали для хозяйственных нужд.

— Так ведь этот тракт строили еще гномы, Властители знают сколько лет тому назад, — пояснила Мирлин. — Мимел нам об этом еще на постоялом дворе сказал. Ты что, не слышала?

— Не-а.

— Все, что строят гномы, живет веками. И поверь, из этой дороги вытащить булыжник практически невозможно. Для крестьян, во всяком случае, точно.

— Это тебе тоже Мимел сказал? — фыркнула я, не поверив, что на этом свете для хозяйственных крестьян есть что-нибудь невозможное.

— Угу, — кивнула Мирлин.

— А он не сказал, когда мы, наконец, уже хоть куда-нибудь доберемся? — поинтересовалась я, не желая спорить дальше. — Желательно с горячей ванной и плотным ужином?

— Мимел прикинул, что мы доберемся до Триима примерно дня через два, — порадовала меня Мирлин.

— Хорошо-то как! — облегченно вздохнула я. — Интересно, а там Шерман сможет к нам присоединиться?

— Почему нет? Это не эльфийская территория. А ты что, Брин, волнуешься за норлока? — ехидно поинтересовалась Мирлин.

— Волнуюсь, — созналась я. — Думаешь, приятно оказаться в такую погоду без крыши над головой? Как бы он не простудился чего доброго. Да и раны на Шермане еще не до конца зажили.

— Брин, ты меня иногда поражаешь своей наивностью! — фыркнула Мирлин. — Неужели ты думаешь, что Шерман все еще мокнет под дождем? Да он давно уже в Трииме! Сидит в трактире и потягивает вишневое вино.

— О чем ты говоришь? Как он пешком смог бы так быстро добраться до города?

— Да норлок может двигаться быстрее ветра! — просветила меня Мирлин. — Как ты думаешь, Брин, почему он так редко на коня садится?

— Почему? — тупо переспросила я.

— Да потому что конь его только задерживает! Так что можешь не волноваться по поводу норлока. Он, в отличие от нас, давно уже не мокнет, не мерзнет и не голодает.

Шерман действительно прибыл в Триим буквально на следующий день после того, как расстался с королевской трупой. Правда, вымокнуть и продрогнуть он все-таки успел, но, устроившись напротив камина и пропустив пару бокалов вина, быстро согрелся. Властители, как же хорошо было упасть в кресло, вытянуть ноги и ни о чем не думать! У Шермана было еще, по крайней мере, несколько дней на то, чтобы отдохнуть и развлечься. Вряд ли в такую погоду повозки доберутся до Триима быстрее. А вот когда доберутся...

Шерман допил вино и отставил изящный хрустальный бокал в сторону. Как только тролли и гремлины увидят норлока в Трииме, они снова возьмут его в оборот. И тут уж не помогут ни наглые заявления о совпадениях, ни даже прикрытие ролью гонца. Если бы Шермана реально направили только затем, чтобы доставить послание Богарту Благословенному, норлок давно уже был бы там. А не просиживал бы штаны в трактире и не хлестал бы вино, бесцельно убивая время. И тролли с гремлинами прекрасно это поймут. Как поймут и то, что Шерман действительно их охранял. А поняв, зададут все тот же вопрос — зачем. И что-то подсказывало норлоку, что на сей раз попытка добиться ответа на этот вопрос будет более действенной. Шерман поднялся из кресла, лениво потянулся и подбросил в камин пару поленьев. На сей раз он и не собирался увильнуть от ответов на вопросы. После Триима королевская трупка пересечет эльфийскую границу и двинется к столице, намереваясь передать по адресу послание Эльтель. Шерман последовать за ними туда не сможет, а это значило, что настало время открыть карты. И вытащить медальон. Вот только кому можно было доверить подобную тайну и поручить опасное задание? Мимелу? Манке? Тору? Туру? Или, лучше, всем четверым (в надежде, что до финала доберется хотя бы один из них)? Этот вопрос лучше было решить заранее и хорошенько обдумав.

Норлок налил себе еще вина и нахмурился. Будь его воля, он вообще не стал бы отвозить медальон на территорию эльфов. Что-то с этой вещью было не так, и это не давало Шерману покоя. Разумеется, он обследовал лютню Страдамара, и даже (потихоньку от Брин) вытащил и осмотрел медальон, но ничего странного не обнаружил. Ни свечения, ни даже легкого покалывания в ладонях. Шерман вернул медальон на место, но так и не успокоился. Он сам видел, как светилась лютня Брин! А это значило, что магическая энергия вещи была активной. Но как она могла быть активной, если медальон, по словам Эльтель, мог исполнить только одно желание, и это желание уже было загадано?! Шерман скорее ожидал бы увидеть нечто погасшее, безжизненное, использованное, но никак не светящееся, причем в чужих руках!

Ведь в Брин не было даже капли крови Высших рас, уж это-то Шерман мог сказать определенно! Почему же медальон в ее руках вел себя столь необычным образом? Гоблин! И посоветоваться не с кем! Впору задержать королевскую труппу в этом трактире, а самому возвращаться к Яргелу. Впрочем... толку-то? Яргел же никогда не поверит, что драгоценная Эльтель могла его обмануть. И про медальон ничего выяснять не станет. Принципиально. Хотя... кто вообще, кроме эльфов, может разобраться в этой магической игрушке?

Шерману это не нравилось. Определенно не нравилось. Он не хотел играть вслепую, выполняя непонятные прихоти Эльтель. Однако норлок дал клятву у Черных Камней, что медальон будет отправлен в Озеро Фей, а это значило, что у него не было выхода. Может, стоило посоветоваться с Брин? Вот еще! Во-первых, выяснив, что ее просто использовали втемную, втянув в довольно сомнительную авантюру, она наверняка возмутится и пошлет всех куда подальше. А во-вторых, какой смысл рассказывать о талисмানে девчонке, прибывшей из мира, где вообще нет ни эльфов, ни магии? Будь у Шермана такая возможность, он вообще не пустил бы Брин к эльфам. С какой радости она должна подвергать себя опасности, шагая прямо в пасть к хищнику? Кто знает, чего ждать от этих листоухих мерзавцев? Они же чувствуют себя хозяевами мира, и ведут себя соответствующим образом, относясь к людям, как к вещам. И что будет, если Брин приглянется кому-нибудь из эльфов? А она приглянется, не талантом, так внешностью. Что тогда? Ее ведь даже спрашивать не будут, хочет ли она стать развлечением для какого-нибудь юного лоботряса.

Шерман скрипнул зубами, и высокая ножка хрустального бокала жалобно хрустнула. Ну уж нет! Эльфы Брин не получают! Даже если ему для этого придется пересечь их границу! Менестрель слишком нравилась ему самому. Нежная, хрупкая, трогательно-беззащитная, она вызывала у норлока неистребимое желание защитить ее от всего и всех. Тонкая, прозрачная красота завораживала Шермана и заставляла его буквально забывать обо всем. Золотистые волосы, казалось, созданные из солнечных лучей, темные бархатные глаза, в которых порой зажигались звезды, изысканно-нежная кожа, пахнувшая цветами... Брин была самым совершенным созданием из всего, что норлок когда-либо видел в своей жизни.

Разумеется, Шерман пытался ее соблазнить. Причем не раз. Однако Брин не поддавалась ни наглому, стремительному напору, ни осторожному, расчетливому ухаживанию. Норлок ей нравился. Может, чуть больше, чем нравился (в конце концов, Шерман был достаточно опытен, чтобы это понять), но... не более того. Брин словно ускользала у него меж пальцев. Дело дошло до того, что распаленный желанием угодить даме, Шерман даже надрал букет ромашек на лесной поляне. Слава Властителям, холодный рассудок взял верх, норлок опомнился и выкинул свидетельство своего позора куда подальше, пока никто не заметил. Женщины и так все время старались ему на шею сесть, а уж если начать за ними ухаживать... так недолго докатиться и до остальной рыцарской дури. Сегодня цветы, завтра его на подвиги потянет ради дамы сердца, а потом что? Серенады под балконом? А может, ему в голову взбредет еще и шнурок на шею одеть? Вот еще! Слава Властителям, до такого маразма Шерман еще не докатился. Хотя... шнурок в волосах Брин он приметил давно. И попросить его в дар порывался не раз и не два. Однако вряд ли это было хорошей идеей. Как только Брин встретится с эльфами, те сразу определят, кому она отдала свое украшение. Листоухие мерзавцы слишком хорошо ощущают магию. А подвергать Брин опасности Шерман совершенно не хотел. Еще не хватало, чтобы она пострадала из-за него! Тем более, что об этом наверняка не только эльфы узнают. Эльтель тоже. И что она придумает, чтобы отомстить сопернице и ненавистному норлоку — сказать было трудно. Ясно было одно — ничего хорошего.

Представив себе разъяренную физиономию Эльтель, Шерман невольно фыркнул. Может быть, если бы дело было только в королеве, норлок рискнул бы попросить украшение из волос Брин. Но дело было не столько в Эльтель или эльфах, сколько... в собственном оскорбленном

самолюбии. За всю свою жизнь Шерман никогда и ничего не просил у женщин. Напротив. Это они добивались его благосклонности, искали с ним встреч и штурмовали двери его спальни. Норлоку и в страшном сне не могло привидеться, что когда-нибудь он сам будет добиваться женской благосклонности. И захочет повесить на свой камзол чье-то украшение. Шерман противился собственному идиотскому желанию, однако одна только мысль о том, что какой-нибудь мужчина может положить глаз на Брин и попытается ее завоевать, доводила норлока до бешенства. Безумная ревность, рвущая душу в клочья, не давала ему спокойно жить. Шерман готов был привязать на свой камзол хоть десять украшений, лишь бы дать понять окружающим, что Брин принадлежит ему. Уж наверное тогда не найдется ни одного идиота, который решился бы перейти дорогу норлоку. Проблема была только в том, что Брин вовсе не принадлежала Шерману. И, похоже, даже не собиралась ему принадлежать.

Осознавать это было неприятно. И болезненно. Однако и дальше делать вид, что ничего не происходит, было просто глупо. Шерман действительно увлекся Брин. Неосмотрительно, бесконтрольно, азартно... и теперь понятия не имел, что делать с собственными чувствами. Придушить ядовитую гадину? Так уже поздно. Надо было давить ее в зародыше, как только почувствовал первые уколы непонятных эмоций. А теперь, когда змеища разожралась и растолстела, удавить ее представлялось проблематичным. Отрубить голову? А толку? Шерман не хотел себе в этом признаваться, но змея не просто успела подползти и сжать его в своих объятиях. Похоже, она умудрилась вонзить в него свои зубы. Шерман в бешенстве сжал руками виски. Как бы его это не бесило, но он действительно уже не мог победить разгоравшегося в нем чувства. Норлок заметался по комнате из угла в угол, сжимая виски все сильнее, но даже боль не могла усмирить бушевавших в нем эмоций. Шерман с размаху сел на постель и облокотился на стенку, скрипя зубами от злости на себя и на женщину, что так прочно засела у него внутри. Ему мерещились глаза Брин, ее волосы, фигура, он слышал ее смех... и помешать этому было бессильно даже разделявшее их расстояние. Да, не зря богиню любви представляют с внешностью змеи. Более подходящего облика для этого отвратительного чувства сложно было придумать. Подлая любовь, как ядовитая гадюка, нападала стремительно и неожиданно. Даже такой опытный воин, как Шерман, не смог ни защититься, ни уклониться от смертельного броска. Чуть слышное шипение, короткий свист, и сжатая пружина гибкого тела распрямляется и наносит удар. И вот уже в глазах темнеет, пальцы немеют, дыхание сбивается с ритма, а в сердце поселяется злобная свора зубастых тварей. Они визжат, дерутся и рвут его в клочья, не успокаиваясь ни на мгновение и не давая покоя.

Шерман встряхнул головой и попытался взять себя в руки. Он что, серьезно собрался так просто сдаться? Вот еще! Глупую влюбленность нельзя удавить, нельзя обезглавить, но ее вполне можно утопить в удовольствиях! Шерман просто обязан был соблазнить Брин, уложить ее в свою постель и не выпускать ее оттуда, пока не пресытится ее телом и ее ласками! Если норлок хочет вернуть себе свой рассудок и свое хладнокровие, ему просто нужно отделаться от идиотских чувств! А что лучше постели сможет помочь в этом благом деле? Сначала наслаждение, потом привычка, потом пресыщение, а затем... глухое раздражение от уставленных на тебя обожающих глаз с плещущейся в них собачьей преданностью. Раздражающие приторно-слащавые уменьшительно-ласкательные словечки, выводящие из терпения мелкие привычки, усталость от невозможности побыть в одиночестве и отделаться, наконец, от захлебывающегося счастливого щебета, закладывающего уши. Решено! Шерман приложит все усилия, чтобы уложить Брин в свою постель. И на сей раз ей не удастся от него уйти!

До захолустного трактира с многообещающим названием «Три осла» мы добрались только ближе к вечеру. Сломанное колесо и ночлег в негостеприимной деревеньке нанесли нашим денежным средствам довольно приличный урон, а потому мы проторчали на центральной

площади целый день, развлекая народ всеми доступными нам способами. Население Триима, вплотную граничившее с эльфийскими землями, относилось ко всем остальным Высшим расам (кроме, собственно, эльфов) с изрядной долей снисходительного презрения, но не до такой степени, чтобы гнать нас в три шеи или игнорировать наше выступление. Денег мы собрали намного меньше, чем могли бы, но на сей раз нас, хотя бы, не стали выгонять из города, указав трактир, где мы сможем переночевать. Разумеется, местечко было не слишком престижное и не особо комфортное, но, после достопамятного постоянного двора в негостеприимной деревеньке, показалось нам почти райским. На сей раз хоть носить и греть воду нам самим не пришлось. Да и ужином хозяева нас не обидели. Простым, без особых изысков, но горячим, сытным и вкусным. А уж когда я вошла в комнату и увидела скромную постель, застеленную хоть и штопаным, но чистым бельем, я совсем расслабилась. Настолько, что решила на сон грядущий прогуляться до протекавшей недалеко от трактира речки. Подышать свежим воздухом.

— Привет, — раздался над моим ухом знакомый, хриловато-рычащий голос.

Надо же, я еще и устроиться-то на берегу как следует не успела. Только расстелила плащ, присела, и на тебе! Шерман! Господи, как же я, оказывается, успела по нему соскучиться! Кажется, Мирлин была права. Шерман действительно добрался до Триима раньше нас. Во всяком случае, выглядел норлок вполне здоровым, отдохнувшим и пребывающим в хорошем расположении духа. Даже более чем. Я поймала знакомый пронзительно-синий взгляд и почувствовала, как по телу бегут мурашки. Судя по горящему в глазах норлока хищному и весьма откровенному огоньку, он готовил очередную попытку меня соблазнить. И я отнюдь не была уверена в том, что мне так уж хочется сопротивляться.

— Привет! — улыбнулась я норлоку, пытаюсь справиться с собственной реакцией.

— Не боишься сидеть тут одна?

— А стоит бояться? — удивилась я. — Тут же рядом земли эльфов, они вроде как к разбойникам весьма отрицательно относятся.

— Это не мешает разбойникам существовать! — фыркнул Шерман. — Что ты здесь делаешь?

— Наслаждаюсь, — просто ответила я.

А что я еще могла ответить, вглядываясь в окружающую меня красоту? Закатные лучи солнца плясали алыми бликами в речной ряби, легкий ветерок ласково шелестел листвой, а где-то вдалеке вечерняя птица завела свою нежную песню. Здесь не было ни ухоженных клумб, ни подстриженных кустов. Это было царство беспорядка и буйства цвета, и в этом было что-то завораживающе дикое! Здесь пышно цвели самые разные полевые цветы — о названии многих из них я даже не имела представления. Лилии и вереск, примула и лаванда наполняли ночной воздух пьянящими ароматами.

— Мне кажется, для того, чтобы наслаждение было полным, кое-чего не хватает, — прошептал мне на ухо норлок.

— Чего же это, интересно? — вздрогнула от неожиданности я.

— Ну, вот этого, например, — Шерман взял мою руку и нежно поцеловал ладонь. — Или вот этого, — добрался он губами до ямочки на локтевом сгибе.

— Ты что, собрался меня соблазнить? — дрогнувшим голосом поинтересовалась я, пытаюсь

воззвать к собственному хладнокровию. Однако оно, похоже, ушло в долгосрочный отпуск. Зато мучившее меня столько дней желание проснулось безо всяких усилий с моих стороны и, не взирая ни на какие уговоры, уходит прочь отнюдь не собиравшись.

Поцелуи Шермана были нежными, ласковыми, легкими как мотыльки и заставляли меня терять голову. И сколько бы я ни пыталась найти в себе силы сопротивляться, надавать себе внутренних пощечин и очнуться, ничего не помогало. Ни воспоминания об истинной сущности норлока, ни ехидные мысли о собственной глупости, ни даже убежденность, что паршивый гад имел уж слишком большой опыт в целовании женщин!

— Послушай, ну ты же не можешь соблазнить меня прямо здесь? — сделала я последнюю попытку прийти в себя.

— Я?! Могу, еще как могу, — произнес Шерман глубоким, хриловатым голосом, от которого по всему моему телу бежали мурашки. — И не только могу, но и сделаю это, — решительно отрезал он, касаясь своими губами моих губ.

Нервы, и без того натянутые как струны, ожег адреналин. Сначала поцелуй был легким и безумно нежным, норлок как будто пробовал меня на вкус, но постепенно Шерман все больше и больше увлекался. Прижав меня к себе ближе, он позволил своим губам стать властными и требовательными. Ощущения были настолько острыми и захватывающими, что когда Шерман прервал наконец поцелуй, мне показалось, что я лечу в невесомости. Где-то в отдалении послышался стук копыт коней, рвущихся вперед в дикой и необузданной гонке. Странно... откуда здесь могут быть кони? Да нет, это не кони, это стучит сердце. Шерман прижал меня так близко, что я всей кожей ощущала этот стук. Сильный, мощный и удивительно громкий.

Наверное, у меня все еще была возможность уйти. Возмутиться, оттолкнуть Шермана и сбежать. Подумать, наконец, о том, что я не хочу отдавать свое сердце на растоптание наглому норлоку! Однако ни бежать, ни думать, ни сопротивляться не хотелось. Это было временное умопомрачение, внезапное наваждение, которому я поддалась безотчетно, не задумываясь о возможных последствиях. Да черт бы с ним! Могу я хотя бы раз в жизни позволить себе сделать глупость! Впрочем... кажется, у меня уже не было выбора... умелые руки уложили меня на плащ, помогли избавиться от одежды, ласково коснулись обнаженной кожи... Что же эта сволочь творит-то со мной, а? Я была не просто возбуждена, я буквально умирала от желания. Такой ненасытной жажды — дикой, жгучей и неодолимой — я не чувствовала никогда в жизни. Испытываемые эмоции были настолько сильными, что я просто потеряла связь с реальным миром. Забыв о времени, о приличиях и о том, где я вообще нахожусь. Была только неистовая страсть, накрывшая волной нас обоих, безумный шквал, уносивший тела в неведомое никуда. Острые ощущения наслаивались одно на другое и сплетались друг с другом в тугую спираль. Она сжималась, сжималась, сжималась до бесконечности, заставляя выпадать из реальности, заставляя терять свою сущность, заставляя... Тугой клубок лопнул, и хрустальные осколки, разлетевшиеся во все стороны от центра взрыва, вонзились в суставы, колени, локти, запястья и щиколотки. Перед моими зажмуренными глазами возник черный квадрат, из середины которого исходили, пульсируя, золотые спирали.

Я не знаю, сколько прошло времени прежде, чем ко мне начало возвращаться чувство реальности. Искрящийся момент упоения уступил место расслабленности. Я лежала, придавленная свинцовой тяжестью тела норлока и слушала удары его сердца, которое билось теперь в унисон с моим собственным. Шерман соскользнул с меня и привлек в кольцо своих рук. Я купалась в его тепле, вдыхала хмельной запах страсти и чувствовала себя до безобразия счастливой. Рядом с нами на белый песок набегали речные волны. Лизнув берег, они с недовольным всхлипом отступали назад. Над головой — темное, бездонное, звездное небо. Это

сколько же мы времени тут провели? Вон, даже луна уже выглянула. Круглая, желтая, любопытная и насмешливая. Подглядывала, зараза? Ну и на здоровье. Хоть утопись теперь с зависти.

— Может, мы все-таки вернемся в трактир? — предложила я, лениво потянувшись.

— Только в мой номер! — тут же поставил условие Шерман.

Кто спорит?

Шерман не мог заснуть до самого утра. Казалось бы, безумная ночь, начавшаяся на речке и продолжившаяся в его номере, вытянувшая из него все силы и доведшая его практически до умопомрачения, должна была способствовать спокойному засыпанию, однако сна не было ни в одном глазу. Вчера, размышляя о Брин, норлок всерьез надеялся, что ему удастся пресытиться ей. Однако прошедшая ночь поставила на его надеждах жирный крест. Нет, конечно, может быть, когда-нибудь, Шерману это и удастся... вот только когда? Сколько времени должно пройти, чтобы он смог привыкнуть к шелковистой коже? К нежным губам? К сияющему золоту волос? Шерман горько хмыкнул. «Лучше подумал бы, сколько времени тебе понадобится, чтобы привыкнуть к тому, как эта дикая кошка ведет себя в постели», — кисло подумал он. Шерман приподнялся на локтях и склонился над Брин, словно пытаясь убедить себя, что прошедшее не было сном. Да какой к гоблинам сон? Потративший на соблазнение Брин изрядное количество времени, Шерман ожидал встретить сдержанное и (возможно) даже холодное существо. Счас-з-з!!! Брин просто потрясла его своей раскованностью, страстностью и абсолютным отсутствием комплексов! Для нее в постели не существовало ни рамок, ни запретов. Испытываемые ощущения настолько захватили Шермана, что он потерял над собой контроль. Первый раз в жизни, опытный и сдержанный норлок отпустил вожжи и отдался на волю страсти. Ощущения были феерическими.

Шерман коснулся кончиками пальцев знака бабочки на плече Брин. Почему же ему никто не сказал, что она просватана за принца водянок? Не посчитали нужным? Подумали, что он и так все знает? Норлок почувствовал, как в нем закипает злость, и сделал глубокий вдох. Когда он обнаружил разноцветную бабочку на плече Брин, его сердце замерло и пропустило удар. Гоблин! Шерман и так знал, что пока он принадлежит королевскому дому оборотней, между ним и Брин не может быть ничего серьезного! Оказалось, гораздо меньше, чем ничего. И что делать? Отдать ее водянкам, а потом шерстить заводи, надеясь встретить Брин в ипостаси русалки? Шерман выругался и застонал от собственного бессилия. Властители, да почему же вы так жестоки? Зачем дарить надежду, которой не суждено сбыться? К чему манить обещаниями, которые вы не собираетесь выполнять? На кой гоблин травить душу, позволяя прикоснуться к мечте, которой никогда не суждено обладать?!

Брин улыбнулась во сне и придвинулась ближе, устраивая головку на его плече. Шерман осторожно, чтобы не разбудить, обнял ее и прижал к себе, наслаждаясь цветочным ароматом ее волос. Властители сыграли с ним злую шутку, сделав его рабом и позволив встретить Брин. Однако норлок не собирался сдаваться. Для начала, он должен защитить ее от эльфов. А там... там будет видно.

Утреннее прощание с Шерманом вышло комканным и каким-то нервным. Норлок бесился, не желая отпускать меня к эльфам, но заключенный королевский контракт висел надо мной, как дамоклов меч. Я пыталась привести его в чувство, деликатно намекая, что у него и без меня дел по горло, и что Богарт его уже заждался, но все было бесполезно. Упертый норлок не хотел

признавать никаких доводов.

— Ну и что ты предлагаешь? — устало сдалась я.

Нда... зря я спросила. Фантастические прожекты посыпались из Шермана один за другим. Одно было хорошо — в какой-то момент до норлока доходило, что он несет полную чушь, и он тут же переключался на что-нибудь другое.

— Да заплачу я штраф за прерывание контракта! — решил, в конце концов, Шерман.

— Да? А ты ничего не забыл? — ехидно поинтересовалась уже поднаторевшая в законах этого мира я. — Ты сам не свободен. И откупать кого-либо, даже от контракта, не можешь. И вообще... где ты возьмешь столько денег? У Яргела займешь? Насколько я знаю, собственность не может иметь собственность. И даже если король закрывает глаза на твои мелкие правонарушения типа заработков в дороге или оплаты девиц легкого поведения, я не думаю, что он так же лояльно отнесется к прерыванию королевского контракта. Тем более, что это не в его интересах.

— Да не хочу я отпускать тебя к эльфам! Не хочу!

Я похихикала над упертым норлоком, спустилась вниз к своим братьям по актерскому ремеслу и... выяснила, что они тоже не горят желанием брать меня к эльфам.

— Да вы что все сегодня, с ума посходили? А как же контракт? — возмутилась я.

— Вот только контракт нас и держит, — буркнул Мимел. — Да еще то, что эльфы именно менестреля потребовали. Им, видишь ли, на остальных и смотреть-то неинтересно.

— Так что получается, что вы мне еще и на хвоста сели? — весело фыркнула я.

— Зря ты так, — пробубнил, нахмурившись Мимел. — К эльфам ехать небезопасно. И на твоём месте я бы запретил Мирлин за нами следовать. Она поехала как твоя служанка, контракт не заключала, так что пусть остается в трактире и ждет нашего возвращения.

— Я вас не оставлю! — тут же вылезла Мирлин.

— Тебя забыли спросить, — осадила ее я. — Что скажешь, Тур? Ты ее жених, ты тоже имеешь право решать ее судьбу.

— Пусть остается, — тут же сказал Тур. — Для охраны с ней варш будет, а денег, чтобы нас дожидаться, ей хватит.

— Вот ты как?! — взвилась Мирлин. — Ну и езжайте! — она всхлипнула и вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

— Собирай вещи, нам пора выезжать, — бросил мне тролль.

Глава 11

Позволь мне этот мир

Как следует запомнить,

А если повезет,

То даже и заполнить

Хоть чьи-нибудь глаза

Хоть сколь-нибудь собой.

Л. Филатов

Конечно, оставлять Мирлин одну в трактире, без малейшего присмотра, мне хотелось ничуть не меньше, чем прощаться с норлоком. Однако и Мимел, и Тур были правы. Тащить ребенка на эльфийские земли, где нам может грозить опасность, было глупо. А опасность нам действительно может грозить, в этом сходились все члены нашей небольшой компании. И недоверчиво посматривали в мою сторону, понимая, что я отчего-то не разделяю их опасений. Блин, ну не могла я воспринимать эльфов как злобных и хитрых тварей! И почему в этом мире все было не так? Вампиры оказываются вполне милыми существами, а об эльфах окружающие отзываются ничуть не лучше, чем о норлоках. Дурдом! Однако мои попутчики воспринимали окружающую действительность куда серьезнее. Они почти не разговаривали, костры лишний раз старались не жечь, а буквально через пару часов гремлины даже приняли свою истинную сущность. Дескать, все равно эльфы смогут их «увидеть», если захотят, так чего зря стараться.

Ну... что я могу сказать, глядя на преобразившихся гремлинов... мило. И совершенно не похоже на голливудские творения. Скорее, эта парочка тихих и безобидных мохнатых демонов походила на помесь обезьяны и медведя. Жесткая, рыжая шерсть, здоровые лапы, украшенные длинными, острыми когтями, янтарно-желтые глаза и весьма впечатляющий комплект клыков в открытой пасти. Любой троглодит обзавидуется! Интересно, а Мирлин когда-нибудь видела гремлину в его истинной ипостаси? Или она настолько влюблена в Тура, что ей все равно? Впрочем... мне грех жаловаться, поскольку не менее влюбленный Тур в благодарность за то, что я оставила Мирлин в трактире и не стала подвергать ее опасности, согласился и дальше управлять моей повозкой. Мне это было на руку. Во-первых, потому, что без Мирлин и варша повозка опустела и мне было скучно, во-вторых, ленивая я нормально управлять повозкой так и не научилась, а в-третьих, и не собиралась учиться, поскольку данное занятие оставляло на ладонях жуткие мозоли, а рук было жаль. Ну и потом... зачем нужны мужики, если их нельзя припрячь ни к какому общественно-полезному делу?

Услужливое воображение тут же нарисовало мне образ Шермана, и я расплылась в глупой, счастливой улыбке. Хорошо, согласна, некоторым представителям мужского рода можно найти более интересное применение. Стоило мне только вспомнить прошедшую ночь, как сердце начинало стучать быстрее, а кожу заливал жаркий румянец. Это было что-то с чем-то! Настолько острых, ярких и умопомрачительных ощущений я не испытывала ни разу в жизни. Жаль только, что ночь у нас с Шерманом была только одна. Зависнуть бы с ним где-нибудь на недельку! Так, чтобы вообще из постели не вылезать. Наверное, мне еще в дороге стоило пойти на поводу у своих желаний и позволить Шерману себя соблазнить. И времени было сколько угодно, и место было, (правда, пришлось бы Мирлин с варшем на какое-то время из повозки выставить). Но тогда Шерман точно не стал бы дожидаться меня в трактире. Да и неизвестно, сколько времени я смогла бы его около себя удержать. Может, пара-тройка ночей, и он бы ко мне остыл? К такому удару мое самолюбие однозначно не было готово. Нет уж, проведенная в трактире единственная ночь определенно была лучшим вариантом. И удовольствия мы оба получили не меряно, и расстались, не успев надоесть друг другу. А потом... неизвестно, удастся ли мне еще встретиться с Шерманом. Хотелось бы, конечно, надеяться, что он нагонит повозки королевской труппы на обратной дороге, но... не факт. Увлекающийся норлок вполне

может найти себе занятие и поинтереснее. Так что придется мне возвращаться к Эльтель в компании актеров. А потом... потом эльфийка вернет меня в мое измерение, и я никогда больше норлока не увижу.

Бр-р-р! Не мысль, а просто мерзость какая-то! Мое дальнейшее существование без Шермана представлялось мне самой довольно тоскливым и мрачным. И надо же мне было так увлечься этим растреклятым норлоком? Все равно ведь у нас ничего не выйдет! Во-первых, потому, что Шерман, как собственность королевского дома оборотней, просто не сможет предложить мне никаких серьезных отношений, даже если захочет. Во-вторых, он не захочет, поскольку кобелина он позорная, и хранить верность одной женщине просто не в состоянии. А в-третьих, мне же все равно домой нужно возвращаться! Поскольку иначе меня ожидает малорадостная перспектива выхода замуж за одного из принцев водянок.

Хм... все это логично, конечно, но почему мои глупые чувства не хотят соглашаться с доводами трезвого разума? Зачем они бунтуют и требуют оставаться рядом с Шерманом столько, сколько отпустит судьба? Да все равно я не смогу этого сделать, как бы я норлока не... Не что? Мама дорогая! Этого мне только не хватало! Я что, влюбилась в это невыносимое создание? В эту сумасбродную, нахальную, самоуверенную сволочь? Как я могла?! Я же никогда и ни в кого всерьез не влюблялась! Ну были легкие увлечения, и даже привязанности (типа оставшегося в моем мире бойфренда Димы), но любовь? Добровольное рабство, согласное на все, лишь бы предмет страсти обратил на тебя внимание? К черту! Однако меня, похоже, никто и не спрашивал. Осажденный замок добровольно и с радостью впустил вражеское войско на свою территорию, а подлое сердце, собрав чемоданы, вообще сбежало в лагерь неприятеля. Да куда ты, глупое? Зачем ты привязалось к этому норлоку? Он же забудет тебя на первом привале! Затопчет, даже не обратив внимания! Вернись, я все прощу! Глухо. Подлая любовь подкараулила меня за углом с топором наперевес и напала, как Раскольников на старушку-процентщицу. С тем же эффектом. Впрочем, как известно, уклониться от этого злобного палача не удавалось еще никому. Так что у меня против этой поганой твари не было ни единого шанса.

Занятая мрачными мыслями о собственной несвоевременной влюбленности в совершенно неподходящего типа, я практически не заметила, как мы добрались до эльфийской столицы. Да и не встретилось нам по дороге ничего особо достопримечательного, чтобы внимание-то обращать. Деревеньки, правда были побогаче и почище, а так... посмотреть не на что. Ни великолепных лесов, ни сказочных дворцов, да и сами эльфы оставляли желать лучшего. Я, собственно, еще глядя на Эльтель заметила, что здешние представители Мудрых, Прекрасных и Великих своим внешним видом никак не впечатляют. Где упоительно прекрасные черты лица? Холодные глаза с пронзающей мудростью опыта прожитых тысячелетий? Великолепные густые белые (ну, или на худой конец, черные) волосы? Стройная, летящая фигура, облаченная в длинные светлые одежды? Нету! Ничего нету! Просто разочарование какое-то. Нет, по сравнению с местными людьми эльфы, конечно, были симпатичными, но и только. Лично мне они больше всего напоминали прибалтов. Такие же надменные, высокомерные и раздувающиеся от собственной значимости. Впрочем, среди прибалтов мне все же встречались вполне приятные личности. Одна. Или две. Может, я и здесь найду кого-нибудь хотя бы более-менее дружелюбного?

— Я гляжу, Брин, эльфы не произвели на тебя впечатления, — удивилась Манка, когда мы остановились на привал, чтобы пообедать (в трактиры и на постоянные дворы эльфы категорически отказывались пускать представителей посторонних рас).

— А чем там впечатляться-то? — пренебрежительно фыркнула я. — Посмотреть не на что.

— Зато эльфы на тебя смотрят, глаз не могут отвести, — присоединился к нашей теплой компании один из гремлинов. После того, как братья приняли свои истинные ипостаси, отличить их друг от друга было в принципе невозможно.

— Думаешь, могут быть проблемы? — напряглась я.

— Еще какие, — «обрадовал» меня гремлин. — Жаль, Брин, ты платок на голову не можешь надеть, хоть бы волосы прикрыла.

— Может, мне еще паранджу одеть? — возмутилась я. — И потом... что значит «не можешь»?

— Платки носят женщины, которые страдают от неразделенной любви, — покраснела Манка.

— И что? А откуда вы знаете, что я не страдаю? Может, так страдаю, что просто сил нет! Вот сейчас укутаюсь с ног до головы, чтобы ничего не видно было, и враз эльфы от меня отстанут!

— То тебе не нравится идея платок одеть, то ты сама укутаться готова, не поймешь тебя, Брин, — буркнул гремлин. — Да и не поможет это тебе. Эльфы очень хорошо чувствуют чужие эмоции. Одними платками ты их не убедишь. Напротив. Как только почувствуют, что никакую безответную влюбленность ты не испытываешь, сразу заинтересуются, что там под платками.

— Но без платков, я так понимаю, будет еще хуже? — логично возразила я.

— Думаю, эльфы не выпустят тебя из своих земель, — признался гремлин. — Станешь игрушкой какого-нибудь богатого молокососа. Пока не надоешь. Слишком уж ты, Брин, хороша, чтобы не привлечь эльфийского внимания.

— Значит, я надену на себя платки, — решила я.

Довольно правильно, кстати решила. И своевременно. Ибо на закутанное в платки непонятное создание эльфы внимания совершенно не обращали, и мы добрались до королевского дворца относительно спокойно. Принимать нас, правда, особо не спешили, но мы никуда и не торопились, предоставив Мимелу высокую честь передать эльфам послание Эльтель. Не сказать, правда, чтобы тролль этому сильно обрадовался, но деваться было некуда. Раз уж он всю дорогу брал на себя роль Главного Командира, так и с королями пусть сам общается. А мы его здесь подождем. Тем более, благородные эльфы милостиво разрешили нам себя развлечь. Тьфу! Никогда мне еще не было так противно выступать! Эльфы относились к нам всем, как к слугам, причем выполняющим самую мерзкую и грязную работу. Нечто похожее на интерес появилось в их глазах только тогда, когда я исполнила пару песен про эльфов, честно позаимствовав их из творчества одного из своих «толкиенутых» знакомых, оставшихся в моем мире. Хорошо хоть лютня, на сей раз, вела себя вполне прилично и никаких фердебоблей не выкидывала. Да и за свое прикрытие в виде платков я не сильно волновалась, поскольку то, что я испытывала к Шерману, действительно являлось ничем иным, как безответной и абсолютно безнадежной любовью.

Честно говоря, хоть меня и убеждали наперебой, что поездка к эльфам может ничем хорошим не закончиться, до последнего момента я в это как-то не верила. Казалось бы — да чего сложного и опасного — просто передать письмо? Однако выяснилось, что не прислушивалась я к предупреждениям зря. Не успели мы познакомить почтеннейшую публику со всем нашим репертуаром, как нас неожиданно схватили (прямо на площади), связали и куда-то поволокли.

Шерман метался по своему номеру в трактире из угла в угол и скрипел зубами. Как его бесила

собственная беспомощность! Нельзя было отпускать Брин к эльфам, никак нельзя! Как только листоухие увидят столь прекрасную женщину и талантливого менестреля, они тут же решат оставить ее у себя! Что же делать? Пробраться на территории эльфов? А толку? Еще один фортель с похищением из королевского дворца норлоку вряд ли удастся. Эльфы на него еще за Эльтель злые. И если Шерман попадет в руки листоухим, пощады не будет. Норлока могло спасти лишь чудо, но он сильно сомневался, что тот образ жизни, который он вел в последнее время, заслуживал божественного воздаяния. А может, все-таки, ему повезет? Шерман не раз обходил засады, миновал ловушки, обманывал погоню... может, ему удастся прорваться и на этот раз? К тому же, троллей и гремлинов просто необходимо было подстраховать. Вдруг им не удастся подобраться к Озеру Фей и оставить там медальон?

Когда нас связали и бросили в мрачное подземелье, я еще надеялась, что все обойдется. Когда читали смертный приговор, (мы, видите ли, обидели короля эльфов, принеся ему дурные вести), я как-то все еще не верила в реальность происходящего, но когда в нашу и без того тесную камеру с размаху бросили норлока, я поверила, что нам конец.

— Ты живой? — тут же кинулась я к Шерману, однако норлок приходит в сознание не желал. — Что с ним? — испугалась я. Мимел неохотно подошел, ощупал Шермана и фыркнул.

— Да ничего особенного. Видать эльфы поймали его в магическую ловушку. Да еще и злость свою сорвали. Ничего, сейчас действие магии пройдет, и Шерман очухается, — буркнул Мимел, возвращаясь на свое место.

— Ты лучше не о нем, а о себе подумай, — недовольно буркнул один из гремлинов. — Завтра нас всех ждет смертная казнь.

— Неужели эльфы не боятся недовольства Яргела? — не выдержала я. — Вряд ли ему понравится смерть королевской трупы.

— Какой король вступится за актеров? — резонно возразил один из гремлинов.

— А письмо, которое мы везли? — не сдавалась я. — Это же Яргел сделал нас посыльными!

— И что? — осадил меня Мимел. — Все равно вступаться за нас ниже королевского достоинства. Ни в одном из нас не течет королевской крови. Ну, кроме норлока.

— Ты думаешь, это помешает эльфам вздернуть меня на соседнем с вами суку? — пробурчал Шерман, приходя в себя и ощупывая разбитую губу.

— Как ты? — обеспокоено спросила я.

— Бывало и лучше, — вздохнул норлок.

— Зачем ты потащился вслед за нами на эльфийские земли? — раздраженно поинтересовался Мимел. — Знал же, что тебя схватят.

— Если бы не магическая ловушка, они бы не сумели меня схватить! — огрызнулся норлок, пытаясь подняться.

Я было попыталась ему помочь, но заработав взбешенный взгляд оскорбленного самолюбия, отошла куда подальше. Ну надо же, какие мы ранимые, не хотим своей слабости показывать. Вот и мучайся теперь сам, потому что тролли с гремлинами тебе точно помогать не станут.

Лицо Шермана перекосила гримаса боли, но он все-таки смог подняться и даже сделать пару шагов.

— Надо же, ни чего не сломали, бока только отбили, — искренне удивился он «доброте» эльфов и тут же перешел на деловой тон. — Какая в этой тюрьме защита?

— Магическая, — ответил один из гремлинов. — Я уже пробовал выбраться.

— Вот гоблин! — посмурнел Шерман. — И когда эльфы собираются нас казнить?

— На рассвете, — выдохнула Манка.

— Нереально, — отмахнулся Шерман. — Два раза церемонию повешения перед лицом августейшей четы эльфы проводить не будут, не так уж они любят подобные зрелища, а будить на рассвете королевские дома водянок и оборотней они не станут. Во избежание международных конфликтов.

— А зачем эльфам нужно королевские семьи будить? — удивилась я.

— А как же? Я принадлежу Яргелу, и только он может распоряжаться моей жизнью. Если эльфы меня самовольно казнят, они перейдут дорогу магическому заклятью, которое держит меня в подчинении. И кто ее знает, чем это кончится. Скорее всего, Черные Камни, следя за исполнением давней договоренности, потребуют с эльфов компенсировать королевскому дому оборотней потерю ценной собственности. Не думаю, что эльфам это нужно, тем более, что компенсация может оказаться самой неожиданной. Вдруг у них принца крови затребуют?

— То есть ты на территории эльфов в полной безопасности? — уточнила я.

— Не сказал бы, — тяжело вздохнул норлок. — Прежде, чем меня убить, эльфы свяжутся по магическому зеркалу с Яргелом, и оценят тот урон, который я им нанес. Королю останется либо оплатить выходки своей собственности, либо отречься от нее.

— Думаешь, Яргел не заплатит? — засомневалась я. — Да где он себе еще одного норлока найдет?

— До сих пор король платил, — хмыкнул Шерман. — Но кто знает, какую цену заломят эльфы за похищение Эльтель?

— А водянок они пригласят, чтобы за меня выкуп слупить? — уточнила я.

— Разумеется. Если прикинуть, сколько листоухим понадобится времени на то, чтобы связаться с королевскими домами и провести переговоры, рискну предположить, что казнь вряд ли начнется раньше обеда, — сказал Шерман. — Официальный протокол позволяет связываться с королевскими домами не раньше 10-ти часов.

— А ты уверен в том, что эльфы обязательно свяжутся и с Яргелом, и с водянками? — переспросила я, чувствуя небольшое облегчение.

— Можешь не сомневаться, — хмыкнул Шерман, собственническим движением привлекая меня в свои объятия. — Вот только не знаю, Брин, поможет ли это нам с тобой? Больно уж разозлило эльфов письмо Эльтель.

Я с довольным мурлыканьем ткнулась носом в плечо к норлоку, прижалась к его крепкому

телу, словно пытаюсь укрыться от всех свалившихся на меня бед, зажмурилась от удовольствия и... тут в мою голову ворвалась мысль, которая просто выбила меня из колеи.

— Подожди, а как же остальные актеры? Неужели Яргел не спасет от смерти собственную королевскую труппу?

— Мы не принадлежим королю. Эльфы могут отказать ему в праве выкупа, — мрачно пояснил Мимел. — Да и не тот Яргел оборотень, которому бы я хотел быть обязан. Тем более жизнью.

— Вот гоблин, — неожиданно поморщился Шерман, схватившись за бок. — Больно-то как!

— Нечего было вскакивать! — тут же прониклась я праведным негодованием. — Сядь сейчас же, и постарайся поменьше двигаться!

— А ты рядом сядешь? — одарил меня улыбкой мартовского кота норлок.

— Обязательно, — хмыкнула я, устраиваясь рядом.

В конце концов, эта ночь могла оказаться последней в моей жизни, так чего придураться? Жаль, нас всех вместе в одну камеру поместили. А то бы я ночь гораздо плодотворнее провела. Если бы, конечно, побитый эльфами норлок был бы в состоянии. Хотя... судя по тому, как у него глазки блестят, он-то как раз в состоянии. И на окружающих ему плевать с высокой колокольни.

— Не смотри на меня так, — покраснела я.

— А то я много увижу! — рассмеялся Шерман. — Кому пришла в голову идея тебя в платки закутать? Меня чуть удар не хватил! Хорошо хоть эльфы прислушиваться к тебе не стали. Тоже мне, безнадежно влюбленная...

Я вздохнула, но возражать норлоку не стала. Признаваться в собственной безответной любви мне никак не хотелось, даже перед лицом перспективы собственной скорой смерти. Поэтому я свалила всю вину за мой маскарад на гремлинов (а что? идея обрядить меня в платок ведь действительно кому-то из них в голову пришла) и объяснила, что это был стратегический маневр по отвлечению эльфийского внимания от моей красоты. Ну не хотела я быть игрушкой какого-нибудь белобрысого недоросля!

— Перед оглашением приговора платки лучше сними, — серьезно посоветовал Шерман. — Может быть, ты действительно понравишься кому-нибудь из эльфов настолько, чтобы спасти тебя от казни и выкупить у королевского дома водянок.

— Ты предлагаешь мне стоять в сторонке и смотреть, как всех остальных казнят? — возмутилась я. — Думаешь, я смогу потом спать спокойно?

— Сможешь, — отрубил Мимел. — Спасти ты все равно никого не спасешь, а самой в петлю лезть глупо.

— Ни за что! — решительно возразила я.

— Да кто тебя спрашивать будет? — зло поинтересовался Шерман, сорвал с меня один за другим платки, смял их в ком и кинул гремлинку.

Тот, словно этого и ждал, поймал мои платки на лету, по стенке подобрался к маленькому,

зарешеченному окну у самого потолка, протиснул тряпки между железными прутьями и вернулся обратно. Сначала я замерла от изумления. Ничего себе! Сколько я ни смотрела на выступления гремлинов, привыкнуть к их фокусам так и не смогла. Подняться по отвесной стене вверх на добрых пять метров! Это надо же! Потом я вспомнила, зачем гремлин туда поднялся, и рассвирепела.

— Пусти меня, пусти меня, гад! — попыталась я вырваться от Шермана. — Видеть тебя не хочу, раз ты так!

Однако освободиться из захвата норлока мне (естественно) не удалось. Я надулась, как мышь на крупу, но больше вырваться не стала. Слишком уж тепло и хорошо мне было в объятьях Шермана. И слишком уж мало времени отпустила нам судьба, чтобы сокращать его самостоятельно.

— А ты не собираешься платок снять? — неожиданно поинтересовался норлок у Манки. — Или так и умрешь душой влюбленной?

— Шерман!!! — офигела я от его хамской бесцеремонности. — Прекрати! Ей и так плохо, а тут еще ты со своими комментариями! Извинись сейчас же, и заberi «дуру» обратно!

— Вот еще! Должен же кто-то Манке мозги вправить, если это Мимел не может сделать.

— Думаешь, я не пытался? — взвился тролль. — Думаешь, мне так надо, чтобы за мной эта орясина таскалась! Да я своим соплеменникам на глаза показываться стыжусь! В гроб меня вгонит эта сволочь своей любовью и заботой!

— Что-о-о?! — подскочила на месте возмущенная я. — Да как же тебе не совестно, Мимел, гад паршивый? Манка тебе готовила, стирала, убиралась, ухаживала за тобой, паразитом, а ты такие вещи про нее говоришь! Да такая любящая и покорная баба — мечта любого мужика!

— Да не баба она, не баба! — взорвался Мимел. — Где ты таких баб страхолудных видела?

— А кто? — искренне опешила я, косясь на Манку с опасением, что сейчас она превратится в какое-нибудь чудовище.

— Брин, ты что, не поняла до сих пор? — убился Шерман. — Манка — это бывший боевой друг Мимела, который неожиданно влюбился в своего командира, отпустил волосы, надел женские тряпки и стал таскаться за ним по дорогам.

— Охренеть! — выдала я, выпадая в осадок.

— Уж как только я не гнал этого паршивца, как ни уговаривал меня не позорить, ни в какую гад не соглашается! — расстроено посетовал Мимел. — Ну что мне его, убить?!

— А... вы же в одной комнате ночевали... — попыталась собрать мозги в кучу потрясенная до глубины души я.

— И что? — хмыкнул Шерман.

Действительно — и что? Мне сразу вспомнился ехидный голосок Мирлин, которая интересовалась, держала ли я над троллями свечку. Ё-моё, ну и история разворачивалась у меня на глазах! Эпохальное полотно просто. А ведь я, несмотря на все странности Манки, ни о чем не догадывалась! Конечно, теперь мне стало понятно, почему она (он? оно?) в деревню к

троллям не заглянула. Наверняка ее бы там признал кто-нибудь, раз она известный воин. Понятно и то, почему Манка штаны не хотела одевать. Блин, да как же я раньше-то не сложила два и два, и не обратила на все эти мелочи внимания? Как, как... да откуда я вообще могла знать, что тролли бывают «голубыми»?!

— А ты давно это понял? — обернулась я к Шерману, не представляя теперь, как мне и относиться-то к своим сотоварищам.

— Разумеется! — кивнул головой норлок.

— А вы знали об этом? — повернулась я к гремлинам.

— Конечно знали, — ответил один из братьев.

Нет, ну и как вам такой разворот дел? Меня настолько потрясло сделанное открытие, что я никак в себя прийти не могла. Теперь уж я даже не знала, кого мне больше жалко было. Тролля, превратившегося от безответной любви в Манку и страдающего от неразделенных чувств? Мимела, которого, как и любого нормального мужика, подобная любовь, мягко говоря, раздражала?

— Ну так что, Манка, в каком обличье умирать будешь? — надавил Шерман на объект нашего обсуждения.

Манка вздохнула, помялась, стянула с себя платок, юбку, под которой оказались штаны, распустила волосы, скрутила их и решительно обернулась к Мимелу.

— Отрежешь?

— Чем? — хмуро поинтересовался тролль. — Мечи все забрали.

— Давай я, — предложил один из гремлинов, сверкнув когтями.

Нда... фиговая замена ножницам лапы гремлины! Мечом и то ровнее получилось бы. Рыжеватая шевелюра Манки приобрела такой драный вид, что смотреть было страшно. Да уж, теперь спутать этого тролля с женщиной, нельзя было даже по очень большой пьяни.

— И как нам теперь звать тебя? — вздохнула я.

— Как и раньше звали. Манк, — отрезал тролль.

— Ладно тебе, Брин, оставь его в покое, пусть вспоминает, как мужиком быть, пока не казнили, — лениво зевнул Шерман, забиваясь в самый дальний угол, и увлекая меня за собой. — Давай лучше спать устраиваться.

Казнь, как это и предполагал Шерман, была объявлена на после обеда. Мы успели и выспаться, и проголодаться. Кормить нас, разумеется, никто здесь не собирался. Зато народу по нашу душу собралось на площади — залюбуешься. Хе! И Шерман еще говорит, что эльфы публичные казни не любят? Угу, как же... почему же тогда, интересно, у меня полное впечатление, что народный праздник на дворе? Вон и королевская семейка нарядные одежды на себя нацепила, парадно-выходные, по всей видимости. И тощий эльфенок, вышедший сообщить народу о наших прегрешениях и ожидающем нас праведном возмездии, пыжился от сознания собственной значимости. И даже палач выглядел торжественно и величаво. Словом, одни мы были не ко

двору. Связанные, грязные (после ночевки в тюрьме) и зверски голодные. Интересно, а есть ли здесь традиция последнего желания? Вот бы тарелку супчику навернуть. Погуще.

Однако никакого желания эльфы нам не предложили. И (вопреки тайным ожиданиям Шермана) мной не очаровались. Так что платки он выкидывал зря. Впрочем... после ночевки в грязной тюрьме выглядела я так, что польститься на меня мог разве что очень неразборчивый бомж. Волосы спутались, платье порвалось, а тюремная грязь буквально расплзлась по всему телу. Впрочем, остальные мои спутники выглядели не лучше. Так что эльфам, смотревшим на нас с изрядной долей брезгливости, ничего другого и делать не оставалось, кроме как приговорить всех нас к смертной казни через повешение. (Думаю, что к обвинению в порче настроения королю они вполне могли бы добавить и обвинение в оскорблении собственных эстетических чувств). Приговор был окончательным, обжалованию не подлежал, но исполнение его задерживалось по вполне понятным причинам — нужно было решить вопрос с чужой собственностью — то бишь со мной и Шерманом. Маг активировал вынесенное на площадь огромное зеркало, и теперь эльфы с нетерпением ожидали, когда в нем появится изображение представителя королевской семьи водянок. Естественно, я тоже следила за происходящим с неослабевающим интересом. Все-таки, решалась моя судьба. Любопытно, водянки меня выкупят, или им дешевле будет отречься? Честно говоря, я до последнего надеялась на положительный исход дела. Умирать в расцвете лет мне как-то не хотелось. Однако когда эльфы залупили в качестве выкупа за меня аж целые две золотые монеты (причем именно золотом), я поняла, что надежда моя была напрасной. Король водянок, правда, пытался что-то вякнуть о несоразмерности выкупа, но один из эльфов тут же достал какой-то камень и положил его на землю. Камень засветился и выдал нечто, весьма похожее на голограмму. Сюжетик показанного был прост и неизбит — мое собственное выступление на конкурсе менестрелей и слова короля водянок, о том, что, типа, цены мне нет.

— Что это за камни такие? — шепотом поинтересовалась я у стоявшего рядом Шермана.

— Магические кристаллы, эльфы на них записывают информацию.

— Любую? — напряженно поинтересовалась я, обдумывая пришедшую в голову мысль.

— Любую, — вздохнул Шерман. — Только какая тебе разница? Похоже, королевский дом водянок выкупать тебя не намерен.

— За такие деньги? — округлила глаза я. — Да что они, больные что ли?

Разумеется, водянки оказались здравомыслящими и прагматичными созданиями, и выкупать нищего менестреля, даже в качестве перспективной невесты принца, за золото отказались. Король протянул руку к Черному камню, торжественно от меня отсекся, и я почувствовала жжение на лопатке.

— Ай! — дернулась я от неприятного ощущения.

— На тебе больше нет знака водянок. Ты свободна, Брин, — шепнул Шерман.

И много толку от той свободы, если все, что ожидает тебя в ближайшем будущем — это весело качающаяся на ветерке веревочная петля? Хотя... мне тут в голову пришла неплохая идея... и если ее хорошенько обдумать... да что же это такое? Поразмислить над своей горькой участью спокойно не дают. Эльфийский король плавно махнул ручкой, и магическое зеркало показало его величество Яргела. На сей раз разговор у двух августейших особ получился долгим и напряженным. Разумеется, возвращать Эльтель в родные пенаты Яргел наотрез отказался, от письма внаглую отсекся, а когда услышал цифру выкупа, которую эльфы просили за норлока,

забулькал как кипящий чайник. По подсчетам листоухих, оказалось, что Шерман стоил в три раза дороже, чем я. А чтобы Яргел не усомнился, что назначенная цена справедлива, эльф снова воспользовался магическим кристаллом. Надо же, оказывается, эльфы когда-то пытались Шермана честно у Яргела купить. Да... не надо было королю оборотней заявлять, что за норлока и десяти золотых монет мало, не надо. Эльфы еще и благодетелями оказались, назначив выкуп всего в 6 монет. А что? Реально Шерман точно дороже стоит. Однако Яргел, похоже, так не считал. Он осыпал проклятиями вечно попадающего в передраги норлока, пригрозил эльфийскому королю собственным плохим настроением и выкупать Шермана отказался. Судя по озадаченно-недоверчивому выражению лица норлока, такой свиньи он от любимого монарха точно не ожидал.

— Вот гоблин! — дернулся Шерман от боли. Похоже, его татуировка с оскаленной медвежьей пастью приказала долго жить.

Впрочем, порадоваться сему знаменательному событию норлок не успел. Нам объявили, что приговор вступает в действие, и повели к месту казни.

— А можно задать вопрос? — попыталась докричаться я до короля эльфов. Тот недоуменно дернул бровью, но вопрос разрешил. — Могу ли я выкупить наши жизни?

На площади установилась минута молчания на полчаса. Король эльфов пытался собраться с мыслями, а мои попутчики вытаращили глаза, заподозрив меня во внезапном умопомешательстве.

— Всех? — уточнил эльф.

— Всех! — решила я.

— За королевскую труппу вместе с пожитками еще один золотой, — определил король. — Где ты собираешься взять такую кучу золота?

— У меня есть предложение...

В конце-то концов, если уж я в данном измерении оказалась менестрелем с неограниченным запасом интересных историй, глупо было этим не воспользоваться! И я предложила королю сагу о великом эльфийском прошлом, утверждающую неотъемлемые права эльфов на весь мир. Король заинтересовался. Я тут же (кратенько, по общим вехам), рассказала содержание истории.

— Если твоя история мне понравится, я отпущу вас, — решил король, удобно устраиваясь на троне.

Ага! Нашел дураков! Нет уж, радость моя, сначала поклянись, что если останешься доволен историей, то подаришь нам жизнь и свободу, и не будешь препятствовать нам покинуть эльфийские земли. Ну а чтоб у тебя не возникло соблазна, выслушав историю, сказать, что она фигня полная, поклянись, что не будешь записывать ее на магические кристаллы.

— Что ты себе позволяешь, девчонка?! — возмутился король.

— Если моя история понравится вашему величеству настолько, что вы попросите повторить ее, чтобы записать на магические кристаллы, вы исполните свою клятву и отпустите нас, — твердо сказала я. Наглеть, так уж по полной программе! — А я обещаю подарить вам эту историю и никогда не исполнять ее больше, чтобы вы могли передать ее вашему менестрелю, — «добила»

я короля. Не может быть, чтобы заносчивые эльфы не страдали от отсутствия подходящих историй!

Оказывается, еще как страдали. Мое предложение, за которое меня в любом другом мире вздернули бы в первую очередь, здесь произвело впечатление. Мне вернули лютню, я села на помост и подробно пересказала часть Толкиновского «Сильмариллиона». Естественно, с эльфами во всех подходящих и не подходящих ролях. В ход пошло все — и история возникновения Средиземья, и сами Сильмариллы, и (естественно!) любовь. Эльфы были в ауте. Они настолько увлеклись повествованием, что даже вышли из своего образа холодных и надменных созданий, вздыхая, вскрикивая, ругаясь и всячески переживая за судьбу героев. Бедному эльфийскому королю просто ничего не оставалось делать, кроме как отпустить нас на все четыре стороны, так захотелось ему иметь у себя в архиве подобную историю. Ну, я кочевряжиться не стала. И в качестве бонуса, переврала еще и часть «Властелина колец». К моменту, когда гордый эльфийский принц потерял палец на горе Ородруин, большая часть эльфов буквально плакала.

— Я выполню свою клятву! — воскликнул король в порыве благодарности. — И даже больше. За пределами нашей столицы есть постоянный двор для чужестранцев под названием «Синяя звезда». Вы можете отдохнуть там до завтра. Клянусь, что никто не потревожит вас, и с утра вы спокойно сможете покинуть эльфийские земли! — Черный Камень принял клятву и блеснул голубоватым светом.

— Убираемся отсюда быстрее! — выдохнул Мимел, не веря, что мы так легко отделались.

Однако так быстро, как нам хотелось, все равно не получилось. Сложный ритуал выдворения нас за пределы столицы длился до вечера, а тащиться в темноте не было уже ни сил, ни желания. Так что пришлось нам все-таки останавливаться в указанном трактире, и Мимел пошел договариваться насчет ужина и ночлега.

— Теперь ты свободна, — подошел ко мне один из гремлинов. — Чем думаешь заняться?

— Ты Тор или Тур? — неделикатно поинтересовалась я.

— Тур, — вздохнув, сознался гремлин.

— Стало быть, за судьбу Мирлин волнуешься, — определила я. — Вообще-то мне нужно попасть на земли оборотней, поскольку Эльтель обещала вернуть меня в мой мир, однако есть у меня опасение, что как только я пересеку границу, водянки опять захотят выдать меня замуж за одного из своих принцев.

— Так они от тебя отреклись!

— Не навсегда ведь, — резонно возразила я. — Ты слышал, как король водянок сформулировал отречение? Он сказал, что данный знак не действителен, и я больше не невеста его старшего сына. Однако король вовсе не обещал, что больше не будет ставить на мне знаков. Да и сыновей у него, насколько я помню, еще целых три штуки. Так что я даже не знаю, как мне выпутаться из этой ситуации.

— Погоди, но ведь водянки проводят «отбор» всего один день в году, и этот день уже был.

— Был. Но по договору, водянки должны получить пять девушек, а получают четыре. Ты думаешь, они успокоятся на этой цифре? Я в этом сомневаюсь. Наверняка «доберут» до пяти при ближайшем удобном случае.

— Возможно, — согласился Тур. — Но если ты не поедешь к оборотням, то что же ты все-таки собираешься делать?

— Думаю, пока буду продолжать карьеру менестреля, — вздохнула я. — По крайней мере до тех пор, пока не накоплю достаточно денег на покупку собственного постоянного двора.

— А почему именно постоянного двора? — не понял греmlin.

— Потому что больше я делать ничего не умею! — созналась я. — Знать бы еще, где эти деньги заработать можно. Люди уж больно жадные, много не платят, а ни к вампирам, ни к гномам возвращаться нет никакого желания.

— Езжай в Артлет, — посоветовал Тур.

— Это где? Что-то название знакомое...

— Артлет — это как бы перекресток всех стран и рас. Он не принадлежит ни одному государству, существуя сам по себе. Это крупнейший город в нашем мире, где свободно живут представители любых рас. Там появляются водянки, чтобы заключить брак с «отобранными» невестами, вампиры, чтобы пополнить запасы, оборотни, чтобы нанять войско, гномы, чтобы продать свое оружие, тролли, чтобы к кому-нибудь наняться, эльфы, покупающие товары из-за моря и даже гремлины, хотя мы вообще редко покидаем свои земли.

— Впечатляюще, — согласилась я. — Нужно непременно туда съездить. Может быть, я действительно, смогу заработать там достаточное количество денег и устроить свое будущее.

— Хорошо, что у тебя хватает разума не связывать это самое будущее с норлоком, — хмыкнул греmlin.

— Почему это хорошо? — напряглась я.

— Не забывайся, Брин, Шерман теперь свободен.

— И что?

— Он принадлежит к королевскому дому норлоков, — напомнил мне Тур, удивленный, что я не понимаю элементарных вещей. — В свое время его признали, как принца-бастарда. И теперь, когда норлок свободен, он может претендовать на титул и на власть.

— И? — похолодела я, вспомнив, что о чем-то таком мне говорил и сам Шерман.

— Ты знаешь, что у норлоков корона выбирает короля? — спросил греmlin и, получив от меня утвердительный кивок, продолжил. — Если Шерман удачно женится, его дети смогут участвовать в отборе на престол. И корона вполне может отнестись к ним благосклонно. А удачно Шерман может жениться только на женщине, принадлежащей к одному из знатных и богатых родов норлоков.

— Я поняла, — кивнула я гремлину.

Ну а что тут было непонятного? Шерман принц, (теперь полноправный), а я менестрель. Пришелец в мире, где у меня нет ни своего дома, ни родных, ни корней. И мне рядом с норлоком не место. Ведь не надеюсь же я, что у Шермана (вдруг!) проснутся романтические чувства. Да норлок в открытую издевался над рыцарскими традициями, с презрением

отзывался о поющих серенады придурках и плевал сквозь зубы на ритуал ухаживания за женщиной и всяческие приличия! Шерман не скрывал, что считает подобные проявления чувств унижением собственного достоинства! Ну и что? Неужели подобный тип будет способен на мелодраматическую глупость типа любви к менестрелю? Да Шерману наверняка нельзя иметь такую безродную и беспородную девицу, как я, даже в качестве любовницы! Ну, очаровался он мной слегка, поразвлекался в дороге, и все! Шерман забыл бы об этом приключении в любом случае! Уж тем более тогда, когда перед ним маячит перспектива вернуться домой, во дворец. Не возьмет же он меня с собой в качестве багажа! И смысл ему навязываться, оставаясь рядом? Зачем душу травить? Шерман же все равно не изменится. Да и чего ради? Норлок не смог бы измениться, даже если бы захотел, а он не захочет. Нет уж, лучше уж я оставлю его сама. По крайней мере, на душе не будет гадкого ощущения от того, что меня бросили. Да и самолюбие не пострадает. Решено, сразу же, как мы покинем эльфийские земли, посылаю норлока к чертовой бабушке! Тем более, что Шерман, даже если бы не был принцем, все равно не остался бы со мной рядом! Конечно, норлок, так же, как и я, получил наслаждение от нашей близости и, без сомнения, с удовольствием продолжил бы отношения, но в любом случае наш роман продлился бы ровно до тех пор, пока не прошла прелесть новизны. А потом Шерман без всяких сожалений вернулся бы к прежней жизни. А я что, хуже что ли? Я тоже должна так поступить! Я справлюсь со своей ненужной любовью. Должна справиться — это лишь вопрос времени и силы воли. И начать это делать лучше прямо сейчас. Нужно немедленно приступить к выкорчевыванию из сердца чувства, пока оно не пустило там слишком глубокие корни.

— Скучаешь? — раздался над ухом знакомый хрипловатый голос, в котором перекатывались бархатно-рычащие нотки.

И мое желание начать сегодня же бороться с собственными глупыми чувствами тут же испарилось. Ну уж нет! Только не сегодня! Я избежала тюрьмы и смертной казни. Могу я насладиться жизнью на всю катушку? Еще как могу-то! Тем более, что Шерман меня всячески на это подбивал. Его страстный, напористый, жадный взгляд пронизывал меня насквозь, а нежные губы заставляли забыть обо всем.

— Я хочу, чтобы ты отдала мне свое украшение, — пробормотал Шерман между поцелуями.

— Зачем это? — заподозрила неладное я. — Украшение отдают в знак любви.

— А я хочу, чтобы ты отдала его в знак того, что ты — моя женщина. Чтобы никто больше не смел положить на тебя глаз.

— А от знака водянок это может защитить? — оживилась я.

— Нет, — разочаровал меня норлок.

Я подумала, и все-таки протянула Шерману свой шнурок. Вряд ли, конечно, норлок долго будет его таскать, но все равно приятно.

— Интересно, и почему норлоков считают кошмарной расой? — в очередной раз удивилась я, взирая на то, как Шерман закрепляет мой шнурок на своей куртке.

— А ты слушай больше всяких сочинителей, — отмахнулся Шерман. — Сами придумывают и сами же потом боятся. Норлоки — вполне обычная раса, такая же, как другие. Можно подумать, те же эльфы намного лучше! Чем? Они же реально считают, что весь мир изначально принадлежал их расе, а гнусные завоеватели лишили эльфов исконных территорий. И воют-то эльфы якобы только для того, чтобы вернуть эти земли. Очень

благородно! Думаешь тем, на кого эльфы нападают, легче от их высоких идей? Листоухие воюют, убивают и пытаются точно так же, как норлоки. Да и другие Высшие расы особой добротой не отличаются. Кто из них свят? Может, оборотни, потребовавшие в рабство королевского сына? Или желающие захватить мир гномы? А может тролли, вампиры или водянки мирные и безобидные существа? Все хороши.

— И все-таки, норлоков все бояться. Ведь гномы, например, не бояться же троллей. Или тролли эльфов. А норлоков бояться все.

— Вот и пусть бояться, — отрезал Шерман. — У норлоков сейчас сильная армия и мудрый король. Но кто знает, что будет дальше? Так пусть уж лучше нас бояться, и не нападают первыми.

— Логично...

Шерман смотрел на Брин и не мог отвести взгляд. Наконец-то он получил украшение из ее волос! Гоблины, да одна только мысль о том, что Брин свободна для ухаживания других мужчин, угнетала норлока гораздо больше, чем проблемы с водянками, угрозы эльфов и недовольство Яргела вместе взятые! А теперь все. Брин была его женщиной. И пусть Властители помогут тому, кто посмеет перейти ему дорогу! Шерман смотрел на нее и понимал, что просто теряет голову. Мягкое золото белокурых волос, волнами спадающих на плечи, бархатные, темно-карие глаза, сверкающие под густыми ресницами, нежная кожа, настолько тонкая, что кажется, можно увидеть, как под ней переливается кровь, окрашивая ее в розовый цвет... Его женщина... словосочетание звучало до неправдоподобия приятно. Шерман прикрепил к куртке полученный шнурок и вновь заключил Брин в объятия. К гоблинам ужин! Он слишком по ней соскучился. По ее теплу, по ее запаху...

Нет! Брин все-таки женщина до кончиков ногтей! Сначала она непременно хотела подняться в номер (хм... сразу что ли ей признаться в том, что этот номер будет один на двоих?), умыться, принять ванну и привести себя в порядок... ну, что ж... Шерман даст ей еще несколько минут. Коротких минут. Потому что терпение у него давно уже кончилось! Однако у Брин были совсем другие планы, и норлоку пришлось спускаться вместе с ней на ужин. Властители! Какая еда? Норлока снедал голод совершенно другого толка! Схватить Брин в охапку и вернуться обратно в номер! Желание расстегнуть пуговицы на платье Брин преследовало Шермана с неотступностью маниакальной идеи. Тот, кто придумал это искушение с пуговицами на спине, сверху донизу, знал, что делал. Фасон платья был рассчитан именно на то, чтобы дразнить, мучить мужское воображение. Шерман еле дождался, когда Брин, наконец, закончила ужинать. Ну все! Теперь он будет диктовать условия! Шерман подхватил Брин на руки и понес в номер. Наконец-то он сможет исполнить свое заветное желание и снять с нее это платье!

Пуговицы были очень мелкими, петельки узкими, а его пальцы не слишком гибкими для такой кропотливой работы. Близость подсмеивающейся над норлоком Брин только затрудняла дело, и когда Шерман расстегнул достаточно пуговиц, чтобы платье можно было снять, самообладание почти изменило ему... Сумасшедшее желание овладело Шерманом всецело, и с этой секунды он больше уже не мог за себя поручиться. Норлок услышал, как судорожно вздохнула Брин, развернул ее, и прочел в ее глазах такое же ненасытное желание. Шерман наклонился и осторожно коснулся ее губ. Сначала его поцелуй был нежным, ласкающим и осторожным, но это продолжалось недолго. Хмельная страсть ударила в голову обоим. Когда их затяжной, ненасытный, жаркий поцелуй закончился, оба учащенно задышали.

— По-моему, меня уже ноги не держат, — попыталась пошутить Брин.

Шерман хмыкнул, уложил ее в постель и коснулся горячими губами нежной кожи. Последняя внятная мысль, которая его посетила, была о том, что кажется, на сей раз, он снова потеряет над собой контроль. Но оставаться отстраненным и рассудочным норлок был просто не в состоянии! Его с головой захлестывали потрясающие ощущения, и он отдавался им целиком, полностью, не пытаясь ни сдержаться, ни контролировать ситуацию. Не было ни мыслей, ни страхов, ни забот... были только невероятные ощущения полета и безумной страсти, когда не существует уже ни границ приличия, ни понимания того, что правильно, а что — нет. И его женщина, его Брин, разделяла с ним и радость страсти, и радость полета. Тысячи осколков пронзали их оголенные нервы. Горячие волны шли от живота к горлу и к самым кончикам ног. Внезапно внутри разорвался огненный шар, и глаза залила темнота. Властители! Еще одна такая ночь, и он не сможет без Брин даже дышать! Норлок многое видел в жизни. Его обвиняли в хладнокровии, в пресыщенности, в равнодушии. Он считал, что его уже ничто не способно ни удивить, ни задеть. Однако Брин удалось невозможное. Она научила его заново жить, дышать, видеть окружающий мир. И каким бы Шерман не был бесчувственным мерзавцем, он не мог не признать, что до конца жизни не забудет эту безумную ночь.

Я спустилась к завтраку потихоньку, не желая будить Шермана. Иначе завтрака мне не видать, как своих ушей! Взяв себе чай и пару бутербродов, я уселась за столик. Ну, что ж, придется признать, что идея переспать с Шерманом была неудачной. Весьма. Задумывалось все это как возможность урвать чуть-чуть удовольствия перед грядущим прощанием, а получилось хуже некуда. Я влюбилась в норлока еще больше. Если это возможно. Мне совершенно не хотелось расставаться с Шерманом. Мне был просто необходим каждый порочный дюйм его существа, причем навсегда, на всю жизнь! Господи, ну за что мне это?

— Ты чего с утра в таком плохом настроении? — удивился Тор, подсаживаясь ко мне за столик.

— Эльфиек соблазнял? — сразу поняла я, увидев гремлина в человеческой ипостаси. — Ну и как? Они клюют на гремлинов?

— Еще как! — самодовольно фыркнул Тор. — А ты что такая кислая?

— Тяжко мне, — созналась я. — По-моему, моя жизнь разваливается на куски.

— А остановить этот процесс нельзя? — осторожно поинтересовался Тор.

Я вспомнила о сладко спящем наверху синеглазом чудовище и грустно улыбнулась:

— Понятия не имею, как это сделать.

— Шерман не сказал, как планирует закончить наше задание?

— Какое задание? — поперхнулась я чаем. — Мы же отдали письмо.

— Норлок что, вообще ничего тебе не сказал? — поразился Тор.

— О чем? — напряглась я. — Ну-ка, давай выкладывай! И в подробностях!

— Вот еще! — возмутился гремлин. — Пусть тебе Шерман сам все объясняет!

— Хорошо, — мрачно согласилась я, поднимаясь из-за столика. — Похоже, его ждет несколько неприятных вопросов.

Шерман еще спал. Раскинувшись во всю ширину немаленькой кровати, он досматривал сладкий десятый сон. Ну это ты, друг мой ситный, фиг угадал! Я налила в кувшин воды, подкралась к норлоку и вылила воду ему на голову. Эффект был потрясающий. Шерман не просто вскочил, он взлетел.

— Что? Что случилось? — непонимающе уставился он на меня сонными синими глазами.

— Ты мне ничего не хочешь сказать? — зло уточнила я. — Какое еще задание мы должны выполнить?

— Кто тебе сказал? — тут же подобрался норлок.

— Тор. А ты так и собирался держать меня в неведении?

— Собирался. Пока это будет возможным, — зло буркнул Шерман, не испытывая никаких угрызений совести. — Гоблин бы побрал этого Тора с его длинным языком! Хотя... мне все равно пришлось бы тебе об этом рассказать.

— Я внимательно слушаю, — уселась на кровать я. Что-то мне подсказывало, что рассказанная норлоком история мне совершенно не понравится, но отступить уже было поздно.

— Письмо, которое передала с нами Эльтель, было для отвода глаз. Честно говоря, я даже не подозревал, что оно доведет эльфов до неистовства. Впрочем, у Эльтель всегда были куриные мозги. Это надо же было нас подставить так своим посланием! Задача-то была как раз в обратном: внушить эльфам если не приязнь к нам, то хотя бы расположение, чтобы мы могли беспрепятственно передвигаться по их территории.

— Зачем?

— В королевской сокровищнице Яргела долгое время хранился эльфийский медальон. Он мог выполнить одно желание члена эльфийской королевской семьи. Какое-то время жизненной необходимости в медальоне не возникало, но тут эльфы решили развязать войну. Эльтель была вынуждена загадать желание, что бы эльфы вообще больше никогда не нападали на оборотней.

— И? — напряглась я.

— Желание было загадано, — вздохнул Шерман. — И эльфы, рано или поздно вычислили бы это, когда поняли бы, что они подверглись магическому воздействию. Листоухие приложили бы все усилия, чтобы уничтожить медальон и, вместе с ним, разрушить магическую силу желания Эльтель. Поняв это, Яргел пришел к единственному возможному решению — спрятать медальон в Озере Фей. Эльфы буквально молятся на это место и никогда не подходят к нему близко.

— А доставить медальон до Озера Фей должны были мы? И где же все это время хранилось это вселенское сокровище? — ядовито поинтересовалась я, уже догадываясь, впрочем, что я услышу в ответ.

— В твоей лютне, — не разочаровал меня Шерман. — Печать мастера Страдамара оказалась идеальным прикрытием.

— Ну теперь, по крайней мере, понятно, почему инструмент так странно себя вел временами, — вздохнула я, пытаясь собраться с мыслями. — И какому же идиоту пришла в голову мысль доверить медальон труппе бродячих актеров?

— Они не актеры, Брин, — сознался Шерман. — Они воины. Все четверо.

— Почему-то я совсем не удивлена...

— И они ничего не знали о медальоне, пока не дошли до границы эльфийских земель. Об этом знал только я.

— То есть твоя роль гонца к Богарту Благословенному — полная ерунда? Ты нас охранял?

— Я шел за вами от королевства оборотней.

— Так ты мне врал всю дорогу? — выдохнула я.

— Я не врал. Я молчал, — сердито возразил Шерман. — Потому что дал клятву, что медальон будет отправлен в Озеро Фей, и что ни одна душа не будет знать об этом.

— Но ты ведь больше не принадлежишь Яргелу, и можешь отказаться от его поручения!

— То, что Яргел от меня отказался, не освободило меня от клятвы, данной перед Черными Камнями. Поверь, Брин, я ни за что не стал бы подвергать тебя опасности, но все было решено без меня. Зная, что ты будешь выступать перед эльфами, я рискнул и вынул медальон из лютни, спрятав его в повозке. Если бы листоухие увидели, что твой инструмент магически активен, они бы сразу его забрали. И разобрались бы с ним.

— Интересно... — прошипела я, злясь на норлока все больше и больше. — И что же такого произошло, что ты решил вдруг мне довериться?

— У меня нет выбора, — раздраженно сознался Шерман. — Похоже, что доставить медальон до места назначения сможешь только ты. Через час повозки отправятся в путь, стремясь как можно быстрее пересечь эльфийскую границу. Мы будем проезжать мимо Озера Фей. На приличном расстоянии, но все же достаточно близко для того, чтобы дойти до Озера пешком. Однако эльфы следят за нами во все глаза. За всеми. Кроме тебя, Брин. Ты можешь незаметно подойти к озеру, бросить медальон и вернуться обратно.

— А если я не захочу?! — сорвалась я на крик.

— Тогда пойдет кто-нибудь из нас. Но живым ему уже точно не удастся вернуться. Эльфы не простят кощунства.

— А мне, значит, простят?

— Я еще раз повторяю, Брин, они не следят за тобой.

— Знаешь кто ты, Шерман, после всего этого? — сузила глаза я. — Сволочь!

Нет, ну это надо же было так попасться, а? Это надо ж было так лопухнуться, поверив в искреннюю привязанность норлока? Вот гад, а? Вот, блин, кобель паршивый! Это надо ж меня было так соблазнить удачно с дальним прицелом! Но и я хороша, дура глупая. Развесила уши... нет, ну это надо же, а? Стебалась, как могла, над творчеством Толкина, и сама оказалась втянутой в историю, достойную его пера! А что? Замени медальон на кольцо Всевластия — один в один получится! И Эльтель, как истинная эльфийка, в своем репертуаре! Кому доверить доставить бесценную вещь в логово врага? Ну конечно же, полным придуркам! Хотя... надо отдать королеве должное. До бродячих актеров в роли спасителей нации еще никто не

додумывался. Как она нашла и подобрала троллей с гремликами на эти роли? Или это был шаг Яргела, который не мог доверить сокровище совсем уж идиотам, и доверил типам, которые под идиотов только рядятся? А я-то еще упрекала норлока в том, что он разгильдяй! И удивлялась, как это королевский дом оборотней доверял ему важные задания выполнять. Оказывается, правильно доверял. Никакой Шерман не разгильдяй, а очень хитрый и продуманный тип, который умеет заставить делать людей то, что он хочет, и пойдет по трупам ради достижения цели. И меня, как сопливаю девчонку обвел вокруг пальца. Блин, да я даже разговаривать с этой сволочью не хочу!

— Я пойду сам, — решил Шерман, когда мы подъехали к тропинке, ведущей к Озеру Фей.

Да пошел ты! Поздно разыгрывать из себя благородного рыцаря. Я и без тебя справлюсь. И не хватай меня за руки! Видеть тебя не могу! Чтоб ты провалился, гад паршивый! Дай сюда медальон!

Я выскользнула из рук Шермана и направилась напрямик по тропинке. Повозки тронулись дальше. Вообще-то, Мимел обещал, что они будут ждать меня на ближайшей полянке, но мне все равно было как-то жутко. На что бы отвлечься? Медальон, что ли, рассмотреть, из-за которого я в такую историю влипла? Смотрю. Не впечатляет. Конечно, в этом мире, где так мало золота, странно было бы ожидать встретить целую вещь из редкого металла. Но могли эльфы придумать хоть что-нибудь поинтереснее! Таинственный медальон, от которого столько зависело, оказался всего-навсего круглым деревянным бруском с выкрашенной в красный цвет серединой. И если бы не легкое свечение, и не покалывание в пальцах, я ни за что бы не поверила, что эта вещь волшебная!

Постепенно лес, по которому я шла, редел и, наконец, показалось огромное озеро, окруженное ключьями тумана. Туман был странным. Густым, рваным, голубым и пахнущим лимоном. Я сделала шаг вперед и... почувствовала, что куда-то проваливаюсь. Последней моей мыслью была мысль о том, что не зря эльфы боялись подходить к этому озеру. Похоже, здесь находился портал в другой мир.

Глава 12

Случайный визит в дом умалишенных показывает, что вера ничего не доказывает.

Кто-то

Первое, что я увидела, когда проснулась — низкий серый каменный потолок. Оглядевшись, я поняла, что лежу на постели в комнатке, весьма напоминающей тюремную камеру. Такой же маленькой и скудно обставленной. Единственное, что отличало ее от тюремных покоев, с которыми я уже имела «удовольствие» познакомиться у эльфов — идеальная чистота. Интересно, а что я тут делаю? Последним моим воспоминанием был поход к Озеру Фей и провал в портал между мирами. Однако почему на сей раз я оказалась не в лесу, а в каком-то помещении? Да еще и лежа в постели? Раздался стук, дверь приоткрылась, и в комнату сунулась любопытная физиономия какой-то неизвестной мне девицы.

— Элизабет! Ты очнулась! — заверещала она так, что у меня заложило уши, и кинулась поправлять одеяло, взбивать подушку и вываливать на меня ворох совершенно непонятных новостей.

Вообще-то я пыталась сопротивляться. Или, хотя бы, вставить свое веское слово,

поинтересовавшись, что же, наконец, происходит. Однако трещащая без умолку девица такой возможности мне не давала. Наконец, я сдалась, и попыталась вслушаться в ее щебет, пытаюсь вычленив из него максимум ценной информации. Счаз-з-з! Обсуждался какой-то новый глухонемой садовник, нелепые кружева на платье чьей-то матушки, закрытая при странных обстоятельствах дверь в погреб... в общем все, кроме единственно нужной мне информации — где я нахожусь и как я сюда попала. Пораскинув мозгами, я поняла, что впрямую задавать такие вопросы не стоит. В конце концов, меня тут почему-то «узнали» и даже проявляют искреннюю заботу. Прикинув в голове несколько вариантов, я остановилась на самом правдоподобном. Закатила глаза, застонала, сказав, как мне плохо, и, наконец, спросила-таки что случилось, добавив, что я совершенно ничего не помню. Сидящая около меня девица охнула, всплеснула руками и наконец-то замолчала. Ну, слава Богу, я хоть могу рассмотреть ее подробнее. Хотя чего там рассматривать? Юное существо лет 15-ти с наивными голубыми глазками, одетое в нечто очень похожее на рясу. Длинное коричневое платье из плотной, грубой ткани было девушке явно великовато и сидело на ней мешком. Единственным элементом, украшавшим этот уродливый наряд, был отложной белый воротник. Голову моей неожиданной компаньонки прикрывал странный белый чепец с удлиненными острыми углами.

— Монастырь? — попыталась угадать я.

Незнакомая девушка снова всплеснула руками и опять залилась щебетом. Ну, по крайней мере, теперь она хотя бы делится со мной информацией, которая мне действительно интересна. Оказывается я — дочь знатного и богатого лорда Фотона, известного рыцаря и верного королевского слуги. Меня даже передернуло слегка от такой новости. Чувствовала я себя в роли самозванки не очень уверенно. Если объявится реальная Элизабет, мало мне не покажется. Впрочем, все самое интересное было еще впереди. Оказалось, что воспитывалась я в этом монастыре с самого юного возраста, поскольку моя матушка отошла в мир иной, когда мне было всего 6 лет, а батя, разумеется, воспитывать девочку не захотел, тем более, что у него был мой старший брат, гордость и наследник. Однако теперь, когда я достигла брачного возраста, папая про меня все-таки вспомнил и решил, что неплохо было бы с моей помощью породниться с каким-нибудь богатым и знатным семейством. Батя должен был приехать на следующей неделе, и меня готовили изо всех сил к достопамятной встрече, а тут такая неприятность произошла.

— Какая? — поинтересовалась я.

— Ты и этого не помнишь? — поразила моя собеседница.

— Не помню... Я даже не помню, как тебя зовут... — призналась я слабым голосом, пытаюсь всхлипывать от предполагаемого расстройства.

Моя собеседница тут же кинулась меня утешать, говоря, что такое бывает от сильного испуга, и что все обязательно пройдет. Выполнив весь полагающийся случаю ритуал, она сказала, что ее зовут Луиза, и что она — буквально моя лучшая подруга. Ну-ну. Оказалось, что не далее, как позавчера вечером, воспитанницы монастыря по еженедельной традиции отправились к некоему священному источнику, дабы причаститься его благодатью. Однако не успели они доехать до ближайшего леса, на них напали разбойники. (Не иначе, как взалкали невинных девичьих тел, ибо красть у монахинь, судя по внешнему виду Луизы, явно было нечего). Разумеется, благородные рыцари, как раз случайно находившиеся неподалеку, (интересно, что они там делали?) нас спасли. Но разбойники так напугали воспитанниц монастыря, что некоторые из них (в том числе впечатлительная я) рухнули в глубокий обморок. Интересно, а «случайно» оказавшийся на месте действия рыцарь, который подвез меня на своем коне до стен монастыря, не претендует ли на мою руку, сердце и немалое (по рассказам Луизы)

приданое? А что? Неплохой шаг. Романтическая дура вполне может в знак благодарности сбежать с ним под венец. Хе! Не на такую напали! Если уж мне в данном мире и припрет выходить замуж, то уж подойду я к этому выбору со всей серьезностью. Главное, чтоб папеньке не втемяшилась в голову какая-нибудь блажь. Впрочем, если он разумный человек, его всегда можно уговорить подыскать более подходящую партию.

— Хорошо хоть ты, Элизабет, медальон с собой не взяла, — порадовалась за меня Луиза, вкладывая мне в руку что-то круглое и тяжелое. — А то бы осталась без семейной реликвии.

Я открыла ладонь и поднесла неизвестный предмет к глазам, дабы получше его рассмотреть. Нда... ну, не такой уж и неизвестный. Похоже, я провалилась в постороннее измерение не одна. Еще и эльфийский медальон с собой прихватила. Во всяком случае, я предполагаю, что это был именно он, поскольку деревянный брусок изменился до неузнаваемости и выглядел теперь действительно как ценная вещь. Во-первых, медальон стал золотым, а во-вторых, прямо по центру, он был украшен довольно большим красным камнем. Наверняка драгоценным. Светиться, правда, медальон перестал, но покалывание в пальцах я все еще ощущала. Хм... превращение медальона было удачным. Даже более чем. Теперь он точно мог мне пригодиться. Нет, не своими магическими свойствами, все равно я не знаю как ими пользоваться. Своей наверняка высокой стоимостью, размер которой неплохо было бы уточнить у ближайшего ювелира.

Да, это был выход на самый крайний случай. Ибо больше у меня ничего с собой не было. И косметичка, и одежда, и лютня, и (главное!) деньги остались лежать в повозке. Я вздохнула и решила прощупать Луизу на предмет того, что из себя представляет окружающий нас мир. Водятся ли тут эльфы, маги и где с ними можно встретиться. Цель всех этих расспросов была одна — вернуться обратно домой. А если уж не получится домой, то в мир троллей, вампиров гномов и норлоков. Там, по крайней мере, я хоть деньги своим менестрельским даром могла заработать. Однако Луиза ничем меня не порадовала. Средневековый мир, в котором я оказалась, ничем не отличался от того, который был когда-то в моем собственном измерении. Злобных ведьм и колдунов здесь безжалостно сжигали, а про эльфов рассказывали сказки, представляя их маленькими человечками, танцующими на лугах. Мило. Нет, я не сомневалась, что если хорошенько поискать, то и в данном измерении наверняка можно найти порталы в другие миры. Но какие это будут миры? Я уверена, что лучше? И каким образом я собралась их искать? Одинокой даме даже в мое время по стране путешествовать небезопасно, а уж здесь, когда разбойники тебя буквально под каждым кустом подкарауливают? Да и если бы еще знать — что конкретно искать, а то получается — пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что.

Как я не перебирала различные варианты, надеясь найти выход из создавшейся ситуации, ничего умного в голову не приходило. Единственной зацепкой было место столкновения с разбойниками, но как я (при первой же удобной возможности отправившись прогуляться в ту сторону) ни искала там портал, так ничего и не обнаружила. Может, он открывается в строго определенное время? Или действует только извне? То есть прийти сюда по нему можно, а уйти уже нет? Вопросов (как всегда) было гораздо больше, чем ответов. Поэтому я, не придумав ничего лучшего, начала постепенно привыкать к новой жизни. И к новому имени. Ведь это только на первый (незаинтересованный) взгляд кажется, что оно не сильно отличается от моего собственного, а на самом деле... лично мне «Елизавета» нравится гораздо больше, чем «Элизабет». Но кто же в моем мире будет звать девчонку полным именем? Естественно, меня сокращали до «Лизы». А этот вариант собственного имени мне не нравился навовсе. Поэтому, когда нашлась кличка Брин, я с удовольствием на ней остановилась. И настолько привыкла, что откликаться на «Элизабет» было несколько проблематично. Кстати, мое местное имя тоже сокращалось — до «Бетти». Однако так меня не называли даже мои лучшие подруги, коих у

меня в данном монастыре оказалось предостаточно. Кстати, осмотрев воспитанниц, с которыми я делила кров и весьма скудную пищу, я отметила, что все они были девицами не старше 16-ти лет. Хм... а я-то что здесь до 20-ти засиделась? Хотя... было у меня такое гнусное подозрение, что о моем истинном возрасте здесь никто не подозревает. Нет, я конечно всегда за собой следила, и нисколько не сомневаюсь, что хорошо выглядела, но не на 16 же лет! Впрочем... окружающим виднее. Какой женщине не приятно потерять аж целых 4 года?

Честно говоря, я даже не думала, что освоиться в монастыре будет настолько просто. Немного наблюдательности, чуть-чуть артистизма, и я уже не отличалась от остальных воспитанниц. Сначала жить новой жизнью мне было интересно, но это продлилось недолго. Существование воспитанниц в монастыре было слишком однообразным. Особенно меня раздражала неудобная одежда. Рассмотрев свое платье из той же грубой коричневой ткани, что и у Луизы, я пришла к выводу, что на наряд пошли мешки из-под морковки. Не лучше обстояло дело и с едой. Нас постоянно заставляли поститься, попросту моря голодом, и через пару недель я стала похожа на тень себя самой. Мало того, еда, которую нам давали три раза в день, была пустой, пресной и абсолютно безвкусной. Добивало меня то, что настоятельница монастыря постоянно шпыняла меня в дело и не в дело, а ответить ей надлежащим образом было нельзя, ибо это заканчивалось сидением в мерзлом подвале на хлебе и воде. Трех дней такой каторги лично мне вполне хватило для того, чтобы понять, что рот лучше всего держать на замке.

— Да что ж она ко мне привязалась-то? — бурчала я, получив очередное задание натереть воском все деревянные перила (а в монастыре их было километра четыре, не меньше).

— Не переживай, Элизабет, она всегда такая гримза, — попыталась утешить меня Луиза. — Старуха просто ненавидит весь мир, в этом-то все и дело!

— Да? Что ж, уже легче, а то я думала, только меня! — ответила я ей со слабой улыбкой.

Надо сказать, что присутствие Луизы несколько скрашивало мое пребывание в этом монастыре. Я даже поняла, в конце концов, почему бывшая Элизабет сделала ее своей подругой. Потому что выбирать было не из чего. Остальные монастырские воспитанницы просто потрясали своей наивностью, глупостью и абсолютным незнанием жизни. С другой стороны — а откуда им знать? Они воспитываются в монастыре с детства, а здесь кроме священных историй, уроков игры на клавесине и вышивания их и не учат ничему! И бродят в глупых головках романтические мысли о принце на белом коне. И это хорошо еще, если о принце! А то бывают такие мечты, что хоть стой, хоть падай. Одна из воспитанниц, с уровнем интеллекта, мало чем отличающимся от свойственного молодому морскому ежу, размечталась о некоем прекрасном кавалере. Бедном, но благородном. Чтоб обвенчаться с ним в церкви, а потом последовать за любимым на край света. Причем этот край должен находиться в ближайшем лесу в уютном домике. Там они будут жить среди цветов, наслаждаясь своей любовью. Ну не бред? Тоже мне, романтическая героиня. В домике она будет жить. А хозяйство кто будет вести в этом далеком от цивилизации месте? Она сама? Или прекрасный кавалер? Ах, слуги... так кавалер же, вроде, бедный? Откуда у него деньги на слуг? Ой, не могу... ну и романтичные же барышни в монастыре живут, слов нет. Да чтоб нормально семью содержать, «бедный» кавалер помимо лесного домика должен иметь еще как минимум замок со слугами! Хорошо хоть настоятельница следит за этими девицами неусыпно! А то ведь сбежали бы к какому-нибудь смазливому альфонсу! Такое случается в местах с повышенной концентрацией дураков на единицу площади.

— Беатриса снова влюблена! — поделилась со мной новостью Луиза на очередном скудном ужине.

— В кого на сей раз? — лениво поинтересовалась я, тоскливо размазывая по стенкам деревянной тарелки овсянку на воде.

— Ой, он такой красивый! Беатриса встретила его, когда мы гуляли по саду. Представляешь, он случайно ее увидел, и так влюбился, что даже сумел пробраться через ограду.

— И кто он такой? — уже более заинтересовано поддержала я разговор.

Перебраться через ограду монастыря было воистину богатырским подвигом — каменное ограждение возвышалось над землей как минимум на 4 метра. Как же герой-любовник проник в сад? Неужто на крыльях любви? Беатриса того, бесспорно стояла, она была просто идеалом средневековой женщины — длинные ноги, тонкая талия, пышная грудь и аккуратные, миниатюрные мозги. Ну и еще томный взгляд чахоточной больной, которая смотрит без памяти влюбленным взглядом даже на стенку, а напиться просит голосом умирающей. И кто же это на нее польстился?

— Он такой высокий, красивый, прямо сердце замирает! И дерзкий, ну настоящий пират!

Я сильно сомневалась, что Луиза когда-нибудь видела настоящего пирата, но разочаровывать девушку, просвещая, что они отнюдь не похожи на героев романтических произведений, я не стала.

— У него черные волосы, и светло-серые глаза, в которых застыла грусть. Наверное, какая-нибудь жестокая девушка нанесла ему сердечную рану, и та еще не успела зажить до конца, — продолжала восторженно щебетать Луиза. — Беатрисе так повезло, ей достался настоящий кавалер! Учтивый, изящный, красивый! Единственное, что ему можно поставить в укор, так это небольшую горбинку на носу, но она его вовсе не портит!

Позвольте-ка! Но какой-то сероглазый брюнет с примечательно горбатым носом штурмовал сердце Амалии, если я не ошибаюсь?

— Что ты, Элизабет! — возмутилась Луиза. — Кавалер Амалии скромн и робок, а этот — дерзок и напорист.

Может быть, может быть... однако мне это не нравилось! А потому я осторожно выяснила, когда и где встречается с Беатрисой ее несравненный пират, и привела туда Амалию. Надо ли говорить, что прекрасный кавалер был признан обеими? Девочки так негодовали, что он остался без перьев на шляпе и без плаща. После чего... они обе стали ходить ко мне и плакаться на мужскую неверность. Вот уж воистину — сделай доброе дело, и оно тебя достанет! Чем, ну чем я могла утешить двух этих глупых куриц, когда я сама такая?! И ладно Беатриса с Амалией, юные воспитанницы монастыря, никогда жизни не нюхали, но я-то? Как я могла попасться на удочку Шермана?

Вспоминать норлока до сих пор было больно. И обидно. Смириться с тем, что все это время я была только средством для доставки медальона и отвлекающим фактором в одном лице, было невыносимо сложно. Чувствовать себя использованной и выброшенной вещью было настолько противно, что иногда меня просто от себя тошнило. Поверила! Как розовая сопливая малолетка поверила в то, что нравлюсь Шерману. А еще Мирлин советы давала, как ей с Туром общаться. На себя бы посмотрела. Хорошо хоть наши с Шерманом постельные приключения обошлись без неприятных последствий. А то бы совсем весело было. Впрочем... как бы я ни ругалась, ни костерила норлока почем зря, следовало признать, что мне его не хватало. Уроков стрельбы из арбалета и владения мечом, неспешных бесед обо всем подряд, задумчивого молчания у догорающего костра... Я до такой степени привыкла к Шерману, что обходиться

без него мне было отчаянно сложно. А уж когда я вспоминала наши с ним постельные сцены... ой, нет. В монастыре такое лучше не вспоминать, иначе самой захочется стены штурмовать в поисках подходящего рыцаря. Вот только вряд ли он сможет составить норлоку конкуренцию. Блин! Почему, не почему я никак не могла забыть эту сволочь? Ведь злилась на него, проклинала, обижалась на него до слез и... тосковала. До безобразия. От одной только мысли о том, что с Шерманом нам больше никогда не суждено встретиться, мне становилось мерзко, противно и уныло. Мне отчаянно хотелось увидеть норлока. Пусть даже ненадолго. Хотя бы для того, чтобы накричать на него, сказать, какой он козел и послать его подальше! У меня была одна надежда — что со временем мне все-таки удастся забыть о Шермане.

Впрочем... я тосковала не только о норлоке. Не хватало мне и троллей с гремликами, и, конечно же, Мирлин с варшем. Интересно, как они там? Удалось ли повозкам беспрепятственно покинуть эльфийские земли? Дождалась ли их в трактире Мирлин? Что она теперь будет делать без меня?! Хотелось бы, конечно, верить, что Тур о ней позаботится, но зная мужиков... Да и сама Мирлин тоже не сахар. Как бы ее не понесло куда не следует. Она ведь действительно обиделась на нас за то, что мы ее к эльфам не взяли. Интересно, кстати, а что будет делать Манка? Нет, теперь Манк? Снова увяжется за Мимелом теперь уже в своем мужском облики? Троль этого не переживет.

Надо сказать, что подобные воспоминания никак не прибавляли мне настроения. Я действительно переживала за своих попутчиков, к которым уже привыкла. И страдала по Шерману, с которым мне больше не суждено было увидеться. А самое поганое — что в монастыре не происходило ничего такого, что могло бы отвлечь меня от мрачных мыслей. Так что грядущий приезд «отца» меня даже радовал. Все какое-то разнообразие. Замок, слуги, платья, балы... не жизнь, а малина! Причем все вышеперечисленное — отнюдь не мои фантазии в ожидании лучшей жизни. Это мне мать-настоятельница (что б ей до конца дней икалось!) рассказала, призывая благодарить Господа за дарованную милость и быть послушной родительской воле. Можно подумать, у меня есть выбор! Менестрели в данном мире особым уважением не пользуются, а больше я ничего делать не умею. Бежать из монастыря? А куда? Кто и где меня ждет? Хороша я буду в роли беженки — вокруг грязные, гнусные средние века, а у меня даже никакой защиты нет! Пожалуй, только до первой разбойничьей шайки я и добегу. И потом — было бы от чего бежать. Я ж еще не знаю, что меня ждет. Жизнь в замке отца может показаться мне вполне терпимой, выбранный жених — довольно вменяемым, а окружающая жизнь — не такой поганой. В конце концов, сбежать всегда можно. Но лучше это делать не из монастыря. В отцовском замке я, по крайней мере, смогу узнать жизнь лучше. И подумать над возможными вариантами собственного дальнейшего существования.

— Элизабет, ты чего замерла? Опоздаешь на чтение священных писаний, и мать-настоятельница опять заставит тебя перила воском натирать, или серебро чистить, — поторопила меня Луиза.

Да уж, ежевечерние чтения священных писаний — это особая история. Каждый день настоятельница загоняла нас в душный класс, мы рассаживались на деревянных скамейках и, со смирением на лице, выслушивали очередную проповедь. Больше всего исповедуемая в монастыре религия походила на католическое христианство, но в абсолютном сходстве я (естественно) не уверена. Не так уж хорошо я разбираюсь в католицизме. Хотя... в данном мире моих (довольно поверхностных, кстати) знаний Библии и Евангелия вполне хватало. Добивало меня только тупая зубрежка священных текстов (по приказу настоятельницы) и вышеупомянутые вечерние чтения, скучные настолько, что я так и норовила заснуть. Однако сегодня заявленная настоятельницей тема показалась мне интересной. «Борьба добра и зла», как вам это? Если учесть, с какой периодичностью сжигают ведьм местные инквизиторы, довольно актуальная тема. В данном мире беспримерная погоня за дьяволом приняла

настолько страшные размеры, что становилось опасно просто выходить на улицу. Созданный церковью Враг Человечества ее же стараниями принял всеобъемлющий характер и всепроникающий образ, и теперь для борьбы с ним требовалась невероятная энергия, необычайное напряжение. Церковь изобретала для дьявола все новые и новые ущелья, все более и более таинственные норы. Вскоре отцы церкви стали приписывать ему все верования, разделявшие землю, все мнимые чудеса, великие события, кометы, чуму, падучую, золотуху и т. д. Думаю, что бедный черт, который преспокойно валял дурака, грея в аду свои косточки, очень изумился, неожиданно оказавшись властителем мира.

Немудрено, что в связи со страшным расширением радиуса действия дьявола, страх перед ним быстро увеличивался, и его всемогущество начало угрожать даже самому богу. Возможность столкновения подобных двух сил, с трудностью предвидения, на чьей стороне окажется победа, стала пугать многих верующих. Если уж авторитетные представители церкви говорят о неограниченном всемогуществе дьявола, можно ли его не бояться? В принципе, войнушка намечалась довольно серьезная: два почти равные существа оспаривали друг у друга господство над миром. У бога есть ангелы и небесные полки, у дьявола — бесчисленные полчища демонов и подчиненных ему чертей. Активность дьявольской рати увеличивала опасность, но церковь, победившая язычество и заставившая преклониться перед ее авторитетом императорскую власть, смело ринулась в бой, полагаясь на свое старое, испытанное в бою средство. Мечем и огнем должен быть уничтожен враг человеческого рода; кто за него, тот подлежит уничтожению, истреблению; пощады никому не будет, и дьявол будет изгнан из самых узких щелей, куда он проник, и из самых интимных мест, куда он засел.

Хм... по-моему, местная вариация христианской религии представляет из себя не монотеизм, а скорее дуализм, поскольку проповедует одинаковую веру в бога и в дьявола. Впрочем... с этим вопросом пусть разбираются историки, философы и богословы. Я в эту кашу лезть никакого желания не имею. Еще не сожгли меня за что-нибудь.

Лорд Фотон, являющийся по совместительству моим отцом, приехал за мной с утра пораньше. В монастыре тут же поднялась суета, но лорд, вместо того, чтоб позволить мне спокойно паковать чемоданы, решил побеседовать со мной с глазу на глаз. Неужели это дома нельзя было сделать? Но не будешь же спорить с отцом из-за такой мелочи, тем более в первый день встречи! Хм... а батя мне ничего достался, симпатичный. Высокий, грузный, властный мужчина лет так 50-ти с хвостиком. Коротко стриженные темно-русые волосы, усы с небольшой бородкой и карие глаза под насупленными бровями. Ну, вполне нормальный средневековый лорд. Расшитый золотом бархатный камзол черного цвета, просторные штаны из мягкой черной ткани, ботфорты, да еще и украшений на нем, как на новогодней елке! (Впрочем, лорд не выглядел ни чересчур вульгарным, ни чрезмерно разряженным). Хм... а настоятельница-то была права, жизнь-то меня ждет действительно шоколадная! От таких деньжищ грех не побаловать единственную дочь лишним платьем.

Лорда, в свою очередь, мой внешний вид тоже порадовал. Он пробормотал, что я чертовски похожа на свою покойную мать, и что с моей внешностью у меня отбоя не будет от поклонников. Не сомневаюсь! Однако неплохо было бы воспользоваться моментом, и прощупать почву насчет обещанных мне настоятельницей выходов в свет. Я присела в реверансе, и уверила любимого папеньку, что я самая почтительная и послушная дочь на свете, и что если он организует мне выход в свет, я смогу поймать такого жениха, какого ему и не снилось. Настолько богатого и родовитого, что брак с ним сделает честь нашему дому. С отчего благословения, разумеется. Нда... про честь дома все-таки погибать не стоило. Батя тут же раздулся, как петух, и патетично начал вспоминать, сколько капель королевской крови течет в его жилах, и убеждать меня, что это мы оказываем честь, предлагая породниться.

Впрочем, главную мою мысль он понял. И даже согласился с ней. Действительно, глупо ловить провинциальных женишков, когда в столице можно урвать куш получше. Тем более, что с моей внешностью и приобретенными манерами, это было вполне реально.

Выяснив, что из монастыря он забирает действительно послушную его воле, а главное разумную дочь, батя пришел в хорошее расположение духа. До тех пор, пока не выяснил, что висящее на мне коричневым мешком платье — моя единственная одежда. Ой, как же он орал на настоятельницу, которой, помимо ежемесячного содержания, высылал, оказывается, и деньги мне на личные расходы, типа покупки платьев. Старая гримза шипела, огрызалась, но вынуждена была сдаться. А еще через пару часов взаимного ора была определена и сумма, которую требовалось вернуть.

— Думал, что мы сразу домой отправимся, но придется заехать в город к портнихе, — буркнул отец. — Я не могу позволить, чтобы моя дочь вернулась в замок такой оборванкой.

Надо ли говорить, что быть дочерью богатого лорда мне очень понравилось? Наряды, балы, слуги, кавалеры, преследующие меня толпами. Давно уже я не чувствовала себя такой красивой и популярной. Кстати, объявился и тот самый рыцарь, который спас меня от разбойников. Батя надул губы (он бы и на порог этого нищего прощельягу не пустил, если бы не мое спасение), но деваться было некуда. Пришлось принять гостя. Однако если рыцарь надеялся на нечто большее, чем благодарность, он сильно просчитался. А когда попытался воздействовать на мою девичью совесть, напомнив о своем подвиге, то еще и получил по полной. Как? Да элементарно. Я просто обернулась к окружавшим меня кавалерам и спросила:

— Разве рыцарь, увидевший даму в беде, может поступить иначе, чем кинуться ей на помощь?

Кавалеры тут же бросились меня уверять, что спасти прекрасную даму для рыцаря — это великая честь. Хм... ну а если это честь, за что же я должна быть обязана своему спасителю? Поблагодарить — пожалуйста. Хоть десять раз. Вознаградить его деньгами или (если рыцарь гордый) невинным поцелуем — тоже пожалуйста. Но выходить замуж? Увольте! Я уже нашла для себя кандидатуру получше. Правда, приглянувшийся мне лорд был старше меня лет на 15, но зато хорош собой (шикарнейший шатен с янтарными глазами), богат (причем очень, по рейтингу местного «Forbs» в первой пятерке богатейших людей страны) и довольно прилично воспитан. Во всяком случае, у него хватало ума, не пускаться в обществе дамы в рассуждения о сравнительных характеристиках различных видов доспехов (это примерно так же «интересно», как обсуждение чемпионата мира по футболу). Да и вообще Патрик (да, да, мы дошли до того, что уже называли друг друга по именам) был очень приятным в общении мужчиной. Скажу честно, мне даже не сразу удалось обратить на себя его внимание — зеленые девицы, только что вышедшие из монастыря, интереса для него не представляли. Однако выбрав себе подходящую партию (и уточнив у лорда Фотона, что партия действительно подходящая), я приложила все свои усилия. Результат был налицо. Сначала Патрик пригласил меня на танец, затем присоединился к кружку моих кавалеров, а потом и вовсе сделал предложение. Я покраснела (как это и следует благовоспитанной девушке) и согласилась, не забыв предупредить, что конечное решение будет за моим отцом, которому я полностью послушна. Надо ли говорить, что Патрик в тот же вечер утряс этот деликатный вопрос как нельзя лучше? Так что растроганному лорду Фотону осталось только благословить нас и сказать, как он мной гордится. Официальная помолвка тут же была назначена через месяц, а свадьба — еще через три.

Лорду Фотону действительно было чем гордиться, это я вам без ложной скромности заверяю. Жениха я себе оторвала лучшего из всего, что вообще на данный момент было. Да и хозяйство замковое научилась вести постепенно. Думаете, это так просто? Ничуть! Одних слуг только

чего стоит построить! За всем следить надо — и за чистотой (хорошо хоть для чистки серебра и натирания паркета с перилами в замке слуги были), и за доставкой продуктов, и за готовкой... да всего не перечислишь просто. Однако понимая, что мне в этом мире жить и жить, я старалась освоить все положенные мне средневековые премудрости изо всех сил. Причем иногда (как мне кажется) рвение даже было излишним. Во всяком случае, лорд Фотон порой смотрел на меня так, как будто я была морской картой, оказавшейся очень неточной и постоянно вводившей его в заблуждение. Похоже, ему было даже жаль со мной расставаться и снова оставаться в одиночестве. Я закинула удочку, спросив у лорда, почему он не женится еще раз, но тот отговорился вечной любовью к моей маман. Хотя реальной причиной, как я думаю, было то, что ему слишком нравилась свобода. Так же, как и моему старшему братцу Стивену. Отец до сих пор никак не мог женить наследника, которому уже исполнилось 30, и они постоянно ругались по этому поводу. Из-за этих ссор видела я Стивена всего раза три. Ничего так себе молодой человек. Высокий, довольно интересный брюнет с темно-кариими глазами. За ним и так девицы толпами ходили, вот он жениться и не хотел.

Помимо балов, покупки нарядов и ведения домашнего хозяйства было у меня и еще одно занятие — посещение замковой библиотеки. Книг там было, правда, не больше 50 штук, но таких нудных, что мне вполне хватало на почитать перед сном. Особенно меня забавляли различные рыцарские истории, при чтении которых я готова была согласиться с Шерманом в том, что рыцарство — это полный идиотизм. Ну, вот, например, забавный сюжет. Жили-были на свете двое влюбленных, Лавиния и Эней. Родители (неважно по какой причине) запрещали им жениться. Тогда Эней решил завоевать любимую. В прямом смысле этого слова. Набрал войско и пошел осаждать замок, в котором томилась прекрасная дама. Думаете, история повествует о жестокой осаде и военных подвигах? А вот и нет. О любовной переписке. Каким образом? О, это самое интересное. Лавиния, находящаяся в городе, осажденном Энеем, пускала с высоты башни стрелы с письмами в адрес прекрасного предводителя врагов. И Эней, и Лавиния в самом разгаре приступа строили друг другу глазки и посылали друг другу воздушные поцелуи. Самое забавное, что при этом Эней стоял во рву, а Лавиния смотрела на битву с башни. Ну и не бред ли это? Хе... не самый большой бред. Забавляла меня и местная средневековая поэзия. Помимо обычных вирш о том, как верный рыцарь умирает от любви к прекрасной даме, здесь были еще и весьма занятные стихи, называемые сирвентами. Не редко они посылались врагу вместо вызова на войну. Причем если вражеский поэт желал ответить на сирвент, то он был обязан сохранить в своем ответе ту же форму и воспроизвести те же рифмы. Сирвенты не щадили никого, не останавливаясь, не замолкая ни перед кем. Не было такого величия, которое могло бы остановить их убийственный полет. Они летели в любого без разбора, как никого не разбирает на войне пуля. Надо ли говорить, что авторов сих произведений крепко недолюбливали? Некий поэт Маркабрун даже заплатил жизнью за сирвент, на который было трудно возразить. [3] Нда. Творческие личности — народ импульсивный.

Кстати, о творчестве... то, что я лишилась лютни, отнюдь не значит, что я прекратила свои выступления. Просто теперь это делалось в салонах и на клавесине. Между прочим, мой талант помог мне и на Патрика впечатление произвести. Увидев, что неподдающийся шатен скучает у стенки, я исполнила «Песнь о Роланде [4]», вновь с благодарностью вспомнив двоюродную сестру с ее курсовой по средневековой западноевропейской литературе. Эффект был потрясающим. Даже мой папенька пустил слезу и потом частенько просил меня исполнить это произведение. А Патрик, наконец, пригласил-таки меня танцевать. Я воспользовалась ситуацией и намекнула, что в следующий раз спою нечто не менее интересное. И, при первом же удобном случае, «добила» понравившегося мне кавалера «Сидом [5]», благо данная пьеса входила в число моих любимых еще со школьных уроков по мировой литературе.

Интересно, понравилась бы данная эпопея Шерману? Господи, как же я все-таки скучаю по этой сволочи!

* * *

Шерман проводил взглядом Брин и выругался. Длинно, грязно и с большим чувством. Да будь проклят Яргел, который перестраховался и заставил его дать клятву у Черных Камней! Будь проклята Эльтель с ее медальоном, который принес норлоку столько неприятностей! Будь прокляты эти эльфы, установившие за ним усиленную слежку! Шерман знал, что стоит ему сделать от повозки несколько шагов в сторону Озера Фей, об этом сразу же узнают. И его снова арестуют. Отряд эльфов, сопровождавших повозку, был виден невооруженным взглядом. Разумеется, листоухие ничего не знали о медальоне, но они наверняка могут заподозрить неладное. До Озера, конечно, норлок доберется, сомнений нет, его скорость позволит ему обогнать эльфов. Но вернуться назад... не реально. Эльфы и так его ненавидят, и отпустили на волю с большой неохотой. Шерман знал, что они ждут только повода, чтобы снова заковать его в цепи и вздернуть-таки на центральной площади. Эльфы не могли ему простить ни похищения Эльтель, ни собственных многочисленных военных поражений.

Гоблин зеленый! Ну почему, почему все сложилось столь неудачным образом? Шерман вообще не хотел говорить Брин о медальоне! И не сказал бы, если б не крайний случай! Он слишком хорошо понимал, чем это может кончиться! Естественно, Брин на него разозлилась и послала его куда подальше. Она не хотела слышать ни объяснений, ни оправданий. Ее глаза, в которых еще недавно светились теплота и нежность, превратились в два черных омута. И Шерман не знал, что с этим делать. Он безумно боялся, что Брин не сможет ему простить обмана. И не захочет больше его видеть. Судя по тому, в каком настроении она отправилась в лес, это было вполне вероятно. Однако Шерман и думать не мог о том, чтобы потерять Брин. Потерять сейчас, когда они оба, наконец, стали свободны! Его ждал титул принца-бастарда, деньги и власть. Рядом с ним была женщина, которой он был безумно увлечен, и которой он мог теперь многое предложить. И он не собирался с ней расставаться, как бы там ни сложились обстоятельства! Потому что потерю Брин ему не заменят ни деньги, ни власть. Потому что жить без этой женщины Шерман просто не сможет. И не захочет. Потому что...

вернуться

3

реальная история, кстати.

вернуться

4

«Песнь о Роланде» — средневековая французская эпическая поэма, основу которой составили легенды о Карле Великом. Разумеется, сия поэма исполнялась Брин в изрядном сокращении, иначе менестрель забодался бы ее петь, а слушатели — слушать.

вернуться

5

«Сид» — имеется в виду трагедия Пьера Корнеля. Исполнявшаяся менестрелем, разумеется, тоже в сокращенном варианте.

— Шерман, нам пора, — прервал его размышления Мимел.

— Что значит «пора»? — дернулся норлок. — Брин еще не вернулась.

— Эльфы разрешили нам остановиться всего-навсего на час, чтобы пообедать. Они дали знак двигаться дальше. Мы не можем их послушаться.

— Час? — в ужасе повторил Шерман. — Но я чувствую Озеро, до него всего-то минут пятнадцать ходьбы, Брин давно должна была уже вернуться!

— Однако она не вернулась. А ждать ее мы больше не можем, — упрямо гнул свою линию Мимел.

— Можешь ехать куда хочешь, но я не сдвинусь с места, пока Брин не появится, — решил норлок.

— Совсем ополоумел? — рыкнул Мимел. — Только дай эльфам повод тебя схватить, и они порвут тебя на части!

— Ты думаешь, я об этом не знаю? — язвительно поинтересовался Шерман. — Ты даже не представляешь и сотой доли той ненависти, которую испытывают ко мне эльфы. Однако я не оставлю Брин. Бери ее повозку и езжайте!

— Вы чего застыли? Поехали! Эльфы уже дали повторный сигнал! — подошел к спорщикам обеспокоенный Тор.

— Вот, полюбуйся на него, он собирается остаться здесь и ждать Брин, — махнул рукой Мимел.

— Ты серьезно? — поразился греmlin, недоверчиво глядя на Шермана.

— Любой из нас, кто попытался бы дойти до Озера, умер бы, — напомнил норлок. — Поэтому я и рассказал Брин о медальоне, поэтому она и пошла к Озеру Фей!

— Если мы останемся здесь еще хоть на несколько минут, мы все равно умрем, — хмуро возразил Тор. — Мы не занимались нести медальон и не давали клятв, мы вообще не знали о его существовании! И не собираемся из-за него умирать.

— Но как же быть с Брин?!

— Она не моя женщина, — спокойно сказал греmlin. — Более того, за все время путешествия Брин не смогла стать нам другом. Да и не хотела. Она — просто наша спутница. Хорошая спутница. Но не настолько, чтобы из-за нее умирать. Ты и сам на нашем месте поступил бы так же. И поступал. Не раз. Ты не можешь требовать от нас верности или особого отношения. Потому что ты нам тоже не друг. И никогда не пытался им быть. Тебе не нужны друзья. Тебе вообще никто не нужен.

— Мне нужна Брин, — решительно возразил Шерман. — Езжайте, я иду за ней и выясню, что случилось.

— А ее повозка? — озадачился Мимел.

— Отдайте Мирлин, пусть ждет нас в Артлете, — решил Шерман. — Если не дождется, пусть поступает с имуществом, как хочет. И с повозкой, и с лошадьми, и с лютней. Все, езжайте, эльфы уже начали волноваться. Ваш отъезд даст мне несколько минут форы. За повозками они не сразу заметят мое отсутствие.

— Хорошо, — сдался Мимел. — Прощай.

— Не хорони меня раньше времени, — фыркнул Шерман.

Норлок проверил оружие — меч, арбалет, метательные ножи... прихватил деньги и скрылся в лесу. Причем настолько быстро, что его маневр не заметили не только эльфы, но и внимательно следившие за ним гремлины.

— Не хотел бы я, чтобы норлок оказался моим врагом, — пробормотал Тор.

— Да уж, иметь его в качестве врага слишком опасно для здоровья, — буркнул Мимел, забравшись на повозку и взяв вожжи в руки. — Но и в качестве спутника норлок не лучшее приобретение, особенно на эльфийских землях. Мы один раз уже ушли от смерти. Не думаю, что нам повезет во второй раз.

— Хочешь сказать, эльфы могут отыграться на нас, если не поймут норлока? — нервно уточнил Тор.

— Всё может быть, — пожал плечами Мимел. — Однако пока эльфы будут ловить Шермана, мы должны успеть пересечь их границу. А там уж они нас не достанут. Вряд ли ради пары повозок с актерами эльфы решатся нарушить мирный договор и отправить на земли людей вооруженный отряд.

— Тогда нам нужно торопиться, — нахмурился греmlin.

— А я что делаю? — фыркнул Мимел, погоняя лошадей.

Шерман тоже торопился. Он буквально летел по неприметной тропинке, выискивая следы Брин. Пока все было нормально. Следы были четкими и ровными. Постепенно лес редел и, наконец, показалось огромное озеро, окруженное клочьями тумана. Шерман остановился и напрягся, пытаясь понять, что же здесь не так. Туман был странным. Густым, рваным, голубым и пахнущим лимоном. Этот запах был хорошо знаком норлоку. Даже слишком хорошо. Вот ведь гоблин! Норлок проследил за оставленными Брин отпечатками, и почувствовал, как по его спине пополз холодок. Нет! Только не это! Тропинка, по которой шла Брин, упиралась прямо в портал. Шерман нахмурился. Да разве так бывает? Порталы открывают маги, и стоит это бешеных денег! Разве портал может существовать сам по себе? Этот мог. Он переливался всеми цветами радуги и явно был действующим. Похоже, Брин, не разглядев опасности, шагнула прямо в него. Шерман вздохнул. Это было опасно. Может быть даже, смертельно опасно. Но он не мог бросить Брин на произвол судьбы. Не мог и не хотел. Норлок взвел арбалет, пригнулся и перекатом влетел в неизвестный мир. Тому, кто вздумает встать у него на пути, сильно не поздоровится.

Глава 13

То, что людьми принято называть судьбою, является, в сущности, лишь совокупностью учиненных нами глупостей.

А. Шопенгауэр.

Таштен устало упал в кресло и вытянул ноги. День определенно не задался. Мир, который он когда-то выиграл у Панека, преподносил ему один неприятный сюрприз за другим. Мало того, что там никак не могут прекратиться войны, что разумных рас там в два раза больше, чем это положено регламентом, так там еще и неконтролируемые порталы есть! Таштен нахмурился. Сто против одного, что это — специальный «подарочек» Панека, которому жаль было расставаться со своим миром. А чего там жалеть? Одни проблемы. Если бы Таштен мог предполагать, что все так кончиться, он ни за что не согласился бы быть в этом мире Властителем! Вернул бы Панеку его проигрыш, да и только. Однако после магической передачи власти отступить было некуда. Обрато отыгрывать или выкупать свой мир Панек отказывался (правильно, кому он нужен?) и с удовольствием следил за тем, какие неприятности сваливаются на голову Таштена. Последняя была просто из рук вон. Сначала Таштен почувствовал, что из его мира открылся портал, о котором он не имел представления, а затем... почувствовал, что с помощью этого портала переместился мощнейший накопитель магической энергии. Таштен рвал и метал. Он и так потратил на выигранное измерение массу сил! Он взял под контроль всех магов, все магические предметы, все порталы, и на тебе! За одним все-таки не уследил! Хорошо хоть накопитель попал на территорию нейтрального мира. Если бы он попал к Панеку, пиши пропало. Тот просто присвоил бы себе собранную в накопителе магическую энергию. А ее там было более, чем достаточно.

Таштен вздохнул. Нет, не зря преподаватель по магии учил их, что нельзя хранить слишком много энергии в одном накопителе. Но иногда это просто необходимо! Для создания новой сети порталов, например. Или даже нового мира. Подобная амбициозная мечта снедала Таштена уже давно. Он был весьма посредственным Властителем, и за свою жизнь не сумел создать ничего путного. Потому и воспользовался энергией выигранного мира, чтобы создать достаточно мощный накопитель. И вот, когда работа была уже почти закончена, накопитель пропал! Это было воистину катастрофой. И Таштен подозревал, что виной всему Панек. Слишком уж давно длилось их противостояние друг другу. Однако Властитель не собирался так просто сдаваться. Раз накопитель попал в нейтральный мир, значит, что-то помешало Панеку забрать его в свой. А это давало Таштену шанс. Он не мог почувствовать того, кто пронес накопитель в нейтральный мир. Этот человек не был его созданием. Да и сам накопитель Таштен сможет ощутить лишь в том случае, если он попадет в руки мага, и тот проведет с его помощью какой-нибудь обряд. Дело осложнялось тем, что в нейтральном мире Таштен, по закону Властителей, появиться не мог. Так же, как и Панек. Но они оба могли нанять кого-нибудь для поиска накопителя. И Таштен ничуть не сомневался, что Панек это сделает. Впрочем, до тех пор, пока с помощью накопителя не будет проведен обряд, искать его было занятием практически безнадежным. Иголку в стоге сена и то проще.

От тяжелых дум Таштена отвлек легкий звон магической сигнализации. Властитель моментально вскочил с кресла и кинулся в свой зал для обрядов.

— Это еще что такое? — возмутился он.

Негодование Властителя можно было понять. Он проделал просто титаническую работу, ловя неизвестный портал и перенаправляя его в свой замок. Таштен выбился из сил, ставя защитные заклятья и стабилизируя обстановку. И на тебе! Портал снова кто-то активировал! Интересно, кто бы это мог быть? Зеленоватое стекло прогнулось, лопнуло, и в комнату влетело нечто, поддающееся определению. Нечто разогнулось, оказавшись человеком, и выстрелило из арбалета. Все это произошло за такие доли секунды, что Таштен просто не успел среагировать. И наверняка отправился бы в мир иной, но... арбалетный болт ударился в невидимую стенку. Ну конечно же! Закон перемещения через порталы! Таштен как сейчас

помнил лекцию своего преподавателя по магии. Через портал можно было проникнуть только тремя способами. С помощью вещи (тогда ты попадаешь в другой мир, а в твоём собственном остаётся жить твоё отражение), с помощью мага (безопаснее всего, сохраняешь свою сущность и в любой момент можешь вернуться обратно) и так называемым «диким» образом, по неконтролируемому portalу. В третьем случае, попадая в посторонний мир, ты оказываешься в шкуре одного из жителей этого мира.

Таштен довольно ухмыльнулся. Если бы не законы магии, арбалетный болт пробил бы его насквозь. А если бы он не перевёл портал в свой замок, то напавший на него парень оказался бы в шкуре человека, максимально похожего на него внешне. Однако портал был перенесён, попадания в тело не получилось, и неизвестный стрелок застрял в так называемом междумирье. Властитель мог видеть неожиданного посетителя, мог с ним общаться, но ни проникнуть к нему за магическую черту, ни вывести его не имел возможности. Впрочем... можно было найти то тело, в которое незнакомец должен был переместиться. Но зачем Властителю это надо? Таштен оглядел неожиданного гостя. Нда. Явный головорез. Причем не человек, а какая-то другая раса в человеческой ипостаси. Какая именно — Властитель сходу определить не мог. Рас было уж слишком много. Высокий, крепкий, бритый налысо парень, одетый в потрепанный кожаный костюм, выглядел как бандит. И, весьма вероятно, являлся бандитом. Однако... кем бы он ни был... он явился удивительно вовремя. Его можно было нанять для поиска накопителя. Предложив ему свободу. И жизнь. По крайней мере до тех пор, пока он не выполнит задание.

Шерман смотрел на представшего перед ним человека и понимал, что стрелять все-таки не следовало. Сразу. Отлетевший от невидимой преграды арбалетный болт поведал норлоку простую истину — похоже, он снова оказался в плену. И на сей раз у мага. Последнее открытие Шерману хорошего настроения не прибавило. Насколько норлок знал магов (а сталкивался он с ними, благодаря Яргелу с его перемещениями по мирам, периодически), все они были весьма жестокими и абсолютно ненормальными личностями. Причем у каждого мага ненормальность была своя. Один искал философский камень, который должен превращать все в золото, другой — эликсир бессмертия, третий — универсальное любовное средство... и все бы ничего, но для ученых изысканий магам почему-то требовались жертвы. В основном кровавые. А сопротивляться магическим путам еще никому не удавалось. Интересно, а что ищет маг, к которому попал в плен Шерман? И когда он планирует принести норлока в жертву своим амбициозным планам? И где Брин?! Неужто тоже попала в его лапы? Последняя мысль прошибла норлока до холодного пота, и он пригляделся к магу внимательнее.

— Ну, здравствуй, — самодовольно улыбнулся поймавший Шермана маг.

— Где Брин? — не пожелал играть в вежливость норлок.

— Кто? — вполне натурально удивился маг.

— Брин. Девушка примерно 20-ти весен. Невысокая, хрупкая, длинные золотистые волосы, карие глаза, одета в темно-синее платье. И не говори, что ее здесь нет, она шагнула в портал примерно на час раньше меня.

— На час? — тут же заинтересовался маг. — А с ней случайно не было... вещи? Круглый предмет, с красной серединой. В вашем мире, скорее всего, деревянный.

— Случайно была, — подтвердил Шерман. — Так где Брин?

— Думаю, нам есть о чем поговорить, — оскалился маг улыбкой кота, удачно нагадившего

кому-то в туфли. — Меня зовут Таштен. Я Властитель вашего мира.

— Кто?! — выпал в осадок Шерман.

— Властитель.

— И где же золотистое сияние и музыка, которые должны сопровождать твое появление?

— Вот ведь недоверчивый какой! — хмыкнул Властитель и тут же изобразил все, что Шерман запрашивал. — Доволен?

— Пожалуй, — согласился норлок, пребывая в оцепенении, и не представляя, как же ему общаться со столь могущественной личностью. Хотя... после попытки убить Властителя из арбалета вряд ли стоило надеяться на его благосклонность.

— Я думаю, мы сможем помочь друг другу.

— Сначала я хотел бы узнать, где Брин, — уперся Шерман.

— Я не знаю. Действительно не знаю, — рассердился Таштен, поняв, что оказавшийся у него в плену парень все еще не принимает его всерьез. — Я перенес портал в свой замок уже после того, как твоя Брин им воспользовалась. И поверь, я хочу найти эту девушку не меньше тебя. Точнее, хочу вернуть свою вещь.

— Медальон? — уточнил норлок.

— Вообще-то, это накопитель магической энергии, — поправил его Властитель. — Прежде, чем мы продолжим наш разговор, может, ты тоже представишься? И скажешь, кто ты такой? То, что не человек, я чувствую.

— Меня зовут Шерман. Я норлок.

— Норлок, норлок... нет, не помню такой расы. Впрочем, это и неважно. Сейчас я хотел бы выяснить следующее — почему Брин вместе с накопителем покинула ваш мир?

Шерман помялся, вздохнул, но все-таки рассказал историю с желанием Эльтель. Властитель слушал его весьма недоверчиво.

— Эльф поверил в то, что медальон сможет выполнить такое желание? — прорвало Таштена. — Странные эльфы в вашем мире. Но ты не врешь, я бы почувствовал. И то, что ты держал накопитель в руках — это очень большая удача. Значит, ты сможешь его найти, и довольно быстро. Всего одно заклятье, и медальон сам начнет тебя притягивать.

— Прежде, чем мы займемся деловой частью наших переговоров, может, ты меняпустишь, наконец? — сузил глаза Шерман.

— А что ты имеешь в виду под «деловой частью»? — напрягся Властитель.

— Оплату, которую я получу за доставленный медальон.

— Твоя жизнь. И жизнь Брин.

— Не пойдет. Во-первых, если ты не знаешь, где Брин, то ее жизни ты угрожать не можешь. И защитить ее от опасности тоже. А я не буду работать на тебя за цену собственной жизни. Мне

этого мало. Я хочу получить золото. И возвращение для нас с Брин в мой мир.

— Хорошо, ты получишь то, что просишь, — нахмурился Властитель. — Для меня не проблема ни создать золото, ни переправить вас в ваш мир.

— Отлично! Ну, теперь-то ты можешь меня отсюда выпустить? — нетерпеливо постучал в прозрачную стенку Шерман.

— Не могу. Мне нужно найти подходящее для тебя тело.

— Не понял...

— Существуют определенные магические законы, — менторским тоном начал объяснять сложившуюся ситуацию Таштен. — Перейдя из мира в мир с помощью неконтролируемого портала, ты должен был оказаться в максимально подходящем для себя теле местного жителя. Однако этого не произошло, и я даже могу объяснить тебе почему — я перенес портал в свой замок и поставил на нем магическую охрану. Таким образом, ты оказался в магической ловушке междумирья. Выбраться отсюда можно только одним способом — найти человека, в тело которого тебе предназначено было попасть. И теперь, если уж я решил тебя нанять, мне придется самому заняться этими поисками.

— Я что, перестану быть на себя похож? — возмутился норлок. — Да на кой гоблин мне это надо? Меня тогда и Брин не узнает при встрече.

— Ты вообще что-нибудь слышал о двойниках? — вздохнул Властитель, впервые столкнувшийся с таким темным невежеством.

— Нет.

— В каждом из миров существует твой двойник. Абсолютный. И внешне, и по характеру. У вас одинаковая продолжительность жизни и довольно похожий характер. Поэтому после проведенного магического сеанса ты сохранишь свою внешность. Впрочем, прежде, чем вселяться в тело, ты вполне сможешь его осмотреть.

— Было бы неплохо.

— Есть и еще один положительный нюанс. Я подарю тебе не только тело, но и доступ к воспоминаниям человека, которым ты станешь.

— Зачем? — Удивился Шерман.

— Думаю, тебе пригодятся знания о том мире, куда ты отправляешься, — пояснил свою мысль Властитель. — Тебе проще будет найти Брин. И накопитель. Ты не будешь выделяться из толпы и обращать на себя внимания. И потом... наверняка у человека, тело которого ты приобретешь, есть друзья, которые смогут тебе помочь.

— Если он похож на меня — вряд ли у него есть друзья, — хмыкнул Шерман. — Знакомые — еще куда ни шло. Но ты прав, знания мне действительно пригодятся. Однако у меня есть еще один вопрос.

— Ну что еще? — вспыхнул Таштен, выведенный из себя беспримерной наглостью своего пленника.

— А что станет с моей истинной сущностью? — поинтересовался норлок, не обращая внимания на недовольный вид Властителя. — Я смогу сменить ипостась, будучи в новом теле?

— Сможешь. Все твои умения навыки и присущие тебе особенности останутся. Еще что-нибудь?

— Да нет, — пожал плечами Шерман.

— Тогда мне пора отправляться на поиски нужного тела, — фыркнул Властитель и вышел из комнаты.

Норлок вздохнул и устало опустился на пол. Властителю он не верил. Однако другого выхода из создавшегося положения Шерман просто не видел. Он абсолютно не разбирался ни в магии, ни в порталах. А потому ему не оставалось ничего другого, как согласиться на перемещение в чье-то тело. В конце концов, тогда Шерман получит свободу действий. И сможет, наконец, найти Брин. Ну и медальон заодно. Только не нужно торопиться отдавать его Властителю. Недаром же норлок думал, что с этим медальоном что-то не так. Теперь Шерман в этом уверился. И объяснения Властителя не казались ему достаточными для удовлетворения любопытства. Норлок мог поставить свой последний медяк, что Таштен о многом умолчал. Наверняка медальон был действительно сильным магическим артефактом, раз он понадобился даже Властителю, но... это наверняка не все. Надо же, а Эльтель пыталась с помощью этого медальона войну остановить! Сидит теперь, и гадает — почему же у нее ничего не получилось? Жаль, Шерман не видел выражение лица эльфийки, когда Яргел сообщил ей, что не стал выкупать норлока. И что Шермана скоро казнят. Забавное, должно быть, было зрелище. А еще забавнее было выражение лица самого Яргела, когда он выяснил, что норлок остался жив. И теперь свободен. Да, на выражение его августейшего лица Шерман тоже с удовольствием посмотрел бы.

Норлок невольно улыбнулся собственным мыслям. Осознавать себя свободным было непривычно. Теперь он ни от кого не зависел, и мог сам управлять собственной жизнью. Это было настолько потрясающим ощущением, что норлоку даже не верилось. Он боялся, что все это может оказаться сном. Слишком долго он мечтал об этом. И слишком привык осознавать, что эта мечта несбыточна. Однако чудеса в жизни все-таки случаются, слава Властителям. (Не таким, как Таштен). Появившаяся в его судьбе Брин сделала для него столько, сколько он и мечтать не мог. Она подарила ему свободу. И три раза спасла ему жизнь. Ну да, три. Спрятала от разгневанного рогатого виконта Мессера, который наверняка снес бы норлоку голову, вытащила из тюрьмы лорда Бертона и спасла от петли эльфов. Два долга из трех Шерман уже погасил — спас Брин от пуритан и от все того же лорда Бертона. А один все еще оставался должен. Интересно, как сложится арифметика их отношений в этом мире. Шерман предпочел бы, чтобы Брин ничего не угрожало.

— Заждался? — оторвал его от размышлений Властитель. — А я нашел твоего двойника. — Магический поток внес в комнату безжизненное тело и опустил его рядом с Шерманом.

— Он что, мертв? — глухо спросил норлок, потрясенно разглядывая себя самого со стороны.

— Нет, просто без сознания. И лежит так с тех самых пор, как ты проник в этот мир. Похоже, именно в него ты и должен был попасть.

— Кто он? — искренне заинтересовался Шерман.

— Бандит с большой дороги. Всего понемногу. Наемник, пират, разбойник. Кстати, его и зовут точно так же, как тебя. Шерман.

— А сейчас ты что делаешь? — подозрительно спросил норлок, наблюдая, как Властитель проводит с рукой бандита какие-то странные манипуляции.

— Это средство связи и одновременно поисковый маячок. Одевается эта магическая вещь прямо на тело, и процесс вживления довольно болезненный. Так что я лучше проведу его на бессознательном теле. А на тебе активирую.

— Ну-ну, — не поверил Шерман, глядя, как запястье разбойника обвивает татуировка в виде широкой полосы с непонятным орнаментом.

— Ну, вот и все, — довольно полюбовался итогом своей работы Властитель. — Ты готов?

— Будем считать, что да, — вздохнул Шерман, с неудовольствием соглашаясь на опасный эксперимент.

— Тогда закрой глаза.

Процесс перемещения оказался не из приятных. Помимо короткой вспышки боли во время самого переноса, Шерман почувствовал еще и полный букет ощущений своего нового тела. Похоже, разбойника довольно сильно избили, и теперь Шерман чувствовал его боль.

— Попробуй расслабиться и сосредоточиться, — скомандовал Властитель, — тогда ты сможешь просмотреть воспоминания своего двойника.

Хм... ну, расслабиться, так расслабиться. В конце концов, Шерману и сильнее доставалось. Боль можно перетерпеть. А вот без знаний ему действительно может прийти плохо. Ну, и что там у нас? Любопытно, какую жизнь прожил его двойник, который не был ничьим рабом? Надо же... весело. Войны, налеты, грабежи, разбои, взятые на abordаж корабли... содержательная жизнь. Впрочем, в том безумном мире, куда попал Шерман, иначе было не выжить. А мир действительно был безумным. Норлок считывал информацию о религиях, о политике, о законах и постепенно понимал, что Властитель подложил ему свинью. В теле разбойника, да еще такого, которого объявили в розыск, находиться в данном мире было опасно. Пыточные камеры, костры инквизиции, способы казни... и после этого норлоков считают жестокими? Да им никогда не догнать людей!

— Ну? Как ты себя чувствуешь? — вырвал норлока из забытья голос Властителя.

— Нормально, — прохрипел Шерман. — Только зря ты меня поместил в это тело.

— Почему? — удивился Таштен.

— Да потому что этого бандита ищут! И если найдут — казнят без сожаления. Мне придется не столько искать медальон, сколько скрываться от правосудия.

— Браслет у тебя на руке защитит тебя от всех обвинений. Теперь ты находишься у меня на службе, и тебя не имеют права карать за прошлые подвиги, — пафосно заявил Таштен. — Надеюсь, повода карать за новые ты давать не будешь.

— Постараюсь, — хмыкнул Шерман.

— А теперь вспомни, как выглядел медальон, что ты испытывал, когда держал его в руках, — скомандовал Таштен.

Шерман прикрыл глаза, сосредоточился и представил себе деревянный кругляшок с красной серединой. Норлок вспомнил, как он согревал ладонь, как переливался в лунном свете и как пах магией.

— Замечательно! — порадовался Властитель. — Смотри!

Шерман открыл глаза и уставился на свою татуировку, которая слегка пульсировала. Он машинально потер пальцем один из непонятных значков, и перед ним тут же, прямо в воздухе возникло прозрачное изображение небольшой карты с мигающей красной точкой.

— Потрясающе! — порадовался Таштен, вглядываясь в изображение. — Насколько я помню, здесь находятся владения лорда Фотона. Расплывчато, но, тем не менее, хороший ориентир.

— По-моему, я знаю этого лорда, — нахмурился Шерман, копаясь в полученных недавно воспоминаниях.

— Что ж... значит, ты найдешь накопитель еще раньше, чем я на это рассчитывал. А я, с помощью этого браслета, буду выходить с тобой на связь. К сожалению, постоянно следить за тобой не смогу. Мир, в который ты попадешь, нейтрален и в нем вообще запрещено появляться Властителям.

— Надеюсь, я смогу получить небольшой аванс? — тут же принаглел Шерман. — Путешествие без денег представляется мне мало возможным.

— Хорошо, — хмыкнул Властитель. — Надеюсь, ты стоишь тех усилий и средств, которые я на тебя потратил.

— Не сомневайтесь, — хищно улыбнулся Шерман. — Я стою гораздо большего.

* * *

Я не знаю, какой из богов в этом мире крутил рулетку моей судьбы, но мне очень хотелось добраться до него и напинать ему куда следует. Все так хорошо начиналось! Балы, кавалеры, украшения... даже жених приятный во всех отношениях. И что? Какому-то гаду понадобилось вмешаться и все испортить!

Началось все обыденно до безобразия (по средневековым меркам). Герцог Гарри Картасский объявил войну своему собственному родному брату, законному королю Людовику 27. Разумеется, дворяне тут же поделились на два лагеря и отправились сражаться с неприятелем. (То бишь друг с другом). Естественно, мой несравненный батя, как верный вассал короля, оказался в первых рядах воюющих, оставив Стивена охранять замок от различных неприятностей. Если честно, я даже сначала не поняла, каких именно. Ну, идет где-то на границе война, мне-то что? Однако, как оказалось, я была не права. Дождавшись, пока лучшие военные силы страны отправятся выяснять друг с другом отношения, тут же активизировались окрестные разбойничьи банды. На наш замок они, правда, нападать не рисковали, но деревни безжалостно пожгли. Я пыталась было активизировать оставшийся в замке гарнизон (чуть больше полусотни воинов) отправиться разобраться с мародерами, но брат запретил, резонно возразив, что после пары таких вылазок, у нас не останется сил, чтобы защитить себя самих. Надо ли говорить, что после выездов в свет и танцев на балах сидение в четырех стенах (пусть даже замковых) показалось мне довольно скучным занятием? Большая часть слуг разбежалась, присоединившись к бандам мародеров, провизию удавалось доставать с большим трудом, а уж поддерживать в замке тепло было вообще практически невозможно. В конце концов, я (с остатками слуг) законопатила окна, закрыла двери, и мы перебрались жить в самые нижние

комнаты, доведя количество этих самых комнат до минимума.

Сначала вести с полей сражений приходили обнадеживающие. Король гнал братца в три шеи, нанося ему одно поражение за другим. Но затем к мятежному герцогу присоединилось войско короля-соседа (видимо, Гарри нашел, чем его заинтересовать), и ситуация изменилась. Настолько, что Стивен стал паковать вещи и продумывать, куда бы нам направиться в случае, если станет совсем туго. Радовало одно — братец не собирался изображать из себя героя, сражаясь за фамильный замок до последней капли крови. И уж тем более не желал втягивать в эту авантюру меня. Радовало так же, что Стивен не бросал меня на произвол судьбы, а хотел прихватить с собой. Не скажу, чтобы он испытывал ко мне сильные родственные чувства. Стивен не видел собственную сестру много лет, да и с тех пор, как я приехала из монастыря, мы виделись всего несколько раз. Однако как только беда постучала в ворота, он тут же превратился из избалованного прожигателя жизни во вполне серьезного, ответственного молодого человека и взял меня под свою опеку. Я изо всех старалась не доставлять ему особых проблем, помогая по мере сил и, в конце концов, между нами установились вполне ровные приятельские отношения. Мы даже к возможному побегу вместе готовились. Стивен отобрал лошадей (не самых заметных), я держала наготове припасы и подгоняла на себя мужской наряд.

Проблемы возникли с сапогами. Их, в отличие от камзола и штанов, ушить было невозможно. А подходящей обуви на мою мелкую ножку в замке не было. Пришлось мне позаимствовать ботинки у одного из малолетних слуг. Увидевший меня в моем мужском наряде брат смеялся до слез. Однако лучшего у нас под рукой все равно ничего не было, а потому пришлось смириться. Правда, брат мне достал еще пару вещей — какую-то идиотскую шапку с завязочками (такие только местные юродивые носят) и доспех. Ну, шапку понятно, волосы резать жаль, а спрятать их куда-нибудь надо. А доспех-то зачем? Да еще такой... древнеримский... кажется, он называется анатомический? Выяснилось, что мой камзол, какой бы он ни был свободный, все равно не может скрыть мою грудь. (Еще бы. Третий размер все-таки!) и доспех был призван исправить этот недочет. Ужас. Мало того, что эта сволочь была тяжелая (как минимум лишних килограмм восемь!), так еще и дышать в ней было практически невозможно. Тугая, зараза!

К сожалению, все наши приготовления оказались не напрасными. Герцог Гарри теснил короля все дальше и дальше, и теперь в победе мятежного королевского родственника уже никто не сомневался. Часть августейшего войска верноподданнически перебежала в стан победителя, и теперь с Людовиком оставались только самые верные вассалы. В том числе (естественно!) и наш батя. Вот ведь, блин, рыцарь без страха и упрека! Мог бы, между прочим, тоже к победителям примкнуть. Стивен, кстати, с моим мнением полностью соглашался, но, зная отца, понимал, что это нереально.

— Герцог не простит отцу этой верности, — вздыхал брат. — Он подарит наши земли кому-нибудь из своих верных вассалов, и мы потеряем замок. Неважно каким образом. Собственно, у нас всего два выхода. Мы можем сражаться и умереть, или покинуть замок заранее. Удержать мы его не сможем.

— Я предпочитаю второй вариант, — тут же сориентировалась я. — Что меня не греет сидеть в осаде и погибать во цвете лет. Замок еще можно будет вернуть, мало ли как сложится политическая обстановка? А вот вторую жизнь нам уже никто не подарит.

— Иногда мне кажется, Элизабет, что для наивной девицы ты чересчур здравомыслящая, — хмыкнул Стивен. — Я-то думал, ты будешь обвинять меня в трусости и призывать защищать фамильный замок.

— А смысл? — пожала плечами я. — Я никогда не видела воочию взятия замков, и не хочу этого видеть. Кровь, смерть и насилие — это то, чего я никак не хочу пережить. Уж тем более по собственной воле. Наш гарнизон состоит из 50 человек. Возможно, как только к воротам замка приблизится вражеская армия, часть перейдет на сторону врага. Может даже, кто-нибудь откроет врагу ворота. Я не верю в благородство. Нет, не так. Я знаю, что есть благородные люди, но их исключительно мало. И не надеюсь, что среди 50 человек нашего гарнизона таких благородных наберется хотя бы половина.

— Не наберется, — согласился Стивен. — Наемникам все равно, на чьей стороне сражаться. Сколько бы я не предлагал им денег, этого будет мало. Подошедший враг сможет предложить больше — предложит взять все, что есть в нашем замке и получить награду еще и сверх этого. Думаю даже, что нам придется выбираться из замка потихоньку от собственного гарнизона. Как только герцог окончательно разобьет короля, нас могут взять в плен наши же охранники, желая выслужиться перед новым монархом. И я не знаю, какая тогда нас ждет судьба.

— Но почему бы нам тогда не бежать прямо сейчас? Или ты надеешься, что король все-таки победит? — нервно поинтересовалась я.

— У Людовика нет шансов. Но я жду весть о нашем отце, Элизабет. Я не могу уехать, пока не буду знать, что с ним.

— И как ты собираешься это узнать?

— Мы договорились с отцом, что он пришлет одного из верных людей в качестве гонца, — объяснил Стивен.

— Надеюсь, будет не слишком поздно. Слушай, а что если обратиться к Патрику? Жених он мне или нет? Хотя... наверняка он тоже не в чести у герцога. И, возможно, тоже собирает вещи.

— Не надейся! — фыркнул Стивен. — Он первым перебежал под знамена герцога. И, естественно, тут же отрекся от своих обязательств по отношению к тебе. Герцог предложил ему в жены одну из своих племянниц, и я думаю, что Патрик не упустит свой шанс.

— А ты откуда знаешь? — удивилась я.

— Я периодически получаю вести с мест сражений. Иначе как бы я мог следить за происходящим? Я не хотел говорить тебе о твоём женихе, не желая расстраивать, но теперь скрывать такие новости опасно. Послушай меня, Элизабет, ни в коем случае не выходи за ворота замка, даже если там будет стоять сам Патрик и публично клясться, что возьмет тебя в жены.

— Хорошо, — вздохнула я, в очередной раз убедившись, что все мужики козлы.

Впрочем, Стивен зря беспокоился. Ни Патрика, ни кого бы то ни было еще у ворот нашего замка не появлялось еще недели две. А обещанный отцом гонец прискакал ночью. Он скользнул в один из потайных ходов, чтобы не быть замеченным никем из гарнизона, и пробрался к Стивену. Брат тут же поднял меня, мы тихо собрались и выскользнули из замка. Да, не зря мы держали лошадей в полной готовности, обвязав им копыта тряпками! Уходить пришлось быстро и тихо. Пригодились и собранные мной заранее припасы еды, и приготовленная одежда, и сеть потайных ходов из замка. Стивен отпустил гонца на все четыре стороны, и мы припустили в сторону границы. Брат собирался пересечь ее по морю и поселиться в каком-нибудь небольшом городке одного из соседних королевств, занявших по

отношению к происходящим военным действиям позицию нейтралитета. Денег, правда, у нас было не слишком много (богатство лорда Фотона состояло, в основном, из земельных угодий), но вполне достаточно для того, чтобы нормально устроиться на новом месте. А если учесть еще и прихваченные нами драгоценности (в том числе медальон), то волноваться за наше будущее вообще не стоило. При одном условии. Если мы сумеем живыми и невредимыми покинуть страну, по которой шляются банды разбойников и дезертиров, и довести все наши ценности в целостности и сохранности. И в том, и в другом у меня были серьезные сомнения. Мы скрывались, пробирались вперед по ночам, избегали людные тракты... к концу путешествия и я, и Стивен были похожи на двух оборванцев, при взгляде на которых становилось жутко. От лошадей, разумеется, нам пришлось избавиться, и последние пару дней мы передвигались почти ползком. Думаю, если бы не Стивен, я не прожила бы в этом мире и двух дней. Спасибо лорду Фотону, обучившему своего наследника воинскому делу.

Я невольно вздохнула. Лорда было жаль. Я настолько привыкла к этому человеку, что воспринимала его как собственного отца. Смерть лорда Фотона стала для меня действительно печальным событием. Вот ведь как странно складывается жизнь! Еще недавно я имела все, чего только можно пожелать, и даже чуть больше. А сейчас я бегу в неизвестность, оставшись и без замка, и без отца, и без приданого. Ну и жениха, (естественно!), как королева языком слизала. Хорошо хоть судьба дала мне старшего брата. Не представляю, что бы я без него делала. Выяснив, что ближайший корабль отправляется в нужную нам сторону аж через неделю, он мудро решил пристроить меня на это время в монастырь (вместе с деньгами и драгоценностями, так надежнее будет). Сам же Стивен, наплевав на плавающие в его жилах три капли королевской крови и доставшийся ему по наследству титул лорда, собрался наняться на корабль квартирмейстером, намереваясь подобным образом отработать наш проезд. Деньги Стивен светить никак не хотел. В принципе, мудрое решение. Теперь мы не являемся ни знатными, ни влиятельными людьми, заступиться за нас некому. Так что если только команда узнает, что у нас есть деньги и драгоценности — живыми мы до берега не доберемся.

Надо сказать, что опыт сидения в монастыре оставил у меня весьма неприятные впечатления. Снова влезать в уродливое платье из мешковины и поститься круглыми сутками не хотелось. Однако другого выхода попросту не было, и я с планом Стивена согласилась. А уж когда мне удалось привести себя в порядок и вымыться, я вообще пришла в хорошее расположение духа. А Стивен меня еще и утешил, сказав, что нашел самый приличный монастырь в округе, ибо пограничный город, до которого мы добрались, просто кишел различными сектами. Николаиты, которые под предлогом, что женщина — исчадие ада и исторгнута из недр преисподней на землю для соращения мужчин, считали более нравственным отдавать предпочтение собственному полу. Гностики впали в другую крайность, утверждая, что женщина призвана быть общей собственностью. Валентиниане, которые не вступали в пререкания с обеими сектами, мудро сочетали обе точки зрения — они утверждали, что дозволены все виды распутства [6]. Было и много чего еще, что просто не поддается описанию. Причем у каждого братства был свой монастырь, своя форма одежды и свой святой, которому они поклонялись. Бог ты мой, да для чего вообще нужны все эти братства? Зачем им эти дурацкие одеяния? Чтобы отличаться от всех, или чтобы заставить всех присоединиться к своему братству? Это было бы неповторимое зрелище: весь мир в капюшонах и масках с двумя круглыми дырочками для глаз. И они еще убеждают, что это угодно Богу! Какому?!

Впрочем, грех жаловаться, мне еще повезло. Монастырь, куда меня поместил Стивен, никакими извращениями не страдал. (Разумеется, если не считать извращением данный монахинями обет вечной девственности). Да и ничем не отличался от того монастыря, в котором я оказалась, впервые попав в этот мир. Такая же стервозная мать-настоятельница (габаритами с небольшого мамонта, несмотря на старательное умерщвление собственной

плоти), те же посты, перила, которые нужно натирать воском и священные истории, которые читали по вечерам. Как-то раз ко мне заскочил Стивен, чтобы проведать, как я живу, и мать-настоятельница тут же заставила меня прочесть ему какую-нибудь историю из «жития святых». Ни мне, ни Стивену этого было до смерти не надо, но деваться было некуда. Ссориться с настоятельницей было глупо, а уж прослыть в ее глазах недостаточно ревностными христианами — еще и опасно. Я подмигнула разозленному Стивену и пообещала, что выбранная мной история ему понравится. Успевший узнать меня получше брат тут же оживился и приготовился слушать.

— Не знаю, в какой стране, но был такой интересный город — Ансир, — начала я занятное повествование. — Так вот. Жили там 7 прекрасных девственниц-христианок, самой юной из которых уже стукнуло 70.

— Сколько? — поперхнулся Стивен.

— 70.

— Элизабет, ты издеваешься? Прекрасные в 70 лет?

— Ты просто никогда не читал священных историй. Между прочим, одна из главных библейских героинь, некая Сарра, умудрялась и в 90 лет кружить фараонам головы, — назидательно поведала я. — Конечно, интересно было бы узнать, какой такой косметикой она пользовалась, чтоб до 90 лет оставаться прекрасной женщиной, но рецепта с тех давних времен не осталось.

— Ерунда! — припечатал мой брат.

— Ты дальше слушай. Не перебивай трагическую историю.

— А это история еще и трагическая? — фыркнул Стивен.

— Разумеется! — поведала ему я. — Потому что кроме семи девственниц жил в Ансире злостный губернатор, которому не нравилось их вероисповедание и праведный образ жизни. И тогда прекрасные старушки были приговорены к тому, чтобы их познали молодые люди всего города.

— погоди, Элизабет, ты точно уверена, что это старушки были осуждены? — уточнил брат, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. — Скорее уж юноши были приговорены к страшному испытанию изнасилования этих 7 девственниц. По крайней мере, такой вариант выглядит более правдоподобным.

— Я тебе священную историю читаю, — фыркнула я. — Так что молчи и верь всему, что в ней написано, если не хочешь прослыть еретиком. Тем более, что никто на этих девственниц так и не польстился.

— И что дальше было? — заинтересовался сюжетом священной истории Стивен.

— А дальше в нашей истории появляется еще одно интересное лицо — некий святой трактирщик Феодот.

— Трактирщик? Святой? — снова перебил меня своим фырканием Стивен.

— Представь себе, — улыбнулась я, изо всех сил стараясь выдержать серьезный стиль

повествования. — Этот трактирщик усердно молился, чтобы престарелые девственницы не стали жертвой каких-нибудь искушений. И так Феодот достал всех своими причитаниями, что святая дева снизошла к его просьбе, и утопила всех семерых старушек. Что оставалось делать бедному губернатору, которого лишили развлечения в виде казни инакомыслящих? Он прекрасно знал, что христиане умеют ходить по воде, как посуху и поставил у озера охрану. Сделал он это как нельзя кстати. Через три дня после описываемых событий одна из утопших старушек привиделась Феодоту во сне. Видимо, в страшном, поскольку тот тут же порешил выловить утопленниц из озера. Надо сказать, что за прошедшие три дня девственные старушки не приглянулись даже рыбам и ракам, так что у Феодота был шанс выудить дам из озера в целости и невредимости. В общем, трактирщик взял с собой пару сообщников и, вооруженный священным рвением, двинулся к озеру.

вернуться

6

Реальные секты с реальными убеждениями, существовавшие в Европе вплоть до 18 века.

— И что, священное рвение помогло ему против стражников озера? — усомнился Стивен.

— Конечно помогло! Потому что к Феодоту присоединился некий небесный воин, местный святой, недавно замученный за христианскую веру.

— Ничего себе!

— Это что, настоящее чудо еще впереди... Страшная гроза с громом, молнией и проливным дождем иссушает озеро.

— Иссушает? — саркастично уточнил Стивен.

— Вот именно, — кивнула головой я, изо всех сил стараясь оставаться серьезной. — Феодот вылавливает своих так и не согрешивших старух и быстро их хоронит.

— Послушай, Элизабет, но это же бред какой то! — помотал головой Стивен.

— Ничего подобного. Священная история засвидетельствована двумя почтенными монахами, один из которых иезуит [7].

— Да мне хоть папа римский! — возмутился брат. — Как можно позволять невинным девушкам читать такие истории? Убийства, изнасилования, чудеса какие-то противоестественные... да еще и инквизитор в качестве достойного доверия лица! Да кто в здравом уме будет верить инквизиции?

— Мало ли, — хмыкнула я. — Ты бы слышал, какие дифирамбы поет святейшей инквизиции наша мать-настоятельница... Она считает, что существование многочисленных сект в этом городе объясняется тем, что местная инквизиция действовала недостаточно решительно и не полностью истребила всех неугодных.

— Полторы тысячи сожженных только за прошлый месяц — это недостаточно решительно? — поразился Стивен. — А резня на островах? После того, как туда прибыли монахи с крестами, там ни осталось в живых ни одного местного жителя! Это как?

— Мать-настоятельница говорит, что инквизиция действовала из благородных побуждений, исходя из интересов христианской цивилизации, — поведала я брату. — И вообще она считает, что инквизиция по своей природе добра, нежна и консервативна [8].

— Интересно, как она запоет, если сама попадет в руки инквизиторов! — буркнул Стивен.

— Главное, чтобы мы туда не попали, — резонно возразила я. — Поэтому, прошу тебя, будь осторожней. Не высказывай своих истинных мыслей, лучше молчи. Нам осталось пробыть в этой стране всего два дня. Кстати, где мы будем размещаться на корабле? Идеально было бы, если бы я вообще никому не попала на глаза. Никто из команды не должен даже заподозрить, что я женщина.

— Как раз напротив, — довольно улыбнулся брат. — Тебе придется быть именно женщиной. У меня есть идея, Элизабет. Наши планы меняются. Через два дня в сторону Топлинга отправляется корабль. Этот город ничем не хуже того, куда мы планировали направиться изначально. Корабль, про который я тебе говорю, принадлежит наследной принцессе Западного Предела Августе. Не знаю уж, какая политическая необходимость заставила ее предпринять визит в нашу страну, однако нам это на руку.

— А откуда ты знаешь эту принцессу? — удивилась я.

— Я был представлен ей, когда находился по королевскому поручению в Западном Пределе, — пояснил брат и так сыто улыбнулся, что мне стало понятно — одним только официальным представлением дело не обошлось. — Увидев леди Августу, я нашел возможность вновь предстать перед ней. Принцесса с удовольствием пригласила меня составить ей компанию до Топлинга.

— А я?

— Я сказал леди Августе, что меня сопровождает родная сестра, получившая достойное воспитание, которая может стать ее фрейлиной. Принцесса, вынужденная обходиться в пути минимальным штатом прислуги, благосклонно приняла мое предложение.

— Но я представления не имею, как быть фрейлиной! — испугалась я.

— Ничего, освоишься! — отмахнулся Стивен. — Это ведь только до Топлинга. Меня гораздо больше волнует, где я смогу купить тебе хотя бы более менее подходящее платье. Достойное роли временной фрейлины.

Платье, которое достал мне Стивен, было действительно довольно приличным, и даже подходило мне по размеру. Принцесса приняла меня весьма благосклонно и даже соизволила объяснить мне мои обязанности. Хм... действительно несложно. Пойди, подай, принеси, составь компанию. Что мне, жалко что ли? Правда, быть фрейлиной всю свою жизнь я вряд ли бы согласилась (условностей и правил на этой работе было столько, что запомнить просто не представлялось возможности), но тем не менее путешествие было вполне приятным. А затем стало еще и полезным, когда я выяснила, что принцесса Августа увлекается не только моим братом (она проводила с ним все ночи напролет) но и магией. Сначала, зная, как свирепствует инквизиция, я этому слегка удивилась, а потом, когда выяснила, что в Западном Пределе инквизиции нет, все встало на свои места. Я осторожно спросила, может ли принцесса открыть портал в другое измерение, но оказалось, что Августа вообще не имеет представления о существовании иных миров. Жаль. Одной надеждой меньше. Но только одной. Ибо у меня возникла идея загнать принцессе эльфийский медальон, причем как можно дороже. Его цену как украшения я у ювелира выяснила, осталось сделать накрутку на его магические свойства.

К моему величайшему удовольствию впарить принцессе медальон оказалось легче легкого. Определив, что золотая вещица действительно обладает магическим потенциалом, Августа заплатила мне в полтора больше того, на что я рассчитывала.

— Мы можем купить дом в центре города, и нанять слуг, — восхищенно сказал Стивен, пересчитывая нашу наличность.

— Нам нужно купить что-нибудь такое, на чем мы сможем зарабатывать деньги, — предложила я. — Иначе рано или поздно наши финансы закончатся, и мы останемся на мели. Я думаю, стоит прикупить постоянный двор для благородных господ. Или игорный клуб.

— Элизабет, с каждым днем ты поражаешь меня все больше и больше! — воскликнул Стивен, но с моей идеей согласился. — Думаю, если дела у нас пойдут на лад, ты снова сможешь найти себе приличную партию.

— Ты тоже, — дружески подколола я брата.

Глава 14

И меркнет свет,

И молкнут звуки,

И новой муки ищут руки.

Но если боль твоя стихает,

То завтра будет новая беда.

«Воскресенье»

Шерман остановил коня и принюхался. В этом новом мире он чувствовал себя неуютно несмотря на все заверения Властителя, что норлоку теперь ничего не угрожает, достаточно только продемонстрировать татуировку на запястье. Однако Шерман не слишком-то верил словам. Да, конечно, покопавшись в памяти своего двойника, он выудил информацию, что же означает татуировка, которой его «осчастливил» Таштен. Теперь он являлся воином Властителя, и ни один правитель не имел права призвать его к ответу. Хм... ну, то, что его не повесят за грехи его двойника, было, конечно, хорошо. Однако Шерман сильно сомневался, что татуировка сможет защитить его от слишком ярых блюстителей закона и уж тем более от разбойников. Во всяком случае, приобретенная память подсказывала ему, что тот бандит, в чье тело он попал, не остановился бы перед подобным препятствием. Особенно если бы знал, что у воина Властителя есть чем поживиться. А у Шермана было. Денег он с Таштена в качестве аванса стягнул не мало. И наверняка разбойники об этом пронюхали. Потому что не может человек, купивший хорошего коня (а Шерман не поспешил, ибо «светить» собственную сущность норлока не хотел) и имевший в арсенале неплохое оружие быть без денег! А потому Шерман периодически оглядывался, принюхивался и прислушивался, во избежание неприятных инцидентов.

Не напрасно. Похоже, за ним кто-то следил. Надо же... столько времени ничего не происходило, а тут на тебе! В идеале Шерман хотел добраться до Брин без приключений. Впрочем... он был слишком опытным путешественником, чтобы не понимать, что этот идеал

недостижим. Вначале, когда Шерман только почувствовал слежку, он даже не поверил собственным ощущениям. Ну кто может быть столь неразумен, чтобы связаться с норлоком? Потом Шерман вспомнил, что о его расе в данном мире даже не слышали, и хмыкнул. Кажется, ему предстояло небольшое развлечение. Ну и сколько же у нас там преследователей? Шерман напрягся. Пфе! Всего-то двое. Ну, максимум трое. Причем они так шумели, что их мог засечь бы даже человек, будь он внимательнее. Боги и Властители! Их что, совсем не учили двигаться? Похоже, нет... ну, что ж. Это их проблемы. Интересно, а что разбойникам нужно от Шермана? Разумеется, жажда денег — это великое дело, но не настолько же, чтобы терять разум и связываться с воином Властителя. Ведь понятно же, что воин не позволит так просто ошипать себя, словно куропатку. Разумеется, у двойника, в теле которого оказался Шерман, были враги, но не настолько серьезные, чтобы посылать наемников за его головой. Так какого же гоблина за ним устроили слежку? Неужто Властитель его подставил? Маловероятно. Ему все-таки нужно найти медальон. Тьфу! Похоже, надо будет оставить в живых одного из преследователей и допросить его с пристрастием. И кажется, это случится с минуты на минуту, поскольку преследующие норлока люди постепенно начали его догонять. И Шерман совершенно не собирался им в этом препятствовать. Напротив.

вернуться

7

Реальная побасенка из серии «Жития католических святых».

вернуться

8

Автор сей «гуманной» фразы — Жозеф де Местр (1753–1821) граф, иезуит. Весьма просвещенный человек своего времени.

Норлок принял расслабленный вид, заставив коня перейти на прогулочный шаг, и проверил, взведены ли арбалеты и легко ли выходит меч из ножен. Гоблины, да что же эти придурки так шумят-то? Специально что ли хотят, чтобы их услышали? Или может... Шерман сосредоточился и прислушался внимательнее. Точно! Преследователи приготовили ему неожиданный сюрприз в виде еще одного человека, засевшего в кустах впереди. Однако, профессионально... если бы Шерман не был норлоком, он бы его не почувствовал. И не услышал. Все интереснее и интереснее... это кому же он так помешал? Шерман еще раз прислушался, желая убедиться, что в засаде сидит только один человек, и, неуловимым движением выхватив арбалет, пустил в кусты стрелу. Хлопок, сдавленный стон, запах смерти... прекрасно. Теперь нужно поприветствовать своих преследователей. Они начали шуметь так, что не обратить на них внимания не было уже никакой возможности. Если ты не глухой. Однако у Шермана, почему-то, было подозрение, что глухих в воины Властителей не брали.

— Именем короля, остановись, бандит! — закричал один из преследователей.

Шерман остановился. Нет, вовсе не потому, что его попросили. Просто нужно было перезарядить арбалет и разглядеть, наконец, тех, кто его преследовал. Так, что у нас тут? Трое типов, одетых в форму королевской стражи. Хм... вообще-то, Шерман мог бы продемонстрировать им браслет, оповестив рьяных блюстителей порядка, что больше он их суду не подлежит. Однако (несмотря на все заявления Властителя) у Шермана были серьезные

сомнения в том, что преследователи оставят его в покое. Если они не полные дураки (а норлок склонен был предположить, что это именно так), они наверняка расспрашивали о нем в тех трактирах, где он останавливался. И разумеется, им не преминули рассказать, что тип, за которым они столь усердно охотятся, теперь состоит на службе у Властителя. Однако преследователей это не остановило. И если Шерман хоть что-нибудь понимал в людях, они ехали с явным намерением его уничтожить. Не арестовать, дабы заставить понести заслуженное наказание за все свои злодеяния, а именно убить. И это было довольно странно. Впрочем, дальше раздумывать уже было некогда. Трое преследователей вытащили мечи и кинулись на норлока. Хм... ну, хорошо хоть стрелять не стали. От трех арбалетных болтов одновременно ему вряд ли удалось бы увернуться. Хотя... если они и стреляют так, как сражаются...

Неизвестно, на что надеялись нападавшие. Толи на свой численный перевес, толи на находившегося в засаде человека, но действовали они не слаженно и не профессионально. Шерману без особого усилия удалось уклониться от меча одного, лишить руки другого и снести голову третьему. Добить однорукого не составило особого труда, а с оставшимся пришлось повозиться. Убивать его Шерман не хотел, а нанести достаточно серьезную рану получилось не сразу.

— Кто тебя нанял и зачем? — склонился норлок над поверженным противником.

— Нам заплатили, чтобы мы убили тебя, — испуганно сознался человек. — Не знаю кто. Клянусь богом, не знаю! Бранд знал. Он должен был сидеть в засаде.

— Вот гоблин! — выругался Шерман, вспомнив, что одинокого сидельца в кустах он убил первым. — Ты знал, что охотишься за воином Властителя?

— Нам сказали... поэтому мы и нанялись вчетвером...

— Понятно, — вздохнул Шерман, и добил поверженного врага.

Норлоку действительно много становилось понятным. Похоже, Властитель о многом умолчал. И Шерман непременно задаст ему пару неприятных вопросов сразу, как только Таштен с ним свяжется. За норлоком шла охота. Причем не как за разбойником Шерманом, а именно как за воином Властителя. Интересно, почему? Четверо людей, один из которых явно был профессионалом (жаль, что Шерману пришлось пристрелить его еще до начала сражения, хотя... иначе он, наверняка, выстрелил бы норлоку в спину), безусловно смогли бы справиться с обычным человеком. Только норлок мог почуять засаду впереди и сделать точный выстрел из арбалета. Только для него эти воины были недостаточно серьезными противниками. Шерман это понимал. Потому и пристрелил человека, которого допрашивал. Иначе тот непременно вернулся бы обратно. И рассказал бы о неудавшемся нападении. Причем Шерман не сомневался, что наниматель сумел бы отличить правду от преувеличений и наверняка бы задумался, с чего это вдруг обычный бандит приобрел не совсем обычные способности. Истинная ипостась была на данный момент главным козырем Шермана, и тот не собирался рисковать, открывая его раньше времени. Ему нужно было добраться до моря как можно незаметнее, а там... там тоже его наверняка будут ждать проблемы. Во-первых, потому, что стража Людовика 27 его не любит, (и имеет на то веские причины, ибо двойник Шермана «засветился» на их землях по полной программе), а во-вторых, таинственный недруг, покушавшийся на его жизнь, наверняка не оставит своих попыток. Впрочем... об этом можно было подумать и на борту корабля. Причем уже после того, как он отойдет от берега на безопасное расстояние. Тем более, что у бандита Шермана в маленьком приморском городке была пара знакомых, которые наверняка не откажутся переправить его в другую страну.

До неприметного трактирчика на окраине города Шерман добрался только к вечеру. Да уж, мысль Властителя дать норлоку доступ к памяти своего двойника была весьма мудрой. Знание окружающего мира довольно серьезно облегчало жизнь Шерману. Вот и сейчас — он прекрасно знал, куда нужно идти и к кому обратиться. А если ему немного повезет... Шерман перешагнул порог трактира и облегченно вздохнул. Кажется, удача сегодня была на его стороне. За одним из угловых столиков сидел капитан «Астреи» Ялс. Это было хорошо. Приобретенная память подсказывала норлоку, что Ялс будет очень рад его видеть. И, весьма вероятно, согласится ему помочь. Ибо ничто так не сближает людей, как совместные пиратские рейды и побег из тюрьмы.

— Ялс? Тебя ли я вижу? — хищно улыбнулся норлок.

— Шерман? Это ты? — радостно подскочил на своем стуле капитан. — Черти бы тебя подрали! Я только сейчас о тебе вспоминал! Где тебя носило? До меня даже доходили слухи, что ты мертв!

— Не верь всему, что слышишь, — отшутился Шерман, позволяя Ялсу облапать себя и похлопать по спине. Хватка у капитана была воистину медвежьей.

— Ты вовремя появился, — снова сел на свое место Ялс и пригласил Шермана присесть рядом. — Есть неплохой шанс заработать.

— Не получится. Но буду по гроб тебе обязан, если ты возьмешь меня на борт и скинешь максимально близко к владениям лорда Фотона.

— Ты продался? — возмутился Ялс. — Где были твои мозги? Мы же договаривались действовать вместе!

— Думаешь, у меня был выход? — огрызнулся Шерман.

— Тогда наплюй на все! Моя «Астрея» поможет тебе скрыться от любых обязательств!

— И от этих? — мрачно поинтересовался норлок, показывая татуировку на запястье.

— Вот черт! — расстроился Ялс. — Да уж... от Властителя не убежишь. Но какого дьявола ему понадобилось от тебя? Да еще и на землях лорда Фотона?

— Найти какой-то медальон, — отмазался Шерман. — Ну так что, ты возьмешь меня на борт?

— Спрашиваешь! — обиделся Ялс. — Но дай мне слово, после того, как ты развяжешься с Властителем, ты пойдешь со мной в рейс!

— Хорошо, — согласился Шерман, ни мало не надеясь, что он вообще когда-нибудь избавится от Таштена.

Ялс тут же расплылся в улыбке и приказал подать еще пару кувшинов вина. Шерман развалился на стуле и расслабился. Отдохнуть было просто необходимо. Непрерывная скачка оставила его без сил, а его коня довела до такого состояния, что Шерман с трудом смог продать его за полцены. Норлок уписывал горячий ужин и внимательно слушал новости, которые рассказывал ему Ялс. Новости были неутешительные. Герцог Гарри Картасский собирался восстать против своего брата и сюзерена короля Людовика 27. Ну а поскольку лорд Фотон, в чьи владения держал путь Шерман, будучи верным вассалом короля, наверняка отправится сражаться за своего августейшего повелителя, на его землях будет неспокойно.

Шерман скривился. Путешествовать по стране, в которой идет война, ему совершенно не хотелось. Однако мысль о том, что в эпицентре военных действий окажется Брин, заставляла Шермана нервничать. Настолько, что он постоянно подгонял Ялса. В конце концов, капитан даже рывкнул на неумного норлока, чтобы тот не мешался под ногами, и Шерману пришлось отступить. Ялс действительно делал все, что мог. И «Астрея» летела к цели на всех парусах. Однако норлоку этого казалось недостаточно. Он метался по палубе, по своей каюте, бесился от того, что не знает, где сейчас Брин и не может ей помочь...

Шерман понимал, что ведет себя как полный идиот. Его чувства к Брин были полным безумием, но избавиться от них норлок не мог. Хотя и пытался. Много раз пытался. Шерман не раз говорил себе, что последовать за Брин было полным идиотизмом, что баб на свете полно, и любая из них будет просто счастлива разделить с ним постель, что такие типы как он вообще влюбляться не могут, однако это не помогало. Его собственные чувства противоречили словам. Он отнюдь не испытывал сожаления, что последовал за Брин. Более того, Шерман прекрасно отдавал себе отчет в том, что если бы ему представился еще один шанс, он поступил бы так же. Вот ведь гоблин! Да как же это его угораздило-то? Разве это не его, не Шермана, называли хладнокровным циником, бессердечным кобелем, бесчувственной сволочью и еще многими, многими «ласковыми» словами? И вот итог — всего один укус змеи, и любовный яд отравил его кровь и лишил его разума. Норлок еще надеялся, что испытываемые им чувства не так уж серьезны и пройдут со временем, как проходило все остальное, но с каждым днем эта надежда таяла. Мысль о Брин не покидала Шермана ни днем, ни ночью. Невозможно было даже на некоторое время забыть и перестать думать о ней. Шерман поморщился. Лучше бы его ранили в какой-нибудь схватке! Боль от ран была привычнее. И она со временем проходила. Брин, сама того не желая, скрутила его в безнадежный и болезненный узел. Шерман отчаянно тосковал в разлуке с ней и изо всех сил стремился к ней навстречу. Практически не спал, перекусывал в седле, загонял лошадей, двигался без них (когда предоставлялась такая возможность) и все-таки... все-таки не успел.

Шерман понял, что опоздал, едва только ступил на земли лорда Фотона. Надежда найти Брин еще до того, как начнутся военные действия, растаяла, как туман. Горящие деревни и рыскающие в окрестностях разбойничьи шайки не оставляли никаких шансов. Необыкновенная злость, боль и отчаяние охватили Шермана, но он только сжал зубы. Не сдаваться! Только не сдаваться! Не позволять себе думать о том, что Брин могла стать добычей разбойников! Шерман раздраженно потер знак на татуировке, но возникшая перед ним карта ничего нового не сказала. Медальон находился во владениях лорда Фотона. Но где именно? Карта на этот вопрос ответить не могла. Ну и что делать? Прошерстить все владения, заглядывая в лицо каждой встречной женщине? Шерман был готов на это безумство. Однако для начала неплохо было бы добраться до замка лорда Фотона. Насколько Шерман знал Брин, она непременно воспользовалась бы любым удобным случаем, чтобы туда попасть, хотя бы в качестве менестреля. Шерман хмыкнул. Его драгоценная Брин терпеть не могла неудобств и отсутствия денег. Так что прежде, чем отчаиваться, он непременно должен был попасть в замок. Наверняка там норлок сможет узнать что-нибудь более определенное. Красоту Брин невозможно не заметить. И не запомнить.

Таштен лежал на диване и скучающе смотрел на маячок сигнализации. Он оставался темным и неподвижным. В принципе, Властитель и не надеялся, что накопитель обнаружит себя в ближайшее время, но глаз с маячка не спускал. Мало ли. Нанятый им норлок уже добрался до владений лорда Фотона, но пока тоже не нашел ничего интересного. Впрочем... не стоит быть слишком привередливым. Этот Шерман воистину был находкой. Он действовал настолько быстро, как не сумел бы ни один другой человек. Жаль, что магические законы не позволяли следить за Шерманом постоянно. Смотреть на работу профессионального воина было одно

удовольствие. Чувство милосердия и понятие «угрызение совести» Шерману, похоже, вообще не были знакомы. Ну и к лучшему, поскольку в игру, похоже, вступил Панек. Похоже, этот сволочной тип вычислил Шермана по татуировке на руке и послал за ним наемных убийц. Убийцы остались лежать в лесу без малейших признаков жизни. Разумеется, Таштен понимал, что магический сигнал татуировки может привлечь внимание другого Властителя, но по-другому поступить просто не мог. А как еще, скажите, он может удерживать на поводке Шермана?

Таштен потер уставшие глаза и вновь упрямо уставился на маячок. Нет, он совершенно не собирался жалеть о татуировке. Ведь помимо того, что она давала возможность связываться с Шерманом, а самому норлоку показывала территорию нахождения медальона, это была еще и гарантия. Абсолютная гарантия того, что Шерман будет лоялен и выполнит задание до конца. Таштен был слишком большим реалистом, чтобы себе врать. Шерман вовсе не проникся желанием ему служить и выполнять его приказы. Он ищет свою девчонку. И как только найдет... вполне может отказаться от поисков медальона. Даже за цену возвращения домой. В конце концов, этот авантюрист прекрасно чувствует себя в другом мире. И что тогда будет делать Таштен? А все очень просто. Таштен прочитает заклятье, и татуировка начнет действовать. Жизнь Шермана окажется в руках Властителя, и тот преминет сообщить об этом норлоку. Интересно, каково будет этому наглецу, когда он выяснит, что вместе с новым телом получил и браслет полного подчинения? Своеобразный рабский ошейник?

Вспышка маячка заставила Таштена отвлечься от приятных размышлений. Кто-то воспользовался накопителем! Ну, что ж, теперь игра пойдет веселее. Наверняка Панек тоже засек всплеск магии. Теперь найти медальон не составит особого труда. Магический след использованного заклятья будет тянуться за ним еще как минимум месяц. Этого времени за глаза хватит, чтобы вернуть накопитель. Во всяком случае, Таштен очень на это надеялся.

Полученное от Властителя задание разозлило Шермана донельзя. Впрочем, он и так находился не в лучшем настроении. Ему удалось выяснить, что Брин каким-то образом удалось стать дочерью лорда Фотона. Видимо, она оказалась в нужном теле в нужное время. Во всяком случае, Шерман сильно сомневался, что на территории лорда найдутся две девушки с внешностью Брин, да еще и владеющие искусством менестреля. Выяснил норлок и то, что Брин (на ее счастье) удалось бежать из замка вместе с братом. Судя по тому, что войско барона де Голль, верного герцогу Гарри Картасскому, вошло в гостеприимно открытые ворота замка буквально на следующий день, сделала она это удивительно вовремя. Однако куда направились беглецы — естественно, не знал никто. Иначе давно бы уже выслали погоню. С одной стороны, Шерман был рад, что Брин в надежных руках мужчины, считающего ее своей сестрой, а с другой... он так хотел ее увидеть! И клял всех богов, позволивших им разминуться. А тут еще Таштен со своими приказами!

Известие о том, что какой-то маг воспользовался медальоном, несколько Шермана ошарашило, ибо означало только одно — медальон попал к другому человеку. И Властитель даже с казал к какому — к наследной принцессе Западного Предела Августе. Но куда делась Брин? И почему она решила расстаться с медальоном? Таштен приказал Шерману наняться к принцессе и выкрасть у нее медальон. Честно говоря, норлоку хотелось послать Властителя куда подальше, но Августа была единственным шансом узнать, что стало с Брин. Шерману бы только подобраться поближе к этой венценосной особе, а там он выяснит, и как принцесса обзавелась медальоном, кто ей его продал, и (главное!) где девушка, которая носила его раньше. Если Августа сумела воспользоваться этим накопителем, значит, у нее есть магические способности. И она без проблем сможет найти Брин даже в том случае, если действительно не знает, где та находится. Насколько Шерман разбирался в магии, заклятье поиска по вещи было

одним из самых простых и доступных. Ну, что ж... он найдет эту принцессу. И она даст ответы на все интересующие его вопросы.

Норлок старался двигаться по ночам, ибо покупать коня и снижать скорость совершенно не хотел. Спал он днем и только урывками, стараясь не попадаться на глаза людям. При такой жизни костюм его скоро обтрепался, и Шерман стал походить на бродягу. Если, конечно, не считать оружия, которым он был буквально обвешан по уши. Норлок прикинул, сколько еще добираться до порта, откуда можно было бы переправиться в Западный Предел и решил срезать дорогу через лес. Так определенно будет лучше. Ни лишних глаз, ни попутчиков. Лес был настолько темным и густым, что в нем немудрено было и заплутать, так что вряд ли кто-нибудь из людей решится сюда сунуться. Во всяком случае, единственной тропинкой, которую нашел Шерман, последнее время пользовались разве что мыши, так основательно она заросла. Правда, настырная память, приобретенная вместе с телом, твердила, что лес может быть опасен, но чем конкретно — не уточняла. Во всяком случае, ничего более вразумительного, чем ссылка на местные крестьянские байки, Шерман так и не услышал. Однако норлок не был суеверным. И напугать его было весьма проблематично. Так что настырная память была отправлена мысленным пинком куда подальше, и норлок продолжил движение.

На счастье Шермана, Властитель не соврал ему хотя бы в одном — приобретя новое тело, норлок не утратил способностей своей ипостаси, и по-прежнему мог передвигаться пешком даже быстрее, чем на коне. Которого, кстати говоря, еще и кормить чем-то нужно было. Да и вряд ли верхом можно было продрасть через этот лес. Шерману и так периодически приходилось мечом расчищать себе дорогу. Тщедушная тропка давно уже смылась куда-то из-под ног, но норлоки отлично чувствовали направления, и заблудиться Шерман не боялся. Другое дело, он начал понимать, что крестьяне все-таки были правы, и с лесом действительно что-то не так. Наслаждаясь тишиной, норлок не сразу обратил внимание на то, что тишина эта была абсолютной. Ни пения птиц, ни запаха зверей, ни даже стрекотания насекомых. Шерман замер, сосредоточился, но опасности не почувствовал. Хотя... что это? Норлок удивленно приподнял бровь и даже мотнул головой, пытаясь избавиться от наваждения. Ему показалось, что одно из деревьев сдвинулось с места. Да нет, не показалось. Вот двинулось еще одно дерево... и еще... несколько деревьев двигались прямо на Шермана, беря его в круг, и какой-то нахальный корень обхватил его щиколотку. Это быстро вывело норлока из оцепенения. Он выхватил меч, отсек корень и бросился бежать. Надо сказать, это было для норлока свежим ощущением. Убегать с поля боя ему не приходилось еще ни разу. Однако сражаться с деревьями, в десятки раз превосходящими его в численности и силе, норлок не собирался. Он еще не сошел с ума.

Шермана спасло то, что деревья двигались медленно, и что в местном лесу не было лиан, которые могли бы оплести его тело. Нахальные корни, правда, то и дело пытались ухватить его за ноги, но Шерман перепрыгивал через них не глядя. Реакция и быстрота его истинной ипостаси помогали ему уворачиваться, проскальзывать, сопротивляться... наконец, Шерман вылетел на скалистый уступ и перевел дух. Деревья за ним не последовали. Видимо, по камням они двигаться не могли. Норлок огляделся и мрачно выругался. С этого выступа у него было два пути — либо обратно в лес (а туда Шерман определенно не собирался), либо вниз, по почти отвесной стене. И это тоже было малорадостной перспективой. Норлок нагнулся и заглянул за край. Спуск был весьма опасным предприятием. Однако, поскольку никакого другого выхода все равно не было, нужно было рискнуть. Инстинкты норлока не должны были его подвести.

Повелитель Восточного Предела черный маг Шурф никак не мог уснуть. Сделанное открытие настолько взбудоражило его, что он не мог даже закрыть глаза. На территорию соседнего королевства попал накопитель магической энергии! Сначала Шурф и сам не поверил

собственным выводам, но вскоре исчезли всякие сомнения. Наследная принцесса Августа раздобыла где-то накопитель! Шурф возбужденно подскочил на постели. Девчонка наверняка не знает, что это такое, иначе не использовала бы его для заурядного заклятья защиты собственных границ! А вот Шурф прекрасно понимал, какие перед ним откроются перспективы, если ему удастся захватить накопитель. Черный маг вполне мог стать Властителем! Если, конечно, ему повезет, и магической силы окажется достаточно. Но даже если нет... Шурф сможет стать самым могущественным черным магом в этом мире. Оставался только один вопрос — как отнять накопитель у Августы. Попытаться купить? Бред! Августа еще неопытный маг, но не настолько, чтобы расстаться с вещью огромной магической мощи. Да и потом... принцесса ненавидит Шурфа, не раз и не два пытавшегося захватить ее земли, и не продаст магу даже прошлогоднего снега. Остается похищение. Однако после того, как Августа защитила свои границы, это тоже стало довольно проблематичным. Впрочем... в защите всегда можно отыскать брешь. И попробовать снова завоевать вожделенные земли, объединив Предел в единое государство. Тем более, что отец Августы, король Митрил скончался при невыясненных обстоятельствах (Шурф очень постарался, чтобы обстоятельства остались невыясненными), а одна Августа вряд ли справится с защитой страны. Пока она не замужем, она даже не королева. И бывалые воины, воевавшие под началом ее отца, наверняка не питают к ней почтения. А верность... верность можно купить. Если предложить подходящую цену.

Шерман лениво подпирал стену с гобеленом, наблюдал, как король Истрии Генрих X копается в свитках и задавал себе только один вопрос — почему ему так не везет с королевами? Принцесса Августа, ставшая женой Генриха, безумно напоминала норлоку Эльтель — такая же манерная, самовлюбленная и недалекая. Даже внешне Августа чем-то напоминала эльфийку — только волосы черные, и ростом повыше. Шерман вздохнул. Генрих относился к нему хорошо, и женить его на Августе было просто свинством, но норлок просто не увидел другого выхода. Подобраться к тогда еще принцессе Августе более простым способом Шерману не удалось. Наняться в ее войско он не смог, поскольку возомнившая себя великим магом принцесса сказала, что вообще не нуждается в воинах, а проникнуть во дворец в качестве простого посетителя было так же проблематично, как победить в одиночку дракона. С драконом даже было проще — он, по крайней мере, не был напичкан смертельными магическими заклинаниями. Сделав несколько неудачных попыток добраться до принцессы, чуть было не стоившие ему жизни, Шерман временно отступился и начал действовать с другого края. Он нанялся в войско короля Генриха X, который был соседом Августы, выбился в его личные телохранители, и начал капать монарху на мозги. Дескать, долго ли королю ходить неженатым? Надо думать о наследнике. Да и поганый черный маг Шурф очень уж активизировался, нужно заключать союз с соседями. А что может быть лучше, чем брачный союз? Тем более рядом как раз незамужняя принцесса Августа. Которой, кстати, тоже нужно выйти замуж, если она хочет стать королевой и удержать в руках власть.

Семена попали на благодатную почву. Похоже, Генрих и сам подумывал об этом браке, но боялся, что ему откажут. Вот еще! Даже Августа не была душой настолько, чтобы отказаться от военного союза накануне войны. Так что свадьбу сыграли, причем (по королевским меркам) с величайшей поспешностью. Вовремя. Черный маг Шурф, повелитель Восточного Предела, собирался предпринять очередную попытку захватить земли Западного Предела и Истрии. По большому счету, Шерману не было до этого никакого дела. Он не собирался ввязываться в политические свары, а уж тем более в войны. Его гораздо больше интересовал висевший у Августы на шее медальон, однако подобраться к нему норлок по-прежнему не мог. Королева никогда его не снимала, а магическую защиту Шерман преодолевать так и не научился. Так что из всего произошедшего с норлоком за последнее время, его радовало только одно — нашлась Брин. Нет, даже не так. БРИН НАШЛАСЬ!!! Шерман не поверил собственным ушам,

когда угрозами, лестью и ложными обещаниями выудил из Августы всю нужную информацию о бывшей владелице медальона. Оказалось, что Брин вместе с братом жила в Топлинге, имела в своей собственности приличный дом и постоянный двор для высокопоставленных особ. Сначала Шерману показалась странной столь полная осведомленность Августы о местонахождении Брин. Он даже заподозрил королеву в злобном вранье с какими-то одной только ей известными целями. Однако, когда норлок поднажал на Августу сильнее, ситуация прояснилась, и разгадка оказалась до смешного простой. Выяснилось, что появившийся у Брин брат был... одним из любовников королевы Августы. Воистину, мир тесен. И полон невероятными совпадениями.

Естественно, первое, что сделал Шерман, узнав, где находится Брин — выпросил у короля Генриха отпуск на пару дней. Он должен был с ней увидеться! Норлок столько времени тосковал по Брин, что больше не мог ждать ни минуты. Впервые в жизни Шерман пожалел, что его истинная ипостась не имеет крыльев. Он хотел видеть Брин сию секунду! Обнять ее, прижать к себе, сказать... да какая разница, что сказать! Лишь бы только увидеть... коснуться... понять, что это не сон... К счастью, король Генрих отпустил его без всяких проволочек. И даже посоветовал купить даме сердца подарок.

— С чего вы, ваше величество взяли, что это дама сердца? — буркнул недовольный Шерман.

— Я видел тебя в сражении. Ты был неумолим и жесток. В одном из военных конфликтов ты спас мне жизнь, приняв удар врага на себя. Ты был ранен. И когда лекарь предложил отрезать тебе ногу, ты даже глазом не моргнул! Просто сказал спокойно: «Какая жалость. Мы с ней так крепко привязаны друг к другу». Я стоял рядом и то плакал, то что-то бормотал, а ты, растоптанный почти до полусмерти, был хладнокровен, словно железный. Я видел тебя пьяным в дым, я видел тебя ослепленным яростью, но я никогда не видел тебя таким, — усмехнулся король, впившись в норлока испытующим взглядом. — Ты буквально на коленях молил меня о каком-то несчастном двухдневном отпуске. Ты, который просить что бы то ни было всегда считал ниже своего достоинства, предпочитая брать сам. Это что, нормально? А потрепанный черный шнурок, который ты носишь на своей одежде так, будто это величайшая драгоценность? А твои поиски подходящего костюма, способного произвести впечатление? Шерман, да ты никогда не обращал на одежду особого внимания! Так же, как и на знаки отличия! А теперь ты шарить по тумбочкам, пытаешься отыскать все награды, коими я тебя одарил, и которые ты никогда не носил, засунув их невесть куда. Ну и что может послужить причиной столь необычных поступков? Женщина. Причем любимая женщина, ибо ради любой другой ты не сдвинулся с места. А я-то все гадал, почему ты игнорируешь королевских фрейлин...

— Ваше величество весьма наблюдательны, — вздохнул Шерман.

— Поэтому я и советую тебе приобрести подарок своей даме сердца. Насколько я знаю, ни украшений, ни цветов ты еще не купил? — вопросительно приподнял бровь Генрих.

— Э-э-э... куплю, — пообещал Шерман и, откланявшись, покинул августейшую особу.

Цветы... ну, что ж. Неплохая идея. Шерман настолько потерял голову от Брин, что готов был даже на это. Цветы, подарки... хоть серенады под окном! Все, что угодно ради ее взгляда... улыбки... жеста... все, что угодно! Норлок настолько спешил увидеть Брин, что даже забыл об осторожности, пользуясь преимуществами своей истинной ипостаси. В Топлинг Шерман прибыл уже ближе к вечеру. Разумеется, нужный дом норлоку удалось найти без труда, но проникнуть внутрь он не спешил. Ему хотелось встретиться с Брин наедине. Без свидетелей и лишних глаз. Поскольку соблюдать идиотские правила этикета и держаться на расстоянии от желанной женщины Шерман просто не сможет. Остался проверенный временем выход —

окно ее спальни. Но какое именно из окон вело в спальню Брин? Впрочем... вряд ли для норлока данный вопрос мог стать серьезным препятствием. Если понадобится, Шерман заглянет во все окна. И найдет спальню Брин. Уж чего-чего, а ее запах он узнает из тысячи.

* * *

Мир, в котором я оказалась, с каждым днем нравился мне все меньше и меньше. Несмотря на то, что средневековье — это, казалось бы, самое рыцарское время, отношение здесь к женщине оставляло желать лучшего. Да, местные кавалеры красиво ухаживали, рассыпались в комплиментах, сражались на турнирах и пели серенады под балконами, но по жизни... по жизни женщина не имела никаких прав. Вообще. Она была вещью. Красивой, ценной, оберегаемой, но вещью. Женщина не имела права ни владеть собственностью, ни (упаси боже) вести собственное дело. Так что владельцем всего того, что мы купили со Стивеном в Топлинге, оказался мой брат, и меня это несколько напрягало. Слишком уж я не любила быть зависимой. Разумеется, я скопила немного денег на «черный день», благо выкупленный нами постоялый двор для состоятельных господ давал нехилый доход (я даже не ожидала), но этого было недостаточно. Просуществовав в данном измерении приличное количество времени, я прекрасно понимала, что сколько бы я денег ни накопила, мне это не поможет. Одна я в этом мире существовать не смогу. И выхода из сложившейся ситуации было всего два — либо искать подходящего мужчину, либо идти в монастырь. Ни то, ни другое меня не грело. Монастырями я была уже сыта по горло, а с подходящими мужчинами в данном мире было так же туго, как и в моем собственном. И мой ненаглядный старший братец являл собой яркий пример этого дефицита.

Нет, сначала-то все было хорошо. И даже более чем. Стивен послушался разумную меня, и не стал покупать шикарный особняк в центре города, удовлетворившись вполне приличным домом. Удалось мне уговорить его и купить постоялый двор, хотя занятие столь низменным бизнесом, безусловно, не соответствовало титулу лорда. Впрочем... после того, как Стивен нанял управляющего, он несколько успокоился на этот счет, и первые пару недель наша жизнь была вполне терпимой. Я следила за порядком в доме, держала под контролем управляющего, а Стивен налаживал контакты с местной знатью. С этого, собственно, все и началось. Нет, мне что, было мало того, что брат вообще не помогал мне ни в чем, даже не вникая в дела? Толку от Стивена было меньше, чем от козла молока. Вы думаете, что меньше, чем ничего, быть уже не может? Может! Когда козел начинает тащить из дома все, что плохо лежит. Причем сначала Стивен оправдывал это долгами чести, ибо пристрастился играть (можно подумать, мне было легче от его оправданий), а затем... решил ни много, ни мало, стать любовником королевы. Как вам это?

Когда Стивен сообщил мне о своем намерении (разумеется, будучи изрядно под «мухой», потрезвому он такие вещи с собственной сестрой, которую считал невинной девицей, и обсуждать бы не стал) я просто выпала в осадок и решила, что у него поехала крыша. Потом выяснилось, что королева, на которую польстился Стивен, была никто иная, как Августа. Разумеется, я помнила эту принцессу, которая вывезла нас с братом на своем корабле в Топлинг! Тем более, что мне пришлось занять должность ее фрейлины. Помнила я и то, как явно благоволила Августа к Стивену, буквально не выпуская его из своей постели. Но понять, зачем ей нужен мой брат уже после того, как она остепенилась, удачно выйдя замуж за короля Истрии Генриха X, было выше моих сил. Стивен, конечно, был парень симпатичный, но не настолько же, чтобы сразу после свадьбы пускаться во все тяжкие! И потом... я волновалась за Стивена. А ну как его застукает кто-нибудь в постели Августы? Наверняка за такое дело король приговорит его к смертной казни. Однако Стивен моих разумных доводов слушать не хотел. Он бросил играть, и ударился в другую крайность. Теперь он вытягивал деньги из семейного бизнеса на покупку пышных нарядов для себя любимого и подарков для Августы. Причем

поскольку Августа была королевой, подарки эти были весьма дорогостоящими. Нет, я понимаю конечно, что являться к женщине в постель с пустыми руками неприлично, но не до такой же степени! И вообще... разве это не королевы должны одаривать своих фаворитов подарками?

Нет, мир, в который я попала, мне абсолютно не нравился. И при одной только мысли о том, что мне суждено провести здесь всю свою жизнь, меня охватывала тоска. Один день был похож на другой, и вскоре они слились для меня в длинную череду серой обыденности. Не радовали ни наряды, ни кавалеры, ни даже отложенная на «черный день» сумма, которая продолжала расти. (Поскольку основной доход забирал Стивен, мне приходилось переодеваться и выступать на постоялом дворе перед благородными господами). Однако даже творчество не приносило мне ни удовольствия, ни облегчения. Я тосковала. И тоска эта с каждым днем становилась только сильнее. Впрочем... неудивительно. Ибо причиной этой самой тоски был ни кто иной, как Шерман. Глупо... я-то надеялась, что со временем мне удастся забыть о норлоке, а на деле получалось, что время не только не лечило, но и растравляло раны. Выкинуть норлока из головы оказалось попросту невозможно. Я уговаривала себя, напоминая, что Шерман сволочь, что он меня использовал, что он вообще остался в другом мире и увидеться нам больше не суждено, но глупые чувства не желали прислушиваться к разумным доводам. Иногда меня это даже пугало. Что я буду делать, если моя любовь к Шерману так и не перегорит?! Это казалось маловероятным, но, судя по тому, как мне не везет в последнее время, вполне могло произойти. Да уж, теперь-то я понимала, что значит «умирать от любви». Жизнь без Шермана казалась мне воистину невыносимой.

Я еще раз проверила, все ли в порядке в доме, поднялась в свою спальню, упала на постель прямо в платье и прикрыла глаза. Привычный ритуал, завершающий мой день, стал практически машинальным. Я знала, что слуги вышколены на совесть, и знают свое дело отлично, однако все равно постоянно их проверяла. Работа давала мне возможность отвлечься и обо всем забыть. По крайней мере, до тех пор, пока я снова не останусь одна.

— Брин, — позвал меня знакомый голос. Я подскочила на кровати и неверящим взглядом уставилась на неожиданного посетителя. Нет! Не может быть! Шерман?

— Шерман! — наконец поверила я собственным глазам и кинулась к норлоку.

— Брин... — Шерман поймал меня в объятия и принялся осыпать поцелуями мое лицо. — Властители, как же я по тебе скучал! Как же долго я искал тебя в этом мире...

— Как ты попал сюда? — не могла понять я, радуясь этой сволочи Шерману как глупый восторженный щенок.

— Ты не вернулась от Озера Фей в положенный срок. Я пошел за тобой.

— Надеюсь, теперь ты доволен? Задание Эльтель выполнено как нельзя лучше. Здесь эльфы медальон точно не достанут, — не удержавшись, съязвила я.

— Прости меня, — хрипло вздохнул Шерман. — Прости меня, Брин. Если бы это было в моей власти, я не пустил бы тебя ни к эльфам, ни к Озеру Фей. Поверь, я действительно не мог тебе всего рассказать. Я дал клятву. Ну что мне сделать, чтобы ты мне поверила?

Хм... даже не знаю. Может, побиться головой об стену? Теперь, когда первая, самая бурная волна эмоций схлынула, я даже не знала, чего мне хотелось больше — расцеловать Шермана или запинать его. Я не забыла, как этот гад подставил меня с медальоном, но злиться на него я просто не могла. Боже мой, норлок все еще носит на своей одежде мой шнурок! Как трогательно... и еще он пришел за мной в этот мир. И за это я готова была норлоку простить

все. Хотя...

— Ты уверен, что потащился в чужой для тебя мир именно за мной? — подозрительно уточнила я.

— Интересно, а зачем же еще? — ехидно поинтересовался Шерман, не выпуская меня из объятий. — Правда, меня в очередной раз наняли, но на сей раз это в наших с тобой интересах.

— Рассказывай! — тут же приказала я, желая понять, куда на сей раз вляпался норлок.

Повествование Шермана оказалось весьма интересным. И неожиданным. Блин! Знала бы ситуацию — ни за что не продала бы Августе медальон. Денег у нас со Стивеном и без него было вполне достаточно. Перебились бы. Зато сейчас мы вместе с Шерманом могли бы отправиться к Властителю и выкупить собственное возвращение домой. Правда, Таштен по рассказам норлока мне совершенно не нравился, и особого доверия не внушал, но другого варианта у нас просто не было. Мы были связаны по рукам и ногам этим медальоном, который мог стать нашим билетом домой.

— Может, мне снова набиться к Августе в фрейлины? — предложила я. — Она наверняка не откажет Стивену.

— А почему до сих пор не набилась? — ехидно фыркнул Шерман.

— Да ну ее. Противно. Что я, девочка на побегушках что ли? Августа не раз упрекала меня в недостаточной почтительности, но я была просто не в состоянии пресмыкаться перед ней. Я вообще не умею этого делать. Однако ради того, чтобы добыть медальон, я готова переступить через себя и попробовать себя в роли фрейлины снова.

— Ни за что! — решительно отрезал Шерман. — Во-первых, Августа и Генрих скоро будут втянуты в войну, а я не хочу, чтобы ты оказалась там в это время.

— Сама не хочу! — вздрогнула я, вспомнив междоусобную войну Людовика 27 и его брата Гарри. Нет уж, хватит с меня всяких ужасов.

— А во-вторых, — продолжил свою мысль Шерман, — королева Августа имеет привычку подкладывать своих фрейлин в постель к кому ни попадя — к послам, дипломатам, отличившимся воякам... так что делать тебе во дворце нечего.

— Согласна, — вздохнула я.

— Я буду приезжать время от времени, — утешил меня Шерман. — Или писать, если приехать почему бы то ни было не удастся. Мне даже интересно — как решает вопрос с расстоянием твой братец? Он все-таки человек, однако умудряется быть рядом с Августой постоянно.

— Все просто, — состроила я недовольную гримаску. — Он снимает дом недалеко от дворца. Стивен не королеву навещает изредка, а меня. И то только для того, чтобы забрать деньги.

— Тогда действительно все ясно, — хмыкнул норлок. — Жаль, я не могу последовать его примеру. Иначе так и не достану медальон.

— А может попросить Стивена стащить его у Августы? — предложила я.

— Нет. Это не вариант, — отгнул мое предложение Шерман. — Ему слишком много придется

рассказывать. И потом. Я не так хорошо знаю твоего брата, чтобы ему доверять. А то, что я о нем знаю, как раз говорит о том, что он вряд ли достоин доверия.

— Не буду спорить, до отца ему далеко.

— Я сам займусь медальоном. У меня появилась пара идей, как обойти магическую защиту Августы, — решил норлок.

— А что делать мне?

— Тебе? — удивился неожиданному вопросу Шерман. — Ничего тебе не надо делать. Оставайся здесь. Так мне будет легче тебя найти, даже если ситуация изменится, и я вынужден буду временно исчезнуть.

— А вдруг Стивену придет в голову какая-нибудь блажь? — резонно возразила я. — В этом мире за женщин принимают решения мужчины.

— Известишь меня, — отмахнулся Шерман. — Я сам разберусь с твоим братом.

— Ну... тогда нет вопросов, — хмыкнула я.

— А у меня есть, — хрипло прошептал Шерман, нежно приподнял мой подбородок, и поймал взгляд. Господи, я и забыла, насколько синие у норлока глаза! Неправдоподобно. Пронзительно. Загораживающе. — Ты скучала без меня? — донесся до моего слуха вопрос Шермана.

— А ты? — не удержалась я.

Норлок не стал отвечать на глупые вопросы. Он просто коснулся своими губами моих губ, и я все поняла. Меня никогда и никто еще так не целовал! В поцелуе Шермана была тоска, надежда, радость встречи и безумная страсть, которую он даже не пытался сдержать. Я ответила на его поцелуй с не меньшим пылом и страстью. Господи, как же я была счастлива! Шерман не просто не забыл меня, он рискнул пойти за мной в чужой мир! И нашел меня здесь! Похоже, мои глупые, сумбурные чувства не были безответными. Для Шермана наш с ним роман тоже не стал мимолетным увлечением. Я это чувствовала. Норлок слишком хорошо меня помнил. Мое тело, мои привычки, и те мелочи, которые связывали нас в постели раньше. Такая память не бывает случайной. Она постоянно должна подогреваться воспоминаниями и желанием претворить эти воспоминания в жизнь. Я знаю это по себе. Я тоже слишком хорошо помнила Шермана. Его нежность, порывистость, увлеченность... в уверенных руках норлока я таяла как воск. Мы летели... парили... падали в пропасть и снова взмывали ввысь... мир завертелся калейдоскопом цветных пятен и обрушился на нас всей своей мощью. На секунду время остановилось. И сердце тоже. Мы, обессиленные, долго лежали друг около друга. Потом нам захотелось пить. А затем я почувствовала на своей спине губы Шермана.

Господи, ты не мог бы сделать так, чтобы утро не наступало подольше? Хотя бы сегодня?

Глава 15

Они, быть может, сами не хотели,

Но знал бы кто, как стали не похожи

На тех, кто они есть на самом деле.

Я их люблю. Любовь еще, быть может...

В. Д'ркин

Шерман и сам не мог понять, что его разбудило. Шорох? Чье-то присутствие? Инстинкт? Он подскочил на постели и сосредоточился. Хм... похоже, кто-то бродит по королевскому дворцу. Интересно, и куда смотрит стража? Шерман встал с постели, оделся, обнажил меч и направился к источнику подозрительного шума. Тьфу ты! Норлок мрачно вспомнил все известные ему ругательства и убрал меч в ножны. Это был всего-навсего очередной любовник Августы. Шерман презрительно скривился. То, что у королевы есть любовники, норлок выяснил уже через неделю после ее свадьбы с Генрихом. Ну а поскольку Шерман следил за Августой (точнее, за медальоном на ее шее) во все глаза, вскоре он имел «удовольствие» познакомиться со всеми ее кавалерами. В том числе и с братом Брин. Впрочем, это было единственным полезным знакомством. Остальные любовники Августы Шермана только раздражали, ибо имели то, чего он так долго не мог добиться — доступ к медальону. Разумеется, норлоку не раз приходила в голову идея соблазнить королеву и, затесавшись в стройные ряды ее любовников, выкрасть медальон. А если учесть, что Августа с Шерманом откровенно флиртвала, то в этом не было и ничего сложного. Однако существовал фактор, который мешал Шерману воплотить данную идею в жизнь. Сложность была в том, что норлок Августу не хотел. Абсолютно. Ни капли. С тех самых пор, как Шерман впервые переспал с Брин, норлок вообще никого не хотел, и это его пугало. Все остальные женщины просто потеряли для него всяческий интерес и вызывали не больше эмоций, чем дворцовые стены.

Поймав данную крамольную мысль за хвост впервые, Шерман даже рассердился и сделал попытку пофлиртовать с одной из фрейлин. Глухо. С таким же эффектом он мог бы обхаживать серебряный подсвечник в собственной спальне. Поняв это, Шерман взбесился, и сделал еще одну попытку. Счаз-з-з! После Брин Шерман даже смотреть ни на кого не хотел, не говоря уж о большем! И как бы норлок не старался себя преодолеть, все было бесполезно. А уж после того, как Шерман нашел-таки в этом идиотском мире Брин, ни о какой постели с Августой не могло идти и речи. Как ни старалась королева, обхаживая норлока, его тело отказывалось на нее реагировать. И выход из этой ситуации был только один — «отключить» Августу на самом первом этапе. Шерман брезгливо скривился, поняв, что придется заставить себя прикасаться к королеве и ласкать ее, передернул плечами, представив реакцию Брин, если она когда-нибудь об этом узнает, но делать было нечего. Другого способа заполучить медальон Шерман больше не видел. А медальон ему был нужен как никогда раньше.

Норлок с ненавистью посмотрел на обвивающую запястье татуировку и в сердцах сплюнул. Он снова оказался в ловушке! И снова должен был подчиняться чужим приказам. Шерман выяснил это, когда в очередной раз попытался сорваться к Брин. Именно попытался, поскольку был остановлен Властителем Таштенем. Сволочь! Шерман невольно потер запястье. Тоже мне, знак воина... ошейник рабский, только на руке! И никуда не дернешься, как бы не хотелось! В первый момент норлок буквально взвыл от отчаяния. Ну что этому Властителю, жалко отпустить его к Брин? Он бы в два дня обернулся! Однако Таштен ничего и слышать не хотел. Дескать, война на носу, с королевы глаз нельзя спускать и вообще... сначала медальон достань, а потом можешь катиться на все четыре стороны. Шерман ругался, грозился, отказывался работать... однако магические заклятья Властителя умели быть весьма убедительными. От чудовищной боли норлок выпал из реальности почти на день. Этого Шерману вполне хватило. Поняв, что послушаться Властителя он не может, норлок вздохнул и смирился. Почти. Поскольку выловил «брatца» Брин и, пообещав ему золотые горы (то есть разогнать конкурентов от Августы) попросил передать Брин записку и непременно принести

ответ. Стивен удивился, но отказываться от заманчивого предложения не стал. Шерман написал Брин всего несколько слов: «Приехать пока не могу, объясню все при встрече, Шерман», и получил еще более короткий ответ: «Хорошо». Надо сказать, норлока это даже задело. Ни слова, что скучает, или что ждала его, или, хотя бы, что очень рада получить от него весточку. Может быть, Брин уже забыла о нем? Гоблины зеленые, как же Шерману захотелось сорваться к ней и поговорить! Посмотреть в глаза, коснуться волос и спросить... нет, даже не спросить, достаточно будет одного взгляда. Ждала? Рада? Шерман перечитывал короткую записку множество раз, стараясь разглядеть за сухим словом хоть какие-нибудь эмоции и чувства, но это (естественно) было абсолютно бесполезным занятием. Норлок пытался трясти Стивена, расспрашивая, как отреагировала Брин на письмо, но тот не смог сказать ничего вразумительного.

Шерман передернул плечами, отгоняя неприятные воспоминания, и хотел уж было вернуться к себе и спокойно выспаться, но, заметив свет в конце коридора, передумал. Интересно, кому же это еще не спится по ночам? Шерман вновь обнажил меч, распахнул дверь, из-под которой пробивался свет и... встретился с удивленным взглядом короля Генриха X, склонившегося над картой.

— Прошу прощения, ваше величество, — извинился Шерман, убирая меч в ножны. — Я увидел свет, мне показалось это подозрительным. Я искренне сожалею, что нарушил ваше уединение, но хочу заметить, что следовало бы поставить охрану у дверей.

— Я рад, что хоть кто-то заботится о своем монархе, и готов его защитить, — милостиво улыбнулся король. — Ты прав, Шерман, мне стоило поставить охрану, но я вовсе не собирался здесь задерживаться. Мне просто не спалось, я решил взять что-нибудь почитать, но увидев карту, не удержался.

— Вы думаете о войне, ваше величество?

— Помилуй, Шерман, война стоит на пороге, как же я могу о ней не думать?

— Если вы выбьетесь из сил еще до того, как начнутся военные действия, никому от этого лучше не станет, — пожалел короля норлок. — Вам нужно отдохнуть, ваше величество, — посоветовал он.

— Некогда! — отмахнулся Генрих. — Шурф подобрался к моим землям вплотную. Магия Августы охраняет границы только от живых людей. К сожалению, заклятий против нечисти моя супруга не знает. А Шурф довольно сильный некромант. Со дня на день его зомби и скелеты нанесут удар.

— У вашего величества тоже сильная армия, — заметил Шерман.

— Никто из них никогда не сражался с мертвецами! — с досадой воскликнул король. — При одном только взгляде на ожившие скелеты большая часть моего войска будет деморализована! А сражение может начаться в любой момент!

Шерман знал об этом. Даже слишком хорошо знал. Его инстинкты норлока всю вопили, что из королевства надо делать ноги. В общем-то, спорить с собственными инстинктами Шерман и не собирался. Ввязываться в войну, в которой тебе заведомо суждено проиграть, было верхом глупости. Ему вполне хватило пары военных конфликтов, в которых он вынужден был поучаствовать, будучи королевским телохранителем. Чего только стоило пресловутое спасение королевской жизни, во время которого Шермана буквально расстреляли из арбалетов. Другой, менее живучий тип, давно отдал бы концы, но норлок выкарабкался. Правда, королевский врач

едва не оттяпал ему ногу, в которую «меткие» стрелки всадили аж четыре арбалетных болта, но Шерман знал, как действовать в этой ситуации. После всего одного «душевного» разговора, врач не только отказался от своих намерений откромсать норлоку ногу, но и вообще не желал к нему больше подходить. Шерман этому был только рад. Без врача он поправлялся гораздо быстрее. Разумеется, Генрих выразил ему свою личную благодарность за спасение своей жизни, и даже наградил каким-то очередным орденом, но это ничего не меняло. Воевать Шерман не хотел.

Норлок нахмурился и склонился над картой, делая вид, что испытывает искренний интерес. То, что Генрих не имеет против Шурфа ни единого шанса, норлок и так знал. Слишком уж большой опыт участия в военных действиях был у Шермана. Пока он был собственностью королевского дома оборотней, Яргел затыкал им все дыры, так что навоевался норлок до тошноты. И теперь заставить его вмешаться в военный конфликт мог только Властитель. Однако Шерман сильно сомневался, что Таштену это надо. Ну а уж самому норлоку участие в войне нужно было еще меньше. Разумеется, Генрих предложил ему достойную оплату за то, чтобы Шерман возглавил часть войска и сражался в первых рядах. При другом раскладе норлок, возможно, и клюнул бы на данную удочку. Но Шерман был слишком умен, чтобы не понимать, что побежденный король не сможет заплатить ему обещанного. А в том, что Генриха ждет именно поражение, норлок несколько не сомневался. Черный маг Шурф учел все свои прошлые ошибки, увеличил свою армию почти в десять раз, призвав мертвецов, и теперь имел все шансы разгромить объединенные силы двух королевств. И никакие таланты Августы тут не помогут. Поскольку королева весьма посредственный маг, и пользоваться медальоном как следует не умеет. Да больше и не сможет. Поскольку Шерман этот медальон выкрадет. Норлок вздохнул. Соблазнение Августы по-прежнему не казалось ему привлекательной идеей, но другого выхода не было. Шерман хотел снова увидеть Брин, и не желал ввязываться в войну, которая могла начаться со дня на день, а потому у него оставалось не так уж много времени. Если он не сумеет похитить медальон до начала военных сражений, Генрих, как пить дать, запряжет его участвовать в военных действиях. И увильнуть не удастся. Отказ сразу же приравняют к дезертирству и накажут по законам военного времени. Без сомнения, Шерман сумеет избежать трибунала, совершив побег, но после этого он точно уже не сможет добраться ни до Августы, ни до медальона.

Норлок вздохнул и с сожалением посмотрел на Генриха. Бедный король. Мало того, что ему война грозит, выиграть которую он не имеет ни малейшего шанса, так еще и жена рога наставляет. Кого Августа только не таскала в свою королевскую постель! Интересно, неужели Генрих даже не догадывается о проделках благоверной супруги? Или просто закрывает на это глаза? Да нет, не может быть, он что, не мужик что ли? Давно бы уже избавился от стервы. Посадил бы на кол, для выпрямления осанки, был бы урок для всех потаскух. Хотя... зачем на кол? Война — это очень удобный способ избавиться от супруги чужими руками. Дескать, злые враги виноваты, а сам я весь белый и пушистый, и вообще безмерно скорблю! Шерман с интересом вгляделся в короля, пытаясь понять, могла ли ему прийти в голову столь интересная идея, но Генрих был таким же, как обычно. И прочитать что-либо на его лице было занятием совершенно неблагоприятным. Король, как это и положено монаршим особам, умел скрывать свои чувства, мысли и эмоции.

— Я могу на тебя положиться, Шерман? — неожиданно спросил король.

— Разумеется, ваше величество! — склонил голову норлок.

— Я помню, ты приносил мне клятву верности, но дело, которое я хочу тебе поручить, слишком серьезное и секретное.

— Готов служить вам, ваше величество, — снова склонился Шерман, ехидно подумав, что в мире, где нет Черных Камней, клятвы ничего не стоят и ни к чему не обязывают.

— Я знаю, что чары моей супруги так и не смогли пленить тебя, — неожиданно горько сказал король. — Ты ведь понимаешь, о чем я говорю? — Шерман на секунду замешкался, но решительно кивнул головой. — И многие еще... понимают? — спросил король, покусывая побледневшие губы. Шерман кивнул еще раз. — И ты не спрашивал себя, почему я до сих пор не покарал вероломную супругу?

— Зачем казнить, когда война на пороге? — озвучил свою недавнюю мысль Шерман. — Королеву ведь могут убить и злобные враги...

— Мне тоже пришла в голову эта мысль. И я решил, что враги должны напасть на королеву сегодня.

— Не слишком рано? — засомневался Шерман. — Вдруг ее войско откажется воевать без нее?

— С тех пор, как Августа вышла за меня замуж, ее страна и ее войско принадлежат мне. Однако я не буду играть с огнем. И не сообщу им о смерти королевы. Сразу. Завтра... да нет, уже сегодня, прямо с утра, я поеду к войску. Завтра мы выступим в поход. Думаю, что Шурф двинется нам навстречу, и мы ввяжемся в сражение. Весть о гибели королевы не должна покинуть дворец раньше, чем послезавтра.

— Так может и убить ее... враги должны... послезавтра? — уточнил Шерман.

— Нет. Я не хочу получить удар в спину, — решительно покачал головой Генрих. — Иди, тебе нужно... отдохнуть перед грядущим сражением.

Шерман поклонился и вышел из комнаты. Вот ведь гоблин! Такого поворота дел норлок никак не ожидал. Что же делать? Игнорировать приказ? Вряд ли это возможно. Генрих наверняка отправит кого-нибудь проследить, как выполнено поручение. И убрать «врага». То, что из спальни Августы живым ему уйти не удастся, Шерман хорошо понимал. Даже слишком хорошо. Однако почему Генрих взвалил задание именно на него, оставалось для норлока загадкой. Неужели король почувствовал, что Шерман собирается его предать, сбежав с поля военных действий? Или просто не доверял норлоку, несмотря на то, что Шерман спас королю жизнь? А может, такое важное задание действительно было просто некому поручить? Все может быть. Норлок слишком долго варился в интригах королевского дома оборотней, чтобы не знать, что короли ничуть не жалеют своих подданных. Даже самых верных. Потому, собственно, он и не горел желанием сложить голову за августейшего монарха. Королей много, а голова у Шермана одна. И нужно было срочно думать, как ее спасти. Предупредить Августу? А толку? Что она может против Генриха? Да и потом... если уж король решил избавиться от супруги, он все равно это сделает. Если не с помощью Шермана, значит, с помощью кого-нибудь другого. Но тогда норлоку не видать медальона, как собственных ушей. Кстати, Генрих даже не упомянул, что «враги» должны сделать с магической вещью. И это только убеждало Шермана в том, что в живых его не оставят. Надо же... какая ирония судьбы... сначала норлок приложил все усилия, чтобы женить короля на Августе, а теперь готовится сделать Генриха вдовцом. Кстати, а это тоже вариант. Может, король решил отомстить за неудачный брак, в который его втравил норлок? Шерман фыркнул, обнажил меч и открыл дверь в спальню Августы.

Боги и Властители! Да что ж это такое-то? Похоже некто, заинтересованный в похищении медальона не меньше Шермана, выбрал как раз именно этот неудачный момент, чтобы

совершить задуманное. Двое молодцев, обряженных во все черное с ног до головы, уже закончили укутывать Августу в ковер и собирались в ближайшее время покинуть гостеприимный дворец. Ну, ребята, попробуйте! Шерман демонстративно громко захлопнул за собой дверь и закрыл ее спиной, всей своей позой давая понять налетчикам, что выйти из комнаты они смогут только через его труп. Однако похитители королев вовсе не собирались пользоваться дверью. Один из них нажал неприметный выступ в стене, панель отошла и Шерман удивленно уставился в проем потайного хода. Ничего себе! Норлока настолько поразило сделанное открытие, что он даже не сразу среагировал на побег похитителей. Ну, это вы не угадали! Возможно, для человека эти несколько секунд стали бы роковыми, но норлок буквально в последний момент сумел проскользнуть в щель. Панель со стуком захлопнулась за ним, и Шерман оказался в длинном, мрачном, неосвещенном коридоре. Впрочем, он не потерялся бы здесь даже в том случае, если бы не умел видеть в темноте. Похитители, нагруженные телом Августы, пыхтели как вскипевшие чайники. Да и сам ход был идеально прямым, не распадаясь на различные ответвления.

Хм... ну, не так уж идеально... Шерман едва вписался в поворот и... вылетел навстречу целому отряду. Это уже хуже. Однако отступить было поздно. Его заметили. Драться в узком проходе было довольно неудобно, однако это неудобство имело и свои преимущества — оно распространялось и на врага, заставляя нападать не кучей, а парами. Шерман привычным ударом снес первую пару голов и выругался сквозь зубы. Вот ведь не повезло! Норлоку противостояли отнюдь не люди. Зомби. А живых мертвецов запугать было проблематично. Да и убить тоже. Единственным выходом было порубить нежить на куски и сжечь, но в данный момент сделать это было практически невозможно. Зомби было слишком много, и они нападали по очереди, не давая Шерману ни минуты покоя. В конце концов, даже двужильный норлок почувствовал, что начал уставать, однако зомби все не кончались и не кончались. Шерман рубился уже ни о чем не думая, машинально, желая спасти собственную жизнь. Он отступал по коридору все дальше и дальше, пока не уперся спиной в дверь потайного хода. Дальше отступить было некуда. А рычажка, с помощью которого можно было бы открыть дверь, как Шерман ни искал, так и не обнаружил. Жаль. Если уж выбирать между зомби и Генрихом, король явно был предпочтительнее. Однако сдаваться Шерман не собирался. Если уж ему суждено умереть от рук зомби, то уж и он нанесет им как можно больше ран. Так, чтобы гоблинов некромант, который вызвал их к жизни, замучался их восстанавливать. Странно... он что, слышит мысли норлока? Шерман почувствовал, как сгущается вокруг него магия, защищая остатки зомби, а затем увидел белую вспышку и ощутил сильнейший удар под дых. Больше норлок уже ничего не чувствовал.

Шерман не мог определить, сколько он провалялся без сознания, однако очнулся он от того, что кто-то весьма невежливо бил его по щекам и поливал водой. Норлок застонал и попытался открыть глаза. Магический удар отдавался дикой болью по всему телу. Интересно, где он? Норлок сделал еще одну попытку открыть глаза, на сей раз более успешную. Серый, низкий потолок из камня, узкое зарешеченное окошко, сырость... неужто он снова угодил в тюрьму? А к кому? Шерман мог перечислить по крайней мере пару десятков человек, которые рады были бы заковать его в кандалы. Хотя... судя по последним событиям... либо примененная магия вышибла норлока за дверь потайного хода, и тогда в тюрьму его посадил Генрих, либо на Шермана польстился посланный зомби некромант. Оба варианта казались маловероятными. Генрих бы просто добил норлока, который упустил королеву и слишком много знал, а уж некроманту такой пленник, как он, и подавно не был нужен. Если только для опытов... последняя мысль заставила Шермана содрогнуться, и он окончательно пришел в себя.

— Очухался? — нелюбезно поинтересовался кто-то рядом. Шерман с трудом повернул голову и увидел своего собрата по несчастью.

Так вот кто его по щекам хлопал и водой обливал... если бы у норлока было побольше сил, он сказал бы этому доброхоту все, что он думает о столь изощренных методах приведения в чувство. Однако сил пока не было. А потому Шерман ограничился более насущным вопросом:

— Чья это тюрьма?

— Надо же... — ехидно фыркнул незнакомец. — Обычно первым задают вопрос «где я?»

— Я вижу, что я в тюрьме, — раздраженно буркнул Шерман. — Но поскольку желающих меня сюда запрятать больше, чем достаточно, я и интересуюсь, к кому я попал.

— Властитель Восточного Предела черный маг Шурф. Слышал такое имя?

— Слышал, — сознался Шерман. — Только зачем, интересно, я понадобился этому некроманту?

— Ты уверен, что хочешь это узнать? — ядовито хмыкнул незнакомец.

Шерман сделал над собой усилие и приподнялся на локтях, решив рассмотреть нахального типа подробнее. Это был не человек. Определенно. Сходу расу незнакомца норлок определить не мог, но в том, что человеческая ипостась не является истинной для этого нахала, Шерман готов был поклясться. Рост незнакомца было определить сложно, поскольку он сидел на корточках, но норлоку вполне хватило и всего остального. Средней комплекции, как гремлин или оборотень, и наверняка такой же гибкий, нахальный тип больше всего походил на изящную парковую скульптуру, созданную великим мастером. Бледная кожа, идеально правильные черты лица, светлые волосы, криво обрубленные мечом вместе с кончиком уха и холодные серые глаза.

— Ты кто? — спросил, наконец, Шерман, так и не сумев определить расовую принадлежность незнакомца.

— Надо же, какой догадливый... — опасно сузил глаза белобрысый тип.

— Я не догадался. Почувствовал. Я тоже не человек, — скороговоркой пробормотал Шерман, прочитав в глазах незнакомца явное желание избавиться от чересчур догадливого соседа по камере. Гоблины, как же его бесила собственная беспомощность! Он не мог даже защитить себя! Однако незнакомец, похоже, убивать его передумал. Он положил ладонь на лоб норлока и сосредоточился.

— Ты не врешь, — вынес вердикт белобрысый нахал. — Странно. Я не могу понять, к какой расе ты принадлежишь. И точно знаю, что в этом мире существует только человеческая раса!

— Я не из этого мира. Меня зовут Шерман. Я норлок.

— Норлок? — удивленно переспросил незнакомец. — Первый раз слышу. Может, в нашем мире твоя раса называется по-другому? Как ты выглядишь в своей истинной ипостаси?

— Почти так же, как сейчас. Только тело покрывает сероватая чешуя, а на голове появляется гребень. Как у ящерицы. Еще появляется длинный узкий чешуйчатый хвост с кисточкой на конце, — объяснил Шерман.

— Нет, в моем мире нет такой расы.

— Теперь, может быть, ты все-таки скажешь, кто ты такой и как тебя зовут? — нетерпеливо

поинтересовался Шерман.

— Мое полное имя Лавертеналлен О, Фэлл дер Шанталльэртен Томерллинель, — представился незнакомец.

— Только не говори мне, что я должен все это запомнить, да еще и постоянно выговаривать, — саркастично фыркнул Шерман.

— Ну, если для тебя это так сложно... называй меня моим сокращенным именем — Лавр.

— А к какой расе ты принадлежишь? — не отставал любопытный норлок.

— Я эльф.

— Кто? — удивился Шерман. — Да что я, эльфов что ли не видел? Да они рядом с тобой мокрицы бесцветные.

— Эльфы? — поразился в свою очередь Лавр. — В твоём измерении эльфы похожи на бесцветных мокриц? Не может быть! Наш народ даже наши недруги называют Дивным. Ты точно уверен, что говоришь про эльфов?

— Белобрысые, листоухие, живут в лесу... и потом... они сами себя эльфами называют, а других в моем мире нет, — пожал плечами норлок.

— Любопытный у тебя мир, — хмыкнул эльф. — Не расскажешь, почему ты решил его покинуть?

— Охотно. Но только после того, как я услышу твою историю, — поставил условие Шерман.

— Да ничего интересного, на самом деле, — вздохнул Лавр. — Глупое стечение обстоятельств. Очередная война между Высшими расами и людьми. Кто же знал, что обычное поручение короля так для меня обернется. Не знаю, как в твоём мире, а в нашем эльфы имеют только одну ипостась. Свою собственную. Однако люди обнаглели настолько, что войны с ними стали постоянным явлением. Эльфы не могут размножаться так быстро, как люди. И быть столь жестокими. А потому над нами нависла угроза истребления. Наше войско было лучше вооружено, да и сражалось профессиональнее, но люди давили нас своей численностью. Вот тогда король и решил создать отряд эльфов с ипостасью людей. Чтобы проникать в лагерь врага, добывать необходимые сведения и убивать военачальников. Обретение этой самой ипостаси было... весьма болезненным.

— Можешь не объяснять, — перебил Шерман. — Моя человеческая ипостась тоже не врожденная. Кстати, переходить от одной ипостаси к другой для тебя тоже болезненно? Меня, например, буквально наизнанку выворачивает, и я еще час после этого не могу нормально двигаться.

— У меня тоже самое, — кивнул эльф, посмотрев на норлока с гораздо большей симпатией. — Однако с приказом короля не поспоришь. Я должен был проникнуть в войско людей и выяснить, что за новый маг к ним присоединился. Вообще-то предполагалось, что я этого мага должен уничтожить, но на данный исход дела мало кто рассчитывал. Я все-таки самый обычный эльф, и магическую защиту пробить не смогу. Впрочем, я сделал все, что мог. Передал все сведения, которые выяснил и подкараулил мага, когда тот отправился в ближайšie кусты. Разумеется, попытка его убить была заранее обречена на провал, но я не мог не попробовать. От неожиданности маг даже не сразу поставил защитный блок, и мы

покатились по земле. Видимо, нападение его напугало больше, чем я мог рассчитывать, поскольку вместо того, чтобы меня убить, он кинулся бежать. Я, разумеется, бросился за ним. Маг быстро создал портал, нырнул внутрь, а я...

— Ты, конечно же, за ним последовал, — догадался Шерман. — И наверняка держал в руках что-нибудь вроде оторванной от камзола мага пуговицы.

— Так и было, — вздохнул Лавр. — На выходе нас поджидала целая армия зомби, и меня повязали. Маг представился Шурфом, видимо, пытаясь нагнать на меня страх одним своим именем, и обрисовал мне мое дальнейшее отнюдь не веселое будущее. Радовало одно — он так и не понял, что я эльф. Иначе это будущее стало бы еще безрадостнее.

— А какое конкретно будущее тебе обещал Шурф? — тут же заинтересовался Шерман. — Вероятно, меня ждет тоже самое.

— Скорее всего, — согласился эльф. — Маг наверняка и твою истинную ипостась не разглядел. Он принял нас с тобой за профессиональных воинов. И хочет сделать из нас командиров для своих отрядов зомби.

— Да вот еще! — возмутился Шерман. — Я свяжусь с Властителем, и он наверняка нас с тобой отсюда вытащит. В конце концов, это в его интересах. Правда, я этому гаду не доверяю, а потому не скажу ему о твоей истинной ипостаси ни слова, но помочь он нам вполне может.

— Властитель, говоришь? — задумчиво пробормотал эльф. — Похоже, пришел твой черед рассказывать свою историю.

Шерман кивнул. Он действительно хотел поделиться с эльфом и услышать его мнение о происходящем. Особенно о медальоне. Не зря же его называли эльфийским. Лавр слушал с большим интересом, хмыкая, перебивая и периодически отпуская различные комментарии. Особенно доставалось эльфам родного Шерману мира. Столько оскорбительных эпитетов листоухие даже от норлока не слышали.

— Ты знаешь, Шерман, я начинаю верить в судьбу, — задумчиво сказал Лавр, когда повествование было закончено. — Таких совпадений просто не может быть. На заре времен эльфы действительно создали магический медальон. При перемещении из мира в мир он менял свой вид. Мог стать медным, деревянным и даже ледяным. Однако медальон оставался кругом с красной серединой. Неважно что это было — драгоценный камень, кровь или краска. Этот медальон был одним из самых мощных магических предметов, когда-либо созданных эльфами. Я не знаю, как он попал в твой мир. Скорее всего, его перенес Властитель, возжелавший сделать из него накопитель.

— Таштен сказал, что ему это удалось, — заметил Шерман.

— Возможно, — кивнул головой эльф. — Но медальон — это нечто большее.

— Что именно?

— Сложно объяснить... — задумался, покусывая губы, эльф. — У этой древней вещи множество особенностей. Медальон работает и как обычный артефакт, и как накопитель энергии, и даже как основа для создания целого мира. Именно поэтому Властитель и решил вложить свою магическую мощь именно в него. Честно говоря, всех свойств медальона я даже не могу тебе перечислить, поскольку просто не знаю. Однако поскольку медальон действительно создан эльфами, часть его мощи все-таки для меня доступна.

— Какая именно часть? — тут же оживился норлок.

— Самая необходимая, — хмыкнул Лавр. — Так что если нам удастся заполучить медальон, у нас будет шанс.

— Шанс на что?

— Для тебя — избавиться от браслета и вернуться домой. Для меня — попасть хоть в какой-нибудь мир, где есть эльфы.

— А почему не в свой? — удивился норлок.

— В свой мне попасть уже не суждено. Я попал в чужой мир помощью вещи, которая стала моим проводником. А это значит, что я отразился. Теперь в моем родном мире живет мое отражение. А может, это я сам стал отражением. В любом случае, законы магии не позволяют мне вернуться обратно.

— Погоди... а если человек попадет в другой мир с помощью вещи, он тоже отражается? — полюбопытствовал Шерман, вспомнив свою золотую монету, которая стала для Брин проводником в иное измерение.

— Тоже, — кивнул эльф. — И тоже не сможет вернуться домой.

— Брин это не понравится, она будет просто вне себя, — пробормотал Шерман.

— В такой обстановке ты еще и о женщинах способен думать? — искренне восхитился эльф. — Я впечатлен.

А как, как было не думать? Норлок оглядел доставшуюся им с эльфом камеру и скрипнул зубами. Что подумает Брин, когда перестанет получать от него вести? Сможет ли норлок найти ее, если ему удастся выбраться из тюрьмы? Конечно, Брин обещала, что она никуда не уедет. Но она и предупреждала, что теперь зависит от брата. И Шерман еще гордо сказал, что со Стивеном разберется сам. Ну? И как он собрался разбираться с ним из тюрьмы? А выполнять обещание, что сумеет защитить Брин в любом случае? Властители, какой же он идиот! Ведь они с Брин даже не договорились, как действовать, если Стивену действительно придет в голову мысль уехать, а Шерман не сможет вмешаться. Норлок был просто уверен, что такого не может быть! Что он всегда сможет прийти на помощь Брин! И вот пожалуйста — оказался в тюрьме. Да еще и медальон проворонил. Наверняка похищение Августы организовал Шурф. И магическая вещь, скорее всего, уже у него.

— Эй, чего застыл? — пихнул эльф норлока. — Ты, вроде, хотел связаться с Властителем, чтобы он вытащил нас отсюда. Давай, действуй, пока не поздно. Лично меня перспектива стать командиром армии зомби ничуть не греет.

Шерман согласно кивнул и потер на браслете нужную руну. Таштен, правда, предупреждал его, что пользоваться ей можно только в самом крайнем случае, но похоже, этот случай как раз и наступил. Потому что как выбраться из магически охраняемой тюрьмы самостоятельно, Шерман понятия не имел.

* * *

Я металась по комнате из угла в угол и костерила Шермана на чем стоит. Какие, ну какие такие проблемы мешают ему приехать ко мне уже целую неделю? Норлок что, думает, что я

совсем дура? Поверю в то, что он занят делами? Угу, конечно... в чьей-нибудь спальне... это у него хорошо получается. Нет, вот свинтус, а? Навешал мне в очередной раз лапши на уши и смылся! Занят он, видите ли... ну, гад, попадись мне только под горячую руку! О том, что Шерман может не попасться, и даже не вернуться, я не хотела и думать. Перспектива вырисовывалась слишком мрачная. Если Шерман забудет обо мне, перенеся свое внимание на другую женщину и решит остаться в данном мире, я... я даже не знаю, что буду с этим делать! Да, конечно, Властитель повесил на норлока татуировку, заставив его искать медальон. Но насколько это правда? Может, Шерман просто придумал подходящую историю, чтобы оправдать собственные редкие визиты? Ну, пошел норлок за мной следом в этот дурацкий мир. Но я уверена, что за мной? Может, Шерман снова что-то скрывает? И откроет карты только тогда, когда другого выхода просто не будет? И хорошо, если откроет... тогда, по крайней мере, я буду знать, что мне некого ждать и не на кого надеяться.

В принципе, мне и так надеяться не на кого. Кроме себя самой. Стивен снова начал играть (как только повелитель Восточного предела Шурф начал военные действия против своих соседей, к Августе брат ездить тут же перестал), все заботы по дому и постоялому двору продолжали лежать у меня на плечах, и мне это начинало надоедать. Нет, не заботы, а то, что я ни черта не зарабатывала, поскольку Стивен умудрялся проигрывать больше, чем мы получали дохода. Подаренные Шерманом украшения и скопленную денежную записку пришлось спрятать куда подальше, и начать думать о своей дальнейшей судьбе. Как же хорошо мне жилось в замке лорда Фотона, Господи. Зачем, ну зачем тебе понадобилось так радикально менять мою жизнь? И почему, Господи ты не вложил моему брату в голову хоть немного мозгов? Вместо спеси? Ведь этот придурок того и гляди проиграет в карты все наше имущество. И меня в том числе. Стивен уже намекал, что подыскивает мне подходящего супруга. Ага, знаю я его подходящих... такие же игроки и спесивцы. Сбежать бы куда-нибудь, пока не поздно. Вот только куда? Да и потом... Шерман просил меня ждать его именно здесь. Только где этот Шерман, черти бы его побрали? Где он, когда он мне так нужен? Помнится, норлок обещал «разобраться» с моим братом, буде возникнет такая надобность. Надобность возникла. И что? Где этот гадский Шерман, я вас спрашиваю?!

Ответ на свой вопрос я получила весьма неожиданно. И не обрадовалась ему совершенно. Стивен, невзлюбивший Шермана с первого взгляда, сообщил мне, что Шурф разбил войска короля Генриха X, завладев Истрией и Западным Пределом. Сам король погиб, а норлок оказался у мага в тюрьме. И судя по тому, что за Шурфом прочно закрепилась слава жестокого некроманта, ничего хорошего в ближайшем будущем Шермана не ожидает. Надо ли говорить, что эта новость буквально выбила меня из колеи? И что мне теперь делать? Спасать норлока? А как? Побег из тюрьмы я не устраивала еще ни разу в жизни. Может, попробовать выкупить у Шурфа жизнь Шермана? Мысль неплохая. Если не считать мелких деталей. Чтобы добраться до мага, нужно миновать несколько отрядов зомби. Вряд ли натасканная на убийство нежить будет лояльно настроена по отношению к одной отдельно взятой девушке. Написать письмо? А Шурф его прочитает? И воспримет всерьез? Однако... чем черт не шутит. По крайней мере, я буду уверена, что сделала все, что могла. Во всяком случае гораздо больше, чем Стивен для своей Августы. Покинул любимую женщину, как только у той неприятности начались. Тоже мне, благородный кавалер. Впрочем... о судьбе Августы беспокоиться не стоило. Шурф женился на ней, вступив на законных основаниях во владения ее землями (и землями покойного короля Генриха, которого угораздило стать ее супругом) и объединив всю завоеванную территорию в единое королевство Предел. Я даже подтырнула над Стивеном, спросив, не собирается ли он наставить рога еще одному мужу Августы, но братец решительно не желал связываться с магом.

«— А кто у нас муж?»

— Колдун.

— Предупреждать надо [9]».

Однако смех смехом, а Шермана нужно было как-то спасать. Помимо того, что норлок был моим единственным шансом выбраться из этого дурацкого мира, он был еще и моим любимым мужчиной. И как я ни пыталась избавиться от собственных глупых чувств, ничего не менялось. Норлок был дорог мне настолько, что я готова была и письмо Шурфу написать, и с зомби общаться, и даже Стивена припрятать к сему богоугодному делу. И наплевать, что он будет сопротивляться! Ради норлока я готова была рискнуть.

Однако (к счастью) рисковать мне не пришлось. И писем писать не понадобилось. Шерман сбежал из тюрьмы сам. Как? Представления не имею. Насколько я слышала, сбежать из магически защищенной тюрьмы невозможно в принципе. И все же... норлоку это удалось. Правда, мое положение от этого не прояснилось нисколько. Разумеется, я была рада, что Шерман сбежал. Однако куда он сбежал? Где его искать? И надо ли его искать, или лучше было оставаться на месте? Шерман в свое время просил меня никуда не уезжать. Но вдруг ситуация изменилась? Что же мне делать? Продолжать его ждать? А если норлок так за мной и не вернется? Нет, я даже думать об этом не буду. Сказано сидеть и ждать, значит буду сидеть и ждать. И молиться, чтобы Стивену не пришла в голову какая-нибудь блажь, способная испортить мне жизнь.

вернуться

9

Диалог из к/ф «Обыкновенное чудо»

Если бы Шерман мог послать Брин хотя бы записку, он это сделал бы. Однако Властитель не предоставил ему такой возможности. Таштен решил, что норлоку с эльфом вообще не стоит высовываться ближайшие несколько дней. В принципе, Шерман понимал разумность его доводов. И даже разделял их. Однако спокойно жить, не зная, что происходит с Брин, норлок был просто не в состоянии. А вдруг Стивен решит куда-нибудь уехать? И что тогда? Как Шерман сможет найти Брин? Ну и потом. Она слишком давно не получала вестей от норлока. Кто знает, что там Брин себе напридумывала? Вдруг она решит, что Шерман от нее опять что-то скрывает?

— Да успокойся ты! Не маячь, — сделал замечание эльф, которому уже надоело наблюдать за мечущимся из угла в угол норлоком. — Что тебе не нравится? Нас вытащили из магической тюрьмы, сбежать из которой невозможно в принципе, спрятали среди отшельников, а через пару дней за нами придет корабль твоего друга. Чего тебе еще не хватает?

— Ты не понимаешь. Я должен встретиться с Брин! — с отчаянием воскликнул Шерман. — Я боюсь, что с ней что-нибудь может случиться.

— И я так понимаю, что возвращаться домой ты планируешь только с ней? — уточнил Лавр.

— Только с ней, — подтвердил норлок.

— Может, это и к лучшему. Не придется искать третьего для обряда, — пожал плечами эльф.

— Для какого обряда? — тут же насторожился Шерман.

— Я не маг. А потому для того, чтобы медальон перенес нас в нужные нам миры, мы должны будем выполнить обряд. На крови. Ой, Шерман, да не смотри на меня таким взглядом! Там крови-то по капле понадобится! Три представителя трех рас должны смешать кровь, подпитав медальон энергией, — объяснил Лавр. — В принципе, нам сгодиться любой человек. Однако твоя Брин была бы идеальным выходом. Она же владела какое-то время медальоном, хотя и не знала об этом. И медальон в ее руках даже излучал магию. Так что отговаривать тебя я не стану. Хотя и считаю, что глупо рисковать своей головой ради какой-то женщины. Забыл, что тебе Таштен сказал? Топлинг заявил о своей полной лояльности Шурфу. Так что не успеешь ты там появиться, как снова окажешься в тюрьме у некроманта.

— Но избегать Шурфа мы все равно не можем! — вспыхнул Шерман. — если мы будем держаться от него на расстоянии, как мы достанем медальон?

— А вот об этом нам нужно подумать, — вздохнул эльф. — Очень хорошо подумать. Впрочем... чем нам еще заниматься в скиту отшельников?

— Не напоминай! — поморщился Шерман, с отвращением глядя на собственное рубище. Мешковатая черная ряса с глубоким капюшоном была сшита из какой-то очень грубой материи и делала норлока похожим на пугало. Впрочем, в таком наряде немногим лучше выглядел и эльф.

— Да ладно тебе, это же ненадолго, — ухмыльнулся Лавр. — Мне тоже не нравится этот мешок, но так мы, по крайней мере, не будем выделяться среди отшельников. Не забывай, здесь иногда и светские люди появляются, дабы отмолить грехи в священной обители. Ты же не хочешь, чтобы тебя увидел кто-нибудь ненужный? Или, тем более, узнал? При дворе короля Генриха ты хорошо засветился.

— Да все я понимаю! — раздраженно отмахнулся Шерман. — Но чувствую себя в этом рубище полным идиотом!

— Если тебя это утешит, я чувствую себя примерно так же, — ядовито сообщил Лавр. — Интересно, кстати, а хорошенькие девушки тоже приезжают сюда отмаливать свои грехи? — неожиданно оживился эльф.

— Не смей меня, — фыркнул Шерман. — До тех пор, пока ты не снимешь с себя этот убогий наряд, ни одна красotka на тебя даже не посмотрит! И вообще я думаю, что те несколько дней, которые мы проведем здесь, поджидая Ялса, будут самыми нудными в нашей жизни!

Шерман оказался прав. Жизнь в скиту действительно была нудной и однообразной. Норлок на пару с эльфом просто измучились, слушая молебны, в которых ничего не понимали, священные истории, которые вызывали у них только смех и раздавая паломникам советы, в которых сами ничего не смыслили. Они еще с трудом перенесли троих мужчин разного возраста, возжелавших отмолить грехи настоящие и будущие, но от появившейся в их келье перерезлой старой девы с преувеличенным мнением о себе едва не сбежали. Поэтому Шерман несколько удивился, когда ближе к ночи на пороге кельи нарисовался Лавр с довольной улыбкой и предложил норлоку пойти послушать ночной молебен.

— Чего ради? — возмутился Шерман. — Я спать хочу.

— Среди прибывших паломников есть прехорошенькая девушка, — с улыбкой мартовского кота сообщил эльф. — Я пригласил ее в келью, дабы всю ночь предаваться... усердным молитвам.

— Угу... а я, как дурак, всю ночь молебен должен слушать, — проворчал норлок.

— Она там не одна. А с парой подруг. Почему бы тебе не зазвать кого-нибудь из них в исповедальню? — хитро предложил Лавр.

— Иди ты! — отмахнулся Шерман.

Келью, правда, он эльфу все-таки уступил. Пусть потешится. В конце концов, Шерман сам такой был, пока Брин не встретил. И тоже наверняка не упустит бы подвернувшегося шанса. Однако осознание этого настроения норлоку нисколько не прибавляло. После ночного молебна он чувствовал себя усталым и разбитым до такой степени, словно путешествовал без отдыха как минимум неделю.

— Как провел время? — встретил его ехидным вопросом сыто улыбающийся эльф.

— Хуже, чем ты, — буркнул Шерман. — Выяснил, почему орден отшельников, к которым мы примкнули, называется Доминиканским.

— И почему же?

— В честь святого Доминика, прославившегося своим образом жизни.

— Красивые послушницы, я так понимаю, в этот образ жизни не входили? — саркастично уточнил Лавр.

— В этот образ жизни даже нормальная еда не входила, — хмыкнул Шерман. — Святой пил только воду, совершенно отказался от мяса и масла, вареные овощи позволял себе лишь по воскресеньям; в остальные дни ел один хлеб, да и то в очень малом количестве. Кроме того, Доминик обрек себя на полное молчание. Впрочем, через какое-то время, даже такой режим показался святому недостаточно строгим, и он увеличил свои постные дни, подвергая себя жесточайшим мучениям. Зимой он спал перед дверью кельи в одной рубахе, связанной из железной проволоки, укрываясь панцирем. Как-то раз, представ с окровавленным лицом перед аббатом, он бросился к его ногам с воплем: «Отец мой, я согрешил тяжко, наложи на меня суровую епитимию». Этот святой юродивый вместе с хлебом позволил себе съесть несколько листьев! Доминик молился, сложив руки в виде креста, прочитывал двенадцать псалмов по восемьдесят раз, прибавляя к ним гимны и литании.

— Отличное упражнение! — не выдержав, фыркнул эльф.

— Это еще что... за несколько лет до смерти, убедившись, что ремни из кожи жестче, чем прутья, Доминик принялся себя ими истязать до тех пор, пока его кожа не стала черной от рубцов. Под кольчугой Доминик носил также восемь железных обручей, впивавшихся в его тело. Кстати, утверждают, что этот помешанный прожил очень долго.

— Уж не оттого ли, что он соблюдал «железный режим»? — расхохотался эльф. — Может, конечно, такая процедура и полезна, но меня что-то не тянет последовать примеру святого. Да, я вижу, ночь ты провел действительно весело. Может, в следующий раз ты все-таки предпочтешь кого-нибудь исповедовать? Достаточно симпатичного, чтобы скрасить ночь?

— Не хочу, — вздохнул Шерман. — Кроме Брин я не хочу никого даже видеть. Объяснять тебе это совершенно бесполезно, потому что ты все равно не поймешь. Знаю по себе, я и сам бы не понял. Так что просто прими к сведению и запомни — мне не нужны другие женщины.

— Если это и называется любовью, упаси меня боги когда-нибудь испытать это чувство! — искренне посочувствовал Шерману эльф.

Глава 16

...Все, что было,

Не смыть ни водкой, ни мылом

С наших душ.

«Крематорий».

Идея, как подобраться к медальону, не подвергая себя опасности снова загреметь в тюрьму, пришла к Шерману совершенно неожиданно и довольно быстро — всего на второй день после того, как они с эльфом поднялись на борт «Астреи». Мысль оказалась проста, как и все гениальное. Им с Лавром просто нужно было принять свои истинные ипостаси, и наняться к Шурфу. Наверняка маг клюнет, увидев перед собой эльфа и норлока. И если даже Шурф не знает о расе Шермана (что вполне вероятно), все равно ничего страшного. Как там назвала норлока Брин, когда впервые увидела? Демоном? Вот и прекрасно. От такого варианта маг тоже не откажется. Вот только на кой гоблин реальным эльфу и демону понадобилось бы наниматься к некроманту?

— А к кому еще? — резонно возразил Лавр, когда норлок поделился с ним своей идеей и своими сомнениями. — В глазах местного населения мы с тобой оба демоны. И нас необходимо уничтожить любыми способами. Так что, нанявшись к черному магу, мы просто спасем свои жизни. Твоя идея принять истинные ипостаси мне определенно нравится. Шурф вряд ли откажется нанять двух существ, которые смогут подчеркнуть его могущество. Думаю даже, что ипостаси нам стоит сменить прямо сейчас, чтобы успеть отойти от трансформации, заново привыкнуть к собственному телу и потренироваться в парном бою. Скорее всего, Шурф решится испытать нас и выставит своих лучших бойцов. Я должен знать, кому я доверяю свою спину.

— Я тоже не против прощупать твои умения, — буркнул Шерман. — Но что скажет Ялс? Он взял на борт своего друга, а окажется лицом к лицу с демоном?

— Для капитана придется придумать какую-нибудь историю с богами, Властителями и превращениями, — предложил Лавр. — В конце концов, твоя память останется с тобой, и ты легко сможешь убедить Ялса, что ты все еще его друг, просто в чужой шкуре.

— Вряд ли это будет легко, — возразил Шерман. — Но, похоже, другого выхода действительно нет. Лучше будет, если вся команда привыкнет к нам в роли демонов. Тогда, сойдя на берег, матросы многое порасскажут об этом плавании. И вряд ли смогут пожаловаться на недостаток слушателей. Все-таки не каждому удавалось плавать под защитой двух демонов. Думаю, что реклама такого рода не повредит нам в глазах Шурфа.

Беседа с Ялсом действительно оказалась не из легких. Эльфу с норлоком понадобился почти час, чтобы убедить капитана в том, что занять двух демонов на корабле — в его интересах. Упрямство Ялса было сломлено торжественной клятвой не приносить «Астрее» вреда, клятвой, что новоявленные демоны будут абсолютно разумны и по поведению ничем не будут отличаться от Шермана и Лавра в их человеческом виде, и обещанием оказать ему

демоническую помощь во взятии на бордаж первого же попавшегося торгового судна. Ялс чертыхнулся, махнул рукой и согласился.

— Ты что, действительно хочешь принять участие в пиратском рейде? — удивленно дернул бровью эльф.

— А ты нет? — язвительно поинтересовался Шерман. — Благодаря Шурфу мы с тобой остались без гроша. И что ты собираешься делать без денег? Да и одежду, которую нам дал Ялс, я хотел бы сменить. Конечно, она лучше, чем то тряпье, которое мы носили в скиту отшельников, но лично мне пестрый наряд покорителя морей не очень нравится.

— Ну... наряд я бы, пожалуй, тоже сменил, — критично осмотрел эльф собственную одежду. — Да и без денег нам на берегу действительно делать нечего. Однако я предпочел бы заработать их каким-нибудь другим способом. Среди эльфов никогда не было пиратов.

— Будешь первым, — равнодушно пожал плечами норлок. — Другого способа заработать денег у нас нет. А чтоб тебя не так терзали муки совести, иди трансформируйся. Думаю, после этого твое настроение будет как раз подходящим для абордажа.

— А ты? Не собираешься менять ипостась?

— Собираюсь, но за тобой следом, — решил норлок. — После трансформации мы больше часа будем абсолютно беззащитны. А я не настолько доверяю пиратам, чтобы так рисковать. Так что менять ипостась нам лучше всего по очереди. Один трансформируется, другой охраняет.

— Хорошо, — согласился Лавр и отправился в каюту. Шерман с мечом сел у закрытой двери.

Ожидание его было не напрасным. Когда эльф вышел, наконец, из каюты, челюсть норлока просто рухнула вниз. И с такой-то внешностью Лавр надеялся сойти за демона?! Бред! Стоит ему ступить на берег, как люди тут же кинутся с него иконы писать. Да... если все эльфы выглядят так же, как Лавр, то те листоухие сволочи, с которыми Шерман сталкивался в своем собственном мире, определенно эльфами не являлись. Что бы они там ни говорили по этому поводу.

— Чего уставился? Эльфов никогда не видел? — буркнул Лавр, находившийся после трансформации в отвратительном настроении.

— Таких как ты — нет, — сознался норлок, оглядывая представшее перед ним создание.

Довольно высокий (чуть ниже самого Шермана) эльф в своей истинной ипостаси приобрел мускулистое (хотя и по-прежнему изящное) тело, золотистый цвет кожи, огромные фиалковые глаза, опущенные длинными черными ресницами и платиново-белый цвет волос. Красота Лавра была не просто совершенной, она была неземной. И впечатления не могли испортить ни отрубленный кончик одного уха, ни неровно отсеченные мечом растрепанные волосы, ни пестрый пиратский костюм.

— Посмотрим, на что ты будешь похож в своей истинной ипостаси, — поежился от пристального взгляда эльф.

Шерман его не разочаровал. Спустя еще пару часов уже норлок мог любоваться видом отпавшей эльфийской челюсти.

— Ты же файерн! Хотя нет... — огорошено захлопал глазами Лавр. — У файернов есть крылья и

нет хвостов. Но в остальном... ты просто вылитый файерн! Странно... может, создававший твой мир Властитель взял готовые образцы и слепил их подобие? Потому и эльфы у вас на эльфов не похожи, и ты... норлоком себя называешь.

— В нашем мире расы файернов не существует. А вообще в твоей идее что-то есть. Наверняка наш Властитель что-нибудь напортачил. Особенно с эльфами, — не удержавшись, оскалился Шерман. — Если тебе наряд сменить, да прическу подправить, ты вполне сможешь и за ангела сойти.

— А что, бывают ангелы с заостренными кончиками ушей? — язвительно поинтересовался Лавр.

— Да ладно... хочешь, я и второе ухо тебе укорочу? — предложил, хохоча, Шерман.

— Давай лучше я тебе что-нибудь укорочу! — вспыхнул Лавр. — Я и так теперь на эльфа нормального не похож. Они стриженными не бывают!

— Но ты же не можешь ходить с таким... с такой прической, дожидаясь, пока волосы отрастут, — фыркнул Шерман.

— А что, на «Астрее» есть цирюльники? — язвительно спросил Лавр. — Нет уж, доверять свою голову пиратам мне абсолютно не хочется. Может быть, я хотя бы на суше найду нормального мастера.

— В своей истинной ипостаси? Среди людей? — не выдержал, рассмеявшись, норлок. — Обязательно пригласи меня посмотреть, я не хочу пропустить такое представление.

— Иди ты! — разозлился Лавр.

— Что за черт?! — воскликнул увидевший их Ялс и потянулся за абордажным клинком.

— Эй, Ялс, спокойно, это мы, — остановил капитана на полдвигении Шерман. — Не психуй, все не так страшно.

— Дружок-то твой, может, и нет, а вот ты... присниться такая нечисть, заикаться начнешь! — буркнул капитан, несколько успокоившись. — На горизонте показался торговый корабль. Будьте готовы. Только давайте-ка я вас для начала команде покажу, а то как бы чего не вышло.

К удивлению Лавра команда восприняла их перевоплощение гораздо спокойнее, чем капитан. Даже воодушевилась слегка, выяснив, что демоны будут помогать им драться. Правда, как Шерман и предсказывал, к демонам команда отнесла только его самого, а на эльфа поглядывала с плохо скрытым суеверным восторгом. Впрочем, надо отдать Лавру должное, внимания он на это не обращал. Видимо привык, что люди при одном взгляде на эльфов разум теряют. Гораздо больше Лавра раздражала перспектива участвовать в пиратском рейде. Однако деваться было некуда. Денег ни у норлока, ни у эльфа не было, а Ялс излишней благотворительностью не страдал. Даже по отношению к друзьям.

Хм... как бы Лавр не убеждал норлока, что среди эльфов пиратов не было, в абордажной схватке он явно был не новичок. Эльф двигался настолько быстро, что казался размытым пятном. Любопытно было бы сойтись с таким противником в бою. Тренировочном. Рисковать собственной жизнью понапрасну Шерман не хотел. Лавр действительно мог оказаться достойным противником. Первым равным, встреченным норлоком за всю его жизнь. По реакции, по скорости, по боевому мастерству, по опыту... Шерман настолько проникся идеей

померяться силами с Лавром, что предложил ему тренировочный бой на другой же день после того, как они успешно взяли на abordаж торговое судно, и получили свою долю в добыче. Эльф согласился с видимым удовольствием.

Разумеется, посмотрев на Лавра в бою, норлок понимал, что тот не прост. Очень непрост. Однако Шерман и не предполагал, что сражаться с эльфом будет настолько тяжело. Ловкий, юркий противник двигался с невероятной быстротой, атакуя и нападая сразу со всех сторон. Причудливые финты сменялись прямыми выпадами, меч превратился в сверкающую молнию, и не оставлял ни малейшей бреши, в которую можно было нанести удар. Эльф не сражался, он словно танцевал, нанося молниеносные удары, наступая и отскакивая. Не раз и не два Шерман радовался тому, что сражаются они тренировочными мечами. Как бы он ни держал оборону, эльф-таки умудрился его достать. Правда, и норлок сделал пару удачных выпадов, коснувшись шеи Лавра, но абсолютной победой здесь и не пахло.

— Хватит молотить друг друга! — скомандовал Ялс. — Скоро мы причалим к берегу, и на борт пассажиры поднимутся. Лучше вам пока не показываться на глаза ни им, ни береговой охране.

— С каких это пор ты берешь на борт пассажиров? — изумился Шерман, прекратив бой и сумев, в самый последний момент, отвести удар эльфа.

— С тех пор, как мне за это платят золотом, — хмыкнул капитан.

Шерман пожал плечами и встретился со взглядом Лавра. Весьма изумленным взглядом. Эльф разглядывал его так, как будто видел первый раз в жизни и не понимал, как нужно относиться к увиденному.

— Что? — не понял норлок.

— Ты задел меня в бою! — потрясенно пробормотал Лавр.

— Ну и что? — не понял норлок. — Ты меня тоже задел.

— Равным эльфу в боевом искусстве может быть только эльф! У представителя любой другой расы, в бою один на один, против эльфа нет никаких шансов! Во всяком случае, я так думал до сих пор... — потрясенно выдохнул Лавр.

— Если тебя это утешит, ты тоже был первым, кто сумел меня достать в бою один на один, — хмыкнул норлок. — Всё когда-то происходит впервые.

Однако эльф подобным фактом вовсе не утешился. Он возмущался и бурчал себе под нос до тех самых пор, пока поднявшиеся на борт пассажиры не привлекли его внимание. Собственно, Лавру было начхать на людей вообще, и на представшую перед ним парочку в частности, просто когда он увидел, как один молодой человек нежно целует руку другому, он несколько опешил. Разумеется, частенько сталкиваясь с людьми, эльф знал, что они склонны порой к различным извращениям, но все равно оказался не готов. Интересно, а Ялс знает, кого он взял на борт? Один из молодых людей нетрадиционной ориентации был тощим, прилизанным и каким-то болезненным, а тот, кому он целовал руку... стоп! Это же девушка! Эльф еще раз окинул незнакомку взглядом и убедился в правильности собственного вывода. Ну, это уже не так страшно. И даже интересно. Опытный взгляд эльфа разглядел под мужским нарядом неплохую фигурку, а под широкополой шляпой — хорошенькое личико, которое смотрело на прилизанного хлыща с искренним участием.

— Шерман, ты мне нужен! — ворвался эльф в каюту к норлоку.

— Ну чего еще?

— Среди пассажиров Ялса есть девушка!

— И что? — лениво поинтересовался Шерман. — Только не говори мне, что ты разделяешь идиотское людское поверье, будто женщина на корабле приносит несчастье.

— Да нет же! Ты не понял! Я хочу ее очаровать!

— Ну и очаровывай. Я-то тут при чем? — не понял норлок.

— Давай ты ее напугаешь, а я ее спасу, — предложил эльф.

— Совсем охренел? — возмутился Шерман. — Нам за такие игры Ялс голову оторвет, и будет прав, кстати. Да и вообще... на кой гоблин тебе нужны такие придурства? Покажись ей один разок, и дело в шляпе. Устоять перед тобой она точно не сможет.

— Нет в тебе, Шерман, никакой романтики, — вздохнул эльф, с сожалением отказываясь от блестящего плана.

Придется действовать обычным способом. А жаль. Очень уж эльф любил различные эффектные выходы. Впрочем... может быть, еще не все потеряно? Приглянувшаяся Лавру девица стояла вместе со своим кавалером у борта и любовалась ловцами жемчуга. Отчаливать Ялс планировал еще как минимум через час, так что время насладиться необычным зрелищем было предостаточно. Вооружившись камнем в качестве дополнительного балласта, мальчишки прыгали вниз со своих утлых лодчонок и, всплывая, забирали с собой наверх целый мешок раковин. Здесь же, прямо в лодке, они разжимали створки раковин ножом и избавлялись от содержимого, ссыпая жемчужины в кошель, а остальное выкидывая за борт.

— Эй, вы, бездельники! Золотой, если выловите жемчужину размером хотя бы с горошину! — крикнул прыщеватый хлыщ, увивавшийся возле девушки.

Мальчишки тут же прыгнули вниз, соревнуясь друг с другом. Через некоторое время одна из лодок подплыла к «Астрее» ближе, мальчишка поднялся на палубу и протянул жемчужину. Хлыщ довольно кивнул, вручил ему золотой и тут же, с поклоном, преподнес жемчужину своей даме. Та зарделась и улыбнулась.

— Я готов сам спуститься на дно моря, чтобы достать сокровище, достойное вас, — напыщенно произнес кавалер, целуя нежную ручку.

Спуститься на дно морское? Ну, что ж. Почему бы и нет? Эльф подошел к краю палубы, оттолкнулся и красивой «ласточкой» спикировал вниз, успев услышать за спиной невольный вскрик девушки. Нам нравятся герои? Да ради Властителя! Эльфы, конечно, лесной народ, но не настолько, чтобы не почувствовать, в какой из раковин скрыта самая большая жемчужина. При желании, Лавр мог бы набить ими целый кошель, однако не хотел терять на это времени.

Появление эльфа на палубе произвело на девушку эффект взорвавшегося снаряда. Она потрясенно распахнула глаза и заморожено смотрела на приближающегося к ней прекрасного ангела. Мокрого, растрепанного и улыбающегося. «Готова», — удовлетворенно ухмыльнулся про себя эльф, разглядывая впавшую в ступор девушку.

— Я стал невольным свидетелем вашей радости при виде жемчужины, и решил поднять со дна морского что-нибудь, что могло бы понравиться вам еще больше.

— Сударь, вы нам даже не представлены! — тут же вмешался стоявший рядом прыщеватый хлыщ.

— Это легко исправить, — хмыкнул эльф. — Мое имя Лавртеналлен О, Фэлл дер Шанталльэртен Томерллинель. Для друзей и прекрасных дам — просто Лавр.

— Мадемуазель Джульетта де Арсо, — улыбнулась девушка.

— Для меня большая честь с вами познакомиться, — одарил эльф Джульетту одной из своих ослепительных улыбок. — Держите, я сам нашел это для вас на морском дне.

Лавр вложил девушке в ладонь свой подарок, поклонился и, насвистывая, направился в свою каюту. Настроение у него было великолепным. Ему все-таки удалось эффектно познакомиться с понравившейся ему девушкой. И ближе к вечеру, наверняка, это знакомство продолжится. Как только Джульетта увидит подаренную жемчужину, размером с небольшой орех, она, как и любая другая благовоспитанная девушка, тут же решит вернуть слишком дорогой подарок. Ну или, по крайней мере, найдет время поблагодарить.

— Ну и зачем тебе это было надо? — лениво поинтересовался Шерман, оглядывая мокрого насквозь эльфа.

Норлок Лавра абсолютно не понимал. Если все женщины при одном взгляде на тебя цепенеют и тут же влюбляются по уши, на кой гоблин их завоевывать? Однако эльф, похоже, был другого мнения, и обхаживал Джульетту по всем правилам. Дня через два девица уже была влюблена в Лавра до беспамятства, и готова на все, однако эльф продолжал с ней играть, как кошка с мышкой. Он осыпал ее комплиментами, целовал ей ручки, но определенных границ не переступал. Матросы уже начали заключать пари на то, что Джульетта сама залезет в постель к Лавру, и даже обговаривали сроки. Самые настырные из них даже пытались пристать с вопросами к эльфу, однако тот загадочно улыбался и молчал. Джульетта под пристальными взглядами команды краснела, бледнела, но через полторы недели все же не выдержала, и сама отправилась к эльфу в каюту.

— Упорная попалась девица, долго сопротивлялась, — цинично заметил норлок, глядя на довольно улыбающегося с утра эльфа.

— Сопротивлялась? — хмыкнул Лавр. — Да я последнюю неделю от нее по всем углам прятался, чтобы она меня не изнасиловала!

— Зачем? — не понял Шерман. — Ты же сам хотел ее соблазнить.

— Зачем, зачем... да чтоб она не надоела мне раньше времени. Человеческие женщины имеют особенность приедаться уже после первой недели. Поэтому я и соблазнил Джульетту тогда, когда нам пять дней до прибытия осталось. Чтоб не слушать истерики от брошенной девицы.

— Надо же... а я-то думал, что самая большая сволочь и циник — это я, — расхохотался Шерман.

— О чем ты? — даже не понял эльф. — Надеюсь, ты не намекаешь на то, что я должен относиться к человеческой женщине, как к равной? Люди всего-навсего низшая раса, созданная служить и подчиняться. К сожалению, они подзабыли об этом и начали позволять себе нападать даже на эльфов. Однако это ничего не меняет. Джульетта для меня — это только средство скинуть напряжение и удовлетворить свои желания. Я не могу воспринимать ее, как разумное существо. И уж тем более как женщину, к которой я должен относиться с почтением.

— Ты не считаешь людей разумными? — искренне удивился норлок.

— Разумеется нет! Эта жестокая раса купается в крови себе подобных, уничтожает всех, кто на них не похож и не способна думать ни о чем, кроме собственного размножения. Ты не согласен?

— Если ты когда-нибудь скажешь это Брин, я тебя убью, — почти равнодушно ответил на вопрос Шерман. И в его голосе было столько холода, что эльф ему поверил. Настолько, что предпочел больше вообще не поднимать человеческую тему. Ни когда они находились на корабле, ни тогда, когда покинули палубу «Астреи».

Добраться до Шурфа оказалось не так уж сложно. Эльф даже удивился, когда черный маг согласился их принять всего после пары дней ожидания. В принципе, до Шурфа можно было бы добраться и еще быстрее, но Шерман не желал двигаться вперед, не отправив Брин письма. Слишком уж он за нее волновался. Будь его воля, он вообще наплевал бы на все, и добрался бы до Топлинга, чтобы ее проведать и лично убедиться в том, что с ней все в порядке. Однако возмущение эльфа и (главное!) воля Властителя не дали совершить ему сей неразумный поступок. Норлок вздохнул и смирился. Выбора у него не было. Он был связан по рукам и ногам татуировкой на запястье и эльфийским медальоном, который мог открыть ему двери в его мир.

Черный маг Шурф лежал на огромной тахте под расшитым золотом балдахинном и предавался размышлениям. Размышления эти были, большей частью, приятного характера. Магу удалось завоевать два соседних королевства, объединив Предел впервые за много сотен лет, и укрепить свое положение на троне браком с Августой. Конечно, если бы у Шурфа было больше сил и могущества, он не тал бы этого делать. Не так уж ему нравилась Августа. Но власть надо было удержать. И что могло быть лучше, чем женитьба на особе королевского рода? Овдовев, Августа, по закону, стала хозяйкой и Западного Предела, и Истрии. Так что, женившись на ней, Шурф стал королем не только по праву меча, но и по праву крови. Не сказать, что это сильно успокоило соседей, но, по крайней мере, они отказались от своей мысли немедленно идти на него войной. Магу это было только на руку. Ему необходимо было восстановить отряды зомби и собраться с силами. А тут такой хороший шанс! Впрочем... судьба в последнее время вообще баловала Шурфа. Сначала ему удалось похитить медальон (причем вместе с королевой, которая оказалась сначала идеальной заложницей, а затем средством заполучить корону на законных основаниях), затем маг довольно быстро разбил войска Генриха, а теперь еще и нанял двух демонов, которые обязались ему служить.

При мысли о последнем подарке судьбы Шурф довольно потянулся. Слава черного мага и некроманта сыграла ему на руку. Демоны, случайно попавшие во враждебный им мир людей, явились именно к нему. И предложили свои мечи в обмен на защиту от религиозных фанатиков и инквизиции. Ну и за деньги, конечно. Шурф, посмурнев, вздохнул. Ну а что он хотел? Где это видано, чтобы демоны дешево обходились? Тем более, такие... Шерман и Лавр произвели на мага неизгладимое впечатление, уничтожив вдвоем целый отряд выставленных против них зомби и даже не получив во время этого боя ни одной царапины. Великолепные воины с отличной реакцией, нечеловеческой скоростью и потрясающими боевыми навыками. Как раз то, что нужно было Шурфу. Жаль, у мага все еще недостаточно было опыта. Иначе он призвал бы себе на помощь целый легион демонов, и смог бы стать повелителем мира. Однако связываться с таким количеством непредсказуемых существ Шурф не рисковал. К тому же, его амбициозные мечты простирались гораздо дальше, чем титул повелителя мира. Маг хотел стать Властителем. И у него для этого были все шансы. Магической силы в медальоне было накоплено более, чем достаточно, знаний Шурфу тоже хватало... осталось только дождаться

полнолуния и провести обряд создания мира. Черного мира, наполненного черными тварями, которые будут подчиняться каждому жесту своего создателя.

Шурф ленивым жестом приказал слуге подать себе вина и жадно припал к кубку. Если судьба дарит, то дарит полной горстью. И у мага был шанс в этом убедиться, когда он был с тайным визитом в Топлинге. Шурф замер, боясь поверить своим глазам, когда увидел эту женщину. Та же фигура, тот же цвет глаз, такие же золотистые волосы... это было невероятно. Черный маг знал предел возможному. И прекрасно помнил, что та женщина, которую он когда-то любил, уже давно умерла. Черная чума, пришедшая из-за гор, унесла ее жизнь в числе других. Шурф так и не смог забыть эту женщину. И теперь, столько лет спустя, он снова видел ее! Знакомые жесты, походка, взгляд... девушка была просто копией той, которую когда-то знал маг. Шурф сжал руку так, что даже немного смял серебряный кубок. Он не мог упустить такой шанс! Не мог не воспользоваться предоставленной судьбой возможностью! Это был слишком большой дар — знакомое до боли лицо, любимый до исступления человек, в глазах которого не было ни злости, ни ненависти, ни презрения. Маг откинул с лица непослушную прядь волос. Он не будет повторять прошлых ошибок, не станет брать силой и сминать этот дивный цветок. На сей раз он попробует ее завоевать. Ну, а если у него ничего не выйдет... тогда Шурф ее заставит. Заставит быть покорной, подчиняться ему и ждать его прихода. Пусть даже с ужасом и ненавистью.

Истинная любовь говорит: «Полюби меня, иначе мне будет плохо». Слепая страсть говорит: «Полюби меня, иначе тебе будет плохо! [10]»

* * *

С самого утра я была разозлена до крайности. Нет. Даже не так. Я была взбешена. Драгоценный старший брат, чтоб ему пусто было, решил меня продать. Да, да, вы не ослышались, именно продать, так как ни о моих желаниях, ни о моей дальнейшей судьбе даже не задумался. И ладно бы он просто решил бы выдать меня замуж, это было бы понятно... но продать меня в любовницы некроманту? Да еще и женатому на его разлюбезной Августе? По моему, это слишком. Сначала я закатила Стивену скандал, надеясь его образумить, но когда он озвучил мне предложенные ему Шурфом условия, я поняла, что протестовать бесполезно. Черный маг предложил моему брату вернуть исконные владения, путем женитьбы на единственной дочери барона де Голль, которому бывший герцог Гарри Картасский, а ныне король Георг V, подарил фамильные земли Фотонов. Разумеется, от такого заманчивого предложения Стивен просто не мог отказаться.

Тьфу ты! Знать бы хоть, как этот черный маг выглядит... хотя... что это изменило бы? Сбежать я все равно не смогу. Причем сразу по нескольким причинам. Первой была полная невозможность существовать в данном мире без мужской поддержки. Если женщина в рейтинге местных рыцарей и стояла выше вещи, то ненамного. Вторая причина была еще важнее... какой-то оборванец пару недель назад принес мне письмо от Шермана. Да, да, на сей раз это было целое письмо, а не коротенькая записка с призывом сидеть на месте и ждать, пока он меня в очередной раз спасет. Впрочем... я настолько была рада получить от норлока весточку, что в любом случае не стала бы привередничать. А тут еще Шерман, вместе с настоящей просьбой, чтобы я его ждала, соизволил написать, что он по мне тоскует. Ну надо же... это до чего же норлока расперло, что он решил открыть в письме свои чувства! Я достала заветное письмо, уже замятое и обтрепанное от постоянного перечитывания, перечитала его в очередной раз и прижала к себе с глупой улыбкой. Шерман помнит обо мне! И тоскует! Господи, я надеюсь, он успеет вмешаться до того, как меня продадут некроманту?

вернуться

Автор сей фразы — Хелен Роулэнд

Настырный стук в дверь отвлек меня от приятных мыслей, и я тут же сунула письмо за корсаж. Вот она. Третья причина того, что сбежать я не могла. Приставленная братом служанка, которая следила за каждым моим шагом. Сухая старушенция, с таким лицом, как будто ее всю жизнь поили уксусной эссенцией, исполняла свою роль надсмотрщицы с рвением, достойным лучшего применения. И, кстати (это было даже забавно) должна была просветить меня насчет моих супружеских обязанностей. В любое другое время подобную заботу старшего брата я оценила бы как нельзя лучше, но в данный момент мне было слегка не до этого. Изображать из себя глупенькую, наивную и (главное!) невинную девицу не было ни желания, ни настроения. Так что лекцию о пчелках и цветочках я пропустила мимо ушей. Единственное, что мне показалось интересным, так это рассказ об обряде испытания супругов. Поскольку Стивен (естественно!) не стал распространяться о том, что готовит меня отнюдь не в жены, а в любовницы, приставленная ко мне служанка почла необходимым просветить меня на сей счет. После чего выходить замуж в этом мире мне расхотелось раз и навсегда.

Вот с чем у вас ассоциируется свадьба? Лично у меня — с цветами, фатой, ЗАГСом, пьяными гостями, настырной тамадой и (как же без этого!) первой брачной ночью. А в том мире, куда я так неудачно попала, сей процесс дополнялся и еще одним развлечением под названием «испытание супругов». Что это такое? Да ничего особенного! Так... старинный церковный обычай, согласно которому духовные судьи (то бишь парочка особо отличившихся священников) в компании врача и достойной доверия замужней женщины преклонных лет должны были провести своеобразную «экспертизу» новобрачных. Для начала врач обследовал супружескую пару на предмет их физического здоровья, после чего супруги обязаны были лечь в постель. Причем все это происходило в присутствии вышеозначенной комиссии! Никаких отгораживающих ширм или занавесок, которые могли бы скрыть процесс, не предусматривалось! Не знаю, как в подобной ситуации мужчины вообще могли что-либо сделать, но видимо делали, поскольку это было еще не все. После свершившегося супружеского акта новобрачные должны были вылезти из постели, подвергнуться еще одному обследованию, и только после этого их брак признавался свершившимся. Ну и как вам это? [11]

Лично меня рассказанное несколько не вдохновляло. В данной ситуации оставалось только порадоваться, что меня берут не женой, а любовницей, к тому же к черному магу, который наверняка не соблюдает освященных церковью обычаев. Порадоваться и понадеяться, что до супружеского ложа дело все-таки не дойдет, что Шерман появится вовремя, и что мне удастся выбраться из этого дурацкого мира. Я вздохнула, открыла-таки дверь настырно долбившейся служанке и поинтересовалась, какого дьявола ей от меня надо. Ой, сколько же нового и интересного я услышала в ответ. Оказалось, что наш дом посетила великая радость (именно великая, ни больше ни меньше) и что меня ожидает неземное счастье в виде знакомства с собственным потенциальным супругом. («Любовником», — тут же мысленно поправила я служанку). Ну-ну. Посмотрим. Я одернула платье, поправила прическу и спустилась вниз. Сияющий, как начищенный медный чайник, Стивен стоял рядом с неким господином, который, по-видимому, и являлся черным магом и злобным некромантом в одном лице. Любопытно... неужели он не мог потратить пару заклинаний на то, чтобы хоть как-то улучшить свою внешность? Черный маг был мелким (ростом со среднего гнома, не выше), круглым (как воздушный шарик) и коротконогим (причем позорные ножки еще и загибались колесом, будто маг ни разу в жизни не слезал с лошади). Дополняли облик некроманта маленькие глазки неопределенно-желтого цвета и реденькие рыжеватые волосы. А! Еще гладко прилизанная

прядь, трогательно прикрывающая начинающую пробиваться лысину. Картина маслом.

Однако черный маг Шурф, похоже, даже не подозревал, что его внешность (мягко говоря) далека от идеала. Более того, он совершенно искренне считал себя самым большим подарком, который только могла преподнести мне жизнь. Не успел Стивен меня ему представить, как маг тут же полез слюнявить мне ручки и попытался облапать меня за талию. Причем Стивен со служанкой, которые, вроде как, должны были блюсти мою честь, тут же смылись, оставив нас наедине.

— Да перестаньте же ты меня лапать, наконец! — вырвалась я.

— Строптивая? Это хорошо... — расплылся в сальной улыбке маг. — Мне такие нравятся.

— А ты приглядишься получше, вдруг я — совсем не твой тип? — огрызнулась я, переходя на «ты» и отскакивая от нахала подальше. Лучше, наверное, за стол зайти, тогда он до меня точно не дотянется.

Шурф фыркнул, видимо разгадав мои намерения и поражаясь моей наивности, щелкнул пальцами, и разделяющий нас стол бесследно испарился. Вот это ничего себе! Похоже, дело обстоит еще хуже, чем я себе это представляла. Маг продолжал сально пялиться на меня, настойчиво раздевая глазами.

— Нет, ты как раз мой тип, — решил Шурф, вдоволь наглядевшись. — И не огрызайся! Я люблю, когда женщина держит свой рот на замке. Исключая крик... в соответствующий момент, конечно.

— Ты имеешь в виду момент огромного разочарования? — ядовито предположила я. — В таком случае твоя спальня должна быть очень шумной комнатой.

Ой... наверное, лучше было все-таки промолчать. Маг буквально вскипел, причем настолько, что у него покраснели даже уши. Я съежилась, ожидая магической грозы, но Шурф сдержался.

— Хорошо, что мое тщеславие невозможно поколебать, — с усилием улыбнулся он. — Иначе ты не оставили бы от него камня на камне.

— Уверена, у тебя есть достаточно женщин, чтобы питать твое тщеславие. Вряд ли тебе нужна еще одна, — не удержалась я.

— Мне всегда нужна еще одна, дорогая. В этом и состоит моя проблема, — снова расплылся в сальной улыбке маг, оставляя за собой последнее слово. — Готовься, через два дня ты войдешь в мой дом и в мою спальню. За это время я должен... утрясти некоторые формальности.

Интересно, какие же? Какие вообще формальности могут беспокоить могучего мага? Однако расспрашивать об этом было уже некого. Шурф издевательски поклонился и вышел за дверь. Ну, что ж. Попробуем разобраться в ситуации самостоятельно.

Шерман крутился перед зеркалом и огрызался на дурацкие шуточки откровенно прикалывающегося Лавра. Всё бы этому эльфу веселиться! Лучше бы придумал, как подобраться к медальону поближе! Шурф не подпускает их к себе даже на расстояние удара мечом, прячась за тройным заслоном из отряда зомби. Да еще и щитами магическими себя обвешал, защищаясь от случайной арбалетной пули. Однако эльф в данный момент размышлять на серьезные темы был просто не в состоянии. Слишком уж забавно выглядел

мечущийся перед зеркалом Шерман, опасавшийся, что в своей истинной ипостаси он не понравится Брин.

— Она тебя что, вообще никогда не видела в таком виде? — фыркнул эльф, с любопытством следя за длинным хвостом с кисточкой, выписывающим в воздухе какие-то вензеля.

— Видела. Однажды. При первой встрече. Но привыкла-то она ко мне, когда я в человеческой ипостаси был!

— Но ведь ты же не можешь сейчас трансформироваться! Если, конечно, не хочешь умереть медленной и болезненной смертью. Думаю, Шурф тебе этого не простит. Так что придется тебе показаться Брин таким, какой ты есть, — сузил глаза эльф. — И скажи спасибо Властителю, что он вообще разрешил тебе с ней увидеться.

— Разрешил он, как же! — раздраженно буркнул Шерман. — Скажи уж, выхода у него другого не было. Узнав, что Шурф положил на Брин глаз, эта сволочь решил использовать ее в своих целях! Как подсадную утку!

— Но она действительно могла бы снять медальон с мага без лишних проблем. Наверняка Шурф так увлечется, что не способен будет контролировать происходящее. Да и магические щиты, скорее всего, с себя в этот момент снимет.

— Убью! — вспыхнул Шерман. — Если он только посмеет протянуть свои грязные лапы к Брин, я его убью! Самым изуверским и извращенным способом! И никакие щиты с зомби его не спасут! Клянусь, я это сделаю! Даже если это вообще будет последним, что я сделаю в своей жизни. Брин ему не достанется.

вернуться

11

Реальный обычай в средневековой Европе. Когда гражданские власти Франции решили, наконец, с ним покончить, они натолкнулись на отчаянное сопротивление: все епископы объединились для защиты того, что называлось «священной прерогативой святой матери церкви». Преодолеть их сопротивление стоило невероятных усилий.

— Ты знаешь, мне даже стало любопытно. И захотелось с ней познакомиться. Что же это за девица такая, которая пленила черного мага и заставила тебя потерять голову? — заинтриговано оживился Лавр. — Я успел достаточно хорошо узнать тебя, Шерман, чтобы понять, что ты не тот тип, который подвержен слабостям. Однако ты действительно увлечен Брин, я это вижу. Ты бесишься от ревности при одной только мысли, что она будет принадлежать кому-то другому, ты постоянно беспокоишься, что с ней что-то случится, ты носишь на своей одежде этот дурацкий черный шнурок, который давно уже обтрепался, потеряв вид и форму. Ведь это ее подарок, я прав? Иначе ты не стал бы так таскаться с этой вещью. Нет, я определенно хочу с ней познакомиться.

— Я еще не сошел с ума, чтобы знакомить свою женщину с эльфом, — огрызнулся Шерман.

— Тебе все равно придется это сделать. Так какая разница, когда именно? — дернул бровью Лавр.

— Я видел, как на тебя реагируют женщины, — с горечью сказал Шерман. — И я не хочу увидеть у Брин такой взгляд. Тем более сейчас, когда я в таком... виде.

— Хорошо, — вздохнул эльф. — У нас будет время подумать, как этого избежать.

Этот день был воистину сумасшедшим. Причем с самого утра. Паковались последние вещи, увязывались узлы, бегали, как ошпаренные, слуги. Завтра я должна была сменить свое место жительства и перебраться к Шурфу. И данная мысль абсолютно меня не радовала. Я пребывала в депрессии уже довольно давно. И сегодняшней день не был исключением. Мое мрачное настроение и унылые размышления несколько разнообразила влетевшая на кухню служанка. Она так бежала, что снесла с петель дверь и опрокинула кадучку довольно приличных размеров. «Демоны», — завопила она и полезла, зачем-то, в кухонный шкаф. Видимо, надеясь, что там ее никто искать не будет. Позабавившись этой достойной пера комедиографа сценой, я попыталась выудить служанку из ее убежища и расспросить подробнее, что же случилось. Однако покидать шкаф старая гримза отказалась напрочь, нечленораздельно что-то простонав про чешуйчатую нелюдь с гребнем на голове. Хм... кого мне это напоминает?

Шерман?! В своей истинной ипостаси? Я оставила служанку сидеть на кухне и понеслась в свою комнату, чувствуя, как мое сердце буквально выпрыгивает из груди. Он жив! Он вернулся! Он сможет спасти меня от участи стать любовницей Шурфа! Я влетела в свою комнату и попыталась отдышаться, делая вид, будто поплотнее закрываю дверь. Незачем этому гаду знать, как я к нему летела, и как я рада его видеть! Иначе зазнается, и с ним совсем сладу не будет.

— Привет! — обнял меня норлок и крепко прижал к себе.

Господи, как хорошо-то! Сколько дней я умирала от желания получить хотя бы весточку от этого мерзавца! Сколько дней я жила ожиданием и тревожилась, как там он! А он, судя по голосу, живехонек — здоровехонек, скотица такая! Во мне боролись самые противоречивые чувства. Хотелось выругать его хорошенько. Расцеловать его. Потребовать, чтобы он объяснил, где он шлялся все то время, пока я с ума сходила от тревоги. Однако у меня едва хватило сил на то, чтобы не разреветься от радости. Он жив! Он здесь! И все еще носит на груди мой дурацкий шнурок.

— Господи, как же я по тебе соскучилась! — вырвалось у меня невольно.

Хм... а в своей истинной ипостаси норлок целуется ничуть не хуже, чем в человеческой! Чешуйчатая кожа оказалась шершавой на ощупь, гребень мягким, а когда я добралась до хвоста, Шерман не выдержал.

— Нет, Брин! — с трудом отстранился он от меня. — У нас слишком мало времени.

— Ну так давай, кради меня уже быстрее! — скомандовала я. — Я и деньги с драгоценностями приготовила. Чтоб бежать было проще. И возвращаться в твой мир не с пустыми руками, — потрясла я перед норлоком увесистым мешочком.

— Послушай меня, Брин, все не так просто, — вздохнул норлок.

Ненавижу такое начало! Как только говорят «все не так просто», жди неприятностей!

— Ну? Что еще случилось? — мрачно поинтересовалась я.

Шерман вздохнул но, поняв, что деваться некуда, рассказал мне все. И про «побочный эффект» своего браслета, оказавшегося своеобразным вариантом рабского ошейника, про то, почему он не мог ко мне приехать. Добило меня известие о том, что в свой мир я попасть не смогу уже никогда. Сущность процесса отражения, я, правда, так и не поняла, но сам вывод пугал меня своей безысходностью. Как же так?! А моя прежняя жизнь? А родители? Почему все это должно достаться моему отражению? Я была буквально вне себя! Ну почему же мне до такой степени не везет-то? Шерман погладил меня по голове, пытаясь успокоить, и продолжил рассказ о своих приключениях. Он поведал мне о том, как собирался убить Августу, как оказался в тюрьме у Шурфа, как спасся, и как решил принять истинную ипостась, чтобы наняться к черному магу в другом облики и все-таки попытаться добраться до медальона.

— Всё это хорошо. Но это же не всё, правда? — уточнила я, вглядываясь в отводящего свои наглые синие глаза Шермана. — Ты не мог сам выяснить, что в действительности представляет из себя медальон. И ты определенно не владеешь знаниями, которые могли бы освободить тебя от браслета и вернуть нас в твой мир. И откуда, скажи на милость, ты узнал, что в свой собственный мир я теперь никогда не смогу вернуться, поскольку отразилась? Не думаю, что тебе обо всем этом поведал Властитель. Это не в его интересах. Значит, у тебя есть напарник. Довольно странный напарник, раз ты не хочешь мне о нем рассказывать. Давай, Шерман, колись, все равно нам придется вместе работать. Кто он? Монстр какой-нибудь, которым ты боишься меня напугать?

— Наоборот, — тяжело вздохнул Шерман. — Он эльф. Истинный эльф. И я не хочу тебя с ним знакомить.

— Господи, Шерман, ты что, ревнуешь меня? — всплеснула я руками. — Нашел время и место! Давай спасай меня, пока не поздно, а с твоим эльфом мы потом разберемся.

— Властитель не хочет, что бы я тебя спасал, — рыкнул норлок. — Он хочет, чтобы ты проникла к Шурфу и стянула у него медальон. Но я готов рискнуть помочь тебе бежать. Если у меня получится.

— И чем тебе это грозит? — тут же уточнила я.

— Какая разница? К счастью, Властитель может контролировать меня только время от времени. У нас с тобой будет шанс успеть. А потом... я как-нибудь выкручусь.

— На фиг! — решила я, зная норлока и представляя, что может скрываться за фразой «как-нибудь». — Такой ценой я спасаться не хочу. Нужно придумать другой выход.

— А я не хочу тобой рисковать! — вспыхнул норлок. — И укладывать тебя в постель к Шурфу я тоже не имею никакого желания!

— Я вам не помешаю? — прервал наш спор приятный мужской голос.

Мама дорогая! Ну, теперь я понимаю, почему Шерман не хотел меня знакомить с этим эльфом. Сидящий на подоконнике тип был настолько хорош собой, что просто мысли разбежались во все стороны. Стройная, изящная фигура, платиново-белые волосы, фиалковые глаза... мечта! Эльф легко спрыгнул с подоконника, представился мне длинным, труднопроизносимым именем и, обаятельно улыбнувшись, поцеловал мне руку. Надо же... мало мне норлока, так еще один бабник на мою голову свалился. Пока я разглядывала его с искренним интересом, этот повеса с изысканными манерами, (который, наверняка, коллекционирует женщин, как энтомолог — бабочек), перешел от целования одной ручки к другой.

— По-моему, вы несколько переходите грань вежливости, — осадил я его, отходя к норлоку. Получивший отпор эльф выглядел настолько удивленным, что мне его стало даже немного жаль. Видимо, это случилось первый раз в его жизни.

— Лавр, я же просил, чтобы ты ждал меня внизу и не показывался на глаза Брин! — судя по шипению, Шерман находился в крайней степени ярости.

— Я бы с удовольствием выполнил твою просьбу, но внизу бегают крестьяне с вилами, ищут какого-то демона. Не тебя?

— Я тебя просил! — взревел раненым изюбром Шерман.

Хм... мне, конечно, льстит, что норлок меня так ревнует, но не до такой же степени, чтобы убивать единственного имеющегося у нас эльфа! Не знаю, насколько моя идея остановить намечающееся кровопролитие была удачной, но ничего более умного мне просто не пришло в голову. Я подошла к Шерману и поцеловала его. Со всей страстью испытываемых к нему чувств. Норлок настолько опешил от моего неожиданного демарша, что первые секунды три даже никак не реагировал. Потом сильные руки поймали меня в объятия, Шерман ответил на мой поцелуй и... блин! Я когда-нибудь говорила вам, что не люблю эльфов? Нет? Странно. Я их терпеть не могу, потому что они вмешиваются в самый неподходящий момент!

— Не хотелось бы вам мешать, но по-моему, поиски демона перенеслись с улицы в дом. Нам нужно обговорить сложившуюся ситуацию как можно быстрее. Пока они не добрались до этой комнаты, — сообщил эльф.

— А что обговаривать? — недовольно нахмурилась я. — Завтра я еду к Шурфу. Вы, насколько я поняла из рассказа Шермана, подрядились ему служить, а значит, будете где-то рядом. Моя задача повертеть перед носом некроманта хвостом и заманить его в какой-нибудь темный уголок. Ну, а там уж должны вмешаться вы. Думаю, что одна я с черным магом не справлюсь. Кстати, пару дней назад Шурф приезжал ко мне свататься. Я даже думала, что он сразу увезет меня с собой, но маг сказал, что ему нужно уладить кое-какие формальности. Вы не в курсе, какие именно? Не хотелось бы попасть на жертвенный алтарь.

— Приблизительно, — вздохнул Шерман. — К счастью, среди слуг Шурфа есть и живые люди. А они наблюдательны. И болтливы. В замке ходит слух о каком-то ритуале в полнолуние, но связывают этот ритуал с королевой Августой.

— Видимо, магу нужно было тщательно подготовиться к этому событию, — поддакнул эльф. — А ты, несомненно, явилась бы слишком серьезным отвлекающим фактором.

— А когда у нас полнолуние? — уточнила я.

— Послезавтра, — буркнул Шерман.

— Прямо скажем, времени в нашем распоряжении мало.

Лавр теребил в пальцах тонкий шелковый шнурок и хмурился. Придуманый план, только вчера казавшийся ему простым и гениальным, сегодня уже представлялся авантюрой чистейшей воды. Причем со смертельным исходом для всех троих участников. Удастся ли Брин заманить Шурфа в этот коридор? Снимет ли распаленный желанием маг хотя бы часть своих магических щитов? Смогут ли они втроем выбраться живыми из замка и провести ритуал? Вопросов было слишком много. Однако никакого другого выхода из создавшейся ситуации они

так и не нашли. Хотя пытались. И еще как пытались. Шерман буквально извелся весь, придумывая, как обойтись без Брин. И как защитить ее от Шурфа. Отчаянный норлок даже провел прошлую ночь в покоех Брин, готовясь снести голову магу, если он только попробует посягнуть на девушку. К счастью, ночью у Шурфа были дела в другом месте. Иначе и Шерману, и Брин не поздоровилось бы.

Лавр осторожно выглянул из укрытия и прислушался. Было тихо. Игра еще не началась, а он уже нервничал. Удастся или не удастся Брин завлечь Шурфа? Сам Лавр пошел бы за ней куда угодно. И наверняка не заподозрил бы подвоха. Когда эльф впервые увидел Брин, у него даже дыхание сбилось с ритма. Властители, как же она была хороша! Лавр не удивился бы, если бы выяснилось, что в жилах Брин течет эльфийская кровь. Пусть даже сильно разбавленная веками. Она была слишком хороша для обычной человеческой девушки! Настолько, что Лавр не устоял и попытался ее соблазнить. Зачем? Он ведь не собирался этого делать! Более того, Лавр дал себе слово, что будет игнорировать женщину Шермана, даже если она сама начнет вешаться на него. Эльфу не нужны были лишние сложности. И он определенно не хотел портить отношений с норлоком и уж тем более, ввязываться с ним в драку. Тогда зачем он это сделал? Зачем? У Лавра не было ответа на этот вопрос. Эмоции оказались сильнее разума. И если бы не вмешавшаяся в ситуацию Брин, неизвестно, чем бы это закончилось. Эльф досадливо нахмурился. И что она нашла в этом норлоке? А ведь нашла, это сразу видно. Причем настолько серьезно, что сумела даже эльфа проигнорировать. Лавр увидел только секундное удивление, оценивающий взгляд, мелькнувшую весьма лестную оценку увиденному и... все. Ни щенячьего восторга, ни зазывающего взгляда, ни малейшей тени кокетства... Брин была первой женщиной, которая увидела за эльфом Лавра. И это несколько сбивало с толку.

Властители, как же жаль, что он опоздал! Как же жаль, что он не встретился этой женщине раньше Шермана! Все могло бы сложиться по-другому. Однако жалеть об этом сейчас было уже поздно и бесполезно. Прошлого нельзя изменить. Брин принадлежит Шерману, это ее выбор, и эльфу придется с этим смириться. Если бы, конечно, она дала хотя бы повод... тень надежды... знак... Лавр помотал головой. Всё! Баста! Больше он не будет об этом думать. Ему нужно быть сосредоточенным. Если Шурф поддастся на провокацию Брин, эльф должен будет накинуть на шею магу шелковый шнурок. Уж от этого оружия некромант точно магического щита не поставил. Лавр вздохнул и выругался шепотом. Играть роль нападающего из-за угла убийцы ему совсем не хотелось. Но выбора не было. Шерман испытывал слишком сильные чувства к Брин, чтобы ему можно было доверить такую миссию. Наверняка ревнивый норлок не выдержал бы и высунулся раньше время, загубив все дело. В коридоре раздался хрустальный смех Брин, и эльф замер, перестав даже дышать. Сейчас все должно решиться. Он видел, как Брин флиртует с Шурфом, как откровенно ему улыбается, как зазывает глазами и понимал, что терпения у него, кажется, не больше чем у Шермана. Эльф до боли сжал кулаки, впившись ногтями в кожу и буквально заставил себя стоять на месте. Это было сложно. Очень. Все его тело рвалось вперед. Схватить, накинуть шелковый шнурок и душить, душить, душить! Причем не черного мага, а Брин! Чтоб она больше никогда и никому не смела так улыбаться!

Поймав себя на такой мысли, эльф вздрогнул и решительно закрыл глаза. Смотреть на то, как Брин кокетничает с Шурфом, у него не было сил, а понять, что они подошли достаточно близко, чтобы нанести удар, эльф мог и на слух. Шаг, еще шаг, еще... шелковая петля взвизгнула, обвила короткую толстую шею, и позвонок хрустнул.

— О, господи! — не выдержала Брин, побледнев и опершись на стенку.

— Бежим, скорее, — буквально подхватил ее эльф. — На выходе из коридора нас должен ждать Шерман. Нам нужно убраться отсюда!

Лавр сорвал с шеи Шурфа медальон, осмотрел его, удовлетворенно кивнул, и они побежали. Однако дожидавшийся их Шерман умерил их пыл.

— Медальон у тебя? — поинтересовался норлок у эльфа и, получив утвердительный кивок, вздохнул с облегчением. — Планы меняются. Мы не сможем выйти из замка. Не знаю уж, какие чары наложил Шурф, но зомби активизировались и ползут сюда. Мы сможем воспользоваться медальоном в одной из комнат?

— Что-нибудь случилось? — заподозрила Брин, видя, как нервно норлок покусывает губы.

— Я боюсь, что со мной свяжется Властитель, и тогда никому из нас не удастся уйти. Таштен не такой дурак, чтобы мне доверять и не проверить, где находится медальон во время полнолуния, — поделился своими опасениями Шерман.

— Тогда нам нужно торопиться, — решил эльф.

Комната, в которой мы решили проводить обряд, была маленькой и довольно захлавленной. Шерман тут же кинулся баррикадировать дверь, придвигая к ней мебель, эльф чертил на полу какую-то пентаграмму, а я все еще отходила от смерти Шурфа. Нет, все-таки наемный убийца — это не моя профессия. Мне бы домой попасть... кстати...

— Лавр, ты уверен, что я не смогу попасть в свой родной мир? Что это за такой закон, по которому я отразилась, и чем он может мне помешать?

— Тебе не кажется, что ты задаешь слишком много вопросов? — ехидно поинтересовался эльф, оторвавшись от своего увлекательного занятия.

— Если вспомнить, что мне пришлось пережить с вами за прошедший день, можно сказать, что я на редкость нелюбопытна, — возразила я. — Ну, так что там с отражениями?

— Как бы тебе это объяснить... — задумался эльф. — Когда ты перемещаешься между мирами с помощью вещи в качестве проводника, срабатывает эффект зеркала. Ты отражаешься, раздваиваешься, делишься на две части. Причем одна остается жить в твоём мире и продолжает жить, как жила, а другая перемещается. И вернуться в тот мир, где есть отраженный двойник, уже не может. Это Второй Закон Магии. Научно подтвержденный.

— Понятно, — вздохнула я. Значит, надеяться действительно не на что. У-у-у... повезло же моему двойнику... поехала к Диме на дачу... да и сейчас ведет привычный образ жизни, а не сидит во дворце черного мага в компании эльфа и норлока. — А что будет с теми людьми, в тела которых вселились мы с Шерманом?

— Представления не имею, — честно ответил эльф. — Скорее всего, они продолжат жить своей жизнью, даже не вспомнив, что с ними случилось.

— Вот они удивятся, когда окажутся в обществе друг друга, да еще и во дворце, полном зомби, — пожалела несчастных я. — Погоди-ка... но ведь мы все в данный момент собираемся перейти в другой мир с помощью именно медальона? Стало быть, вещи? И мы отразимся? Что-то я совсем запуталась.

— Стал бы я огород городить, если бы знал, что отражусь! — фыркнул эльф. — Медальон — это не вещь. Это... как бы объяснить... маг в вещественном облике. Только если обычный маг может вернуть вас обратно и подстраховать если что, то медальон для этого недостаточно

разумен. Скорее всего, его можно настроить и на такую функцию, но я этого делать не умею. Да нам это и не нужно. Что-то не тянет меня обратно в этот мир возвращаться.

— Может, приступим уже? — поторопил эльфа норлок. — Зомби вошли в коридор. Скоро они доберутся до нашей двери, а она долго под их ударами не выстоит.

— Приступим, — согласился эльф. — Вставайте в пентаграмму. И дайте мне по капле своей крови.

Ай! Больно же... не эльф, а садист какой-то... даже Шерман поморщился, невзирая на его хваленую выдержку. Впрочем, Лавр и себя не хило полоснул. Нда... если это у эльфа называется «капля крови»... лужа целая. Медальон, который эльф опустил в кровь, тут же налился силой и засиял.

— Ты уверен, что перенос избавит меня от татуировки? — нервничая, уточнил Шерман.

— От татуировки нет. А вот твою связь с Властителем порвет, — ответил эльф. — Возьмет ее на себя. Это еще один Магический Закон. Одиннадцатый, кажется. Ну что, готовы? Тогда сейчас начнем.

— Прощай, — протянул руку эльфу Шерман.

— Прощай и ты, — вздохнул Лавр. — Быть твоим напарником доставило мне истинное удовольствие. И ты прощай, Брин, — обернулся ко мне эльф. — Жаль, что мы с тобой так поздно встретились.

Лавр нежно обнял меня и поцеловал в щеку. В это же мгновение вокруг моей талии обвилась сильная рука норлока и вытянула меня из объятий эльфа, к большому огорчению последнего.

— Держи свои губы подальше от моей женщины, — хмыкнув, сказал Шерман.

— Но ведь это же древний обычай — при прощании, целовать девушку в щеку, — с наигранным удивлением ответил эльф.

Шерман довольно грубо сказал Лавру, что ему следует сделать с этим старинным обычаем, и я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться.

— Ладно. Пора, — вздохнул эльф, неожиданно став серьезным. — Возьмитесь за руки. И пожелайте вернуться в мир, из которого вы сюда пришли.

— А медальон? — вспомнила я. — Что будет с медальоном? — однако ответа от эльфа так и не услышала. Что ж... может быть, это и хорошо, что наше будущее спрятано от наших глаз...

Глава 17

Замечтаешься эдак, и всю жизнь старой девой проживешь в ожидании принца. То-то он удивится, когда все-таки прискачет — на кобыле в яблоках! — и увидит суженую — горбатую, седую и в очках. В розовых, конечно.

Ю. Туманова

«Море волнуется — раз»

Я осмотрелась по сторонам и поежилась от пронизывающего ветра. Пейзажик был абсолютно безрадостный. Голые скалы, серое небо и несколько чахлах елочек на горизонте. Мрачную картинку дополняли кружившаяся в небе стая мерзко каркавших ворон и парочка грифов, следивших за нами с уступа с каким-то подозрительным интересом.

— Ты знаешь, Шерман, по-моему, нас занесло куда-то не туда, — сделала вывод я.

— Туда, — возразил норлок, — еще как туда. Именно это место я себе и представлял. Сейчас мы спустимся вниз и увидим Ремнец. Маленький приграничный городок, в котором мы сможем остановиться, отдохнуть и привести себя в порядок.

— А зачем нам нужно именно в Ремнец? — заподозрила неладное я. — С кем он так удачно граничит?

— Чем ты мне нравишься, Брин, так это умением задавать правильные вопросы, — фыркнул Шерман.

— И все? — приобиделась я.

— Нет! Но если я начну перечислять все остальное, мы застрянем здесь надолго. А я хотел бы, наконец, нормально поужинать. И отдохнуть, не опасаясь, что за мной придут зомби или священная инквизиция. Не знаю даже, кто хуже. А городок я этот для нашего прибытия выбрал не случайно. Он граничит с землями норлоков.

— Та-а-к.

— Я должен туда съездить. И заявить свои права на принадлежащие мне земли. Поскольку я не знаю, как меня там встретят, я не хочу брать тебя с собой. Ты подождешь меня в Ремнеце. Как только я управлюсь с делами, я за тобой вернусь, — решительно сказал Шерман, протянул мне руку, и мы начали спускаться вниз.

— Интересно, и почему мне твоя идея не нравится? — пробормотала я.

— Да ладно тебе, зато потом я буду весь в твоём распоряжении.

— Если бы! — фыркнула я, не веря в такую возможность. — Ты знаешь, я хотела бы знать, как дела у Мирлин. Да и у остальных героев нашего похода к Озеру Фей.

— Тебе это надо? — пренебрежительно фыркнул Шерман. — Ну ладно еще Мирлин. Вполне вероятно, она тоже была обеспокоена твоей судьбой. Может быть. Чего не знаю, говорить не буду. Но остальные? Да они даже не почесались, когда ты не вернулась вовремя с Озера Фей. И не захотели рисковать ради тебя шкурой. Тор в открытую сказал, что ты им не друг. И даже не попыталась стать им другом.

— А они пытались стать моими друзьями? — разозлилась я. — Что они для этого делали? И вообще... что это за ерунда? Разве можно навязаться к кому-то в друзья? Или заставить кого-нибудь быть другом насильно? Это случается само по себе, зачастую независимо от наших желаний. У тебя же тоже не было друзей, если я не ошибаюсь. Однако Лавр занял эту нишу без особого труда.

— Не смей меня! — отмахнулся норлок. — Какой же эльф мне друг? Да я порой готов был убить его! Он злил меня своими выходками, доставал своими идеями о превосходстве эльфийской расы, флиртовал с тобой прямо у меня на глазах...

— Но прощаться с ним тебе было искренне жаль, — заметила я. — Он был равным тебе. А это первый признак дружбы. А все остальное... у вас было слишком мало времени, чтобы притереться друг к другу и оценить друг друга по-настоящему. Ты даже доверил эльфу свою спину, когда трансформировался, принимая свою истинную ипостась. Помнишь? Сам же рассказывал.

— Я доверил ему гораздо большее, когда отправил убивать Шурфа, — нахмурился норлок. — И ты права. Никому другому я этого доверить действительно не смог бы. Но все-таки для друга эльф слишком наглый, самовлюбленный и бесцеремонный тип.

— На себя посмотри! — рассмеялась я. — Ты получил такого друга, какого был достоин. И я рада была бы тоже встретить такого друга. Не плохого, не хорошего, а равного мне. Такого, которого достойна я. Пусть даже недостатков у него будет гораздо больше, чем достоинств. Я не хочу соглашаться на меньшее.

— Что-то мне не нравится мысль, что у тебя может появиться друг, — тут же завелся ревнивый Шерман.

— Вряд ли это произойдет, — успокоила я его. — Лично мне с мужчинами дружить очень трудно. Практически невозможно. Они сразу начинают влюбляться. Понимаешь, я не из той породы девушек, которые умеют быть своим в доску парнем. Это не соответствует моему характеру. Так что друга-мужчины у меня, скорее всего, никогда не будет. А с женщинами я вообще предпочитаю не дружить. Насколько мне позволяет судить печальный опыт — это просто потеря времени и душевных сил. Сколько я ни пыталась заводить подруг, всё, что я от них видела — это зависть, ревность, обсуждения за спиной, злое шипение и желание отбить мужика. Даже если он ей на фиг не нужен. Просто для того, чтобы доказать, что она не хуже. Не буду утверждать, что хороших подруг нет вообще. Может быть, где-нибудь, они и есть. Но мне ни одну из таких подруг встретить не посчастливилось.

— Твою красоту трудно пережить, Брин, — заметил норлок, помогая мне перебраться через особо крупный валун. — Она заставляет терять голову. Даже Лавр не устоял, хоть и относится к людям с величайшим пренебрежением.

— Бог ты мой, Шерман, да твой Лавр бегаёт за любым предметом с ногами, даже если это табурет! У него же на лбу написано, что он кобель! Причем крупными буквами!

— Нет, Брин, — покачал головой Шерман. — Я видел, как Лавр смотрел на обычных женщин, с которыми он хотел поразвлечься. И как смотрел на тебя. Я рад, что эльф не произвел на тебя впечатления, и ты не пленилась его наружностью.

— Почему? Лавр определенно произвел на меня впечатление. Он действительно очень красив. Просто... — я задумалась над тем, как объяснить норлоку, что в моем мире, в веке компьютерной графики и пластической хирургии, любая красота — дело наживное. — Просто в своем мире я видела не менее красивых людей. И внешность эльфа не стала для меня ни открытием, ни потрясением.

И потом... как я могла потерять от эльфа голову, которую уже потеряла от норлока? Впрочем, говорить Шерману такое я не собиралась. В конце концов, я еще не совсем утратила мозги и чувство собственного достоинства, чтобы признаваться мужчине в любви первой. А в том, что это первым сделает Шерман, я сильно сомневалась. Я вообще сомневалась в том, что он это сделает. Теперь мы снова в его мире, где он принц, пусть даже незаконнорожденный, и как только Шерман прибудет во дворец, требовать соблюдения своих прав, ему тут же напомнят и о

его обязанностях. А обязанность каждого уважающего себя мужчины — продолжить свой род. И я сильно сомневалась, что я для этого буду достойной кандидатурой. Нет, я-то себя, конечно, очень люблю. И очень ценю. Но вот согласятся ли с моей оценкой собственных достоинств новообетенные родственники Шермана? И вообще... разве норлок хоть когда-нибудь говорил о своем намерении остаться со мной рядом? Что-то я не помню такого. А что это значит? Правильно. Это значит, что Шерман вернется в королевскую семью норлоков и больше я его не увижу.

Нда. Перспектива, прямо скажем, невеселая. И с этим надо что-то делать. А что? Ну, во-первых, не оставаться сидеть в этом дурацком Ремнеце. Чего я здесь не видела? Помнится, мне рекламировали некий Артлет, как город, полный всяческих достоинств? Дескать, и разные расы там живут вперемешку, и не принадлежит он ни одному из королевских домов, будучи абсолютно суверенным, и менестрель там может деньги привычные заработать... Правда, лютни своей я лишилась... но зато у меня с собой есть приличное количество денег и драгоценности. На первое время хватит. А там... там посмотрим. В конце концов, здесь вполне нормальные законы, которые позволяют женщине вести свой бизнес. А мой постоянный двор в Топлинге, помнится, неплохой доход приносил. Решено! Направимся в Артлет. А Шерман, если захочет, меня и там найдет. А не захочет... ну и скатертью ему дорога. Насильно я его рядом с собой все равно удержать не смогу. Вот бы еще караван попутный найти, чтобы одной по дорогам не шляться. Небезопасно это все-таки. Особенно с моими деньгами. Однако этим я займусь завтра. Сегодня я ни о чем серьезном думать просто не в состоянии. Ни о будущем, ни о проблемах, ни, тем более, о расставании. Может быть, когда-нибудь, я и смогу стать разумнее, хладнокровнее, рассудочнее... может быть даже, когда-нибудь я научусь относиться к Шерману спокойно. Может быть. Только не сейчас. Не сейчас, когда он близко, когда он рядом, когда он так нежен, когда он...

Вообще-то Шерман планировал покинуть Ремнец рано утром. Потом поездка отложилась на вечер. Потом еще на день. Часы пролетали один за другим, а он никак не мог расстаться с Брин. Слишком уж редко судьба давала им шанс побыть друг с другом, никуда не торопясь. И Шерман не мог этим не воспользоваться. Кто ее знает, как повернуться дела в королевском дворце норлоков. И когда он снова увидит Брин. Через неделю? Через две? Да нет, ну их к гоблинам! Какие две недели? Шерман столько не выдержит. Он вообще не хотел расставаться с Брин! Ее же никак нельзя было оставлять одну! Того и гляди, какой-нибудь очередной поклонник объявится! Норлок вздохнул, осторожно поцеловал спящую Брин и решительно вылез из постели. Существовал только один способ отбить Брин у соперников раз и навсегда — жениться на ней самому. Шерман оделся и невольно хмыкнул. Властители, до чего же могут довести глупые чувства! Вот, он уже готов жениться, хотя всегда думал, что брак — это то, что он никогда не сделает со своей жизнью. Однако медленно умирать от ревности и неуверенности в ответных чувствах Брин было еще хуже. Вспомнить хотя бы Лавра! Это хорошо еще, что Брин на него не польстилась! А если бы не устояла? Смог бы ей Шерман потом это простить? Раньше норлок отрубил бы однозначно — да никогда в жизни! А теперь... теперь он и сам не знал ответа на этот вопрос.

А Брин, кстати, была права. Шерману действительно не хватало Лавра. Эльф, конечно, был той еще сволочью, но без него определенно было скучно. Все-таки уверенность в том, что Шерман доверяет свою спину профессиональному бойцу, равному ему в умениях, была поистине бесценной. За эльфа не нужно было думать, не надо было делать скидок на его слабость или некомпетентность, с Лавром норлок испытывал непреходящее, острое ощущение опасности. Эльф заставлял его постоянно быть настороже, в форме. Шерман вздохнул. Вряд ли в своем родном мире он сможет встретить кого-нибудь, подобного Лавру. И с этим нужно было смириться.

Шерман выскользнул из города и оглянулся. Не успев расстаться с Брин, он уже начинал по ней тосковать. Жестокая богиня любви сыграла с ним злую шутку, решив подчинить его своей власти. Абсолютно, полностью, до конца. Любовь ядовитой гадюкой вползла в его сердце, и Шерман был готов на все, чтобы хоть немного утихомирить боль. Даже на добровольное рабство в виде брака. Даже на то, чтобы принести Брин клятву в своей любви и верности перед Черными Камнями. К гоблинам! Он только предъявит свои права на полагающиеся ему территории, и сразу вернется обратно! Правда, Шерман был не уверен, что Брин согласится связать себя узами брака с норлоком, но он сделает все, чтобы ее убедить! От этого слишком много зависит. Шерман нахмурился. Собственная неуверенность в чувствах Брин его раздражала. И, как бы он ни пытался ее игнорировать, выползала в самый ненужный момент. Шерман не раз и не два окольными путями пытался задать Брин интересующий его вопрос, но она ловко увиливала от ответа. А брать девиц на абордаж, так же, как торговые корабли, Шерман еще не пробовал. Кстати, неплохая идея... если учесть фактор неожиданности, вполне может сработать. Правда, Шерман ни разу не слышал, что любовь девушки можно завоевать с абордажной саблей в зубах... но чем гоблин не шутит.

Найти караван до Артлета оказалось проще простого. А вот на то, чтобы туда добраться, у меня ушло больше недели. Впрочем, когда мы прибыли, я не пожалела о потерянном времени. Артлет действительно был огромен. И великолепен. Он бурлил, переливался многоголосьем и был полон жизни. Да, тут я действительно смогу хорошо устроиться и продолжить свою карьеру менестреля. И по дорогам шляться не нужно. Буду переходить из одного района города в другой, меняя слушателей с гномов на троллей и с вампиров на оборотней. Так, глядишь, и недостающую сумму подкоплю. Эх! Вообще-то я рассчитывала, что мне хватит уже имеющейся суммы денег. Но открыв кошель, я увидела, что золото оттуда просто испарилось. Тьфу! Неужто это еще один дурацкий Закон Магии? А я-то губы раскатала, что буду вся из себя богатая. Хорошо хоть драгоценности остались да несколько медяков. Хватит на то, чтобы снять комнату на постоялом дворе и купить себе лютню. Надеюсь, что лютни-то здесь нормальные продают! Я вспомнила свой первый опыт покупки музыкального инструмента и фыркнула. Да уж, баракло нам с Мирлин тогда впихнули несусветное. Хорошо хоть конкурс менестрелей под руку подвернулся. Кстати, теперь я понимаю, почему было так мало желающих в нем поучаствовать. На фига менестрелю нужен королевский контракт? Даже за приз в виде лютни великого мастера.

Надо сказать, что мои надежды на щедрость граждан Артлета оказались не напрасными. Поскольку мне повезло достать довольно приличную лютню, вскоре меня начали приглашать к себе на домашние концерты зажиточные граждане, оплачивая это удовольствие весьма щедро. А буквально через неделю моего пребывания в славном городе меня нашла Мирлин. Господи, как же я ей обрадовалась! Оказалось, что Мирлин вместе с варшем и Туром тоже живут в Артлете, и тоже выступают. Продав повозку и воспользовавшись частью оставшихся у меня денег, парочка купила вполне приличный дом на окраине. Мирлин тут же добавила, что теперь они достаточно состоятельные, чтобы вернуть мне долг, и что она рада будет, если я буду появляться у них в гостях. Вообще-то Мирлин мне и переехать предложила, но я перебираться на окраину не захотела. Да и вообще — что людям мешать? Правда, судя по присутствию варша в доме, Тур еще так и не созрел для семейной жизни, но все равно лезть в чужие, уже сложившиеся отношения, не было никакого желания. Поэтому я пообещала, что как-нибудь зайду в гости и спросила, где моя лютня. Оказалось, что и мой инструмент, и мою половинку золотой монеты и даже мои вещи Мирлин сохранила в целости и сохранности, не взирая на уговоры Тура, и я могу прийти взять их в любое время. Надо ли говорить, как я этому обрадовалась?

— Слушай, а как поживает Тор? И тролли? — поинтересовалась у Мирлин я.

— Тор и Мимел сейчас сражаются с эльфами где-то на западе. А Манка нанялась... нанялся к Яргелу в охрану. После того, как королевский дом оборотней лишился норлока, у них начались проблемы.

— Так им и надо! — мстительно сказала я.

— Тур сказал то же самое, — улыбунулась Мирлин. — Кстати, хочу тебя пригласить составить нам компанию. Градоправитель лорд Верен пригласил нас на день рождения своей дочери, леди Алисы, выступить перед гостями. Не хочешь с нами пойти? Леди Алиса слывет покровительницей искусств. А у города нет своего менестреля. Понимаешь, к чему я клоню? Ты могла бы стать знатной, уважаемой всеми особой.

— И наверняка заработать немало денег, — алчно добавила я. — Думаю, что работа главного и единственного городского менестреля должна неплохо оплачиваться.

— Я тоже так думаю, — согласилась со мной Мирлин.

Шерман прикрыл глаза и, откинувшись в кресле, продолжил слушать нотацию своего отца. Отца! Ха! Шерман настолько привык, что у него нет и никогда не будет семьи, что менять устоявшиеся взгляды ему было сложно. Оказалось, что титул принца-бастарда помимо положенных земель несет с собой такую кучу обязанностей, что от одного только перечисления их у Шермана занули зубы. Нет, он не чувствовал себя готовым нести ответственность за свой род и жертвовать ради него чем бы то ни было. Как ни странно это было признавать, Шерман вообще не чувствовал себя норлоком. И это ощущение было неприятным. Прожив много лет среди других рас, Шерман привык считать себя представителем сильной и опасной расы. Однако теперь, оказавшись среди норлоков, он понял, что совершенно не похож на своих собратьев. Он недостаточно жесток, недостаточно агрессивен и недостаточно амбициозен. К тому же, пообщавшись со своими родственниками, Шерман понял, что никогда не будет для них своим. Ему не простят рабства. Можно подумать, он пошел на это добровольно! Его отец сам сделал выбор из двух своих сыновей, отдав в рабство именно Шермана. Напрасно, кстати. Наследник все равно не дожил до совершеннолетия, разбившись в горах при невыясненных обстоятельствах. А нового наследника корона еще не указала. Хотя ее перемерили всем, даже Шерману, как только он появился во дворце. Что толку мерить? Когда наступит время, корона окажется на нужной голове. Значит, наследник еще не родился. И нужно ждать. В истории норлоков такое случалось не впервые.

Шерман вздохнул и открыл глаза. Нотация отца была последней каплей в чаше его терпения. К гоблинам титул принца-бастарда! Нечего ему делать у норлоков. Лучше уж он вернется к своей обычной жизни. По крайней мере, среди других рас Шерман сможет быть не презируемым отпрыском королевской семьи, а норлоком, внушающим страх и уважение. Да, это будет наилучшим выходом. Потому что среди норлоков Шерман жить просто не сможет. И уж тем более, здесь не сможет жить Брин. А отказываться от нее ради титула и власти, которые не принесут ему никакого удовольствия, Шерман не собирался. Думается, и король будет доволен, если неудобный отпрыск уберется с глаз долой. Возможно даже, выделит деньги, чтоб больше никогда в жизни не видеть своего сына. Ну, что ж. Шерман вполне может доставить ему такое удовольствие.

Щедрость короля, обрадованного решением Шермана, оказалась воистину безграничной. Этих денег вполне должно было хватить на приличный дом в каком-нибудь провинциальном городке. Ну а если Брин захочется чего-то большего... что ж... у Шермана есть меч. И он еще не

разучился зарабатывать им деньги. Главное — уговорить Брин связать с ним свою жизнь. А остальное уже не так важно. Шерман летел в Ремнец на всех парах, проклиная королевский двор, задержавший его почти на месяц. Как норлок ни порывался периодически доехать до Брин, король-отец не отпускал его от себя ни на шаг, постоянно заваливая какими-то делами и поручениями. Шерман, правда, отправил с голубиной почтой несколько писем, но, не получив ответа, заметно нервничал. Ремнец, конечно, город спокойный, но вдруг с Брин что-нибудь случилось?

Случилось... ха! Ну разумеется, случилось! Все свои письма Шерман писал в пустоту. Брин не стала ждать его целый месяц. Она не прождала и двух дней. Как только Шерман уехал к норлокам, Брин тут же с ближайшим караваном отправилась в Артлет. Почему? Ну почему она это сделала? Он послал все к гоблинам, приехал за ней, а она ускользнула! От ярости Шерман был просто вне себя. Чтобы дать волю душившему его бешенству, он рванул камзол на груди, не обращая внимания на пуговицы, которые запрыгали по паркету, как горошины по барабану. Судорожными движениями он раздергал в лохмотья кружево рубашки, а подвернувшееся ему по пути кресло полетело кувырком от свирепого пинка. Боги и Властители! Да что же это такое-то, а? Да почему же его заклинило на этой женщине? Ведь есть же сотни других, почитающих за счастье согреть его постель! Они не будут бегать от него! Напротив — станут всячески ему угождать! Да что он, похож на героев рыцарского романа, которые вздыхали по 20 лет, чтобы получить в подарок старую перчатку? Да Шермана бесили все эти рыцарские увертки — способность испускать томные вздохи, ворковать о любви, подкупать служанок, взбираться по веревочным лестницам и обнажать меч при встрече с соперником! Да это тяжкое ремесло не окупается даже любовью тысячи женщин! Шерман никогда не занимался подобными глупостями и не собирался начинать это делать. Да плевать!

Шерман встрепенулся. Нет! Ему отнюдь не плевать! Он должен найти Брин и выяснить, наконец, с ней отношения! Любит ли она его? Хочет ли связать с ним судьбу? Чего она вообще хочет?! Цветы? Серенады? Рыцарские турниры? Шерман был готов пойти даже на такое сумасбродство. Весь вопрос был в том, хватит ли этого, чтобы завоевать Брин? Норлок в этом сомневался. Он вообще сомневался, что Брин можно завоевать. Но выяснить с ней отношения было просто необходимо!

Легко сказать... а как это сделать, если Брин постоянно окружена кавалерами? Если она стала официальным городским менестрелем? И когда только успела... Дворец градоправителя, в котором теперь обитала Брин, охранялся так, что внутрь норлок, при всех своих умениях, проникнуть так и не смог. А посылать Брин записок он не хотел. Шерман любил появляться неожиданно. Врасплох. И на сей раз не собирался изменять своим привычкам. А потому вынужден был следить за свитой леди Алисы (в числе которой была и Брин) издалека.

В понедельник они ездили на пикник.

Во вторник катались в карете.

В среду собирали колокольчики.

В четверг удии рыбу в озере.

В пятницу танцевали на импровизированном музыкальном вечере.

В субботу Шерман проснулся с желанием кого-нибудь убить. Дальше так продолжаться просто не могло!

На счастье норлока, в воскресенье градоправитель лорд Верен решил устроить городские

гулянья. Планировались танцы, фейерверки и (конечно же!) выступление менестреля. Это определенно был шанс! У Шермана даже поднялось настроение. Ненадолго. До тех самых пор, пока он не увидел Брин. Нет, он, конечно, рад был ее видеть, но не в окружении целой толпы кавалеров, глазеющих в вырез ее платья! А поглазеть там было на что. Вырез корсажа приоткрывал соблазнительные плечи, а тесный корсет приподнимал грудь. «Нет смысла говорить, что на ней слишком смелое платье, — угрюмо отметил про себя Шерман. — Все женщины в свите леди Алисы носят такие платья, сшитые из тонкой ткани, с низким вырезом и высокой талией, что заостряет внимание на груди. Но грудь Брин не нуждается в том, чтобы ее подчеркивать!» Шерман ощутил неистребимое желание схватить любимую женщину в охапку, запереть в самой дальней комнате, и никуда ее оттуда не выпускать.

Я увидела Шермана уже ближе к концу своего выступления. Сердце замерло, а потом начало бешено колотиться, выскакивая из груди. Он приехал! Не остался у норлоков, а приехал за мной! Значит, я действительно ему нужна! Это открытие настолько меня порадовало, что я едва не сбилась с ритма. Господи, как же я скучала по этому синеглазому чудовищу! Шерман, даже в своей истинной ипостаси, был для меня нужнее и важнее чем все остальные кавалеры вместе взятые. Нет, ну это же надо было так влюбиться... до потери рассудка, до пляшущих в голове звездочек, до дрожи в руках! Уж я ли не пыталась избавиться от собственных глупых чувств, обратив свой благосклонный взор на достойных рыцарей и почтенных лордов? Бесплезно. Кроме Шермана мне просто никто не был нужен. И одна мысль о том, что мне придется делить свою жизнь с каким-нибудь другим мужчиной, доводила мне до истерики. Шерман появился вовремя. Думаю, еще немного, и я вполне могла бы отправиться за ним сама. Прямо к норлокам.

Впрочем... мое хорошее настроение продолжалось недолго. Ровно до того момента, когда норлок, протискиваясь ко мне, попал в окружение фрейлин леди Алисы. Вот ведь стервы крашенные, а? Если вы все поголовно эльфийки, значит вам всё можно? Перья бы вам повыщипывать изо всех мест! И Шерман тоже хорош, кобель несчастный... сейчас он доберется до меня, и я все ему скажу, что о нем думаю! Он у меня на всю жизнь заречется улыбаться посторонним женщинам. Ишь, как разошелся! Правильно... в свите леди Алисы красоток, как осликов в базарный день. А Шерман — здоровый мартовский котяра, для которого круглый год — сплошной март.

— Забавляешься, преследуя прекрасных дам? — ядовито поинтересовалась я, как только норлоку удалось, наконец, подойти ко мне ближе.

— Это они меня преследуют, — буркнул Шерман, тщетно пытаясь поправить растрепавшуюся одежду. — И не смотри на меня так! Я не виноват, что эти эльфийки такие озабоченные!

— Какое это, должно быть, суровое испытание — оказаться загнанным в угол дамами, млеющими от желания быть соблазненными, — фыркнула я, с трудом сдерживая смех.

— Брин, это не смешно! — разъярился Шерман. — Я уже битую неделю пытаюсь к тебе пробиться, а ты, вместо того, чтобы поздороваться, издеваешься надо мной! Я просил тебя подождать в Ремнеце, пока я вернусь. Почему ты не выполнила мою просьбу? Заскучала по ухаживаниям богатых кавалеров?

— Что? — возмутилась я.

Похоже, наше выяснение отношений грозило перейти в глобальную ссору. Мы оба буквально клочкотали от злости и смотрели друг на друга как два шипящих кота. Первым комичность

ситуации почувствовал Шерман. И когда я увидела, как уголок его рта предательски пополз вверх, я тоже не выдержала, и мы расхохотались.

— Я по тебе скучал, Брин, — прошептал норлок, поймав меня в объятия и осыпая поцелуями.

— Я тоже по тебе скучала, — призналась я.

— Я снял комнату на постоялом дворе. Надеюсь, леди Алиса обойдется без тебя этой ночью? И еще парочку дней? — тут же перешел в наступление норлок.

— Зачем тащиться на постоянный двор, когда дворец ближе? — улыбнулась я. — Только чур, я первая в ванну! Дикое количество грима, которое принято носить на себе при дворе леди Августы меня просто убивает, — созналась я. — Я хочу умыться как можно быстрее.

— Как скажешь, — подозрительно легко согласился Шерман.

Вот оно что... а я-то думала — чего это норлок стал такой покладистый? А он со мной вместе в ванну решил отправиться. Ну уж нет. На сегодняшний вечер у меня для тебя, радость моя, другие планы. И нечего так призывно смотреть на меня своими синими глазищами!

— Отвернись, — скомандовала я норлоку.

— Издеваешься? — совершенно искренне возмутился Шерман. — Да какой мужчина в здравом уме от такого отвернется?!

— Отвернись! У меня сюрприз для тебя.

Надо же... подействовало. Это хорошо. Потому что у меня действительно был для Шермана сюрприз. Заехав как-то вечером к Мирлин, помимо лютни я вернула себе и свою одежду, в том числе принесенную из своего мира. Помнится, когда я спасала Шермана от гнева рогатого виконта Мессера, мой сексапильный наряд произвел на норлока неизгладимое впечатление. Еще бы! В средневековье такого белья не шьют. Ну и почему бы не доставить удовольствие любимому мужчине, раз уж подвернулся такой удобный случай? Кружевное нижнее белье, тонкая сорочка, расшитая бабочками, легкий пеньюар... пожалуй, я готова.

— Повернись, — разрешила я, наконец, норлоку.

Ой, а глазки-то, глазки-то как заблестели! Искренний восторг, неприкрытое вожеление, сметающая все на своем пути порывистая страстность... хм... спрашивается, а зачем вообще я одевалась?...

Эльтель смотрела в магическое зеркало и в бессильной злобе кусала губы. Ну что, что Шерман нашел в этой безродной девице? Норлок отверг ее, эльфийскую принцессу, он не польстился ни на одну из ее фрейлин, принадлежавших к знатым и богатым родам, и все ради чего? Ради обычной человеческой девушки? Эльфийка прикрыла глаза, не в силах смотреть на картину спящей в объятиях друг друга парочки. Сильные руки обнимают хрупкую фигурку, прижимая ее к себе, защищая... Властители! На месте этой девицы должна была быть она, Эльтель! Эльфийка бы пережила даже истинную ипостась норлока. Менестрель же пережила! Как там бишь ее? Брин? Странно, кстати... люди обычно бояться представителей Высших рас (если это, конечно, не эльфы), а эта девица даже не заставила Шермана сменить ипостась прежде, чем впустила его в свою постель. Неужели ей было все равно? Неужели она совсем не боялась норлоков? Да, конечно, Эльтель помнила, что Брин пришла из другого мира, но тем не менее...

Эльфийка сердито погасила экран и отошла от зеркала. Идея выкупить заклятье поиска у мага и найти Шермана была глупой. И не принесла Эльтель ничего, кроме уязвленного самолюбия. Впрочем, после того, как она решила воспользоваться медальоном, все пошло наперекосяк. Ее желание прекратить войну с эльфами почему-то не исполнилось, а Шерман... Шерман стал свободен. Властители, как же Эльтель ненавидела Яргела за то, что тот отказался выкупить норлока и отрекся от него! Цена была высокой. Немыслимо высокой. Однако Шерман того стоил! Эльтель досадливо поморщилась. Теперь она не могла ни контролировать норлока, ни приказывать ему, ни даже называть его истинным именем. Шерман был для нее потерян. Конечно, если быть справедливой, следовало бы признать, что он ей никогда и не принадлежал... но раньше у эльфийки хотя бы была надежда, что рано или поздно Шерман устанет бороться и сдастся, что она найдет способ заставить его забыть обо всем... Однако Властители распорядились иначе. Норлок был свободен. Точнее, уже НЕсвободен, поскольку носил украшение Брин. И это тот самый Шерман, который презрительно отзывался о рыцарстве!

Эльтель потихоньку вернулась в супружескую спальню и погасила свечу. Яргел никогда не говорил с ней об этом, но она знала, что он и сам жалеет о своем отречении от Шермана. После того, как королевский дом оборотней потерял норлока, начались проблемы. Шермана слишком боялись, чтобы чересчур откровенно запускать руки в казну или устраивать покушения на короля. Теперь Яргелу приходилось держать рядом с собой целый штат телохранителей, возглавляемых троллем по имени Манк. Кажется, он тоже участвовал в аванюре с медальоном? Эльтель не помнила. Она знала только, что часть бывшей королевской труппы сражается на западе с эльфами, а часть осела в Артлете. Где не замедлили появиться и Брин с Шерманом. Причем менестрель, кажется, обосновалась в городе всерьез.

Эльфийка самодовольно улыбнулась в темноту. Все равно Шерман не останется с этой девицей надолго. Такой бабник, как он, вообще не способен хранить верность одной женщине. Да и потом... Шерман же свободен, а значит, может воспользоваться своим титулом принца-бастарда и вернуться к норлокам. Власть, влияние, признание... норлок был не так глуп, чтобы от этого отказаться. И понимание этого доставляло Эльтель истинное удовольствие. Соперницу королевской крови было пережить гораздо проще, чем обыкновенную человеческую девушку.

Шерман вертел в руках шнурок, украшавший когда-то волосы Брин, и думал, что ему делать дальше. Сделать девушке предложение руки и сердца оказалось гораздо труднее, чем ему это представлялось. Брин отнеслась к его предложению настолько легкомысленно, что Шерман сделал логичный вывод, что она просто не восприняла это предложение всерьез. Почему? Что он сделал неправильно? Опыта в данном деле у норлока не было, а потому он был зол до крайности. Как, ну как еще он должен сказать, что хочет связать с ней свою жизнь? Что хочет всегда видеть ее рядом? Что это не сиюминутная прихоть, а взвешенное, обдуманное решение? Властители, да он жить без нее не может! Неужели Брин этого не видит? Тогда как сделать, чтобы она это поняла? Ответ на вопрос пришел норлоку в голову сам собой, и совершенно ему не понравился. Однако другого способа убедить Брин в серьезности своих чувств он просто не видел. Если женщинам так требуется, чтобы ради них совершали подвиги и валяли дурака, он готов на это. В конце концов, ничего с ним не сделается от одного рыцарского турнира... и от этого тоже с ним ничего не сделается! Шерман решительно натянул шнурок Брин и завязал его вокруг своей шеи. И наплевать, как на это посмотрят все остальные! А если кто-нибудь захочет посмеяться над его ошейником добровольного рабства... ну, что ж... пусть попробует.

Однако зрелище завязанного на шее у норлока черного шнурка вызвало у окружающих не смех. Потрясение. Они мотали головой, щипали себя и отказывались верить собственным глазам! Последним мужчиной, отважившимся нацепить на себя подобный ошейник, был

воспетый в песнях великий герой Барбант. И большая часть слушателей подобных песен склонялась к мысли, что это все-таки выдумка. Да какой мужчина в здравом уме прилюдно признает себя женской собственностью? Однако решившийся на подобный поступок норлок, казалось, не замечал изумленных взглядов. Он преклонил колени перед леди Алисой и, в соответствии с положенным церемониалом, испросил дозволения сражаться на рыцарском турнире ради Брин. Несколько растерявшись от неожиданности Алиса разрешение дала.

И кто бы мог подумать, что рыцарские турниры — это не только несусветная глупость, но и такая рутина! Оказалось, что кодекс рыцарей включает в себя столько правил и законов, что их невозможно было даже запомнить, а не то, что выполнить! Напыщенные фразы раздражали Шермана донельзя, а очевидная глупость некоторых ограничений просто вводила в ступор. Норлок тоскливо выслушал все правила и принялся эмоционально перечислять всех предков безголовых идиотов, додумавшихся до светлой идеи рыцарских турниров. Заодно он красочно описывал весьма непростые, а под час и вовсе экзотические отношения, в которых состояли упомянутые идиоты, причем не только между собой, но и со всевозможными представителями животного мира, а так же с частью боевой амуниции. Властители, во что он ввязался, а? Шерман вздохнул. Оставалось надеяться, что теперь-то Брин поймет, что его намерения по отношению к ней действительно серьезны.

Когда мне сказали, что Шерман собрался сражаться на рыцарском турнире, да еще и заявив меня своей дамой сердца, я не поверила. В конце концов, норлок был слишком разумен, чтобы так глупо рисковать своей жизнью. Ну и потом. Разве не он постоянно твердил на каждом углу, что рыцарские турниры — это полный идиотизм? И что означали эти странные взгляды, которым окидывали меня придворные леди Алисы? Впрочем, это я скоро выяснила. Оказалось, что Шерман теперь носил подаренный мной шнурок не на камзоле, как раньше, а на шее. Ну и что тут такого? Да хоть бантиком на гребне! Хотя... постоите-ка... помнится, когда я только вплела этот шнурок в волосы, мне рассказывали, что мужчина может носить полученное из рук женщины украшение на шее. Вот только случалось это, мягко говоря, не часто. А Мимел так вообще был уверен в том, что это сказки, ибо носить шнурок на шее для любого уважающего себя мужчины было ниже его достоинства. Так почему же Шерман одел? С ума я сойду с этим норлоком! Может он хоть раз в жизни, по-человечески, со мной объясниться?! Не ходить вокруг да около, а сказать, наконец, чего он хочет! Потому что его фразы типа «я буду с тобой рядом» или «я останусь с тобой» лично мне вообще ни о чем не говорят, кроме того, что я норлоку нравлюсь. Так я и без всяких фраз об этом знаю! А дальше-то что? Зачем Шерман нацепил на шею шнурок? Какого черта потащился на рыцарский турнир? Чего он хочет доказать этим? Свои чувства? А обычным способом их выразить никак нельзя? Поговорить там... объясниться в конце концов! Ну, попадись ты мне только навстречу, рыцарь несчастный! Я тебе устрою турнир!

— Шерман! Ты меня в гроб вгонишь своими выходками! — всплеснула я руками, глядя на помятого норлока. — Ну чего тебя на этот турнир потащило? Чего ты забыл там? Жить надоело?

— Я сделал это ради тебя, — тут же набычился Шерман.

— А ты меня спросил, надо мне это или нет? — возмутилась я.

— А чего тебе надо, Брин? — с отчаяньем спросил Шерман. — Я не понимаю тебя! Я сказал тебе, что я буду с тобой рядом, а ты это даже всерьез не восприняла!

— А что было в этой фразе такого, чтобы ее воспринимать всерьез? — удивилась я. — Что

означает твое «буду рядом»? Рядом где? В качестве кого?

— Разумеется, в качестве мужа! — вспыхнул норлок.

— Разумеется? — поразила я. — Для кого разумеется? Ты мне сказал, что ты меня любишь? Ты мне предложение нормальное сделал? Ты вообще хоть что-нибудь сказал? Господи, Шерман, да мне вовсе не нужно, чтобы ты сражался ради меня на рыцарских турнирах. Или носил шнурки на шее. Мне нужен ты, живой и здоровый!

— Я тебя люблю, Брин, — выдохнул норлок. — Ты станешь моей женой?

Господи! Наконец-то! Ну конечно стану! Синеглазое чудовище... Шерман... единственный мужчина, с которым я считалась, которого не могла игнорировать, через которого не смогла преступить, от которого не смогла отказаться. Единственный мужчина, который мне нужен! Однако... от меня ждут ответа...

— А как же титул принца-бастарда и земли норлоков? — закинула удочку я, желая прояснить свое будущее.

— Да к гоблинам их всех! — нетерпеливо отмахнулся Шерман. — Не хочу я там жить! Мы останемся в Артлете. Ну так что, Брин? Я жду ответа. Ты станешь моей женой?

— Да. Я тоже тебя люблю.

Нет, ну что за народ, а? Поцеловаться спокойно не дадут, сразу с поздравлениями лезут. Да успеете вы нас поздравить, успеете еще! Отстаньте! Не судьба... вот что значит, дворец градоправителя. Обязательные условности и непрменный этикет. А какие у леди Алисы глазки любопытные... наверняка, только и ждет момента, чтобы расспросить меня в уютной обстановке, как мне удалось настолько очаровать Шермана. И что мне рассказывать? Отделаться общими фразами? Романтичная Алиса таким ответом вряд ли удовлетворится. Как пить дать начнет расспрашивать историю наших с Шерманом романтических взаимоотношений. Типа где познакомились и как он за мной ухаживал. Как, как... обычно... для норлока. Шантажировал, угрожал и целовал до беспамятства.

— Думаю, нам нужно сбежать из дворца, пока они не задушили нас своим вниманием, — озвучил мою мысль Шерман.

— Боишься? — невольно фыркнула я.

— Ради тебя я готов вытерпеть даже это, — вздохнул Шерман. — Я действительно люблю тебя, Брин. Понимаю, что слышать это от меня несколько дико, но это правда. И я готов доказать тебе это. Что ты хочешь? Луну? Звезды? Голову дракона? Что тебе подарить, что сделать, чтобы ты поверила? Хочешь, я дам клятву своей любви и верности у Черных Камней? Хочешь, я псом у ног твоих лягу?

— Не надо псом. Просто будь рядом, — прижалась я к норлоку. — И клятв твоих мне тоже не надо. Я хочу, чтобы ты был со мной по собственной воле, а не потому, что тебя держат какие-то Камни.

Шерман обнял любимую женщину и прикрыл глаза. Он был счастлив. Безумно счастлив. Настолько, что даже боялся в это поверить. Напрягало норлока только одно — он очень боялся, что несмотря на все заверения Лавра, Властитель Таштен все-таки сможет его найти. И

отомстить. И что месть эта вполне может коснуться Брин. Норлок невольно вздрогнул и до боли стиснул Брин в своих объятиях. Он будет сражаться за эту женщину. Отчаянно. До конца. До последней капли крови. И если Властителю вздумается ее отнять... тем хуже для Властителя.

Если бы Таштен знал, о чем думает Шерман, он смог бы только горько усмехнуться. Какая месть? Лишившись своего накопителя, Властитель был практически бессилён. И как бы он не хотел примерно наказать норлока, который обвел его вокруг пальца, сейчас Таштену было явно не до этого. И в ближайшую пару сотен лет положение вряд ли изменится. Боги, ну кто же мог знать, что этот Лавр сможет воспользоваться медальоном, чтобы совершить перенос в другой мир? Да еще и прихватить с собой накопитель? Последнее, впрочем, вряд ли было идеей эльфа. Сработал обычный закон подлости. Медальон, которым воспользовались, как магом-вещью, взял себе в качестве платы возможность самому выбрать интересный для него мир. Тьфу! Сколько раз Таштен зарекался пользоваться изделиями Высших рас? Вечно они ведут себя не так, как следует! Интересно, куда же теперь переместился накопитель? Вряд ли решил вернуться в мир Шермана, там бы его Таштен быстро учуял. И вернул себе. Скорее всего, последовал за Лавром. И, как пить дать, «прицепится» теперь к какому-нибудь сильному магу. И угораздило же эльфов создать магическую вещь с характером! Впрочем... то, что накопитель не достался Панеку, было уже хорошо. А силы... ну, что ж. Таштен их накопит. В конце концов, это с ним случается не в первый раз. В крайнем случае, продаст выигранный у Панека мир кому-нибудь еще. Все равно на то, чтобы контролировать его, у Таштена пока не хватало сил. Так что всё, что оставалось делать Властителю — это погрузиться в изучение рукописей, постепенно копить магическую энергию и ждать своего часа.

Пять лет спустя...

Осень была теплой. Ласковой, золотистой и светлой. Мы с Шерманом лениво лежали прямо на ковре, подоткнув под бока мягкие подушки, и любовались кружившими в воздухе хрупкими разноцветными листьями. Они влетали в открытые окна, с мягким хрустом опускались на пол и, подхваченные порывом теплого ветра, вновь уносились прочь. Шерман собственнически положил лапу на мой округлившийся животик и шептал мне на ухо какие-то нежные глупости. Было уютно, тепло и тихо... подозрительно тихо.

— Что-то Корина не слышно, — напряглась я.

И действительно. Из соседней комнаты не доносилось ни шума, ни стука, ни даже возни. Ну что за ребенок? На минуту нельзя оставить! И куда, спрашивается, смотрит няня? Зачем мы вообще ее наняли, если мне все равно всё приходится делать самой?

— Пойду, посмотрю, что там...

Шерман с неохотой выпустил меня из объятий и тоже решил посмотреть, в чем дело. Не напрасно. Потому что увиденная картинка того стоила.

— Шерман, по-моему, у нас неприятности... — замерла на пороге я, не в силах поверить собственным глазам.

— И еще какие, — выдохнул стоявший у меня за спиной норлок.

Нанятая следить за ребенком няня дрыхла самым бессовестным образом, а наш трехлетний сын Корин не ходил на голове (что было его обычным времяпровождением) только по одной

причине. Он был занят. С огромным интересом и терпением, достойным лучшего применения, Корин пытался согнуть зубцы у королевской короны, невзвест как оказавшейся в его комнате. Занятие было настолько увлекательным, что сын высунул язык и усердно пыхтел. Однако корона, сделанная из светлого металла и украшенная драгоценными камнями, его усилиям не поддавалась.

— Это то, что я думаю? — сложила я руки на груди, вспомнив «милый» обычай норлоков доверять короне выбор наследника престола. — Хрен они угадали! Я им своего сына не отдам!

— Вообще-то, Корин и мой сын тоже, — напомнил мне Шерман. — И я отдавать его во дворец тоже не имею никакого желания. Вопрос только в том, как нам это объяснить норлокам.

— Представления не имею, — честно созналась я.

Солнечный осенний луч упал на королевскую игрушку сына и, отразившись, рассыпался сотней солнечных зайчиков. Нда. А я-то думала, что наши приключения уже закончились. Наивная...